

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

МАСТЕРА БУДО

ЙОН БЛЮМИНГ

ОТ УЛИЧНОГО ХУЛИГАНА
ДО ДЕСЯТОГО ДАНА

МАСТЕРА БУДО

Йон Блюминг

**ОТ УЛИЧНОГО ХУЛИГАНА
ДО ДЕСЯТОГО ДАНА**

Будо-Спорт

**Москва
2004**

Предисловие президента ассоциации «Московский будокан» С.А. Косоротова

Я с большой радостью и с глубоким чувством гордости представляю русскоязычному читателю книгу мемуаров моего друга, выдающегося мастера будо Йона Блюминга «От уличного хулигана до десятого дана».

Эта книга знаменитого голландского дзюдоиста и каратиста представляет собой совершенно уникальное явление в мире литературы по боевым искусствам, потому что, пожалуй, никому более не доводилось тесно общаться с таким числом знаменитостей будо, как Блюмингу.

А ему посчастливилось быть учеником таких легендарных мастеров, как дзюдоисты Мифунэ и Канэмицу, великий мастер меча Курода Ититаро, основатель «сильнейшего каратэ» Кёкусинкай Ояма Масутацу и «Кот» Ямагути. Дружить и соперничать с величайшими спортсменами своего времени — олимпийскими чемпионами Инокума Исао и Антоном Геесинком. Стать основателем европейского каратэ Кёкусинкай и сыграть ключевую роль в его становлении. Воспитать целую плеяду выдающихся мастеров различных единоборств, в том числе двукратного олимпийского чемпиона по дзюдо Виллема Рюску, многих грозных мастеров каратэ и различных версий кикбоксинга, победителей самых разных турниров, в том числе по боям «без правил».

На протяжении полувека Блюминг был в самой гуще событий мирового движения будо, и сегодня его свидетельства представляют огромную историческую ценность. Тем более что автор мемуаров стремился рассказать обо всех эпизодах, имевших зачастую судьбоносное значение для самых крупных и уважаемых международных организаций и школ, максимально честно и подробно, не боясь поколебать чей-то авторитет. В этом отношении книга «От уличного хулигана до десятого дана» не имеет никаких аналогов, стоит особняком среди всяческих «автобиографий» чисто пропагандистского толка. Она показывает не только красивую обертку будо, какую видит непосвященный, но реальную, обычно скрытую жизнь этого интереснейшего, но очень сложного мира.

Однако мемуары Блюминга ценны не только как исторический документ, но и как чрезвычайно важное, интересное и правдивое повествование о становлении и развитии мастера будо, с которым будет очень полезно познакомиться каждому, кто стремится к достижению мастерства

в боевом искусстве. Далеко не каждый спортсмен отважится так честно рассказать о пережитом страхе и о том, как этот страх преодолевал и преодолел ли. Как выходил из кризисных ситуаций, когда кажется, что никакого выхода уже нет. Как заставлял себя работать через «не могу». Как находил в себе силы, чтобы снова выйти на татами после тяжелой травмы. Думаю, еще никто и никогда не рассказывал так откровенно о своем жизненном пути—пути познания будо, как это сделал Блюминг.

В последние годы Йон Блюминг—частый гость в России. Уже становятся традицией его семинары в крупнейшем московском центре изучения и практики будо—«Московском будокане». И хотя мастеру уже семьдесят, он и сегодня в подтверждение своих слов способен продемонстрировать высочайший класс и в дзюдо, и в каратэ.

Каждая тренировка под руководством Йона, которого лично я считаю одним из своих учителей, приносит массу неожиданных открытий даже для самых подготовленных его учеников—мастеров мирового класса. И я счастлив, что имею возможность учиться у этого блестящего специалиста, внесшего поистине огромный вклад в развитие спортивных единоборств на европейском и даже мировом уровне.

С чистым сердцем рекомендую всем читателям книгу Йона Блюминга «От уличного хулигана до десятого дана» в полной уверенности, что и спортсмены, и тренеры, и организаторы спорта смогут найти в ней массу полезного—того, что будет способствовать прогрессу будо в России, а в конечном итоге—физическому и нравственному оздоровлению нашего общества.

Сергей Косоротов,
ЗМС СССР, чемпион мира и Европы по дзюдо, 7-й дан,
президент ассоциации «Московский будокан»

**СЕМИНАР ПО БУДО
ПОД РУКОВОДСТВОМ ЙОНА БЛЮМИНГА
В «МОСКОВСКОМ БУДОКАНЕ».
АПРЕЛЬ 2004 Г.**

Инструкторы семинара: Йон Блюминг, президент Международного союза Будокай-кан, 10-й дан Кёкусинкай каратэ, 9-й дан дзюдо; Сергей Косоротов, президент ассоциации «Московский будокан», ЗМС СССР, чемпион мира и Европы по дзюдо, 7-й дан; Александр Арабаджиев, кёси Дай Ниппон бутoku кай, официальный координатор деятельности международного отделения Дай Ниппон бутoku кай в России, официальный представитель UKJJA в России, 6-й дан джиу-джитсу и кобудо.

Самое темное место на земле—между ушами, потому что там совершенно свободно бродят мысли, и их поведение непредсказуемо!

Йон Блюминг

Мое решение знаменитой дзэнской загадки «Как звучит хлопок одной ладони?»: очень просто—удар сётэй по щеке противника!

Йон Блюминг

Если ты не уважаешь своего учителя,
то как можешь рассчитывать на уважение
своих учеников в будущем?

Йон Блюминг

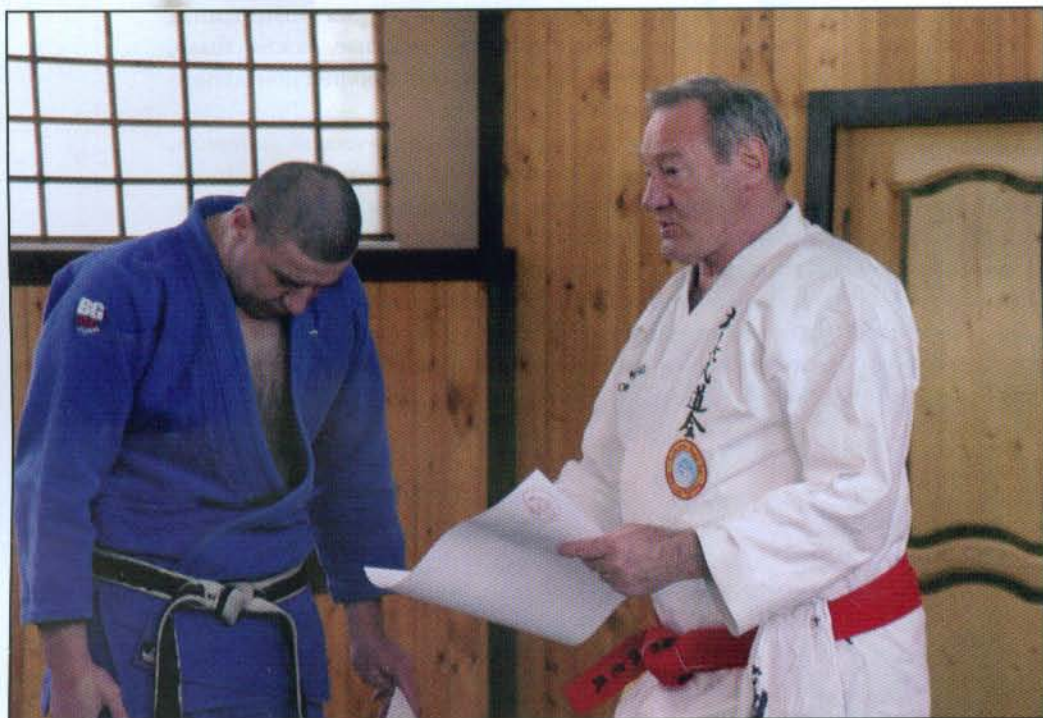
Чем более предан тренировкам ученик,
тем больше у него прав.

Йон Блюминг

Будо без сердца-кокоро — пустая скорлупа!

Йон Блюминг

От переводчика

Предлагаемое вниманию читателей русское издание книги Йона Блюминга «История Йона Блюминга. От уличного хулигана до десятого дана» является совершенно оригинальным и не имеет аналогов.

При его подготовке было использовано не только двуязычное (на голландском и английском языках) амстердамское издание (без указания года и издательства—фактически, самиздат), но и редакция этой книги, подготовленная большим другим издательством «Будо-спорт» известным американским исследователем истории единоборств Джо-зефом Свинтом, материалы, не вошедшие в амстердамское издание, а также собранные в процессе интервьюирования автора.

В результате сведения в один текст всех имеющихся материалов и документов, уточнения дат и мест первоначальный текст мемуаров сильно вырос в объеме и претерпел серьезные структурные изменения (так, мы ввели разбивку книги на главы, которой в первоначальном варианте не было). В итоге предлагаемое читателю русское издание книги Блюминга можно смело назвать самым полным и точным на сегодняшний день.

При переводе мы стремились, не обращая внимания на отдельные стилистические шероховатости (повторы, грубые выражения и т. д.), максимально сохранить стиль автора, для которого характерна повышенная эмоциональность и экспрессивность, потому что для нас важно было, чтобы в книге звучал голос самого Блюминга—не профессионального литератора, а солдата и мастера боевого искусства.

Книга Йона Блюминга содержит колоссальный фактический материал, а также огромное количество имен и названий на голландском, английском, французском, немецком, японском, китайском и корейском языках. При транскрипции имен собственных мы стремились пользоваться нормами принятых в научной среде практических транскрипций, но это было возможно не всегда (особую сложность представляло транскрибирование корейских имен собственных, уже значительно искаженных автором мемуаров). Поэтому мы заранее приносим извинения за возможные ошибки и неточности.

Алексей Горбылёв,
главный редактор журнала
«Боевые искусства Японии. Додзё»

極真會

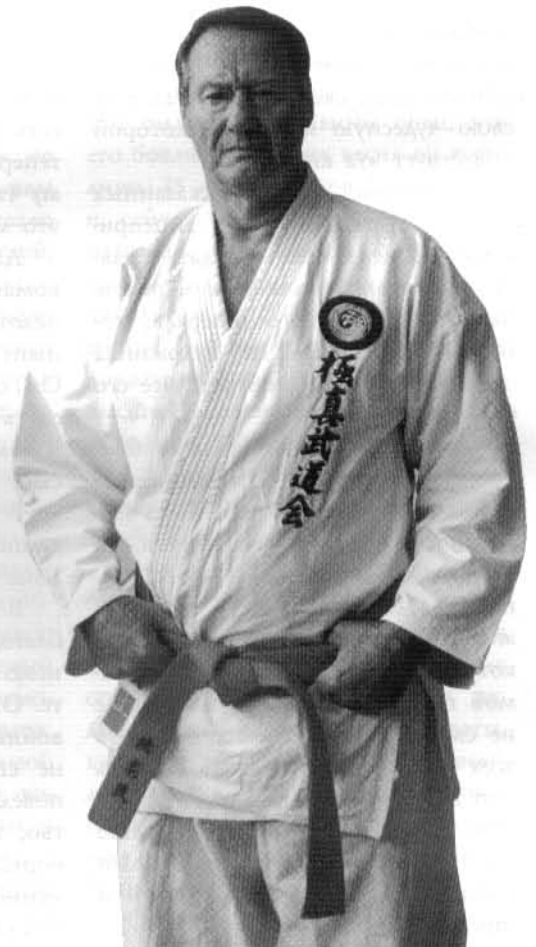
ПОСВЯЩЕНИЕ

Его Королевскому Высочеству принцу Бернарду Нидерландскому в знак глубочайшего уважения, восхищения и благодарности за все то, что он делает для ветеранов войн, поступая как настоящий солдат и настоящий ветеран.

Я хочу выразить особую благодарность Его Королевскому Высочеству за тот личный интерес к моей спортивной карьере и за то благосклонное внимание, которые он проявлял, начиная с 1963 года, и особенно в трудный для меня период 1978-1980 годов; за ту честь, которой он удостоивал меня несколько раз, назначая своим телохранителем во время празднований своего Высочайшего дня рождения и во время празднеств, устраивавшихся в честь ветеранов войн.

От всего сердца благодарю Вас, Ваше Королевское Высочество, желаю вам крепкого-крепкого здоровья!

Йон Блюминг,
профессор, обладатель 10-го дана Международного союза Кёкусин будокай (International Kyokushin Budo kai)

Во-первых, это Кодокан вместе с его чудесным знаменитым старым сэнсэем дзюдо Мифунэ Кюдзо, 10-й дан, который предоставил мне возможность достичь высокого мастерства в дзюдо и принял в группу стажеров-кэнсюсэй. Мифунэ научил меня подлинному дзюдо, показав, каким должно быть дзюдо не только в поединке, но и в учебе. Кодокан радушно принимал меня на протяжении более трех лет и научил меня тому, что настоящее дзюдо—это в такой же степени падения, как и броски, что и поражения—победы.

Вторая организация—Корейская ассоциация юдо (дзюдо), она тоже на протяжении многих лет помогала мне на моем пути своими наставлениями и дружбой.

Разумеется, я хочу поблагодарить свою нынешнюю жену Альбертину. Она встретила меня в самое тяжелое для меня время, но всегда стояла рядом и сражалась за меня, как тигрица, когда с меня летели стружки. Мы женаты с ней вот уже 29 лет, но за это время я ни разу ни на секунду не пожалел о том, что женился на ней.

И конечно, я должен поблагодарить своих фантастических помощников—сихандай—и соратников по созданию первого союза каратэ в Европе (это знаменательное событие датируется 2-м января 1962-го года), а потом по созданию

Международного союза Кёкусин будокай Ринуса Шульца и Анри Серриесе. В настоящее время оба они являются обладателями 8-х данов Будокай.

Дорогие мои друзья, я могу только пожелать, чтобы наши отношения всегда оставались столь же счастливыми, как сегодня.

Есть у меня и новые друзья. В Японии это бывший чемпион Такаси Адзума из Дайдодзюку и Хидэака Асо из SAW, мастер «искусства подчинения» (Submission Arts Wrestling). Оба они имеют 8-е даны в Будокай. Я хочу поблагодарить их за помощь и выразить надежду, что наше сотрудничество будет столь же вечным, как само будо.

Отдельное слово моей благодарности Акира Маэда, обладателю 7-го дана, который попытался вернуть меня в хомбу Кёкусин кайкан и был направлен ко мне в 1993-м году сэнсэем Ояма. Это прекрасный человек, я многим ему обязан.

И наконец, в последнюю очередь, но отнюдь не самая моя малая благодарность адресуется моим новым сихандай и соратникам по созданию нового Международного союза Кёкусин будокай, который родился 9-го января 1996-го года, Дэвиду Куку, 8-й дан, и Дэйву Йонкерсу, 8-й дан.

Пусть всем вам всегда улыбается Бог. Да благословит он вас всех!

*Йон Блюминг,
10-й дан*

Краткая история каратэ Кёкусинкай в Нидерландах

Йон Блюминг вернулся на родину после года пребывания в Канаде и трех лет—в Японии в связи с тем, что его бывший учитель дзюдо «Дедушка» Схутте предложил ему контракт на работу тренером в Голландской любительской ассоциации дзюдо. Это произошло в конце ноября 1961-го года.

Приступив к работе, Блюминг начал проводить занятия по каратэ перед или после занятий по дзюдо во всех додзё. Таким образом, в действительности распространение каратэ Кёкусинкай в Нидерландах и в Европе началось с додзё Голландской любительской ассоциации дзюдо.

В дальнейшем Голландская любительская ассоциация дзюдо при посредстве незадолго до того созданной Нидерландской федерации спорта вошла в Союз будо, который пытался объединить все дисциплины будо в единой организации, однако реализовать эту идею не удалось, в результате в Союзе осталось только дзюдо, и он был переименован в Союз дзюдо Нидерландов.

Первая организация каратэ в Нидерландах была основана Йоном Блюмингом и его ассистентами—Харри Сериесе и Ринусом Шульцом (оба в настоящее время являются обладателями 8-х данов Будокайкан) 2 января 1962-го года на базе додзё «Тунъень» в Амстердаме. Первым председателем Голландской ассоциации каратэ был Викевоорт Кроммелин, дантист из города Лейден.

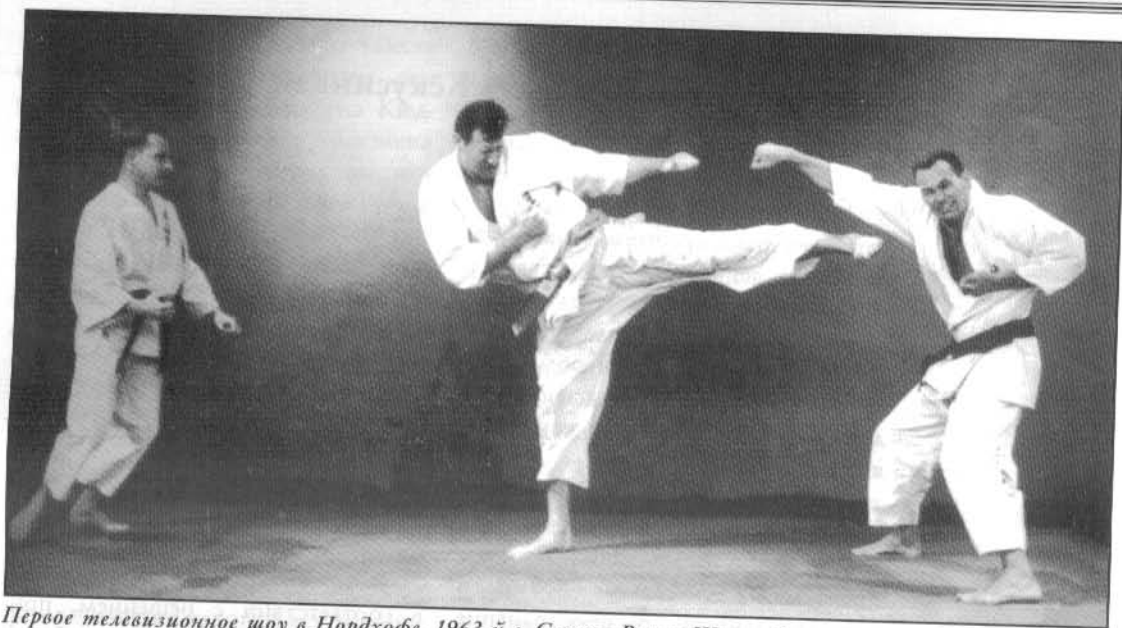
В то же время Йон Блюминг, в соответствии с решением, принятым на совещании в токийской штаб-квартире—хонбу—с участием Оямы Масутацу, его ассистента (сихандай) Кэндзи Куросаки и переводчика—Билла Бахуса, ближайшего друга Блюминга, в ноябре 1959-го года, был назначен президентом создававшейся Европейской организации каратэ Кёкусинкайкан. В 1964-м году Голландская ассоциация каратэ была официально зарегистрирована, документы были скреплены печатью королевы Нидерландов.

Первые черные пояса были присвоены Йоном Блюмингом в декабре 1963 г. Их обладателями стали члены додзё «Тунъень» Ринус Шульд, Харри Сериесе, Ян Калленбах, Ян Бруйнс и Петер ван дер Маркт (покойный).

27 января 1965-го года в отеле «Краснопольский» в Амстердаме впервые в истории Европы прошел чемпионат по каратэ Кёкусинкай. В легком весе его победителем стал Й. Тигеле, а в тяжелом—Ян Калленбах.

25 февраля 1966-го года прошел чемпионат по каратэ Кёкусинкай

«Дедушка» Схутте, который знал о дзюдо очень и очень много, это была замечательная личность. Фото сделано, когда Схутте было около семидесяти

Первое телевизионное шоу в Нордхофе, 1963-й г. Слева — Ринус Шульц (в настоящее время — 8-й дан), справа — Анри Серие (в настоящее время — 8-й дан)

уже в трех весовых категориях. В легкой победил Г. Йонкман, в средней — Р. Бош, а в тяжелой — Ян Кааленбах.

Параллельно шла напряженная работа по созданию Европейской организации каратэ Кёкусин кайкан, Йон Блюминг с санкции токийского хомбу ездил по разным странам Европы, преподавал каратэ и создавал национальные организации и отделения.

В 1968 в Эрмело в Голландии прошла первая летняя школа Кёкусинкай в Европе. Она была организована Йоном Блюмингом, а не Люком Холландером. Позднее летние школы проходили в Папендале.

В 1966-м году в додзё известного преподавателя дзюдо Тонни Вагенаара открылось преподавание школы каратэ Вадо-рю. Инструктором там был японец Коно, 6-й дан. Приблизительно в то же время в Нидерландах появилась и школа каратэ Сётокан. Ее представлял японский инструктор Касэ, весьма приятный джентльмен, обладатель 6-го дана.

В этот же год в Нидерланды для преподавания Кёкусинкай каратэ и в связи с отъездом Йона Блюминга в Японию для обучения в додзё

Оямы приехал знаменитый Кэн-дзи Куросаки. Незадолго до отъезда Блюминга, в феврале 1966-го года, Коно сделал глупую ошибку, оскорбив Куросаки. Наскоро для выяснения отношений Вагенаар организовал встречу, на которой стало совершенно ясно, что Коно и Куросаки не смогут ужиться в одной Голландии. Куросаки направил Коно вызов на поединок. Весь Амстердам был увешан плакатами, на которых Куросаки и Блюминг вызывали представителя Вадо-рю на открытые публичные поединки. Последний, зная о репутации си-хандай Оямы, предпочел быстро упаковать свои вещи и уехать в Германию, где и работает по сей день.

В 1970-м году во время очередной летней школы по Кёкусинкай каратэ в Папендале Ояма приехал в Нидерланды для проведения совещания с представителями отделений школы — брэнч-чифами — в Европе. На этой встрече Йон Блюминг объявил о сложении с себя полномочий президента Европейской организации каратэ Кёкусин кайкан в связи с чрезмерной загруженностью работой по управлению сетью своих додзё и партнерством

в нескольких казино в Амстердаме. Он рекомендовал Ояме назначить на свое место Люка Холландера. Ояма и слышать не желал об уходе Блюминга с его поста и был весьма расстроен сложившейся ситуацией, но в конце концов был вынужден согласиться со своим учеником. В настоящее время Ион Блюминг считает, что тогдашнее его решение об уходе с поста президента Европейской организации каратэ Кёкусин кайкан было величайшей ошибкой в его жизни, поскольку оно открыло дорогу для превращения Люка Холландера в миллионера, при том, что он с тех пор ни разу не выходил на татами для выполнения той работы, на которую был назначен, и лишь проводил политику по принципу «разделяй и властвуй». Приход на место президента Европейской организации каратэ Кёкусин кайкан Холландера стал началом конца Кёкусинкай в Европе. Более подробно об этом пойдет речь в разделе книги, посвященном Люку Холландеру.

В конце 1960-х годов Союз дзюдо обратился в Федерацию спорта Нидерландов с требованием поставить каратэ под его контроль, поскольку каратэ, так же, как и дзюдо, является боевым единоборством японского происхождения и его преподавание безответственными людьми, не обладающими офици-

альной лицензией преподавателя дзюдо, представляет большую опасность. Федерация спорта Нидерландов приняла эту точку зрения и создала Нидерландский союз будо, в котором должны были пройти регистрацию все организации будо в стране, желавшие проводить какие бы то ни было спортивные мероприятия. Ученики Блюминга вошли в эту организацию в качестве представителей школы Кёкусин кайкан.

В этот период Блюминг принял приглашение на пост главного тренера национальной команды по каратэ Бельгии. В ответ на это голландские газеты подняли шумиху: как могло случиться, что лучший каратист Европы — голландец оказался тренером не голландской сборной, а сборной Бельгии?! В результате после встречи Иона Блюминга с руководством Нидерландского союза будо он был назначен первым тренером национальной команды по каратэ Нидерландов.

Параллельно собственное додзё Блюминга завоевало почти все возможные титулы в соревнованиях по каратэ и многие титулы — в дзюдо, причем в финале чемпионата страны его команда А боролась с его командой В.

После двух лет работы тренером национальной команды по каратэ, после чемпионата мира в Париже в 1972-м году Блюминг ушел

Тренировка в море.
Ион Блюминг и
Г. Ройс

в отставку, поскольку спортивный стиль был чересчур мягким, а судьи — подготовленными ужасно. Как он заявил тогда, спортивное каратэ — все равно что соревнование в стрельбе по «бычьим глазам», в котором запрещается попадать в «бычий глаз», оно не имеет ничего общего с подлинным каратэ и представляет собой детскую игру.

Нидерландский союз будо распался по вине преподавателей дзюдо, которые поняли, что Союз ничего им не дает, и вернулись в собственную организацию, которая получила название «Голландский союз дзюдо». В этой ситуации отделение каратэ Союза будо провело встречу под председательством замечательной тройцы: второразрядного тренера по дзюдо Бонтё, который никогда не выходил на татами для участия в соревнованиях, вряд ли знал, как произносится само слово «каратэ», и, уж конечно, никогда сам по-настоящему ни дзюдо, ни каратэ не занимался; Яна Калленбаха, вышвырнутого из додзё Йона Блюминга «Будокай» в 1973-м году (см. раздел, посвященный Калленбаху); и Роба Звартё, который гораздо лучший комик, нежели учитель каратэ — неслучайно его собственные ученики говорят о нем, как о лучшем мастере «кутивадза» — «техники болтовни». Эта тройца укрылась в кабинете и вышла из него с решением об учреждении Союза каратэ Нидерландов, причем Калленбах и Звартё моментально получили один — 6-й дан, а второй — 5-й.

Позднее Бонтё получил также почетный (honori) 6-й дан, в связи с чем Блюминг поставил такой вопрос: «Как можно человеку, который никогда не проявил никакой чести (honori), присвоить почетную степень?» Стоит ли удивляться, что Йон Блюминг не желал ко всем этим «будока» иметь ни малейшего отношения, особенно с учетом опыта общения с ними в период их обучения?

Блюминг тем временем вынашивал идею создания реальной высокоэффективной системы самозащиты и такого спортивного единоборства, в котором каждый зритель мог бы ясно видеть, кто победил в поединке — по причине сдачи или нокаута противника. Основы этой системы Блюминг продемонстрировал своему сэнсэю Масу Ояма уже в 1966-м году, но Ояма в то время не смог принять его предложений.

В 1976-м году Йон Блюминг отправился в поездку в Корею и в Японию и по просьбе Оямы встретился с ним. Ояма просил Блюминга вернуться в хомбу и работать вместе с Холландером, но Блюминг решительно отказался сотрудничать со своим бывшим учеником.

Последняя встреча Йона Блюминга с Оямой Масутацу состоялась в 1983-м году, когда он по приглашению Корейской ассоциации ветеранов войны приехал в Корею и узнал от президента этой организации, генерала Чи, что Ояма также находится в Сеуле. Генерал Чи организовал их встречу и был свидетелем тех обещаний, которые, как и много раз ранее, были даны Оямой Блюмингу. Он просил его приехать в Японию и помочь хомбу снова встать на ноги и обещал назначить президентом Всемирной организации Кёкусинкай. Но эти планы так и не материализовались (см. раздел, посвященный Холландеру).

В 1988-м году Блюминг встретил одного из своих старых учеников Пита Полдера, который рассказал ему, что Холландер рассказывает всем своим слушателям страшные истории о Блюминге. Пит попросил Блюминга приехать вместе с ним на ежегодную конференцию в Папендале и рассказать всем каратистам, как все было в действительности. Блюминг согласился и выступил на конференции с речью, во время которой несколько присутствовавших в зале ветеранов подтвердили, что

он говорит правду. После этого основная масса членов вышла из голландской организации Холландера. В результате она сохранила не более 40% своего состава.

Сначала вышедшие инструкторы обратились к Сигэру Ояме (который тоже некогда был вышвырнут Оямой из Кёкусинкай и который никогда в жизни по-настоящему не дрался), штаб-квартира которого находится в Нью-Йорке. Но после того, как Сигэру получил от них мешки денег и в дальнейшем стал требовать все больше и больше, они откололись и от него и организовали Голландскую ассоциацию каратэ. Это произошло в 1993-м году.

В ноябре 1993-го года в Нидерланды приехал Акира Маэда, представитель коммерческого турнира «Rings». Он был направлен в Амстердам Оямой Масутацу для проведения новых переговоров с Йоном Блюмингом. Ояма снова просил Блюминга вернуться в хомбу и помочь его укреплению. После многих часов переговоров и обещания выкинуть Холландера из организации, Блюминг дал свое согласие. Но 28 апреля Крис Дольман (лучший ученик Блюминга по его универсальной боевой системе) прислал ему факс, в котором сообщил о кончине Оямы Масутацу от рака легких. Это был конец всей истории...

Ояма испытывал такое отвращение к иностранным брэнчифам, что на своем смертном одре распорядился, чтобы в официальном издании воспоминаний о нем не упоминались никакие гайдзины — иностранцы, кроме Йона Блюминга. Поэтому в многочисленных публикациях в японских журналах по будо, вышедших в течение нескольких недель после кончины Оямы, вы не найдете очерков о каких бы то ни было иностранцах, кроме Блюминга, и не встретите даже имен Холландера, Арнейла и его старого друга Бобби Лоуи (вместе с Холландером

это самый большой жулик из всех, каких я только встречал в каратэ). Кстати, Стив Арнейл, конечно, такого обращения не заслужил, потому что в прошлом он принес хомбу очень много пользы. При этом практически во всех журналах были биографические очерки о Йоне Блюминге, некоторые содержали даже до 20 фотографий.

В конце концов, старые ученики Оямы собрались и присвоили Блюмингу 10-й дан. Блюминг стал третьим человеком в школе Кёкусинкай, удостоенным этой чести, — после Оямы и его сихандай Кэндзи Куросаки. Этот акт явился признанием его сорокалетнего служения Кёкусину.

Присвоение Блюмингу 10-го дана стало возможным благодаря тому, что эту идею Криса Дольмана поддерживали пять крупнейших профессиональных организаций боевых искусств Японии и, в особенности, Кэндзи Куросаки, 10-й дан, который подписал диплом.

В настоящее время «Кёкусинкай» — это всего лишь название, которое используют многие смешные люди и которое поэтому уже не обладает своим былым весом. И очень жаль, что это так, потому что Кёкусинкай начинался как сильнейшее и лучшее каратэ в мире. К сожалению, Кёкусинкай не пошел в ногу с прогрессом в боевых искусствах, к чему еще в 1966-м году призывал Ояму Йон Блюминг. А когда Ояма в конце концов признал свои ошибки, было уже слишком поздно, потому что он уже был смертельно болен.

В 1989-м году Йон Блюминг создал организацию «Кёкусин будокай», в основу которой была положена старая концепция универсального каратэ. Несколько позднее при поддержке Дэвида Кука и Дэйва Йонкерса осуществлялась давняя мечта Блюминга — был создан Международный союз будокай. В рамках сотрудничества со школой Дайдодзюку представитель этой ор-

ганизации Сэм Схилт принял участие в трех открытых чемпионатах Японии по полноконтактному каратэ, в первом из них стал третьим, а в двух следующих—первым.

В 1994-м году после смерти Оямы хомбу Кёкусинкай развалилось. Образовались три различные группы: группа Мацуи, группа вдовы Оямы и Осакая группа,—ни одна из которых не обладает серьезным влиянием. Поскольку Оямы уже нет и он не может повлиять на решение судей, на чемпионате мира, проведенном одной из этих групп, первое место занял австралиец, а второе—новозеландец. Иными словами, теперь творятся вещи необычайные.

Так, одна из загадок состоит в том, как Мацуи—обладатель всего лишь 4-го дана—может руководить

старой Международной организацией Кёкусинкай, когда среди руководителей входящих в нее организаций немало обладателей 6-го дана и более высоких степеней? Неужели люди настолько глупы, чтобы принять такую игру?

Похоже, и сам Мацуи плохо понимает, что происходит, потому что он все еще держит советником по европейским делам Люка Холандера. Вот уж, действительно, великая помощь!

Блюминг нередко вспоминает о былом хомбу Кёкусинкай. Сердцем он с вдовой Оямы. Но... Все остальное—только история. Йону Блюмингу сейчас 67 лет (книга опубликована в 2000 году—перев.), и он по-прежнему тренирует своих черных поясов и, как в былые дни, задает им перцу!

*Ринус Шульц,
8-й дан Международного союза будокай*

ГЛАВА 1. ДЕТСТВО

6 февраля 1933-го года в восточной части Амстердама моя мать принесла меня в этот мир. Позднее она рассказывала мне, что была очень счастлива, но не хотела никому показывать, потому что я был очень длинным и очень-очень тощим—в общем, совсем не годился для конкурса красоты.

В 1936-м мы переехали на новое место жительства—в один из самых бедных кварталов на юге Амстердама, прозванный «Трубой». Там мы поселились на грязной улице, называвшейся Куйперстраат. Свое имя она получила в честь знаменитого художника XVII века, но я уверен, что если бы ему довелось увидеть Куйперстраат, то он просто умер бы от тоски.

Через два года, в 1938-м, мы переехали в старую южную часть города, в дом, расположенный в восьми кварталах от главной улицы. В этом считавшемся красивым районом жили в основном евреи—мелкие и средние предприниматели и резчики алмазов.

Когда мне было семь лет, началась Вторая мировая война, на Голландию напали немцы. Я тогда едва не убится, пока рассматривал немецкие самолеты, заходившие на бомбардировку амстердамского аэропорта. Дело было в мае 1940-го года. В тот день я стоял, уставившись в небо, на двухколесной деревянной тележке, а потом нечаянно сделал шаг вперед и полетел голо-

*Мне всего несколько дней...
Амстердам, 1933 г.*

вой вниз, как мешок с картошкой, и попал в нокаут.

Я видел, как немецкие войска пересекали мост Берлаге, вступая в Амстердам, и как то же самое пятью годами позднее делали англичане и канадцы, в последнем случае результат был гораздо лучше для всех нас.

Те годы стали отличным уроком для маленького мальчика, который узнал тогда, как трудно доверять

*Перед нашим домом на улице
Куйперстраат в районе «Труба» в
Амстердаме с малышкой-сестрой.
1938 г.*

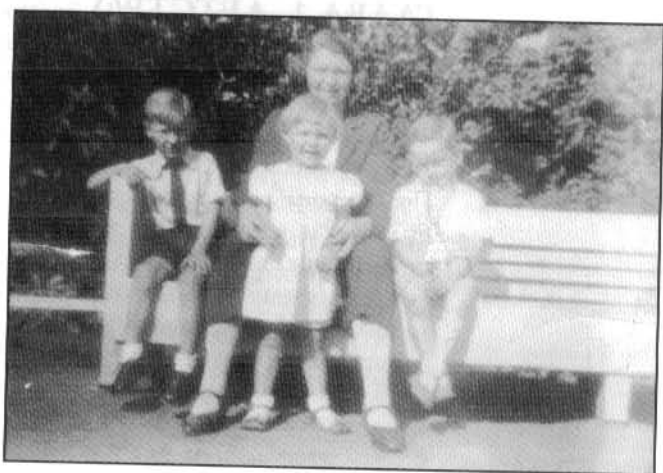
*Мама мною
гордится...
Мне — пять
месяцев*

другим людям, когда кругом все рушится (впрочем, встретившись со мной гораздо позднее, вы бы и не подумали, что я чему-то в то время научился).

Для моей семьи война была настоящей бедой, потому что все сестры моей матери были замужем за немцами и жили в Лимбурге прямо на германской границе, и их мужья, конечно же, должны были служить в немецкой армии. С другой стороны, некоторые из моих родственников по отцовской линии были участниками движения сопротивления. Так что это действительно было очень веселое и одновременно страшное время, когда каждый день за мной по пятам гнались страх и риск.

Навсегда отпечатались в моей памяти один эпизод, который произошел приблизительно через год после вступления немцев в Амстердам. В это время немцы начали свозить всех евреев в концлагеря, и я был свидетелем ужасных сцен, происходивших во время их рейдов. Эсэсовцы выкидывали стариков из окон третьего этажа, потому что это были инвалиды, которые не могли ходить. Увезли и всех школьников—моих друзей, и после

С мамой и сестрой Аамбос ван Хеерлен. 1937 г.

войны назад вернулся только один из них—это был Гарри ван дер Кар, остальные погибли.

Анне Франк жила в другой части города, в районе Вестеркерк. И ее гибель, конечно же, была настоящей трагедией, но под впечатлением от этого страшного события люди иногда забывают о других убитых голландских евреях, а это неправильно. Из приблизительно 120 тысяч голландских евреев, направленных в немецкие концентрационные лагеря, домой вернулось не более 16 тысяч... Хотя некоторые говорят, что все это—давняя история или еврейская пропаганда, они неправы. Это было ужасное время, и я все это видел сам.

Направляясь воскресным утром в церковь, которую посещала моя мать, мы должны были проходить мимо еврейского театра, который немцы использовали для размещения евреев перед отправкой их в лагеря смерти. И несколько раз я слышал, как из-за решеток на окнах театра меня окликают по имени школьные друзья, и тогда я содрогался от ужаса, потому что все вокруг было так неопределенно и потому что все были напуганы, что, конечно, не могло поддержать меня, который был всего лишь ребенком.

А потом было еще хуже. Когда 17 сентября 1944-го года английские и американские парашютисты

Мне четыре года. В детском саду в районе «Труба». Амстердам, 1938 г.

*В третьем
классе
в начальной
школе
им. Яна Ливенса.
Амстердам,
1942 г.*

высадились близ Арнхема и Ниймегена, голландцы, конечно же, помогали им как только могли. Железнодорожные рабочие даже отважились на забастовку. Однако атака союзников была отбита, а немцы отплатили голландцам, сократив поставки в страну продовольствия и угля. И забастовка голландских железнодорожных рабочих, и немецкое эмбарго на ввоз продовольствия продолжались до самой капитуляции Германии в мае 1945-го.

Зимой 1944-45-го годов, которую голландцы помнят как Голодную зиму, когда температура воздуха стабильно держалась на 20-25 градусах ниже нуля, когда в Амстердаме и его окрестностях не было еды и топлива, и люди сотнями умирали на улицах. Это было ужасное зрелище и небывалая страшно холодная

зима. Чтобы спастись от смерти, я со своими малолетними сестренками ходил от двери к двери по богатым соседям, выпрашивая где ломтик хлеба, где свеколку, а где и луковичку тюльпана. Мы собирали все, что удавалось выпросить или украсть. Я оказался талантливым вором по части всего съестного и топлива, и это помогло нашей семье выжить.

Когда мой отец, мобилизованный на работы во Франции, дезертировал и вернулся домой, помочь нам он был практически не в состоянии. Поскольку он был дезертиром, то ему не полагался даже тот жалкий дневной рацион в два ломтика хлеба, две маленькие картофелины и половину свеклы, который получали рабочие. К тому же, чтобы его не схватили, ему много раз приходилось прятаться под полом в нашем доме. Если бы его схватили, то его, а может быть, и всех нас ждал расстрел.

Когда в мае 1945-го война наконец-то закончилась, мне было двенадцать лет, но весил я не более 45 килограммов и страдал тяжелой формой дистрофии. И, конечно, я вовсе не был примерным пай-мальчиком, напротив, я был тогда настоящим уличным хулиганом.

Но когда наступил мир, в Голландию пошло продовольствие и уголь, и тогда я впервые в своей жизни увидел бананы (в 1945-м их

*На свадьбе у
дяди
по материнской
линии (я — внизу
слева). 1943 г.*

Последний день в начальной школе. Я — в заднем ряду четвертый слева. Слева от меня — мой школьный друг. 1946 г.

выдавали по одному на каждого голландского ребенка) и арахис. Тогда же я получил свою первую плитку шоколада — мне подарил ее дружелюбный канадский солдат.

Чтобы помочь детям быстрее оправиться от бедствий войны, правительство организовало молодежные лагеря. Срок пребывания в таком лагере был около 6 недель. Я хорошо помню, что сотрудники лагеря не переставали поражаться тому, как много я мог съесть и стащить за раз. А потом мне пришлось вернуться в школу, ведь я пропустил несколько лет занятий, сначала по причине болезни, потом — из-за Голодной зимы.

В июле 1946-го я окончил начальную школу и после каникул пошел в среднюю. Учился я без особых успехов, потому что в этих душных классах для второгодников меня продолжали будоражить свежий воздух, солнце и свобода. Так случилось, что однажды директор школы, в которой я учился, совершенно случайно встретил мою мать на улице и поинтересовался, как я себя чувствую? Действительно ли я так тяжело болен? Поправляюсь ли я?

Мама ответила, что ему лучше знать, потому что я как раз сейчас нахожусь у него в школе.

Вот такое маленькое недоразумение... Вышло оно из-за того, что маленький Йоннетье не появлялся в школе уже более шести недель. Вместо этого, замечательной осенью того года он радовался жизни, разгуливая по предместьям Амстердама. Он уходил из дома каждое утро со своей школьной сумкой на плече и возвращался в 4:30 пополудни с таким видом, словно у него был трудный день...

В тот день, когда я пришел домой, мама спросила: «Где ты был?» И когда я невозмутимо ответил: «В школе», — влепила мне такую оплеуху по правой щеке, что я сразу решил рассказать всю правду.

Мама была настоящая святая. У нее не было того времени, какое она хотела бы тратить на нас, потому что ей приходилось работать с четырех утра. Сначала она убиралась в офисах Морского управления, потом шла наводить порядок в домах богатей. Она была вынуждена заниматься этим, чтобы мы хоть как-то могли сводить концы с концами. Отец же, который во время войны показал себя настоящим трусом — об этом многие мне рассказывали, — оставил нас осенью 1946-го и с тех пор никогда не помогал ни маме, ни нам. А мама... Да благословит тебя Господь, за-

*Перед поступле-
нием в среднюю
школу. 1947 г.*

мечательная женщина! Для нашей семьи ты была настоящей защитницей. Позднее, когда у меня самого было уже двое детей, я всегда поражался тому, как она умела превратить Пасху и Рождество в настоящие праздники, даже в те тяжелые дни обязательно приготовив для нас подарки. Невероятно!

В церкви, куда ходила мама, был священник, который одновременно служил сержантом в отделе полиции по делам несовершеннолетних. Он взял меня под свое крыло. Чтобы я снова не попал в беду, он велел мне каждый четверг и субботу приходить в полицейское отделение и писать эссе о добре и зле и о прочей чепухе в том же роде, которую так ненавидят дети.

Приблизительно в то же время было решено, что я должен поступить в техникум и стать автомехаником. Так в июле 1947-го я «приземлился» в Третьей технической школе в Тиморплейне. Около того же времени я поступил в школу бокса Космана. Косман, которого мы похоронили в 1993-м году, в те дни был широко известен, и вскоре я уже стал серьезным противником для других парней и параллельно заработал свой первый перелом носа, что не особенно украсило мое лицо.

Ко всеобщему удивлению, в июле 1949-го года я окончил техникум с отличным аттестатом. В нем по большей части были семерки и восьмерки (по десятибальной шкале), две девятки — по геометрии и алгебре — и даже одна десятка — по физкультуре.

Мой выпуск позволил всем вздохнуть с облегчением, причем не только моей матери, но и тому священнику, что присматривал за мной. Помнится, он сказал тогда маме: «Я же говорил вам! Он сможет, если захочет, и если у него будет что-то, ради чего стоит трудиться!» Это «что-то», ради которого я вкалывал, было обещанием разрешить мне, если я окончу техникум с хорошим аттестатом, записаться в голландский корпус морской пехоты и после тренировочного лагеря поехать в Голландскую Ост-Индию, как тогда именовалась Индонезия, чтобы помогать строить там мосты и заниматься прочими делами в том же роде. Не спрашивайте меня, почему я хотел именно этого, потому что я и сам не знаю. Я был просто помешан на Азии.

*Перед домом друга в спецовке в период
учебы в Третьей технической школе в
Тиморплейне. 1948 г.*

ГЛАВА 2. В МОРСКОЙ ПЕХОТЕ

Когда в мае 1945-го я увидел англичан и канадцев, вступавших в Амстердам, я тоже захотел стать солдатом. Вы скажете, что это безрассудство. Ну конечно, каждому ребенку присуща толика авантюризма, но здесь был и своеобразный идеализм.

И вот в июле 1949-го я отправился на большую военно-морскую базу в Амстердаме для прохождения медобследования и прочих формальностей. Там собралось 2500 молодых парней, желавших поступить в морскую пехоту, отбор прошла только треть. Затем мы отправившись в Вооршотен для дальнейшего тестирования, где через четырнадцать дней из всех волонтеров двоих взяли во флот, а меня зачислили «боксерской грушей» в морскую пехоту.

И вот, в августе 1949-го на базе Кэмп Доорн началась моя, так сказать, «карьера» морского пехотинца. Инструкторы там делали все возможное, чтобы превратить меня в морпеха, причем главным средством этого было использование меня взамен боксерской груши. Правда, при этом им пришлось много потрудиться, потому что я вовсе не хотел делать то, что они хо-

тели, чтобы я делал целыми днями. Я был слишком молод и слишком долго предоставлен себе во время войны, чтобы самому решать, что мне делать, а что нет. Теперь же, даже если мне нужно было просто пойти отлить, я был вынужден чуть ли не умолять капрала—который, по моему мнению, был полным идиотом—разрешить мне сделать это. В общем, конфликтов там было множество, а увольнительных домой—очень мало.

И никогда в жизни я не «пел» столько «псалмов», сколько в том лагере... Не знаю, почему это называли «пением псалмов», потому что «пение» на деле представляло собой шкурение деревянного пола учебно-го манежа мелкой шкуркой или булыжниками с водой, разумеется, голыми руками, чтобы снять с пола весь слой масла. Такое времяпрепровождение на выходные вряд ли может нравиться морпехам, вам так не кажется?

Были еще, разумеется, и упражнения в маршировке, конечно же, с полной выкладкой, с рюкзаком, набитым таким количеством кирпичей, какое в него только помещалось, на протяжении нескольких часов под бдительным присмотром—кого бы

*Голландский морпех без надежды на морпеховскую карьеру.
На базе Кэмп Доорн. 1949 г.*

вы думали? правильно!!! — того самого капрала-идиота с вечной сигаретой во рту и с улыбочкой на лице. И так два раза практически каждую неделю. Благодаря этому я, конечно, стал сильнее, но одновременно развил в себе совершенно здоровое отвращение к подобным издевательствам со стороны любой задницы, имеющей на мундире на одну полоску больше, чем у тебя.

С тех пор в морской пехоте многое изменилось, но мундир морпеха по-прежнему остается столь же великолепным и уважаемым. Однако в то время я его ненавидел. Мне казалось в ту пору, что каждому хочется отхватить по кусочку от этого длинного болтаивого салаги из Амстердама, который никогда не закрывает рот, когда его об этом просят.

Но хуже всех был капрал Стипхоут. Я испытал большое удовлетворение, когда узнал, что он попросился добровольцем в Корею в 1952-м году, а потом был посажен в тюрьму и уволен с лишением прав и привилегий за трусость, проявленную в бою с врагом.

К концу 1949-го года всем уже стало совершенно ясно, что сладкие разговоры о поездке в Индонезию после учебки — просто чушь собачья, потому что после подписания

в ноябре договоров, признавших самостоятельность Индонезии, все войска начали выводиться на родину. Конечно, это было очень хорошо, но я чувствовал себя так, словно меня самым наглым образом надули, и одна мысль о том, что мне предстоит провести шесть следующих лет в этом лагере, доводила до предсмертных конвульсий. Поэтому я записался на аудиенцию к коменданту лагеря Кэмп Доорн. Выслушав меня, он произнес знаменитые слова, при которых у всех от удивления отвисли челюсти: «Парень прав: нас всех облапошили». Это был конец моей карьеры.

В декабре 1949-го за несколько дней до Рождества я уже был дома, получив почетную отставку за подписью генерала де Бруйне, который в период войны был советником и другом старой королевы Вильгельмины, находившейся в Лондоне, и думал, что уже никогда не окажусь на военной службе.

В те времена не было никакой возможности получать деньги от правительства, не существовало никаких социальных гарантий, пособий по безработице и всего прочего в том же роде, и мне, причем очень скоро, пришлось искать себе работу. Я устроился в гараж, находившийся на берегу реки Амстел неподалеку от нашего дома.

Зарабатывал я приблизительно 4 доллара в неделю. Совсем немного при том, что, хочу заметить, замена масла зимой 1949-1950-го годов при двенадцати и более градусах мороза на улице была занятием не из приятных. Валяться под грузовиком, смазывая подшипники голыми, без перчаток руками, отмораживая себе яйца, скажу вам, совсем не здорово. А однажды вдруг сломался масляный конденсатор, и толстая струя грязного масла ударила меня прямо в глаз. Пытаясь выбраться из-под грузовика, я сильно ударился головой и в тот же момент совершенно отчетливо понял, что это совсем не та работа,

На стрельбах из винтовки Браунинга. Гаага, август 1950 г. «Герой» справа

на которую я хотел бы потратить весь остаток своей жизни.

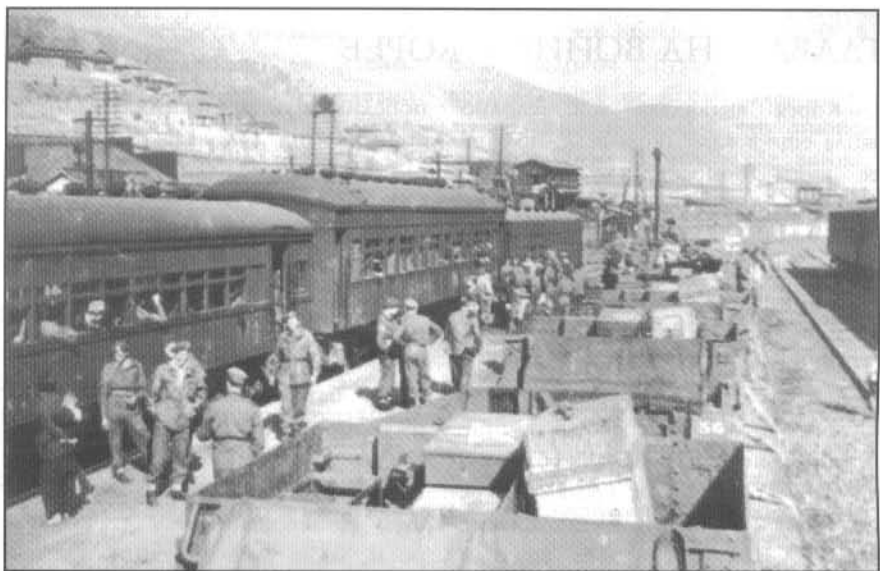
Когда же босс—этакий нервный мышонок, вполне созревший для психиатрической клиники,—попросил меня помочь ему приварить железные прутья к новому автомобильному боксу, конец моему терпению наступил даже быстрее, чем я сам ожидал. Голыми руками я должен был держать пятисантиметровые полосы железа, чтобы он смог приделать их с помощью электрической сварочной машины к большим прутам. И каждый раз, когда этот тупой ублюдок включал свою машину, я получал отличный электрический разряд и, разумеется, ронял железку, после чего он начинал на меня орать как бешеный. После нескольких попыток я решил, что с меня хватит, и вкратце сказал ему, что ему надо с собой делать, сгреб свое пальто и вышел, оставив босса стоящим с открытым ртом перед его проклятыми боксами. Это был последний раз, когда я был в гараже, не въезжая в него на своей машине.

Потом я перепробовал еще несколько работ: занимался пошивом кожаных изделий, работал упаковщиком и т.д. А затем началась вой-

на в Корее. В июле 1950-го года газеты сообщили, что правительство ищет добровольцев для борьбы с агрессорами в Корее. Я написал чиновникам в Гаагу и получил приглашение приехать на военную базу «Александр кэмп» в Гааге.

Большинство голландских волонтеров были старше меня лет на десять и ранее служили в подразделениях командос в Европе или в воздушно-десантных частях в Голландской Индии. Во время медосмотра я слышал, как возбужденный доктор спросил офицера, ответственного за набор добровольцев, считается ли нормальным посылать таких мальчишек, как я, на войну. Этим офицером был капитан Билл Клумкенс, который позднее был комендантом нашего лагеря в Корее и все еще остается моим другом. Через много лет Клумкенс сказал мне, что тогда ответил доктору: «Ваша обязанность—смотреть, чтобы волонтеры были здоровы, а наша—решать, нужны ли они нам!»

Военные решили дать мне шанс, и я стал солдатом голландского батальона в составе сил ООН и собрался ехать воевать за страну, о существовании которой не знал еще месяцем ранее.

Прибытие в корейский порт Пусан и поездка на поезде в район Тхэту, ноябрь 1950 г.

Вы спросите, зачем мне это было нужно? Одна из причин—то, что англичане, канадцы и американцы освободили нас от угнетения в период наших несчастий, и я, в то время семнадцатилетний юнец, считал, что теперь могу воздать им за их помощь. Ну и, конечно, меня манила жажда приключений. Меня надули с Ост-Индией, но теперь появилась возможность отправиться в еще лучшее местечко! Вот так я тогда думал. Впрочем, очень скоро эти мои мысли были загнаны глубоко-глубоко внутрь меня.

Военная подготовка в Нидерландах была глупой, но зато компания подобралась отличная. И когда одна коммунистическая газетка опубликовала какую-то смешную ложь на наш счет, мы все вместе отправились в ее редакцию и буквально на кусочки расколотили печатную машину и прекрасно повеселились в драке с «настоящими коммунистами», которые там работали. После этого на протяжении всего нашего путешествия в Корею нам пришлось выплачивать по 2 доллара в месяц в счет компенсации за этот погром.

Наконец, в октябре 1950-го мы погрузились на транспорт «Зуйдерк-руйс», а в ноябре, пройдя Суэцким каналом, прибыли в Пусан.

Я — доброволец, зачисленный рядовым в голландский полк имени ван Хойтца в составе миротворческих сил ООН в Корее. Гаага, август 1950 г.

ветеранской встречи оказалось, что до нее из нашего взвода дожило всего четыре человека. А недавно я получил письмо от жены одного из них,—она сообщила, что и ее мужа похоронили. Ему было всего 75, что совсем немного для нашего времени.

Я был направлен в роту «В» 1-го батальона. Хотя стрелку на фронте, в принципе, не приходится ждать комфортабельных условий жизни, постоянное недосыпание оказалось столь мучительным, что действительно меня достало.

Потом, 3 января 1951-го, близ Чойхённи подстрелили двух наших парней из роты «А»—ее дозор попал в засаду, которую устроили северокорейские партизаны. Санитар Красного Креста бросился к ним на помощь и тоже получил пулю. Раненный, он был еще жив, когда к нему, чтобы прикончить, подобрался корейцы с их длинными штыками. Наши ребята не могли помочь ему, но и наблюдать безучастно за происходящим были не в состоянии и потому забросали гранатами собственного товарища. Я вам скажу—это было что-то. Они подорвали его, чтобы только корейцы не подняли его на штыки. Эта картина долгое время не оставляла меня. Я даже просыпался с криками, потому что в своем сне видел себя лежащим, не в состоянии пошевелиться, а какой-то красный сукин сын стоял надо мной и погружал свой штык в мое тело.

9 января на грузовиках мы выехали на фронт. И прежде чем мы успели сообразить, что вообще происходит, как уже оказались вынуждены вступить в ожесточенный бой, который вели друг с другом южнокорейцы и китайцы. Мы увидели десятки корейцев, бегущих с горы. Большинство их были ранены и тряслись от страха.

Когда мы переходили через ручеек, кто-то позади меня упал на землю лицом вниз. Это был

первый наш боец, погибший в бою,—рядовой Соур. Страх в это время я еще не испытывал, потому что не понимал, что происходит кругом и что такое война. Я чувствовал себя, как солдат на фронте. «Господи, помоги мне!» Помню, я даже думал: «Вау, чуваки, да это же круто!»

Когда я увидел, как какой-то китаец, укрывшийся среди деревьев, стреляет по нам из автомата, я сказал себе: «Ты мой!» Прицелился в него, а потом механизм выпал из моей винтовки в снег, а пули китайца взметнули вокруг меня и лейтенанта снежные бурунчики. Нашего комвзвода чуть удар не хватил, он заорал: «Ты, придурок!»—потом сильно ударил меня в морду и затасил назад за холмик. Это, несомненно, спасло мою задницу.

Через многие годы этот лейтенант на всех ветеранских встречах рассказывал эту историю, чтобы показать, каким сумасшедшим сагагой я тогда был. Только позднее, попав в главный госпиталь, находившийся в Токио, и увидев, что настоящая война может сделать с невезучим солдатом, я понял, что такое война, и мне не раз требовалось чистое нижнее белье, потому что порой я просто обдeldывался со страху. Я очень надеюсь, что мне представится в будущем возможность повидать моего ангела-хранителя и обнять его (или ее—это было бы даже лучше), выпить с ним и поболтать, потому что ему действительно пришлось присматривать за мной, и он делает это до сих пор, сидя у меня на плече и периодически покачивая головой в недоумении, почему я иногда могу быть таким глупым...

Лейтенант Тео Оостендорп, что спас меня, был у нас самым молодым офицером—ему было всего 21 год, тогда как я—самым молодым рядовым. Позднее он спился и умер в возрасте всего 58 лет.

Я никогда не забуду корейские ночи, потому что ночи—кошмар

каждого солдата на войне. Корейцы называют свою родину Страной утреннего спокойствия. И действительно, по ночам и ранним утром в Корее царит такая тишина, что аж ушам больно.

Корейские ночи были хуже всего. Тяжело и страшно было сидеть в двадцатипятиградусный или даже более жестокий мороз в своей стрелковой ячейке, впившись красными от усталости глазами в темноту, в залитую лунным светом долину или на склон холма, мучаясь все время от голода и гадая, не появятся ли внезапно сотни тысяч этих прячущихся где-то впереди китайцев, не бросятся ли они прямо на наши окопы, дудя в свои сигнальные трубы для подачи сигналов друг другу, сметая все на своем пути, расстреливая всех, кто окажется перед ними. А потом они окажутся у тебя в тылу и здорово повеселятся там, прежде чем снова исчезнут, подобно привидениям. Я действительно восхищаюсь боевым духом китайских солдат, их забавным спортивным духом. Чего никак не могу сказать о северокорейцах—настоящих животных (только посмотрите, что такое сегодня Северная Корея).

Мы были измучены холодом, голодом и усталостью, но боевой дух все-таки был у нас высок.

А холод?! Было так холодно, что когда требовалось посрать, то падение последней капли можно было слышать—«Цзинь!», потому что к моменту падения на землю она уже накрепко смерзлась в ледышку. Было очень смешно наблюдать за парнями, которые шли оттаивать с руками настолько холодными, что у них пальцы не гнулись, отчего требовалось немало усилий, чтобы отыскать своего «малыша» в штанах. Многие при этом мочились себе на руки и на штаны.

Но, конечно, на земле было и кое-что еще, помимо двух метров снега, что тоже чертовски доставало.

Между 9 января и 12 февраля 1951-го года мы находились на линии Вонджу-Хёнсон, прикрывая отход 2-й пехотной дивизии США, в состав 38-го полка которой был введен наш батальон. Нашей задачей было сохранять чистой дорогу, по которой нам подвозили боеприпасы и провиант. Китайцы же пытались перерезать ее, чтобы открыть себе дорогу для наступления на Пусан. Если бы мы потеряли эту дорогу, то Корея была бы для нас потеряна, и нам пришлось бы удирать вплавь. Мысль же о плавании меня не особо радовала.

Отступление было действительно ужасное. Все деревни пылали, но в одной большой долине не было слышно ни звука—абсолютная тишина. Однажды, поднимаясь на холм, мы увидели падающих, кувывркающихся и катящихся вниз по склону людей. Когда мы подошли ближе, то увидели южнокорейцев, расстрелянных буквально в клочья. Наш санитар подобрал нескольких из них, потому что они еще кричали.

Прямо перед нашим поражением в сражении у Хёнсона и высоты 325 я был в составе взводного дозора под командованием лейтенанта Тео Оостендорпа. Наша задача состояла в том, чтобы, не вступая ни с кем в бой, выяснить местонахождение противника и сообщить в штаб, что и где мы видели. После двух дней поиска мы поднялись на высокую гору. Я услышал, как Тео громко икнул, и увидел, что он указывает на что-то в долине, передавая бинокль сержанту Франсу Фогельзангу, посвистывающему сквозь зубы. Я спросил, нельзя ли и мне взглянуть. «Пожалуйста!»—сказали они. От того, что я увидел, у меня сердце ушло в пятки, потому что в долине на всем протяжении дороги, сколько хватало зрения, были китайцы. Их были тысячи, и они двигались прямо на нас в атакующем ромбическом порядке. Благодарение Господу, что они не знали

о том, что мы были на той горе, потому что впечатление было такое, что прямо на нас движется туча саранчи.

Хотя китайцы всегда наступали большим числом, потому что китайцев для этого вполне достаточно, к счастью для нас, мы тогда не знали, что их рождается за секунду больше, чем мы думали, их рождается за минуту. Так что они могли себе позволить потерять некоторое количество китайцев. На самом деле, к концу войны они потеряли более миллиона человек убитыми!

Мы поняли, что это идет подготовка стратегического контрнаступления—северокорейцы отступали, и на их позиции выдвигались китайцы, и единственное, чего нам захотелось,—как можно быстрее убираться из того места, потому что там нас было всего человек сорок.

Когда на следующий день мы добрались до своих, то получили приказ быстро выдвинуться к аэропорту Вонджу, где хранились запасы продовольствия 2-й пехотной дивизии США. Мы должны были уничтожить их и далее удерживать китайцев как можно дольше, чтобы 2-я дивизия могла безопасно отойти.

Это было жуткое время. Огромная длинная долина пылала, горело все, а мы, постоянно начеку, ходили между ящиками с припасами, забирая из них все, что нам нравилось (правда, большую часть набранного пришлось позже выбросить, потому что оно оказалось слишком тяжелым). Наблюдать за высокими горами и снегами, зная, что там в абсолютной тишине рыщет полмиллиона китайцев, было отнюдь не здорово. Это не особенно способствовало душевному спокойствию, и мне не раз пришлось помочиться.

Потом мы получили приказ выслать дозор, чтобы выяснить обстановку в конце долины и сообщить о ней в штаб. В этот раз командиром над двумя отделениями, в

одно из которых входил я, был назначен сержант Фогельзанг.

Мы пошли по дороге к темному концу долины, который находился на расстоянии многих миль от нашего лагеря. Тишина была такая, словно все кругом вымерло, и даже болели уши, в общем, было очень жутко. Слева и справа в отдалении виднелись высокие горы, и, по правде говоря, если бы не война, пейзаж был прекрасный. Корея действительно красивая страна. Но в то время я не уделяла особенно много внимания ее красоте.

Пройдя несколько миль, мы попали в маленькую деревушку, которая почти вся пылала в огне. Очень осторожно вошли в нее и осмотрелись. Все мы были очень-очень измучены, и я присел на крыльцо какого-то дома, который еще не был охвачен огнем. Жар пылающих зданий и усталость овладели мной, и я на какое-то время отключился и попал в страну грез.

Я проснулся оттого, что какой-то старый корейский крестьянин сунул мне свою палку в промежность, чем напугал меня до смерти, и я едва не пристрелил беднягу. Но он указал мне на конец долины, и я сообразил, что он пытается сказать, что наши ребята ушли в том направлении. Во всей деревне явно не осталось больше никого из нашего взвода, кроме меня...

Я подумал о партизанах, в особенности северокорейских сволочах, и побежал к дороге, держа винтовку на изготовке. Я звал так громко, как только мог: «Сержант Фогельзанг! Сержант Фогельзанг!» Это имя отражалось от холмов и возвращалось ко мне замечательным эхо, которое отнюдь не делало меня счастливее.

Я был совсем один на дороге. Я проклял тот день, когда родился, сержанта Фогельзанга и всех прочих, о ком вспомнил, а потом поспешил в том направлении, где их в последний раз видел старик.

По меньшей мере через час ходьбы я увидел крошечный мостик, танк и четырех парней, которые стояли вокруг костерка. Я подкрался к ним как можно ближе, увидел у них на головах меховые шапки и подумал: «Ну, я попал! Это же чинки¹, вот сейчас они меня и поимеют!»

Я не мог проскользнуть мимо них. Вдруг я расслышал их разговор. Благодарение Господу, говорили по-английски. Это были американцы.

Я выпрямился, поднял свою винтовку над головой и прокричал, что я голландец. Они отреагировали на это так, словно кто-то сунул им гранату под задницы, и бросились бежать к танку. И только забравшись в него, они велели мне медленно подойти, и я, пуская от страха газы, сделал это.

Убедившись, что я именно тот, кем назвался, американцы повели себя дружелюбнее. Они были там одни с заданием взорвать мост после того, как сержант Фогельзанг и дозор вернутся. В общем, я стал ждать возвращения наших и перекусывать.

Через некоторое время до нас донеслись чьи-то голоса. И снова все бросились к танку и приготовили оружие к бою, но это оказался наш дозор. Выведенный из себя, я заорал на сержанта Фогельзанга: «Ты бросил меня одного в деревне!» На это сержант Фогельзанг ответил знаменитыми ныне словами: «Заткнись, займи место в арьергарде и тарачи глаза по сторонам!»

Я снова был в безопасности. Я постарел на десять лет, но был глубоко-глубоко счастлив, что снова был со своими.

Потом мы начали отход. Мы шли в той невероятной тишине, которой так славится Корея. Мы шли много дней, обходясь почти без всякой еды и, конечно, без сна. Для меня война утратила свой

шарм очень быстро. И к тому моменту, когда однажды я заснул стоя, положив подбородок на свою винтовку, и потом больно упал на обледеневшую дорогу, я уже был глубоко убежден в том, что участие в этой войне было большой ошибкой с моей стороны.

Когда мы, наконец, были в безопасности, мы получили приказ окопаться вокруг Хёнсона и в самом городке и держаться до получения следующего приказа.

К этому времени меня назначили ординарцем командира роты «В» капитана Клумкенса. Это был замечательный солдат, который выдвинулся сначала во время Второй мировой войны, а потом в Индонезии, где он, по приказу королевских Вильгельмины, готовил десантников к службе в Голландской Индии. Он был строг, требовал неукоснительного соблюдения дисциплины, но был абсолютно честен.

Капитан Клумкенс, назначив меня ординарцем, спас мои яйца, когда я уже едва не подыхал от всемирной усталости. По крайней мере, теперь я мог спать чуть больше, чем другие солдаты. Да и служба у ординарца не такая опасная — так он мне сказал.

Потом Клумкенс получил пулевое ранение в ногу и отправился в военно-полевой госпиталь. Командование принял лейтенант Монтери, и я стал его ординарцем.

11 февраля 1952-го года ближе к вечеру я пошел навестить свой старый взвод, дислоцированный у Хёнсона, и тут разверзся ад. Мы попали под сильнейший обстрел с холмов, которые должны были занимать южнокорейцы. Лейтенант Монтери закричал: «Глупые сукины дети! Это ж южнокорейцы по нам лупят!» — и бросился к радисту, чтобы заставить их прекратить огонь, но ему никто не ответил: южнокорейцы уже убежали оттуда, и холм заняли китайцы, они захватили брошенные пулеметы и автоматы и

¹ Чинками (*chinks om chinese*) презрительно называли китайцев американцы.

открыли из них по нам шквальный огонь. Поэтому лейтенант отослал меня в штаб батальона с донесением о сложившейся ситуации.

Той же ночью мы вышли в долину в дозор и попали в засаду. Точнее, противник проскочил сквозь нас. Командир батальона приказал: «Примкнуть штыки!» Мы примкнули штыки, и кто-то воткнул свой штык мне в лодыжку. Черт меня побери, если я вспомню, когда и как это произошло, но она все-таки появилась на лодыжке—маленькая круглая дырочка, впрочем, не особенно глубокая. Все, что я могу сказать об этом бое, что мы бежали, стреляли, и что было темно. Иногда врагов можно было увидеть—в моменты выстрелов, но большую часть времени было просто темно.

Тем временем китайские командос атаковали наш батальонный штаб, находившийся у нас в тылу. Этих китайских командос называли «острыми мечами», и название это они заслужили своей потрясающей отвагой в бою. (Почитайте об этом книгу Расселла Спурра «Выходит дракон».) Они были блестяще подготовлены и вырезали весь штаб, включая батальонного командира.

Той ночью обе стороны совершили немало подвигов. Мы получили приказ примкнуть штыки и вырваться из западни. Слева и справа убитые и раненные падали мои друзья, кругом был ад...

Выход из капкана в Хёнсоне нашел капрал Сйенг Вунник, старый коммандо английской школы, участник Второй мировой. Сейчас Вунник находится при смерти, но тогда он был такой же здоровый, как любой из нас. Он попросил у взводного разрешения поискать выход из ловушки. И комвзвода сказал: «Да, давай! Давай!» Не знаю, сколько прошло времени, но мы еще дрались, когда он вернулся и сказал: «Я нашел выход! Давайте за мной!»

Вунник спас нас. За это он получил в награду какую-то корейскую медаль. В тот день в долине погибло 28 наших парней...

На следующий день мы получили приказ атаковать высоту 325, контроль над которой был важен, чтобы 2-я пехотная дивизия США не подверглась снова подобной атаке. После первой атаки, в которой я участвовал ординарцем, мне пришлось вместе с лейтенантом Монтери вернуться в единственную соломенную хижину, которая осталась в этой долине. Внутри нее какая-то глупая сволочь оставила рацию со всем снаряжением. С собой мы взяли ручной гранатомет М67 калибра 90 мм—штуку гораздо мощнее базуки и винтовки, чтобы уничтожить это дерьмо.

Я вошел в хижину и увидел, что рация изготовлена из какого-то прозрачного пластика. Я растоптал ее на кусочки, и мы с лейтенантом побежали назад на маленький холмик, к дороге, которая проходила по его вершине. Пока мы карабкались на вершину, мы дали замечательное выступление в стиле Чарли Чаплина, потому что весь холм был покрыт заледеневшим снегом, и каждый раз, когда мы уже почти добивались до вершины, мы снова срывались и скользили вниз. В панике мы орали, как сумасшедшие, но, в конце концов, справились с задачей. Наверное, китайцы животные понадрывали со смеха, наблюдая за этой сценой.

Поднявшись на вершину, я оглянулся. В другом конце долины по гребню другого холма параллельно нам и с той же скоростью перемещались китайцы. Помню, как я сказал нашему уоррент-офицеру² адъютанту Вонку, которого мы называли Санта-Клаусом, потому что он был самым старым солдатом у нас: «Глянь, это китаёзы, они нам руками машут!» Я подумал, что это очень нагло с их стороны, и восхи-

² Уоррент-офицер — промежуточная категория между сержантским и офицерским составом в армии США — прим. перев.

тился их смелости. А Вонк ответил мне: «Да, да! Давай дальше!»

В тот же момент я почувствовал, как кто-то воткнул мне в бедро раскаленную докрасна иголку. Удивившись, я глянул вниз и увидел, как из моей парки³ потекла кровь и полезли хлопья ваты. Адъютант Вонк крикнул, что это ерунда, и велел следовать за ним. И я побежал вслед ему. В этот раз у меня была не винтовка BAR, а карабин M-1, и на бегу я вел из него автоматический огонь по фигурам в одеждах в коттоне на противоположной стороне.

Пробежав так мили три, мы добрались до наших позиций в Манъёне. Там осмотрели мои раны, они действительно оказались не особенно тяжелыми. Помимо пореза на лодыжке, в толстом мясе моего бедра засели две маленькие пульки, выпущенные из китайского «рыгающего» автомата⁴. Санитары быстро усадили меня в грузовик с красными крестами, и через некоторое время я прибыл в военно-полевой госпиталь. Мне очень здорово повезло, потому что ввиду опасности того, что китайцы сбросят наших в море, всех раненых, в том числе и меня, той же ночью самолетом перебросили в Токио.

В Токио мы прибыли 15 февраля 1951-го года. Мне только что исполнилось восемнадцать, и это был мой первый приезд в Японию. Половина города тогда все еще представляла собой пепелище, но мне Токио понравился и таким.

Пока я был в Японии, мои товарищи еще дважды ходили против китайцев на той высоте, и в конце концов шесть измученных героев взяли ее с криками и с примкнутыми штыками. Позднее один корейский снабженец сказал нам, что слышал, будто чинки называли нас сумасшедшими дьяволами. И они

были правы, потому что действительно нужно быть совершенно сумасшедшим, чтобы ползть в эти горы и воевать за страну, даже о существовании которой ты не слыхал всего шестью месяцами ранее.

В те дни мы потеряли убитыми тридцать человек, полбатальона было ранено. Поэтому нас вывели с передовой на отдых, но мы многое сделали в тот день, чтобы спасти положение, потому что к тому времени силы китайцев тоже уже были на исходе, и они отступили. В результате Пусан и вся 8-я армия были спасены. Тогда впервые в истории современной голландской армии трое солдат получили высшую награду Голландии за отвагу — Военный орден Виллемса. Это были погибший командир роты, лейтенант Анемаэт, который командовал атакой на ту высоту, и его вестовой Кеттинг Оливьер.

Меня продержали в Токио шесть недель. И не в связи с моим ранением, а потому что батальон находился на отдыхе и потому что я был так молод, что начальники решили, что будет лучше, если я отдохну немного дольше. Я, разуме-

Первая атака на высоту 325 после того, как китайские командос проскользнули мимо наших позиций и первыми атаковали штаб батальона с тыла. Командир батальона был убит 12 февраля 1951 г., а я получил две пули из ППШ в правое бедро и отправился в госпиталь в Токио.

³ Парка — длинная куртка с капюшоном — прим. перев.

⁴ Автомат ППШ М1941 китайского производства; солдаты ООН во время войны в Корее называли его «рыгающим автоматом» за характерный звук, производимый при стрельбе — прим. перев.

Отступление после боя у водохранилища Хвачхон и ожесточенного танкового боя в долине с чинками. 24 апреля 1951 г.

ется, считал, что они в этом случае совершенно правы.

В эти дни нам устроили экскурсию по Токио. В числе достопримечательностей, которые мы посетили, был и институт дзюдо Кодокан. Пожилой мастер по фамилии Мифунэ провел для нас показательные выступления. Он был обладателем высшей мастерской степени в дзюдо, но в то время я даже и не подозревал о том, какую большую роль он позднее сыграет в моей жизни.

Я также познакомился с одной симпатичной девушкой в магазине при полевой почте в Токио. Через несколько недель я женился на ней по обряду какой-то глупой японской религии. Что, разумеется, не имело ни малейшего значения, потому что, когда я снова ее увидел незадолго до отплытия в Голландию, она работала в баре «Роза Шарона» в порту Сасэбо, где мы сделали короткую остановку, была беременна (не от меня), и у нее был сутенер. Вот такая у нас получилась любовь. С тех пор я приобрел весьма здоровое отвращение к шлюхам и сутенерам.

Вечерами, когда я не был в увольнительной, я слонялся по больничным палатам госпиталя. Именно там я увидел, что война делает с людьми, которым перестает улыбаться удача: она делает людей без половины лица, или без ног и рук, или таких, у кого живот — одна

плошная рана. Всего этого было достаточно, чтобы до чертиков напугать пацана.

В общем, когда меня, в конце концов, отправили назад в Корею на самолете, я сидел в нем и через иллюминатор смотрел вниз на Токио с его миллионом огней и неонем, и он казался мне какой-то сказкой, и я чувствовал себя чертовски одиноким и напуганным, и у меня слезы катились из глаз. Когда я приехал в Токио в 1966-м и увидел там американских джиай и калек-ветеранов, приехавших из Вьетнама, я доподлинно знал, что они чувствуют...

В Корее за время моего отсутствия ничего не изменилось, дела шли нормально. В апреле мы направились на фронт в районе Инджэ, где китайцы и северокорейцы пытались вырваться из окружения. Мы думали, что все о'кей, как вдруг получили приказ отступать, потому что теперь уже в окружении оказались мы.

Три дня мы топали по узеньким горным дорогам по суровой, но прекрасной старой Корее. Эта пешая прогулка была впоследствии названа «трехдневным голодным отступлением», потому что у нас совсем не было еды. К моменту возвращения к своим мы выглядели, как пираты, и жрали соответствующим образом.

На третий день над нами пролетел легкий разведывательный самолет «Пайпер куб» и сбросил нам какой-то цилиндр. Я все еще был ординарцем и потому подобрал его и отнес капитану Клумкенсу. Он прочитал оказавшуюся в нем записку и сказал: «Парни, надо спешить, потому что чинки уже на противоположном склоне холма и движутся в нашем направлении. К счастью, они, кажется, не знают, что мы находимся здесь».

Атака на холмы в районе Инджэ. Долина находится под массированным обстрелом. 30 мая 1951 г.

Мысль об этом приделала нам крылья, и мы добрались до ооновских позиций на несколько часов раньше китайцев.

Но уже посреди той же ночи китайцы снова прорвали ооновскую оборону и большим числом, как обычно, атаковали нас с тыла. И мы снова побежали так быстро, как только могли, потому что китайцев было столь много, что лучше было предоставить возможность иметь с ними дело самолетам и артиллерии. Через несколько дней 2-я дивизия остановила китайское наступление и заперла чинков в долинах и холмах в районе Инджэ.

Добравшись до Инджэ, мы разбили свои крошечные палаточки. Дождь лил тогда целыми днями, и вид у нас был действительно жалкий. К тому же гаубицы, которые постоянно бухали по китайским войскам, не способствовали послепоуденному сну. И все-таки мы спали как убитые, потому что все устали мертвецами.

А в конце мая китайцы снова прорвали нашу оборону. Они начали с атаки на батарею гаубиц, которая размещалась на холмиках, разбросанных вдоль долины. Поднялась ужасная сумятица, грузовики, джипы и солдаты из различных подразделений в панике разбегались в разные стороны. Китайцы повсюду убивали наших солдат, которые все еще лежали в спальных мешках или сонно таращились по сторонам. Не знаю, как звали того генерала, на чьей совести лежит вина за эту бойню, но надеюсь, что он будет мучиться до конца своей жалкой жизни⁵.

Я подхватил свои ботинки и карабин и побежал прочь от дороги, подальше от места этой бойни, потому что именно туда китайцы обрушили огонь своих минометов. Я увидел маленький ручеек и, будучи умным осликом, забрался в него и быстро-быстро зашагал по воде в другой конец долины, потому что все бежали в том направлении, а сзади наседали чинки и североко-

⁵ Проблема отчасти была в плохой подготовке, отчасти — в слабой организации разведки, но главное — в плохой координации действий между отделами американского штаба. При этом командиром 2-й пехотной дивизии США был генерал-майор Кларк Руффнер, который считался одним из лучших дивизионных командиров армии США. Возможно, он действительно был хорошим командиром. Но, к несчастью, его начальник, генерал-майор Эдвард Алмонд, штабной офицер, жаждавший славы, был настолько бесчувственным к солдатам, что однажды прилетел к водохранилищу Чосэн, чтобы сказать американским морпехам: «Сегодня довольно холодно, не так ли? Когда я проснулся сегодня утром, то увидел ледяной рисунок на стекле у моей кровати».

*В начале июня 1951 г. я снова в
военно-полевом госпитале,
на этот раз — с маленькими
осколками ручной гранаты в лодыжке*

рейцы. Потом я услышал топот бегущих надо мной по берегу людей, они были всего в метрах двадцати. Я оглянулся, увидел хлопчатобумажные униформы и смешные шапочки, услышал их смешные голоса и сразу понял, что это китайцы или, что еще хуже, северокорейцы, которые не брали пленных. Мое сердце замерло на несколько мгновений.

В тот же момент они тоже увидели меня. Видимо, ранее той ночью они уже расстреляли большую часть своих боеприпасов, поэтому, вместо того чтобы открыть по мне огонь, они начали забрасывать меня ручными гранатами. Я почувствовал в правой лодыжке жгучую боль и обмочил штаны. Было чертовски больно, но я не останавливался, чтобы посмотреть, что случилось с ногой. Я просто вылез из этого рва и влился в основной поток бегущих. В нем я запрыгнул на джип и провел эту ночь с несколькими джипай из 2-й пехотной дивизии, которые стреляли по всему, что шевелилось, в то время как артиллерия и авиация бомбили врага.

На следующий день я дохромал до перекрестка, где эмпи—военные полицейские—усадили меня в ма-

шину с красными крестами, и я снова попал в военно-полевой госпиталь, на этот раз с небольшими осколками шрапнели в лодыжке. Там я также прихватил чесотку, и в общем прошло недель шесть или семь, прежде чем я вернулся в свою часть. В эти дни в битве при Инджэ мы понесли тяжелые потери: 21 убитый и множество раненных. В числе убитых были мои близкие друзья Паульте Руц и ван дер Валь плюс два симпатичных сержанта—Бреман и Шумэйкер. Всего наш взвод потерял 8 человек, то есть почти 20% состава—потери были очень тяжелые.

Когда я вернулся в свою часть, она была на отдыхе. Мы хорошо провели там время. А потом, в июне, нас снова послали на фронт, на так называемый «последний период» перед отправкой на родину.

Гора Тэсун имеет высоту 1197 метров, на протяжении многих недель она была нам домом. Мы больше не бегали и не отступали. Начинался период войны, который мы называли «бункерным». Мы строили большие деревянные бункеры, окопы—все по полной программе, как во время Первой мировой. По ночам мы ходили в охранение или в дозоры. Китайцы пытались пробраться на наши холмы, а мы—на

*На отдыхе с
захваченным
китайским
«рыгающим»
автоматом.
Июль 1951 г.*

*Последние задания и атаки на
гору Тэсун (высота 1179 м).
Новая тактика: окопы, бункеры
и патрули вокруг гор. С 15-го
июля по 6-е августа 1951 г.*

их, выискивая друг у друга слабые места.

И наконец, это удалось — дыра была найдена.

26 июля 1951-го года мы получили приказ о том, что рота «С», в которую я был направлен для дальнейшего прохождения службы после возвращения из госпиталя, должна атаковать китайцев на горе Тэсун. Вместе с несколькими подразделениями американской пехоты мы должны были попытаться захватить эту высоту.

Как выяснилось впоследствии, несколько генералов из нескольких частей наблюдали в бинокли за этой атакой с деревянной платформы, которая была установлена на расстоянии двух километров. Ну и, как всегда бывает практически во всех войнах, «они были за нами» — в точном смысле слова. Зачем они наблюдали за нами? Я думаю, для них это был своеобразный урок. Но в то же время я считаю их трусами и сводочами, потому что мы потеряли восемь убитых и еще много раненых за просто так. Любому идиоту тогда было ясно, что нам не взять высоты. У китайцев были отличные крепкие бункеры, где их не могли взять ни самолеты, ни артиллерия. Строить их они начинали с одной стороны холма, а потом рыли туннели с выходом на другую сторону. Над ними были сотни тонн земли и камней. Подъемы и спуски с этих холмов были ужасные. Местность являла собой дикую первозданную пустошь, это были настоящие джунгли на склонах. Впрочем, должен признать, вид был прелестный.

Так или иначе, ни в коем случае нельзя было разрешать голландцам

эту атаку. Через несколько дней мы должны были возвращаться домой. Но нет. После того как ооновцы понесли первые потери, нас послали им на подмогу, и мы с полной боевой выкладкой вновь пошли в бой с белыми от злобы и страха лицами.

Капитан Клумкенс рвал и метал. За всю жизнь не слышал, чтобы он столько раз клялся, как в тот день. Он кричал, что послать нас в атаку — чистое преступление, потому что взять этот холм среди бела дня или, если бы даже нам это удалось, удержать его было невозможно. В тот день двое ветеранов погибли ни за грош⁶.

Когда мы, в конце концов, приблизились к вершине, то среди сосен я увидел нескольких наших товарищей, убитых и раненных, они лежали перед китайскими окопами. Поверх мешков с песком виднелись маленькие ручки, стреляющие в нас из автоматов или бросающие в нас гранаты (я никогда не видел, чтобы кто-то целился при стрельбе, обычно и те, и другие просто поднимали свои автоматы над головами и стреляли). Огонь полностью уничтожил природную красоту... В общем зрелище оказалось чересчур мрачным для восемнадцатилетнего мальчишки, который считал себя

⁶ Согласно инструкциям Восьмой армии, командиры дивизий должны были получить одобрение из корпуса при отправке более чем одного взвода в атаку. Видно, спал генерал Алмонд в своей кровати со стаканчиком охлажденной водички на прикроватном столике, а потому и не мог дать оценку такому важному решению.

ветераном и думал, что вернется домой с медалями, а вместо этого был просто обманут.

Один офицер приказал огнеметчику выдвинуться вперед. Кого-то, кто был впереди меня, снайпер подстрелил в бицепс. Раздался тошнотворный хлопок... Я так и не узнал, в кого попала та пуля, потому что был очень занят тем, что спасал собственную шкуру.

По рации мы запросили поддержку с воздуха. И вскоре в небе показались винтовые машины южноафриканских ВВС. Я взглянул на них, и в животе у меня все опустилось, потому что П-51-е заходили и пускали ракеты прямо по нам. Я подумал, что сейчас-то мы все и поляжем прямо здесь, когда ракеты с жутким ревом ударили прямо по китайским окопам и бункерам и разорвались, наверное, метрах в двадцати правее нас.

В тот же момент мы получили приказ отступить. И я вам, ребята, скажу, я отступил! За это отступление мне, наверное, полагалась олимпийская медаль.

7 августа 1951-го года наш батальон получил приказ приготовиться к выдвижению в тыл для отъезда домой. Мы были в приподнятом настроении. Полные энергии, мы забрались на грузовики, но когда мы отъезжали от горы Тэсун, китайцы дали три артиллерийских залпа по обочине. Снаряды в нас

не попали—они легли где-нибудь в миле от нас, но нашим ректальным мускулам все же пришлось потрудиться. Это был последний выстрел, который я слышал на протяжении некоторого времени.

За этот период службы я был дважды ранен и научился стоять на своих двоих в самых затруднительных ситуациях. Во время боя под Хёнсоном, когда лейтенант отдал приказ примкнуть штыки, и я видел, как мои товарищи погибают холодной ужасной темной ночью, я поклялся всеми святыми, что никто и никогда не посмеет тронуть мою семью (по крайней мере, безнаказанно) и что я никогда и ни перед кем не отступлю. «Ветхий завет» в той его части, где провозглашен принцип «глаз за глаз, зуб за зуб» (последняя версия особенно нравилась моему другу по съемкам в кино Рикку де Гоойеру), явно подходил для меня. Более того, после всего произошедшего я решил, что буду сам решать, что хорошо, а что плохо, и никому не позволю решать это за меня. В мире слишком много идиотов, и многие из них занимают слишком высокие места, чтобы я поступал иначе.

Я многое передумал по дороге домой, но одно я знал наверняка—что в этот год мальчишка стал мужчиной. Ему еще многому надо было научиться, но, тем не менее, он уже был мужчиной.

Возвращение в Хёнсон, где в боях мы потеряли убитыми 27 товарищей и 60 человек, в том числе меня,— ранеными. Все очень растроганы и полны воспоминаний о той страшной черной холодной ночи 12 февраля 1951 г. Хочется плакать...

ГЛАВА 4. СНОВА В БОЙ

Когда мы прибыли в Роттердам, супруг нашей возлюбленной королевы принц Бернард приветствовал нас речью. Мы были чрезвычайно благодарны ему за это. Я всегда восхищался принцем Бернардом и уважал его, потому что он доказал, что он настоящий солдат. Позднее мне еще не раз выпадало счастье видеться с ним.

Я чудесно провел время в Голландии, расслабляясь на площади Рембрандта и в районе Зеедики в Амстердаме. В то время это было уютное и безопасное местечко. По иронии судьбы сегодня там находится «Маленькая Корея».

В конце декабря 1951-го года я вышел в почетную отставку. И мне снова пришлось искать работу.

Гаражи я исключил сразу. Однако работы для молодых людей было не так уж много, а статус безработного обеспечивал «огромную» сумму: в неделю — аж 8 гульденов, то есть около 5 долларов. Причем, чтобы получать эти деньги, требовалось каждый день, кроме воскресений, к десяти утра и к трем часам пополудни являться в бюро трудоустройства. Такая система не позволяла подрабатывать так, чтобы об этом не было известно в бюро.

В общем, я не знал, чем заняться, и тут прочитал в газетах, что война в Корее вскоре завершится, потому что уже идут мирные переговоры, и что все войсковые части, которые туда направляются, теперь выполняют функции только миротворческих сил. Короче, я заглотил эту наживку и подписал контракт на второй срок службы.

В феврале 1952-го я отправился в школу подготовки командос в Роозендаале, где тогда находился новый лагерь полка имени ван Хойтца. Моя новая работа заключалась в помощи сержанту в подготовке негритянского взвода, набранного в Суринаме. Я теперь был, что называется, NCO — военнослужащий

В Голландии, октябрь 1951 г. Я уже не кажусь таким юным, хотя мне всего лишь восемнадцать...

сержантского состава, но на самом деле не имел ни сержантского звания, ни соответствующего жалования. Зато у меня были права сержанта, что мне, конечно, очень нравилось, потому что теперь ту тяжелую работу, какую раньше делал я сам, должны были выполнять другие.

Через пару месяцев такой службы я «влип» в неприятную историю. И в итоге комендант лагеря заявил мне: «Если поедешь добровольцем в Корею, мы забудем про трибунал». Газеты утверждали, что война на последнем издыхании, и я сказал: «О'кей!»

В июле 1952-го года с группой из приблизительно сорока человек я приехал в Бремерхафен, что в Германии, откуда мы отплыли в Корею.

Где-то посреди Индийского океана, на полпути в Корею, я услышал по радио, что мирные переговоры в Панмунджоне свернуты и что полномасштабные боевые действия развернулись с новой силой. Причем теперь война сводилась в основном

к захвату друг у друга холмов—делу довольно мерзкому даже для войны. Я, разумеется, пережил небольшой инфаркт и проклял себя на веки вечные за то, что снова «влип» по полной программе.

Корабль добрался до Инчхона в августе 1952-го. Из порта грузовики повезли нас прямо на передовую. В этот раз мы оказались поблизости от так называемого «Железного треугольника», вершинами которого были Пхеньян на севере, Чорвон на западе и Кумхва на востоке. Наш батальон стоял близ Чорвона, на горном хребте, прозванном «Аллигатором». На левом фланге у нас были такие печально известные места, как Старая лысина и Белый конь—холмы, контроль над которыми стоил нам сотен жизней и которые порой переходили из рук в руки по четыре раза за ночь.

Пока мы выгружались из грузовиков, поблизости рванула пара минометных мин. Двое парней, которых я едва знал, были убиты, даже не поняв пороха... Это отнюдь не способствовало улучшению моего настроения, и я старался даже не думать о тех неделях и месяцах, которые мне предстояло провести в Корее.

Я снова попал в роту «С» и был назначен в пулеметную команду, оснащенную пулеметом Браунинга 30-го калибра. Наша повседневная рутина сводилась к еженощным дозорам, а тот, кто не уходил в дозор, должен был сидеть в окопах в охране по четыре часа кряду, а для меня это был настоящий ад.

В команде служили классные ребята—Ханс Кребас, Жерар Мейерс и Фриц Бугель. Мы всегда старались держаться вместе во время выходов в дозор, во время мелких зондирующих атак и при посещениях деревень, когда главным было не попасться эмпі—американской военной полиции.

С 18 сентября по 24 октября 1952-го года наш взвод был приписан к цейхгаузу сторожевого охранения. Он находился к востоку от Старой лысины, причем всего в ста пятидесяти метрах правее располагалась позиция китайцев. Соответственно, Старая лысина и Белый конь были у нас слева.

Сначала мы занимали охраняющий пост в Нудэ, а позже—в Эри. Первый пост был не столь уж плохим местом, а второй—просто ужасным: там от китайцев, которые сидели в каких-нибудь ста пятиде-

Снова в Корее... Мой второй срок службы, август 1952 г. Снова бункерная война, ночные патрули... Я — пулеметчик роты «С»

сяти метрах от нашей позиции, нас отделял всего лишь маленький окопчик, который был заминирован и плотно прикрыт колючей проволокой, и мы даже не осмеливались поднимать головы над мешками с песком, потому что снайперы противника моментально открывали огонь.

В один из дней по нам непрерывно вели снайперский огонь. Мы даже подняли каску на палке, и пуля сбила ее. Тогда мы проделали несколько крошечных наблюдательных щелей между мешками с песком и в конце концов засекли виновника наших неприятностей. На противоположной стороне совсем недалеко от нас мы заметили маленькую дырочку среди китайских мешков с песком и дульный срез снайперской винтовки—ее ствол был просто просунут в дырку. Ханс Кребас сказал, что снайпера можно прикончить тяжелой винтовочной гранатой, но стрелять придется с плеча. Между тем винтовочную гранату крепили к «М-1 Гаранд» с помощью специального приспособления и механизма стрельбы. Приклад винтовки обычно упирал в землю, потому что отдача при выстреле была настолько сильная, что казалось, будто стреляешь из миниатюрной пушки.

Мы обменялись идеями, и в конце концов у меня родилась «светлая» мысль наполнить мешок наполовину песком, наполовину газетами и использовать его в качестве подушки для моего плеча. Я зарядил гранату, а товарищи прижали мешок к моему плечу. Затем я осторожно прицелился через маленькое отверстие, проделанное между мешков, и нажал на спусковой крючок. В следующее мгновение я полетел вверх тормашками через весь окоп и приземлился, разумеется, головой вниз.

Отдача едва не раздробила мне плечо. Несколько недель я едва мог шевелить рукой, причем плечо у меня переливало всеми цветами

радуги—только тона были потемнее. Но если этот выстрел обошелся дорого мне, то тому парню он стал еще дороже. Думаю, эта сволочь уже не смогла узнать, что это ее так шарахнуло. Ребята говорят, что граната вошла прямо в дырку, через которую стрелял снайпер, так что, наверное, после выстрела выглядел он несколько иначе, чем прежде.

На позициях днем мы сидели в бункерах, а по ночам ходили в дозоры. Обычно эти дозоры сводились к наблюдению за вражескими позициями, но иногда мы ходили и за «языком». Тогда мы устраивали засаду в расчете, что в нее попадется китайский дозор. Тому, кто брал пленного, давали пятидневный отпуск в Токио со всеми прилагающимися радостями. Понятное дело, что это случалось нечасто.

Если мы не уходили в дозор, то оставались в охране в окопах, дежуря сменами по четыре часа. Когда наступал мой черед заступать на пост, я часто наблюдал за боями за Старую лысину. Можно было видеть разрывы, а когда ветер дул прямо на нас, то и слышать звуки боя и даже выкрики. И каждый раз я думал: «Какое счастье, малыш, что ты здесь!»

Из-за того что наша маленькая группа ходила в дозоры чаще других, Ханса Кребаса назначили разведчиком в 38-й полк янки. И вот однажды ночью Хансу приказали сопроводить какое-то подразделение из 2-й пехотной дивизии США. Американцам приказали атаковать холм, находившийся слева от Эри—высоты 200, названной так по углу возвышения, указанному на карте, захватить его и удерживать. А Ханс должен был показать им дорогу, потому что знал местность так же хорошо, как ладонь своей руки.

Ханс вышел по темноте и направился к холму, а за ним двинулась вся американская рота. Когда они добрались до подножия, ка-

питан янки не поверил Хансу, что это именно тот холм, который ему приказали атаковать. Ханс был любитель подтрунить и пошутить, но отнюдь не трус. И тогда он сказал: «О'кей, идите за мной!»—и повел их вверх. Посередине склона он указал на вершину, сказал: «Ну, ребята, берите их!»—и повернул назад.

Но американцы в типичном для янки стиле уже наделали столько шума (А в корейской долине ночью можно слышать, как гадит мышка!), что теперь уже вся китайская армия знала об их подходе. Китайцы оставили позицию, обошли холм слева и справа и вышли туда, откуда янки начали подъем наверх. Так что когда американцы оказались на вершине, там было пусто. Ликуя, они сообщили по радиции, что захватили холм. А потом там разверзся ад.

Китайцы поднялись на холм вслед за ними, но только тихо, а янки и не ожидали атаки с тыла. Не сообразив, что произошло, они решили, что к ним прибыло подкрепление. Расплата за ошибку была жестокой.

Я сидел в бункере со своим пулеметом 30-го калибра, слушал типичные звуки ожесточенного боя и думал: «Да, ребята, это вам не пикник... А ведь там Ханс!» Прошел час или около того, а Ханса все не было. Тогда я пошел к лейтенанту Босу спросить разрешения пойти в долину и поискать Ханса. Сначала он и слушать ничего не хотел, но через некоторое время сдался и отпустил меня.

Я прихватил свой карабин М-1 и много магазинов к нему, 45-й пистолет и несколько гранат и поспешил к холму. Всю дорогу я проклинал чертовых янки, которые втянули Ханса и меня в эту историю, потому что мне было страшно.

В отдалении я слышал беглый огонь из автоматов—наших и китайских. Китайцы сыпали минами из минометов, наши били из танков и орудий. Доносилось и множество

других звуков, я почувствовал выброс адреналина и начал обливаться потом. Но мы с Хансом через многое прошли, и я просто не мог позволить ему погибнуть.

На полпути в свете прожекторов, которыми наши обшаривали долину, словно зенитчики Второй мировой, искавшие в небе вражеские самолеты, во вспышках орудийных выстрелов и разрывов снарядов я увидел крупный китайский отряд. Определить, что это китайцы, было несложно—они были вооружены «рыгающими автоматами» и имели хлопковые фуражки и униформу. Я подождал за кустами, пока они не исчезли из вида, завернув за правый склон холма. Янки ждали новые неприятности...

Переждав еще немного, чтобы убедиться, что китайцы ушли (Я ведь совсем не хотел связываться с ними и, уж конечно, не собирался подниматься на этот чертов холм!), я закричал: «Кребас!» Я кричал снова и снова. Это было не очень умно с моей стороны. Но к моему великому удивлению, от подножия холма я услышал: «Блюминг! Блюминг!» Можете себе представить?!

Ханс был очень возбужден, но, как обычно, острил на счет глупых янки. На плечах у него висел раненный американский солдат. Мы обнялись и потом весь остаток ночи помогали раненым добираться до наших позиций. И это уже было совсем не весело. У некоторых были оторваны ноги и другие повреждения в том же роде. Зрелище было действительно ужасное.

На следующее утро, когда мы, наконец, вернулись на наш пост в Эри, у подножия холма нас ждали два генерала—американский и корейский. Они спросили, кто мы такие. Когда наш лейтенант доложил, генералы спросили, почему мы оказались вместе с американцами. «Ну,—сказал лейтенант,—этот был проводником, а этот—его товарищ, он пошел искать того, когда началась заваруха, потом они всю

ночь таскали раненых». Наши имена записали и сказали, что за наши действия мы получим по американской Серебряной звезде, а это довольно высокая награда для рядового. Впрочем, никаких медалей мы так и не получили, в общем, нас снова надули.

Когда мы уже доложили обо всем капитану, для нас разверзся ад. Это была ночь с 10-го на 11-е октября 1952-го года. Возможно, китайцы ответили так на американскую атаку высоты 200. В любом случае, мы были уверены, что они собираются взять наш аванпост, потому что еще ночью они дали по нему 12 залпов из минометов и орудий.

Когда началась стрельба, я занял свою ячейку № 30. Но оказалось, что мой пулемет полностью разбит—он получил прямое попадание из 82-миллиметрового миномета. На месте остался только мой маленький бункер.

Я побежал назад, в командный бункер, чтобы доложить об этом, и вдруг огромный кулак ударил меня в спину. Я упал на землю прямо лицом и едва не потерял сознание—неподалеку позади меня упала мина, выпущенная из миномета калибра 60 миллиметров.

Когда я поднялся, то почувствовал ноющую боль под левым коленом и закричал: «Нет! Нет! Ради бога, только не это!» Ощущение было такое, словно все мое колено разбито вдребезги. Потом я добежал до командного бункера и ввалился в него.

В бункере уже было несколько раненных американцев и один голландец, Шпаннинг, у которого в задней поверхности бедра застрял здоровенный осколок, причинявший ему жестокую боль. Пока я докладывал капитану о гибели моего пулемета, санитар осматривал мою рану. Он сказал, что мне снова повезло, но что я точно буду отсутствовать несколько недель.

Мне стало дурно от вида всех этих раненных в командном посту, и, в конце концов, я захромал к своему бункеру. Я залег в нем и стал наблюдать через смотровые щели за ходом боя с карабином и гранатами наготове.

Через некоторое время боль, тошнота и усталость одолели меня. Я на секундочку прилег отдохнуть, и в тот же миг ужасный взрыв ударил по крыше моей корейской виллы. Я принял все тяжеленные сосновые бревна с крыши прямо на свои яйца и при этом безо всякой музыки. От мучительной боли я выблевал. Чувствовал я себя так, словно меня сшиб грузовик.

Придя немного в себя, я захромал назад, в командный бункер, и сидел там до рассвета, когда приехал броневик и эвакуировал Шпаннинга и меня в военно-полевую госпиталь. Это был мой третий визит туда, продолжавшийся около шести недель.

Место, где меня подстрелили в третий раз. Я получил осколок минометной мины под колено и семь недель военно-полевого госпиталя... Аванпост «Арсенал», метрах в тридцати от чинков. Октябрь 1952 г.

Позиция моего пулемета на аванпосту Нудэ. Зима 1952-53 гг. И снова 20 градусов ниже нуля...

Доктор в госпитале снял с меня бронезилет (зимой 1952-53-го годов мы все их носили) и присвистнул. Он показал мне дыру на спине и сказал: «А ты счастливчик, рядовой!» Там было огромное отверстие от осколка прямо между лопаток. Бронезилет спас мне жизнь⁷. Теперь я знал, что это с такой силой ударило меня в спину, что я полетел лицом на дно окопа.

Врачи так и не смогли вытащить осколок из-под моего колена. По их словам, эта операция могла бы только еще сильнее травмировать меня. И сегодня, когда мне делают рентген колена, врачи всегда у меня спрашивают: «А вы знали?» И я только киваю, потому что, черт возьми, знаю об этом прекрасно!

После нескольких недель отдыха и подготовки мы снова вернулись на передовую. На этот раз это был аванпост Нудэ. Нудэ почти постоянно подвергался атакам. К счастью, они были не столь частыми в тот период, когда там находился я. К тому же аванпост Нудэ располагался не так близко к китайцам, как аванпост в Эри.

Я был там вместе с нашим отделением под командованием капитала Бугеля, которого мы называли «старинной Зумом», потому что он был ветераном партизанской войны

в Югославии во время Второй мировой. Всего нас было девятеро.

И снова была война нервов, дозоры каждую ночь, постоянное ожидание вражеского удара. Каждый день на нас обрушивалось множество артиллерийских снарядов и минометных мин.

Где-то в ноябре 1952-го я получил увольнительную на один день в Сеул. Поскольку нам платили всего 1 доллар в день, я прежде всего закупил в американской гарнизонной лавке упаковку бритвенных лезвий, жевательную резинку и сигареты, а потом отправился напрямик в даунтаун, где попытался «торгануть» только что купленными вещами на черном рынке. И, конечно, меня вскоре поймала за этим американская военная полиция.

Эмпи доставили меня к своему начальнику. Он оглядел меня и спросил, сколько мне лет (мне было тогда девятнадцать). Увидел Пурпурное сердце (вручается за ранение в бою) с двумя полосками и спросил, где я получил ранения. Я сказал, что первое получил под Хёнсоном и Вонджу в феврале 1951-го, а второе — несколько дней назад. Он чуть не подпрыгнул и сказал мне: «Сынок, если тебе что нужно будет из гарнизонной лавки, ты ко мне приходи, и кто-нибудь с тобой сходит. Но даже если ты действительно получаешь всего 1 доллар в день, а я считаю, что это позор, никогда больше не пытайся что-либо продать на черном рынке». После этого он отпустил меня.

Однажды ночью, когда я спал в своем бункере, я услышал громкий взрыв, а потом жуткие крики Ханса, звавшего меня. Я напугался

⁷ Бронезилет армии США «Жилет нейлоновый Т-52-2» начал поступать в Корею в значительном количестве в декабре 1952-го года. Как и другие жилеты своего поколения, он весил около 6 фунтов в сухом состоянии и чуть более 8 — в мокром. Он защищал туловище с помощью накладывающихся друг на друга нейлоновых пластин. Исследования показали, что использование бронезилетов войсками на фронте привело к снижению потерь ооновских сил по меньшей мере на 30%.

до чертиков. Схватил свою 45-ку, кувыркнулся и прыгнул в окоп. Там на дне лежал мой приятель, он был весь в крови. Кровь ручьями лила с его лица, груди, рук. Кистей рук у него практически не было. Я быстро оглядел склон холма и наудачу выпустил в темноту все пули из своего пистолета. Не получив ответа, я расстрелял второй магазин, потом подхватил Ханса и понес его по траншеям в главный окоп, где сидели начеку остальные ребята из нашего отделения. До ближайшей станции первой медицинской помощи было около километра. Сержант-санитар осмотрел Ханса, потом провел дыхание рот в рот, потому что тот перестал дышать, посмотрел на меня и покачал головой.

Позже вертолет увез Ханса в госпиталь, и он выжил. Мы все еще хорошие друзья с ним, но у него практически нет рук, а в теле полно осколков. Ханс живет теперь в Индонезии, потому что жаркий климат немножко снижает болевые ощущения его тела. Китайские разведчики явно услышали, как он тихонько напевает сам себе, и вознаградили его за пение гранатой, прежде чем уйти прочь, словно призраки.

Ужасно расстроенный, я подошел к капралу Бугелю и сказал ему, что Ханс умирает и что в этом отчасти виноват он сам, потому что он постоянно пел и подтрунивал над всеми. Той ночью капрал Бугель сошел с ума и расстрелял полную обойму из своего пистолета 45 калибра в керосиновую печку, и его увезли в военно-полевой госпиталь для психиатрического освидетельствования, а меня назначили командиром пулеметной команды. Но я так и не стал сержантом или хотя бы капралом, потому что каждый раз, когда моя фамилия попадала в список рекомендованных к повышению, военная полиция находила меня в деревне, ходить в которую было, разумеется, запрещено, где я

вышибал дух из каких-нибудь корейских шлях или чересчур болтливых янки.

Эта деревня представляла собой просто группку хижин в долине. Она располагалась километрах, наверное, в двадцати от Уйджонбу. В конце мая—в начале июня 1953-го нас держали в постоянной готовности, делать нам было особо нечего, и поэтому мы периодически ездили туда на грузовиках, тем более что вся поездка занимала минут двадцать.

Началом всему послужило то, что одна шляха попыталась продать маленькую девочку черному джиаю. Нам это не понравилось, и мы отобрали девочку у парня своим обычным приятным способом. Но мать девочки разрыдалась и с воплями кинулась на нас в драку. Это привлекло внимание других корейских проституток, которые торговались с офицерами, и один из них сделал ошибку, выстрелив в нас из своего карабина. Даже сейчас, вспоминая об этом, я чувствую себя не в своей тарелке.

В итоге одна из шлях была убита, а на следующий день нас поставили «во фронт». Дело в том, что на зачинщике драки был темно-синий берет, а темно-синие береты носили только французы и голландцы. В общем, следователю не нужно было быть Шерлоком Холмсом, чтобы определить круг участников событий. К нам привезли нескольких... леди (?) из деревни, чтобы они посмотрели, нет ли среди нас преступников. Но поскольку мы помогли им выбраться из неприятного положения, при опознании они прошли мимо. Эмпи были взбешены. Они знали, что это сделали мы, но все клялись, что мы весь день были в лагере. Если бы мы были американцами, эти эмпи допросили бы нас по всей строгости, но поскольку мы были голландцы, то они ничего не могли поделать, не имея твердых улик на руках.

Так что через некоторое время они убрались восвояси. Понимая, что мы едва спаслись от большой беды в тот день, ночью мы с Доггером и Вийнбергом крепко надрались. Однако зря мы так радовались—история, как мы узнали по возвращению в Голландию, на этом не закончилась.

Приблизительно в то же время мы получили нового взводного по фамилии Доуна. Это был молодой второй лейтенант, только что из школы коммандос и чертовски приятный парень. К нам также пришел новый первый сержант—Вреесвийк. Все же остальное было как обычно: отдых и подготовка, потом дозоры и боевое охранение. А для меня это был уже последний срок.

В июне 1953-го взвод перевели на фронт в Чунмокиа в Железный треугольник. Как и прежде, дозоры следовали один за другим, иногда перемежаясь прощупывающими атаками на китайские холмы. 26 июля 1953-го года лейтенант Доуна спросил меня, пойду ли я с ним, потому что ему предстоял первый выход в дозор в ничейное пространство, и он хотел, чтобы с ним был в ту ночь мой опыт. Я, разумеется, четырехчасовому сидению в охранении предпочел пойти с ним. Однако начальник лагеря капитан Шуслер отказался отпустить меня. Он сказал, что мое время кончилось, и что я должен возвращаться домой.

Ныне кавалер ордена Виллемса капитан Шуслер—мой друг. Это был отличный специалист по войне в джунглях с богатым опытом специальных операций в качестве коммандос в Индонезии. Он сказал, что для того, чтобы пойти с лейтенантом Доуна, я должен подписать контракт на новый срок службы, а я этого, разумеется, совершенно не хотел. Так что вместо дозора той ночью я счастливый сидел на крыше своего бункера и пиялся в темную долину, мечтая о доме и прочих приятных вещах.

Ничейное пространство. Лето 1953 г.

Через некоторое время я услышал плотный автоматный огонь в долине. Китайцы взялись за дело всерьез: их «рыгающие автоматы» строчили без умолку, они забрасывали наших гранатами. Потом я услышал беглый огонь из автоматической винтовки—это стреляла восемнадцатилетний Хампель. Выстрелы оборвались внезапно, рация не отвечала...

В конце концов, кто-то связался с нами и сообщил, что наши попали в засаду и понесли тяжелые потери. Капитан Шуслер немедленно послал на помощь отделение. Оно обнаружило только убитых и раненых и установило, что двое попали в плен. Ребята принесли назад тела лейтенанта Доуна, сержанта Вреесвийка и моих приятелей—Самуэльса, Хампеля и Бейеринка. Остальные были ранены.

У нас с Самуэльсом был единственный во всем взводе переносной патефон. Мы купили его в Токио. И теперь я остался единоличным владельцем патефона... Все плакали, а я проигрывал старые пластинки...

На следующий день было объявлено о прекращении огня, бои внезапно оборвались. Я с удивлением рассматривал окружающие горы, на которых стояли сотни китайских солдат, они махали нам руками,

кричали и бегали со своими флагами. Я стоял, и слезы лились у меня по щекам. Мне казалось ужасной несправедливостью то, что мои друзья погибли всего за несколько часов до мира. Китайцы были серьезным противником, и хотя нам, в сравнении с ними, пришлось относительно легко, раны той войны ноют у нас до сих пор...

В начале октября 1953-го я вернулся домой. Шесть недель мы плыли на чертовом американском транспорте «Генерал Макрэй», который мы прозвали «Макхангри» — догадайтесь сами, почему⁸. По дороге я регулярно обращался со словами благодарности к своему ангелу-хранителю за то, что он спас мои яйца. Если бы мне довелось встретиться с ним (лучше, конечно, с ней), то я бы крепко его обнял, потому что заставил его всерьез потрудиться, чтобы я дожил до этого момента...

По прибытии в Голландию меня ждал пренеприятнейший сюрприз, потому что по приказу начальника военной полиции я должен был немедленно явиться на военную базу в Берген-оп-Зооме. И когда я туда приехал, эмпи защелкнули на моих руках наручники, хотя и сами не знали за что. Я, правда, подумал, что это связано с той историей с корейскими шляхами.

На следующий день, в воскресенье, сержант сказал мне, что в соседней камере сидит другой ве-

теран Кореи по фамилии Доггер. Он позволил мне переговорить с ним, и теперь я точно знал, что был прав в своих догадках.

В ожидании решения генерал-инспектора нас продержали в тюрьме неделю, а потом еще несколько дней — под арестом в казарме. Затем меня, наконец, вызвали в кабинет к начальнику лагеря, и он сказал мне, что все о'кей, и передал кучу бумаг, которые я должен был подписать. Он сказал, что меня только что приняли в школу сержантского состава в Веерте.

Но после недели, проведенной в этих грязных, вонючих тюремных бараках с их небритыми арестантами, зловонными самокрутными сигаретами и жуткой баландой вместо еды я прямо сказал ему, куда он может засунуть свои бумаги, и вышел вон, заставив его раззявить рот от удивления. Прошло не много времени, прежде чем я снова оказался на гражданке.

Больше я не видел ни Доггера, ни Вийнберга. Во время встречи ветеранов пару лет назад я вспомнил об этом эпизоде и спросил Билла Клаумкенса, который к этому времени стал генералом, что он по этому поводу думает. И он сказал мне, что, не подписав эти бумаги, которые сделали бы меня профессиональным солдатом, я принял лучшее решение в моей жизни. И, думаю, он снова был чертовски прав...

⁸ Английское «hungry» означает «голодный».

ГЛАВА 5. ДЗЮДО—МОЯ ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Я вернулся на родину в качестве «героя войны», награжденного 14 медалями, в том числе такими уважаемыми, как «Боевая винтовка» (Combat rifle), которую вручают участнику боевых действий на протяжении более 6 недель (а я за два года службы провел в боях около 370 дней), и крест «За право и свободу» (The Cross For Right And Freedom) II-й степени, а также медалью ООН II-й степени, американским «Пурпурным сердцем» III-й степени, Знаком Президентской гвардии США II-й степени (в награду за храбрость, проявленную в боях у Хёнсона и на высоте 325, а также в Инджэ) и Знаком Президентской гвардии Кореи II-й степени. Вдобавок сорок лет спустя голландское правительство, которое, в общем-то, никогда особо не заботилось о своих ветеранах, решило наградить меня крестом «За ранение в бою».

Но, увы, все эти награды не представляют большой ценности. Если, конечно, вы не хотите стать профессиональным военным—а я этого не хотел. Так что после возвращения в Голландию я оказался всего лишь еще одним солдатом, вышедшим в отставку.

Но жизнь продолжается. И вскоре после отставки я встретил девушку, которая стала моей первой невестой. Она жила вместе с родителями в бедном, но знаменитом пригороде, который называется «Йордаан». Ее отец был коммунист-фанатик, и это не особенно способствовало тому, чтобы я нашел с ним общий язык. Однажды после очередного спора я заявился вечером в его любимый бар одетый по форме со всеми своими медалями. Он был там вместе со всеми своими пьяными друзьями—трусами, и мое появление привело его в настоящее бешенство. Старик работал на бумажной фабрике бригадиром. Так вот он сказал мне, что если я хочу узнать, что такое настоящий

труд, то мне стоит прийти к нему на фабрику в понедельник, и он все мне покажет.

Разумеется, он был пьян в стельку и не соображал, что говорит. Он просто хотел предстать перед своими друзьями большим человеком. А потому, когда я пришел к нему на работу в понедельник утром одетый в рабочую одежду, его едва не хватил удар. Но, к его чести, он все-таки послал меня в отдел кадров, и уже вскоре я начал работать на фабрике. Это действительно была тяжелая работа. Платили за нее всего около 7 долларов в неделю—понятное дело, что стать миллионером при таком заработке мне не светило.

Не раз я выглядывал в окно, смотрел на солнце, на небо и думал, что точно знаю, что чувствует посаженное в клетку животное. Если бы я провел на этой фабрике лет сорок, то наверняка тоже стал бы коммунистом.

Однажды вечером, когда я шел домой в Южный Амстердам от своей невесты—а эта прогулка занимала минут сорок, потому что у меня не было 40 центов для оплаты поездки на трамвае, я увидел постер, рекламировавший клуб дзюдо под названием «Тунъень». Мне сразу вспомнилось то шоу, которое я видел в токийском центре дзюдо Кодокан, когда находился на лечении в госпитале Аннекс. Это было в апреле 1951-го, а главным демонстратором там был Кюдзо Мифунэ, обладатель 10-го дана Кодокан дзюдо. Тогда, впрочем, все эти даны не имели для меня никакого смысла. Все, что я знал,—то, что этот крошечный старичок—по крайней мере, мне он показался старичком—с красным поясом поверх пижамы может разбросать крепких молодых парней в разные стороны, словно горячие пирожки. Помню, я тогда подумал: «Круто! Вот бы мне научиться так же!» И вот теперь я увидел большой

*Карточка члена амстердамского
клуба дзюдо «Тунгень», 1953 г.*

постер, на котором были изображены два парня, один из них выполнял бросок томоэ-нагэ—«круговой бросок» упором ногой в живот, который вы можете увидеть во всех ковбойских фильмах. А под ними большими буквами было написано: «Клуб дзюдо Тунгень». И я сказал себе: пойду посмотрю, что это такое.

Я никогда не забуду тот дождливый четверг в конце ноября или в начале декабря 1953-го года. Заглянув вечером в разрекламированный зал, я застал там всего лишь одного парня—Эдди Роостермана (через одиннадцать месяцев мы вместе с ним сдали экзамен на черный пояс). Его костюм был повязан зеленым поясом (3-й кю), и он отрабатывал какие-то странные упражнения с шестом. Я не знал тогда, что он выполняет утиками. Для меня это был просто какой-то парень, который, обвив поясом шест, выделывает непонятные скачки. Я спросил его, когда начнется тренировка, и он сказал: «Ну, сегодня дождь, так что никто больше не придет. Приходи завтра вечером».

Следующим вечером я вернулся в клуб. Там я встретил Гэ Гибэлса,

Graduates	
6. Kyu	15-11-53
5. Kyu	15-11-53
4. Kyu	26-4-54
3. Kyu	10-5-54
2. Kyu	12-7-54
1. Dan	14-1-58
2. Dan	15-7-56
3. Dan	9-8-57

Name: J.C. Bluming
 Address: Carrillionstraat 101
 Amsterdam.
 Handwriting: [Signature]

обладателя 1-го дана, и еще человек тридцать других парней. Гибэлс доводился зятем основателю Голландской ассоциации любительского дзюдо, господину, или, как мы его называли, «дедушке» («опа» или «грэндпа») Схутте. Он и стал моим первым тренером в дзюдо.

В те дни был такой обычай, что после урока сэнсэй боролся со всеми учениками в классе. Он не обязательно должен был выиграть все схватки, но непременно должен был поработать в рандори—в свободной схватке—с каждым. Так как я был новичком, то, конечно же, должен был бороться последним. Я еще совсем не знал приемов и даже не

*Старый добрый клуб «Тунгень» во время вечерней тренировки. Справа—
Кees ван Элк, а шестой справа—я. Сентябрь 1954 г.*

умел страховаться. Поэтому Гибэлс захватил мою куртку, провел удушающий прием в стойке, а потом упал на татами так, что я оказался сверху. Не успел я даже подумать: «Это еще что за чертовщина?» — как моментально отключился. Это был первый случай, когда я лишился чувств на дзюдоистском татами.

С этого вечера вся моя жизнь изменилась. Я жил только ради дзюдо. Я думал и мечтал о дзюдо вместе с несколькими товарищами, из которых некоторые стали моими хорошими друзьями. И, разумеется, мы говорили только о дзюдо.

Я полюбил дзюдо в том числе и потому, что упорные тренировки прогоняли мои дурные сны и загоняли повседневные неприятности в какой-то ящик в моем мозгу и накрепко запирали их там. Иногда, конечно, случалось что-то такое, что будило во мне страшные воспоминания о войне, но большую часть ночей после начала занятий дзюдо я проспал безмятежно, словно ребенок. И разве мог я не полюбить то, что позволяло мне спать ночами, не видя ни единого кошмара?

Теперь я каждый вечер после работы мчался с такой скоростью, на какую только был способен, в зал пешком или на стареньком маминном велосипеде. Съедал там несколько кусков хлеба, а потом тренировался до девяти или до половины десятого вечера. Потом шел домой, ужинал и ложился спать. Я жил и дышал дзюдо и всего через несколько месяцев уже получил 4-й кю.

Мою невесту мое страстное увлечение дзюдо не особенно радовало, отношения у нас испортились, но меня это совершенно не беспокоило. Теперь у меня было дзюдо и, что не менее важно, дедушка Схутте. Он полюбил меня по-настоящему и помог мне вернуться к нормальной жизни после войны в Корее, которая повлияла на мою человеческую сущность не самым лучшим образом. На самом деле дедушка Схутте снова сделал меня человеком. Да благословит тебя Господь, сэнсэй и друг мой! Как жаль, что ты ушел из жизни так рано — в возрасте 76 лет 17 июля 1978-го года.

Мой первый учитель дзюдо «Дедушка» Опа Схутте демонстрирует на мне удушающий прием на семинаре в Швеции, где мы помогли организовать первый союз дзюдо, так же, как позднее в Дании. «Дедушка» Схутте был отличным мастером техники борьбы лежа. Справа — Кеес ван Эак и Виллем Гисбертс, знаменитые дзюдоисты того времени, ученики клуба Схутте «Кэн Ам Джу», располагавшегося в Гарлеме.

*Я — второй кю и получаю урок в по-
летах от Ли Сук Ту, чемпиона Кореи
1954 г. по дзюдо во время визита доб-
рой воли корейской сборной в 1954-м.*

На своем первом официальном турнире по дзюдо я боролся с немцем. Я в то время имел 2-й кю и весил около 78 килограммов, а ростом был 196 сантиметров. А мой противник был здоровяк—настоящий «ариец»; он, без преувеличения, весил, наверное, килограммов 110. И все-таки я бросил его левым броском через бедро.

Приблизительно в то же время я впервые познакомился с корейским дзюдо—корейская команда как раз путешествовала по Европе с миссией доброй воли. Она на несколько дней остановилась в Амстердаме и навестила наше додзё. Я тогда впервые увидел настолько мощное и эффективное дзюдо, что подумал, что никогда не смогу стать столь же сильным, особенно с учетом моего небольшого веса.

Тренером команды был Биг Сук, 8-й дан, а капитаном—Ли Сук Ту, 5-й дан. Борясь в рандори с Ли, я научился летать и выполнять экстренную посадку за считанные доли секунды. Это был первый раз, когда я не увидел, а прочувствовал настоящее дзюдо.

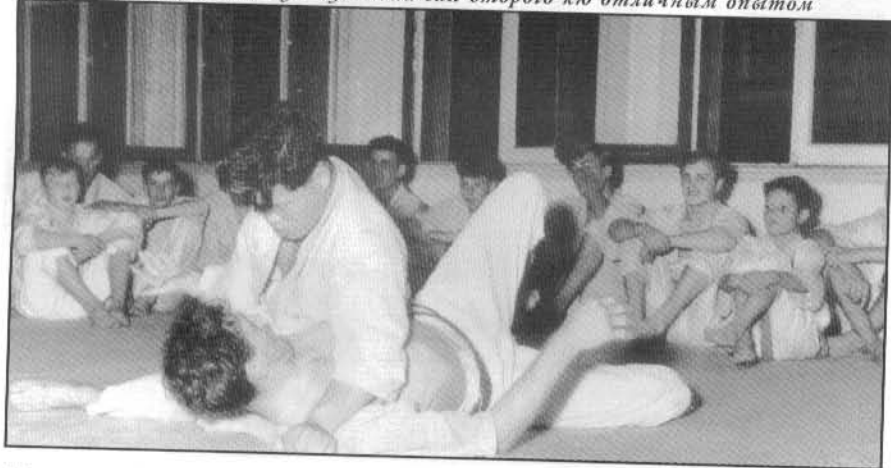
Я открыл для себя, что наряду с хорошей техникой в дзюдо чрезвычайно важны еще сила и скорость. И что в реальной жизни хороший

легковес никогда не сможет победить хорошего тяжеловеса. А ведь в то время еще не существовало деления на весовые категории! И уж поверьте мне: корейцы в сборной были здоровенные. Я не имею в виду—высокие, Бог вас упаси понять меня так. На самом деле я был выше их всех. Просто корейцы были необычайно широкоплечие, буквально квадратные. Ли, например, был не особенно высок, но грудь у него была, как бочонок, а руки и ноги—огромные. Когда я попытался бросить его через бедро, он остановил мою атаку, просунув руку мне между ног, подняв меня и, перевернув в воздухе, грохнул об татами. Но—странная вещь!—работать с ним мне понравилось!

Когда я перестал его атаковать, Ли стал просто подворачиваться и пулять меня любыми бросками,

Борьба в партере с Ли Сук Ту стала для второго кю отличным опытом

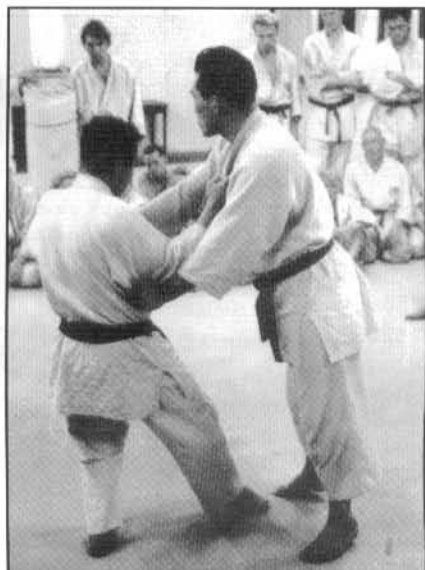

*Урок в «Тунъень додзё» дает Джон
Джун Бак, в то время 7-й,
ныне — 9-й дан дзюдо.*

которые только приходили ему в голову. Сначала он бросал меня хараи-госи и утимата, потом переключился на осото-гари. Наконец минут этак через 25 он устал, и я уполз с матов, покаявшись, что когда-нибудь стану таким же сильным, как он, хотя и не знал, как этого достичь.

Вот так я продолжал тренироваться и 19 декабря 1954-го года, бросив нескольких первых кю и первых данов, получил свой 1-й дан—первый разряд черного пояса. Получить степень дан всего за 11 месяцев—случай необычный, но едва ли уникальный. Например, Ямасита Ёсидзугу, первый обладатель 10-го дана в истории Кодокан дзюдо, получил 1-й дан всего за три месяца, а 4-й—за два года. И все-таки своим успехом я гордился, словно сумасшедшая обезьяна.

Весной следующего 1955-го года меня выбрали капитаном команды знаменитого клуба дзюдо «Тунъень». Это было, как вы, надеюсь, помните, додзё зятя Опа Схутте Гэ Гибелса. Сам Опа Схутте руково-

дил клубом «Кэн Ам Джу», команда которого не знала поражений в европейских клубных турнирах. Но в 1956-м году на очередном клубном кубке Европы, который проходил в Амстердаме, наша команда, наконец, победила команду Опа.

В финале я встретился с капитаном команды «Кэн Ам Джу» Кeesом ван Элком, который в то время был столь же знаменит, как позже Антон Геесинк, потому что он был лучшим европейским дзюдоистом в то время и даже на протяжении

Я — первый дан дзюдо (присвоен Дан-коллегией Голландской любительской ассоциации дзюдо). В паре с покойным Вимом Янсенем. 19 декабря 1954 г.

*Мой хараи-госи начинает работать.
1955 г.*

Послеобеденные занятия в «Тунъень додзё». Слева направо: Она Схутте, я и Гэ Гибелс, который дал мне самый первый урок дзюдо в моей жизни в марте 1955 г.

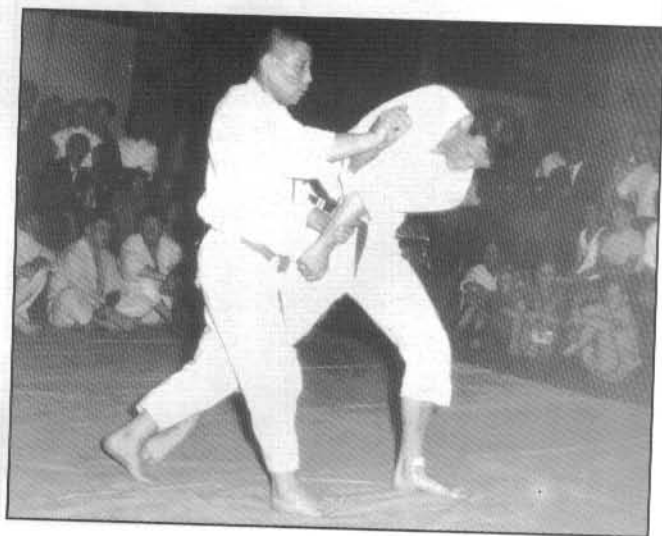
ряда лет позднее. Кеес был особым учеником Хирано Токио, который, в свою очередь, был одним из лучших дзюдоистов в истории Японии и даже удостоился «Золотого самурая» от имени императора Хирохито после того, как за 26 минут одолел 16 районных чемпионов, причем у последнего из них была сломана ключица.

Кеес специально поехал к Хирано, чтобы учиться у него, и на протяжении двух лет тренировался под его руководством. В то время он был моим идолом. Но на кубке Европы я бросил его броском через бедро на оценку вадзаари и тут же провел болевой прием и получил иппон. Благодаря этому команда «Тунъень» завоевала кубок, а я понял, что, по крайней мере, с точки зрения европейских стандартов дзюдо, уже кое-чего добился.

Победный иппон в схватке с Кеесом ван Элком — бросок цури-коми-гюси с последующим болевым приемом — на командном кубке Европы 1956 г.

Я ассистирую во время показательных выступлений знаменитому Хирано Токио в перерыве между командными соревнованиями Нидерланды — Бельгия. Антверпен, октябрь 1956 г.

А как обстояли дела с работой? Давайте смотреть на вещи реально—получая 7 долларов в неделю на бумажной фабрике, многого не добьешься. В общем, в один прекрасный день я ушел из этого старого грязного заведения и в поисках новой работы подал резюме в компанию «IBM» в Амстердаме. Однако «IBM» я оказался не нужен, потому что мне не хватало образования. Но это была американская компания, а значит, у меня были свои козыри.

Я защищаюсь от атаки Брокхойзена в схватке на турнире в Алкмааре

Мое самое первое появление в прессе после победы команды «Тунгень додзё» на командном кубке Европы, проходившем в Беллевию в Амстердаме. Я был капитаном команды и своей личной победой в финале обеспечил победу нашей команды. Сентябрь 1956 г.

Я отправился домой и украсился всеми военными медалями, которые у меня были, вернулся назад и попросился на прием к директору. Секретарь провел меня в его кабинет, и я выложил перед директором свои награды на стол. Потом я спросил его: «И что, это все, чего я заслужил двумя годами службы в Корее в составе 2-й дивизии армии США?» Сегодня любой директор, наверняка, сказал бы мне: «Да! Это все». Но тогда все было иначе. Мои награды произвели нужное впечатление, и я получил работу.

Зарплата там тоже была небольшая—около 8 долларов в неделю, но это было лучше, чем раньше. Да и, в конце концов, надо же было мне с чего-то начать! Но однажды я прочитал в

Турнир «Серебряная улыбка» в Алкмааре. Схватка с Брокхойзеном, самым тяжелым дзюдоистом в Голландской любительской ассоциации дзюдо—145 кг! Я в то время весил 79.

Осень 1956 г.

журнале, который издавала наша компания, что наш большой босс в Штатах зарабатывает несколько сотен баксов в секунду. Даже при том ограниченном образовании, какое у меня было, мне не потребовалось много времени, чтобы подсчитать, что это значит, что он за одну долгую отсидку в туалете зарабатывает больше, чем я за многие годы труда.

Тут мне на помощь пришел мой армейский опыт. Как-то я подметил, что менеджер в магазине совершает какие-то сделки со скупщиком отходов. Тогда я решил, что тоже буду приторговывать, и теперь после каждого дня работы в ящике для табака (одно время я курил трубку) приносил домой по четыре старых бронзовых подшипника, которые подлежали замене. Потом мой тесть продавал их по цене 2 с половиной доллара за штуку. Таким образом, у меня появились левые деньги, хотя и не в таком количестве, как у босса «IBM».

В 1956-м году я снова потерял работу. Дело в том, что один из моих учеников в дзюдо предложил мне помочь получить настоящую профессию — профессию кровельщика. А еще через некоторое время я стал старшим неоплачиваемым инструктором в додзё «Тунъень». Это произошло после того, как я вместе с одним из своих друзей, Питом Вега, съездил в летний лагерь дзюдо в Ла Болле во Франции, где боролся практически со всеми приехавшими борцами и всех победил.

Инструкторами в лагере были Абэ Итиро — джентльмен с мягким спокойным голосом и великодушными ножными бросками, а в настоящее время — заведующий международным отделом Кодокана, и еще один 6-й дан по фамилии Мидзуно. К моему удивлению, я умудрился бросить Абэ через бедро, а Мидзуно — с помощью хараи-госи, тогда как ни тот, ни другой со мной ничего сделать не смогли.

Это произвело на японцев большое впечатление, и они сказали, что я могу сдать экзамен на 3-й дан. Но чтобы получить его, я должен был продемонстрировать два ката. Нагэ-но ката я знал, а вот о Кимэ-но ката даже не слышал. Поэтому в итоге Абэ-сэнсэй присвоил мне 2-й дан. И вот летом 1956-го года я получил 2-й дан Кодокана. Сертификат подписал Кано Рисэй, и я думаю, что я был первым голландцем, получившим сертификат с его автографом. Вот так я и стал старшим инструктором в клубе «Тунъень».

Моя мама, которая к этому времени за небольшую плату работала уборщицей в клубе «Тунъень», сказала, что больше не может выполнять эту работу, потому что сильно устает и у нее обострился ревматизм. Тогда я сказал ей, что буду работать вместо нее, а деньги стану копить для поездки в Японию.

Так, никому ничего не объясняя, я стал убираться в зале вместо нее и прикармливать деньги, которые полагались за эту работу. Меня не удивляет, что мать отказалась от нее, потому что уборка додзё — тяжелый труд. Каждый вечер после работы я должен был мчаться в зал, чтобы пылесосить, протирать пыль, мыть окна, чистить душевые и туалеты и при этом находить время, чтобы съесть пару сэндвичей, принять душ и подготовиться к тренировке. Забавно было, когда все удивлялись, что я всегда прихожу в додзё первым. Когда я уезжал в Канаду в декабре 1957-го года, члены клуба принесли в подарок матери, которая официально объявила о прекращении работы в додзё «Тунъень», цветы, чтобы поблагодарить ее за тяжелый труд уборщицы... Я же открыл правду обо всем только через четыре года, когда вернулся из Японии и стал тренером национальной сборной.

На следующее лето Опа Схутте организовал свой знаменитый летний лагерь в Голландии, куда

Летняя школа в Эрмело, 1957 г. Дан-коллегия Голландского любительского союза дзюдо. Слева направо: Гэ Гибелс, Йон Блюминг, Аннетве Шриккер (в то время единственная в Европе обладательница 3-го дана), Опа Схутте (один из трех обладателей 4-го дана по дзюдо в Голландии), Хирано Токио, 7-й дан.

должны были приехать дзюдоисты из разных мест и целую неделю заниматься только дзюдо. Инструктором был приглашен великолепный Хирано Токио, в то время—6-й дан, а Корейская ассоциация юдо (дзюдо) прислала Опа сертификат о присвоении ему 5-го дана. В общем, лагерь обещал получиться очень интересным и веселым.

Но что сделал я первым делом, приехав туда? Сломал большой палец на правой ноге! Во время схватки палец завернулся под стопу, и я порвал хрящ. Ощущение было такое, словно по стопе молотком долбанули. И поскольку именно

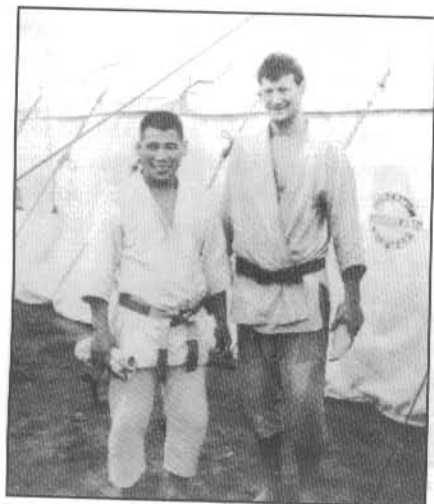
правая нога была у меня опорной при проведении бросков, это была большая проблема.

Вообще, бросать в левую сторону для правши—случай необычный. Но когда я начал заниматься дзюдо, я начал бросать влево. Опа Схутте обратил на это внимание и сказал мне: «Йонни, это очень хорошо, потому что в левой стойке борется очень мало людей». В результате я стал все время тренироваться в левой стойке и уже вскоре не представлял себе, что можно бороться как-то иначе.

Между тем Кеес ван Элк, который тоже был там, провел особое

Урок дает знаменитый Хирано Токио (в то время—7-й дан, скончался летом 1994 г.). Третий справа—я. Летняя школа 1957 г.

После того, как я бросил 75 дзюдоистов с разрядами от 4-го кю до 3-го дана за 26 минут со сломанным большим пальцем опорной ноги, Токэ Хирано присвоил мне 3-й дан дзюдо. С Хирано Токио после присвоения 3-го дана в летнем лагере, 1957 г.

состязание с небольшой группой дзюдоистов и в своей обычной изящной манере с легкостью разложил их.

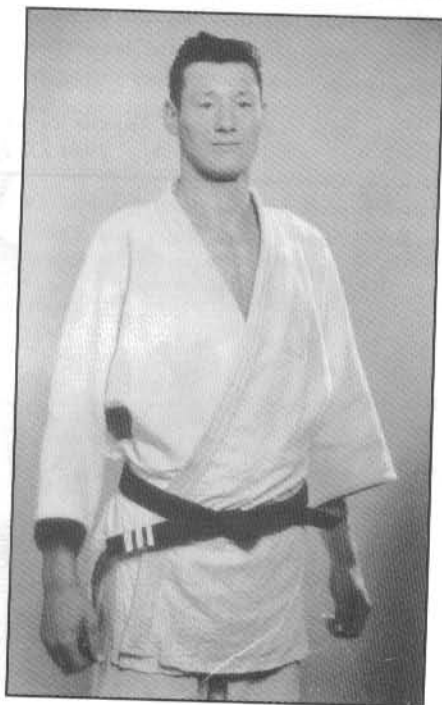
Опа заметил, что я травмировался—это было совсем несложно, потому что все мы были босиком, а мой поврежденный палец окрасился в синюю и желтую краски и распух так, что стал вдвое больше нормального размера,—и сказал: «Какая жалость, что ты палец сломал! Так бы ты смог бросить человек двадцать и тоже устроил бы хорошее шоу...»

В общем, я клюнул на наживку, как рыба: «Вот как! Что вы имеете в виду—«палец сломал»? Сколько человек будет бороться? Если вы хотите получить настоящее шоу, я буду бороться со всеми занимающимися в додзё!»

После пересчета оказалось, что в зале 75 дзюдоистов с разрядами от 4-го кю до 3-го дана. Но я сказал: «Да черт с ними! Я буду бороться со всеми!» И, несмотря на сломанный палец, бросил всех противников, уложившись в 26 минут. Это произвело такое впечатление на сэнсэя Хирано, что он тут же присвоил мне 3-й дан—в то время это была действительно большая честь. Сэнсэй также сказал мне, что я непременно должен найти возможность для поездки на учебу в Японию, и я рассказал ему, что все время готовлюсь к этому.

Я до сих пор помню, что он сказал нам тогда. А он сказал: «Я могу показать вам сто разных приемов. Но имейте в виду, что нет лучшего способа вымучить всех и потом увидеть, что они ничему не научились, как показать сто приемов за час. Когда вы вернетесь домой, вы ничего не будете помнить. С другой стороны, если я покажу вам три или четыре хороших приема за тот же час, вы запомните их навсегда».

И еще он сказал: «Вы должны воспринимать дзюдо как большую миску с фруктами. Одним нравятся яблоки. Другим—груши. Третьим—еще какие-то фрукты. Берите из дзюдо то, что хочется вам». Мне всегда хотелось тоже быть в состоянии сказать что-то такое, что могло бы запомниться так же, как эти слова сэнсэя Хирано Токио, который почил летом 1993 года в возрасте 70 лет.

*Йон Блюминг,
3-й дан*

ГЛАВА 6. ЧЕРЕЗ КАНАДУ – В ЯПОНИЮ

После летнего лагеря 1957-го года и получения мною степени 3-й дан западногерманская полиция пригласила меня в Берлин провести шестинедельный семинар в августе и сентябре, и я, конечно, согласился.

Ко времени моего возвращения в Голландию мой большой палец был в полном порядке, зато босс из кровельной компании был взбешен моим отсутствием и уволил меня.

Тогда, имея в кошельке немного денег, я решил отправиться изучать дзюдо в Японию. В наши дни такая поездка стоит относительно дешево. Требуется немного поработать, скопить несколько тысяч, а потом купить билет на самолет, вылетающий в Японию. Но тогда все было не так просто, поскольку даже для простой поездки по Европе все еще требовался паспорт, а накопить необходимые деньги было не так-то просто.

Денег на поездку в Страну восходящего солнца у меня, разумеется, не было, но их хватало, чтобы добраться до Галифакса, что в канадской провинции Нова Скотиа,

В самом начале моей карьеры инструктора дзюдо в Берлине. В берлинском зоопарке, октябрь 1957 г.

который, по моим прикидкам, находится где-то на полпути в Японию. Поэтому я отправился в канадское посольство и сказал, что хочу эмигрировать в Канаду. (Я, конечно, не сказал, что для меня Канада была только перевалочным пунктом!) После того, как я заполнил несколько анкет, чиновник консульства спросил меня о моей профессии. Я назвал инструктором дзюдо. «Но это же не профессия», — сказал он и сообщил, что Канаде нужны работники с практическими навыками — плотники, кровельщики, работники бумагоделательных предприятий, а инструктора дзюдо не требуются.

Ужасно разозлившись, я отправился домой, извлек на свет все свои военные медали и снова направился в посольство, где потребовал организовать мне встречу с канадским послом. Ко мне вышел первый секретарь посольства. *С «другом» в Берлине*

Я высыпал перед изумленным чиновником на стол свои награды и сказал:

—Послушайте, я заслужил это в Корее, мне обещали, что я буду пользоваться разными привилегиями, что все будут мне помогать. А теперь я не могу поехать в Канаду. Объясните мне, почему?

В этот момент в комнату вошел еще один джентльмен в несколько старомодной одежде, оглядел разбросанные по столу медали и сказал:

—О, извините, я вам не помешаю?

—Нет, господин посол, входите, пожалуйста.

Посол выслушал мои объяснения и сказал:

—Парень прав. Нам нужны такие люди. Подготовьте необходимые бумаги.

Итак, я мог выехать в Канаду. Но сначала я должен был сделать операцию на правом колене, потому что мой медиальный мениск оказался разорван надвое. Сегодня такая операция делается очень просто—надо только в офис позвонить, а в то время мне пришлось десять дней провести в госпитале и перенести жуткую боль.

Бедствие посреди рая: операция на колено в старинном варианте... Через 6 недель после нее я бросил 20 черных поясов на чемпионате в Гарлеме, обмотав ногу велосипедной шиной. Осень 1957 г.

После всех этих дней в гипсе моя нога казалась очень худой, и я не мог дожидаться, когда снова смогу выйти на татами. В Гарлеме как раз проходил большой турнир, и я поехал туда, чтобы повидаться со знакомыми и посмотреть на поединки. Опа Схутте взглянул на меня и сказал: «Жаль, что у тебя колено травмировано, а так бы ты мог побороться с десятком дзюдоистов».

И знаете, что я тогда сделал? Обмотал колено шиной от велосипеда, вышел бороться и за несколько минут уложил всех противников.

Это был мой последний выход на татами в Европе на ближайшие четыре года, потому что в декабре 1957-го я поднялся на борт корабля и отплыл в Галифакс. Меня провожал тренер Голландского любительского союза дзюдо Чой Ин До, который вручил мне рекомендательное письмо к руководству Кореической ассоциации юдо.

Во время поездки меня несколько раз вышвыривали из первого класса, и дело дошло до последнего предупреждения. При чем

С кубками, которые я завоевал в качестве капитана команды клуба «Тунгень», незадолго до моего отъезда в Канаду. Конец 1957 г.

«Саёнара парти» (прощальный ужин) в доме моего корейского друга и учителя Чой Ин До. Слева направо: Хенк Хоек, Йон Блюминг, «дедушка» и «бабушка» Схутте и их сын Мариус Схутте. Рождество 1957 г.

Последнее фото с моим другом и партнером по тренировкам Ринусом Элцером с призовым кубком за победу на командном кубке Европы. Декабрь 1957 г.

На борту корабля, который должен был доставить меня в Канаду. Слева — экс-чемпион Кореи по дзюдо Чой Ин До, в то время — 5-й дан. Что день грядущий мне готовит?..

Я уезжаю в Канаду. Слева — моя мама.

единственное извинение, какое я мог придумать,—то, что первый класс казался парню из амстердамской «Трубы» гораздо симпатичнее третьего.

Я слышал, что канадцы дают новым иммигрантам по 800 долларов, и очень рассчитывал на эти деньги. Но никто меня не предупредил, что эта щедрота распространяется только на семейные пары. Так что когда я сошел с корабля в Галифаксе, у меня в кошельке оказалось всего 3 канадских доллара—явно недостаточно, чтобы покрасить весь город в красный цвет или сделать что-нибудь еще в том же роде. Вот черт!

Прежде всего я отправился в Христианскую ассоциацию молодых людей и снял комнату на одну ночь. Это стоило мне 2 доллара. Потом я заплатил за чашку томатного супа и кусочек яблочного пирога. На это ушел последний доллар. Теперь у меня не осталось ни гроша, и будущее представилось несколько сумрачнее, чем раньше.

Но потом в дело вмешался мой маленький милосердный ангелочек, который катается у меня на плече. Он был явно раздосадован тем, что у меня совсем не осталось денег. Вдруг повидать меня явилась моя бывшая амстердамская невеста, с которой я когда-то обручился, а потом разошелся,—она перебралась в Галифакс шестью месяцами ранее. Это была действительно отличная девочка. Она сопровождала меня к своему брату, который служил музыкантом в расквартированном в городе пехотном полку, а он сказал мне, что я могу поселиться в его квартире, если буду оплачивать половину аренды. Зная, что у меня нет ни гроша, он пообещал отвезти меня в университет Дальхузи, где я мог организовать клуб дзюдо. Вот так с дивана в гостиной старого деревянного дома, арендованного братом моей бывшей невесты, началась моя жизнь в Канаде.

Я отправился в Дальхузи и переговорил с деканом о возможности открытия клуба дзюдо. Он принял меня с радостью и разрешил использовать гимнастический зал, после чего я начал рекламировать частные уроки дзюдо по цене 2 доллара за час.

Позже двое моих учеников сказали мне, что как ветеран я, вероятно, имею право использовать спортивный зал на военно-морской базе Стадакона. Они оказались правы, я прекратил частные уроки в Дальхузи и, вместо них, начал вести регулярные занятия в военно-морском клубе «Сигаал»—«Ласточка».

Этот клуб, располагавший спортивным залом, находился в самом центре даунтауна в Галифаксе, и поэтому очень скоро в моем классе дзюдо было уже человек двадцать постоянных учеников. В их числе были учащиеся колледжей, шоферы грузовиков и служащие канадского военно-морского флота, все—очень приятные парни. Мы вместе выигрывали в те дни все соревнования, какие только проходили, а я стал чемпионом в тяжелом весе, хотя весил всего 78 килограммов.

Разумеется, денег от преподавания дзюдо хватало только на покрытие аренды. И чтобы скопить немного для своего побега в Японию, я целыми днями работал еще за садовника, который платил мне 1 доллар за час, а летом проработал

Мое додзё дзюдо в Галифаксе в Канаде. Во время показа фильма о дзюдо ученикам. Июнь 1958 г.

два месяца спасателем на пляже в гавани Галифакса.

В то время я сделал очевидную глупость: предложил подружке—бывшей невесте (с которой, конечно, уже помирился)—жить вместе, потому что это позволяло сократить расходы. Но в те дни в Галифаксе это было совершенно невозможно. В 1958-м это был весьма провинциальный городок, население которого отличалось невероятной набожностью. И если бы мы осмелились, не будучи женаты, поселиться вместе, то это стоило бы моей девушке работы, а мне—клиентов. Поэтому я сказал подружке: «Давай поженимся, и пошли они все к чертям собачьим!» Но затем я добавил, что ничто не заставит меня отказаться от моего решения поехать в Японию на пару лет для изучения дзюдо. Подруга немного подумала, а потом согласилась, хотя и сознавала, что это не настоящий брак. Я понимал, что она думает так: «Когда его дождё будет приносить нормальные деньги, и он купит машину и снимет меблированный дом, то позабудет все свои глупые идеи». Но она была права...

В том же году Галифакс посетил рулевой политики канадского дзюдо Фрэнк Хатасита. Потом Фрэнк говорил газетчикам из Торонто, что целью его визита в Галифакс было убедить военных моряков присоединиться к Канадской ассоциации черных поясов Кодокана, будущей «Дзюдо Канада». И может быть, кто-то в Торонто «купился» на его басни, но мы считаем, что единственной причиной приезда Фрэнка в Галифакс была попытка продать нам татами и дзюдоги по завышенным ценам.

Честно говоря, меня тогда достало поведение Фрэнка. К его оправданию надо сказать, что в то время большинство японских канадцев все еще несли в душе ту огромную отметину, которую оставила Вторая мировая война, когда канадское

Работа спасателем на пляже в Галифаксе в течение двух летних месяцев.

Мой вес — 79 кг

правительство засунуло японцев в лагерь, расположенные на подороге по пути в никуда. Сейчас я думаю, что тоже взбесился бы, если бы меня оторвали от моего дома и послали в самый центр канадского «нигде». Но я-то был родом из Голландии, а не из Канады, я был молодой парень, который никогда и не задумывался о подобных вещах. Короче, тогда Фрэнк для меня был просто малорослый жирный пацан, который при этом утверждал, что у него 4-й дан и что в прошлом он чемпион Канады. Ну что же, может, он действительно имел 4-й дан и был чемпионом, а может, и нет. Впрочем, был один верный способ выяснить это. Короче, мы немного поднажали на Фрэнка, и в результате он согласился немного поработать в рандори с моим ассистентом Уилсоном Бургессом, 2-м кю с детским выражением лица, который весил самое большее килограммов шестьдесят.

Сделав два или три шага, Уилсон бросил Фрэнка через спину с захватом рукава и отворота (моротэ сэой-нагэ). Ба-бах! Вся комната дрогнула, когда сто килограммов японского свиного сала грохнулись на пол. Фрэнк поднялся, мотнул головой, протянул руку к Уилсону, чтобы снова взять захват, и—фьють!—полетел! Уилсон дал Фрэнку хороший урок полетов. В этот момент я полюбил Уилсона, как сына родного, и как только он сошел с татами, присвоил ему 1-й дан. (Ну, если быть точным, это произошло немного позже, потому что я должен был сначала получить сертификат из Голландии, но вы понимаете, что я имею в виду.)

Фрэнк, как и можно было предположить, разозлился. Действительно, он был настолько обижен, что все следующие тридцать лет потратил, рассказывая обо мне гадости. В Торонто, например, он сказал газетчикам, что бросил в Галифаксе шесть здоровых черных поясов. Чушь собачья! Во время визита Фрэнка в Галифакс я был там единственным черным поясом, и меня он никогда не бросал⁹.

Другой забавный момент состоит в том, что Фрэнк обвинил меня

именно в том, чем был грешен сам—в претензиях на более высокий мастерский ранг, чем реально у меня был. Хотя в мое додзэ он проществовал, имея красную полосу 4-го дана на своем дзюдоги, читая материалы на домашней страничке «Judo Nova Scotia» в Интернете, я узнал, что в 1958-м году у него был всего лишь 3-й дан¹⁰. И это правда, потому что как раз в то время, когда я был в Японии, в 1960-м году, Фрэнк приехал в Токио покупать себе новый дан. И я действительно имею в виду, что Фрэнк купил свой 4-й дан, потому что, как я слышал, это обошлось ему в 25 тысяч долларов. И прежде чем вы подумаете, что есть все-таки справедливость в этом мире, имейте в виду, что Фрэнк, в конце концов, получил 8-й дан, тогда как такой великий дзюдоист, как Тревор Легgett из Англии, который, я уверен, не заплатил ни цента за свои ранги, никогда не поднялся выше 7-го. А мой друг Донн Дрэгер никогда не поднялся выше 6-го дана. Вот и думайте!

Однако кое-что полезное Фрэнк все-таки сделал—он использовал свое патентованное умение врать, чтобы убедить Олимпийский ко-

⁹ После того как я написал об этом, один из моих старых учеников того времени Сильвио Сботто, который в настоящее время является председателем комиссии образовательных программ в «Дзюдо Канада», прислал мне вырезку из журнала «Judo World», датированную июлем 1963-го года, в которой Перри Тэйл, 2-й дан, пишет, что Фрэнк «боролся с каждым из пятидесяти делегатов, которые приехали на это мероприятие из трех провинций. Его техника была, словно на картинке в учебнике. Победив человек тридцать, когда ему предстояло бороться еще с двадцатью противниками, он начал уставать, но его подготовка и опыт позволили ему продержаться до конца, и только один человек, сильнейший боец из провинции Нова Скотии Аллан Суэнзи смог провести хитрую подсечку и набрать пол-очка. Последний боец (автор) оказался на земле после мощного левого о-сото, и все закончилось... Семинар завершился на веселой ноте, потому что сэнсей постановил, что любой, кого заметят в пользовании ножом и вилок [в китайском ресторане после семинара], будет понижен на один разряд». Это напечатано, и это официальная информация «Дзюдо Канада», но я все-таки остаюсь настроен в отношении Фрэнка скептически.

¹⁰ В августе 1998-го года посвященная истории «Judo Nova Scotia» домашняя страничка сообщала, что в конце 1950-х «господин Йон Блумминг (sic -Blumming), который утверждал, что является обладателем степени сандан (третья ступень черного пояса), но который, как было установлено позднее в реестре Кодокана в Токио в Японии, был обладателем степени нидан (вторая ступень черного пояса), открыл вторую группу в здании на улице Холлис в Галифаксе». Я получил 3-й дан в Голландии в 1957-м году и боролся в дивизионе 3-х данов во время ежегодного снай в Кодокане в марте 1959-го года. Вот такие «надежные» материалы могут встретиться вам в Интернете, имейте это в виду.

митет Канады превратить дзюдо в поддерживаемый государством вид спорта. Вероятно, Фрэнк сделал это главным образом потому, что хотел иметь возможность представляться главой организации «Дзюдо Канада». Но это позволило великому канадскому дзюдоисту Дугу Роджерсу получить ту национальную команду, которая была ему необходима, чтобы завоевать серебряную медаль в 1964-м году. Однако будьте уверены: все знают, кто что сделал. Эту работу выполнил Дуг! А Донн Дрэгер, Масахико Кимура и другие инструктора Кодокана обеспечили ему ту подготовку, которая была нужна для завоевания олимпийской медали. Фрэнк же просто уговорил канадский Олимпийский комитет вручить Дугу флаг, под которым он мог бы выступить на Олимпиаде.

Я всегда представлял себе, как когда-нибудь вернусь в Канаду и разыщу Фрэнка, чтобы устроить ему взбучку, которую он заслужил. Но потом я прочитал, что он скончался—у него были проблемы с сердцем... Когда я узнал об этом, то почувствовал себя так, словно что-то потерял. И поймите меня правильно. Сама по себе кончина Фрэнка не может изменить то, как он жил, и не делает его ближе к моему идеалу дзюдоиста-политика. Просто смерть даже тех людей, которые нам не нравятся,—это ноющее напоминание о том, что с течением времени жизнь, как вода, утекает у тебя между пальцев...

Но хватит об этом. В марте 1958-го несколько местных парней и я организовали в Галифаксе чемпионат по дзюдо—первый чемпионат по дзюдо в Канаде. Он состоялся в Христианской ассоциации молодых людей в Сэинт-Джоне, Нью-Брунсуик. Сильвио Сбото, который в настоящее время является одним из лидеров «Дзюдо Канада», занял первое место в дивизионе синих поясов. Одновременно Анди Уайт стал первым среди зеленых поясов,

а Энди Йидон—среди желтых. Все трое были мои ученики, и я был горд до чертиков.

В рамках показательных выступлений я боролся в рандори со всеми присутствующими. Это всегда было моим правилом—после турнира побороться со всеми присутствующими, разумеется, по одному за раз. Тогда людей там было немного, и я с каждым поборолся по два раза. И вдруг к числу участников решил присоединиться здоровенный парень—он был выше меня и весил по меньшей мере килограммов 150. Откуда он взялся, не знаю, но на сто процентов уверен, что он хотел порвать меня на куски.

Вместо того чтобы захватить мой отворот и рукав, он начал с того, что просунул руку мне на затылок, как борец греко-римского стиля. В этот момент я сообразил, что он, видно, прочитал ту заметку в газете, где было процитировано мое высказывание, что никакой борец не сможет победить дзюдоиста. «Черт бы меня побрал с моей болтовней»,—подумал я.

Парень был столь же силен, как и высок, и своим первым же движением оторвал меня от земли. Прежде чем я успел понять, что происходит, он поднял меня над головой. «Ох, это не здорово»,—помню, подумал я.

Я понял, что он хочет бросить меня, а потому прижал боковую часть своего правого указательного пальца и запястье к его адамову яблоку, а затем сильно надавил левой рукой. В такой ситуации он не мог бросить меня без того, чтобы самому не убиться. Не зная, что ему делать в такой ситуации, мой противник стоял так, пока лицо у него не покраснело, а потом посинело. И тут я подумал: «Этак я довольно скоро приземлюсь, когда он отключится». Перспектива мне не улыбалась—лететь было далеко.

К счастью, он опустил меня на татами раньше, чем отключился. Он встал на колени, чтобы прийти

в себя, но как только начал снова подниматься, я тут же скользнул ему за спину и бросил его левым о-сото-гари. Он грохнулся на голову, и на этом все закончилось. Толпа устроила мне настоящую овацию, а противник только удивленно мотал головой—как потом выяснилось, это был профессиональный борец.

В мае 1958-го года мы провели в Галифаксе еще один турнир. В нем приняли участие четыре додзё: «Тунъень», «Христианская ассоциация молодых людей», «Индепендент» и «Джунфу». Моя команда, как вы, наверное, догадываетесь, называлась «Тунъень». 1-й дан Джордж Стирс преподавал в Христианской ассоциации молодых людей в Сэинт-Джоне. Двое коричневых поясов, Пэт Форан и Исбранд Боерсма (он был из Голландии, но принадлежал к другой организации, и я его почти не знал), преподавали дзюдзюцу в Христианской ассоциации молодых людей в Галифаксе. Другой коричневый пояс, Ральф («Бадди»—«Дружище») Гэй, преподавал в клубе «Индепендент». «Джунфу»—это была команда городской рекреации, не помню, кто там проводил тренировки. Команда «Тунъень» выиграла командный турнир, а я победил в индивидуальном первенстве. Мне пришлось для этого побить Уилсона.

Работая спасателем на берегу тем летом, я как-то развлекался тем, что выставил с пляжа чемпиона Канады по бодибилдингу. Причиной этому послужило то, что у него была привычка прихватывать—в буквальном смысле—какую-нибудь девчонку-малолетку с собой в море, а потом сбрасывать ее с плотика в воду. Я посчитал, что это несколько опасно, и попросил его покинуть пляж. Выглядело это, наверное, комично: он—груда мышц, и я—тощий пацан, 78 килограммов веса. Но взглянув мне в лицо, чемпион решил со мной не связываться, так как я был дей-

ствительно очень зол. Может быть, он вспомнил публикации обо мне в газетах...

Где-то в конце ноября 1958-го года я вместе с руководителями нескольких других додзё организовал Приморскую федерацию дзюдо (Maritime Judo Federation). Ее устав и подзаконные акты были подписаны 1 декабря 1958-го года. Учредителями федерации выступили Патрик Форан, Сильвио Сбото, Перри Тэйл, Ральф Гэй, Джек Макисаак и я.

В один прекрасный день в январе 1959-го моя жена вернулась домой и обнаружила в холле мой багаж. В ужасе она едва не описалась, и если бы у нее хватило сил выкинуть тогда мой чемодан, то я, наверняка, не был бы сегодня тем, кем стал. И все-таки в тот день на грузовике одного из своих учеников, который ехал с рейсом в США в штат Мэйн, я уехал из Галифакса, имея 3000 канадских долларов в кошельке (остальные деньги я отдал ей).

Остальную часть пути—из Мэйна до Сан-Франциско—я проделал автостопом. В то время это был не самый плохой способ путешествовать, хотя сегодня я никому бы не рекомендовал его.

Если я знал о каких-то клубах дзюдо по маршруту своей поездки, то обязательно заходил в них посмотреть, как идут дела. Я боролся повсюду, но ни разу не потерпел поражения.

В Нью-Гемпшире, например, я навестил базу ВВС в Писе. Американские ВВС в тот период имели собственную Ассоциацию черных поясов, в которую входило несколько выдающихся дзюдоистов. Там я прекрасно провел время с Робби Ридом—чернокожим обладателем 2-го дана—и Робертом Мидом, у которого тоже был 2-й дан. Это были классные парни, но мне не составило большого труда побороть обоих в рандори и тем самым заслужить угощение и ночлег.

Из Нью-Гемпшира я автостопом добрался до Чикаго. Там я немного позанимался рандори с Джеймсом Колганом. Колган был огромный парень, он весил килограммов на 40 больше меня. Но хотя он тогда только что занял второе место на национальном чемпионате по дзюдо, я без проблем бросил его через бедро, придушил и заставил сдаться. Я победил, потому что он больше полагался на силу, чем на технику, а силой я ему не уступал. Наверное, мне могли бы доставить больше неприятностей более легкие, но талантливые дзюдоисты из Чикаго—Винс Тамура и Джонни Осако, но я с ними не встречался.

Из Чикаго я доехал до Солт-Лейк-Сити. Там я попытался проскользнуть в мормонскую церковь, но меня выследили и вышвырнули оттуда, даже несмотря на то, что я сказал, что готов иметь шесть жен.

Из Солт-Лейк-Сити быстроходным автобусом я доехал до Рено и, не найдя там ничего интересного, отправился в Сан-Франциско. Там я посетил додзё Митио Кимура, известного преподавателя дзюдо из

нисэев—потомков японских иммигрантов в США. И вот там-то меня ожидал самый большой сюрприз.

Звали его Мики Цутида. Микки так же, как и я, был средневесом (и чемпионом США в среднем весе), но ростом пониже. Ох, и силен же он был! Он пулял меня своим ханэ-госи, словно тряпичную куклу. Я, конечно, тоже бросил его несколько раз, но Мики все же заставил меня выглядеть начинающим. К этому я не был готов совсем. Конечно, меня бросали и раньше, но не так. Мне было совершенно ясно, что я совсем не так хорош, как думал.

Я думал об этом всю дорогу до Гавайев. Остановка в Гонолулу была вынужденной мерой—в то время люди, не имевшие наличных в достаточном количестве, плавали на кораблях, а не летали самолетами. Поэтому я выказал там больше интереса к мемориалу, посвященному «Аризоне», чем к местным клубам дзюдо.

Из Гонолулу, наконец, лежал уже прямой путь в Японию, где должно было всерьез начаться мое образование в области дзюдо.

ГЛАВА 7. НА РОДИНЕ БУДО

Дзюдо в Кодокане

В феврале 1959-го года я, наконец, достиг Токио. Сразу по прибытии я отправился в Кодокан.

Незадолго до этого Кодокан продал свое старое здание Японской ассоциации каратэ и переехал в новое, что не прошло незамеченным ни для кого — в новом здании был горячий душ!

Оформив членство, я направился в ресторан Кодокана обедать. Пока перекусывал, познакомился с двумя людьми, которые уже вскоре приобрели огромное значение в моей жизни.

Первый из них был американец Билл Бахус. Заметив нового иностранца, он подошел к моему столику познакомиться и уже через некоторое время сообщил, что только что развелся и у него есть свободная комнатка в его большом доме со всеми удобствами в виде гостиной, кухни, ванной комнаты и внутреннего туалета (!), которого в то время не имело большинство японцев¹¹.

Я тут же уцепился за его предложение, потому что это было гораздо дешевле, чем снимать комнату в Кодокане. Кроме того, там никто бы не стал лезть в мои дела. Эта встреча положила начало прекрасной дружбе, которая крепка и сегодня. Без Билла я бы ни за что не смог так долго пробыть в Японии. К тому же мы вместе упорно тренировались и провели в Токио потрясающие студенческие годы.

Мое первое фото на паспорт для получения вида на жительство в Японии. Токио, февраль 1959 г.

Да! Да! Со всем, что попадает в понятие прекрасных студенческих лет!!! Билл был рядом со мной все эти годы, словно могучая скала, он много раз вытаскивал меня из тяжелых положений. Дружба с ним была настоящая дружба, какая только может быть. Я крепко люблю Бахуса, как родного мне человека, хотя по крови он мне и не родственник. Мы были вместе все эти годы. В настоящее время он — обладатель 8-го дана Международной федерации Будокай-кан, и хотя ему уже 61 год, его техника борьбы в партере по-прежнему великолепна.

Вторым человеком была красивая официантка из ресторана Кодокана, которая подала мне мой первый обед там. Ее звали Масуко Сайто, и ей был 21 год. (Ну да!

¹¹ В одном из номеров журнала «Journal of Asian Martial Arts» за 1999 г. в статье, посвященной Донну Дрэйеру, Боб Смит пишет, что я жил в квартире Донна в районе Итигая, но это не так. Хотя я неоднократно посещал квартиру Донна, жил я не у него. Сначала я жил в квартире Билла Бахуса, а позже в своей собственной маленькой квартирке. Собственное гнездышко давало серьезные преимущества. Приведу пример. Одному парню, который жил с нами, однажды пришлось оплатить наш с Биллом ужин в ресторане, потому что ему было некуда привести свою подружку. Получив у него деньги на вечеринку, мы с приятелем решили пренебречь ужином и вместо этого спрятались в туалете. В общем, мы подождали, пока они все закончат, а потом я открыл дверь клозета и во всеуслышание заявил: «Ну, Джиз, ты и развратница! Настоящая шлюха!» Она вскрикнула и выбежала за дверь в чем мать родила. Потом она рассказывала про наших с Биллом маташек такие гадости! Зато мы тогда посмелись так, как никогда в жизни не смеялись.

Конечно, я знаю, что 21 год для девушки—преклонный возраст, но должен же я был с чего-то начать!) Позднее я женился на ней.

После еды Билл и я отправились в главное додзё Кодокана. Это было огромное помещение, похожее на муравейник, где боролись друг с другом сотни дзюдоистов. Билл указал мне нескольких звезд из разных токийских университетов и полиции. Здесь боролись яростно, словно в финале чемпионата мира, казалось, местным борцам неведомо милосердие.

И вот настал первый день моего официального обучения в главном додзё Кодокана, этой мировой Вальхаллы дзюдо тех дней. Мне было немного не по себе, словно я по весне нырнул в открытый бассейн—знаешь, что вода холодная, но лезть в нее все равно нужно, ведь иначе тебя будут обзывать «сосунком». Тем более я волновался, потому что другие иностранцы, многие из которых сегодня знаменитости—Дуг Роджерс, Джордж Керр, Джордж Уаймэн, Донн Дрэгер, Морис Груелл, Джимми Брегман, Бурни Лепкофкер, Бен Кэмпбелл (ныне сенатор США),—предупреждали меня, что лучше быть готовым ко все-

му, потому что японцы не любят голландцев с тех пор, как Антон Геесинк побил их на чемпионате мира 1958-го года. И надо сказать, входя в главный зал Кодокана, я никакого счастья по поводу успеха Антона не испытывал, а в последующие годы моя неприязнь к нему еще более усилилась, и на то были серьезные причины.

Когда мы вошли в додзё, Билл представил меня нескольким известным сэнсэям и борцам, которые рассматривали меня, словно лошадь на аукционе, особенно их заинтересовали мой рост и то, что я был из Голландии—ведь оттуда уже прозвучал звоночек, когда Геесинк занял 3-е место на чемпионате мира-58 в Токио. И это при том, что ему подгадил судья, а не то он выступил бы еще лучше.

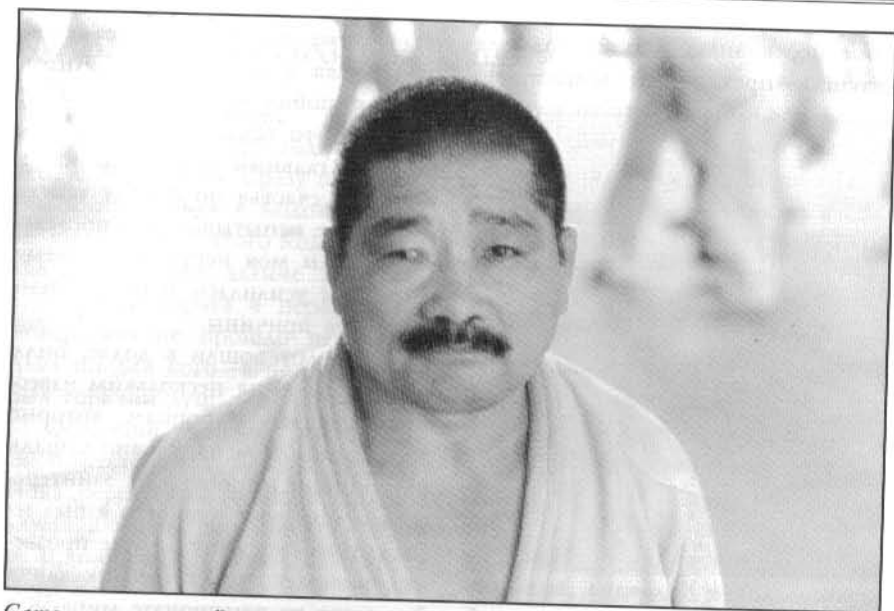
Сато—«сторожевой пес»

Кодокана

Билл подошел к маленькому нерышавого вида сэнсэю с большими капустнолистными ушами, которые он приобрел явно не оттого, что слушал радио. Его звали Сато и называли «сторожевым псом» Кодокана, потому что он всегда стоял у входа в главное додзё и приглашал за борцами.

Первые дни в главном додзё Кодокана были тяжелыми для меня, потому что каждому японскому борцу хотелось урвать по кусочку от этого долговязого мерзавца из Голландии весом в 80 кило

Сато — «сторожевой пес» Кодокана

Это был один из последних учеников основателя дзюдо Кано Дзигоро, который лично присвоил ему 6-й дан. Во время страшной аварии Сато получил травму головного мозга, серьезно повредился в уме и в результате превратился в одного из тех многочисленных токийских бродяг, которые спят под мостами и в картонных коробках. Из уважения ему разрешили жить в Кодокане, где некоторые сэнсэи помогали ему понемногу, снабжая едой и необходимыми вещами. Мы тоже поступали так, потому что Сато действительно был хорошим человеком.

Забавно, но травма Сато не особо повлияла на его дзюдо, и он по-прежнему оставался крутым «поваром». В следующие годы он много помогал мне: когда уже никто в Кодокане не хотел со мной бороться, Сато обходил додзё и вытаскивал дзюдоистов из-за колонн и из других мест, где они от меня прятались, тащил ко мне, давал поджопник и приказывал бороться. Самым знаменитым дзюдоистам Японии того времени он говорил: «Будьте японцами, а не трусами! Боритесь!» И мог ли я не полюбить его?!

Обычная тренировка в Кодокане — с 16.30 до 18.30. Май 1959 г.

Сато внимательно выслушал рассказ обо мне Билла, который говорил по-японски очень хорошо, пожал руку, пригласил пройти в додзё и спросил то самое — знаю ли я Геесинка?

Я сказал ему: «Я очень хорошо знаю его, сэнсэй». Тогда Сато попросил меня передать Геесинку привет, потому что он хорошо его помнит. Потом сэнсэй расплылся в счастливой улыбке, снова взял меня за руку и подвел к молодому дзюдоисту 4-го дана по фамилии Охасэ, члену знаменитой борцовской команды университета Мэйди, который, как потом выяснилось,

незадолго стал чемпионом Японии среди студентов.

Я снова услышал «Хэсину» (искаженное «Гесинк» — перев.) и «Оранда» (искаженное «Голландия» — перев.), и Охасэ взглянул на меня так, словно я прибыл с другой планеты. Запахло паленым... Мы поклонились друг другу, и тут началось. Охасэ атаковал меня в типичном японском стиле с быстрыми и частыми ко-ути-гари (подбив под пятку) и о-ути-гари (зацеп изнутри), но, к моему великому удивлению, я устоял. И тогда я подумал: «Черт! Значит, не все они такие уж непобедимые». Я уклонился от о-ути-гари Охасэ и контратаковал его хараи-госи — подхватом под две ноги. Японец полетел! В продолжение схватки я еще не раз успешно атаковал его. Особенно удачно получался ути-мата — подхват изнутри — после ложной демонстрации броска через бедро или хараи-госи. После того, как я уронил Охасэ еще несколько раз, он счел за благо откланяться. По его лицу читалось: «Вот сволочь голландская!»

Итак, я нырнул в ледяную воду, уцелел и... Мне это понравилось! Я чувствовал себя так, словно, наконец, попал домой. Сразу после

схватки ко мне подошел ликующий Сато и сказал Биллу, что я должен посещать все тренировки, участвовать в летнем и зимнем сборах и бороться на всех сийа — соревнованиях. Я ответил, что именно для этого приехал в Японию, на что Сато пообещал мне помогать во всем, чтобы я достиг вершин мастерства. Этот простой, честный старый ученик Кано, которого вот уже 35 лет нет с нами, сдержал свое слово, и я очень благодарен ему за бесценную помощь.

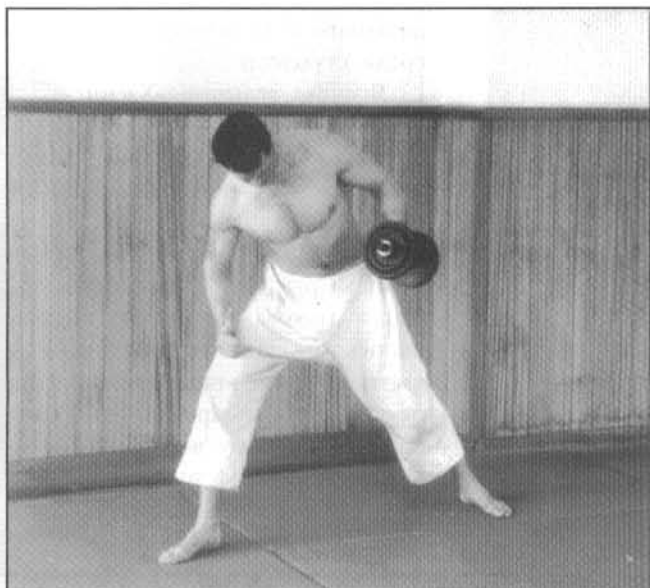
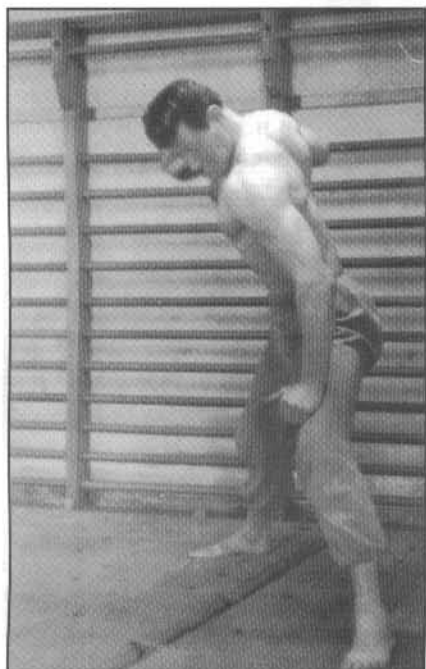
Донн Дрэгер

В Кодокане я познакомился с американцем Донном Дрэгером, который был, наверное, самым знаменитым мастером будо неапонского происхождения в мире.

Дрэгер сражался с японцами на острове Гуадалканал и был очень тяжело ранен их снайпером. За свою храбрость он удостоился Серебряной звезды и повышения в звании — был сержантом, а стал вторым лейтенантом (нижнее офицерское звание — перев.). После многих недель в госпитале он вновь примкнул к походу по островам, сражался до самого конца войны и был в составе первой партии

Последний ученик Кано Дзигоро, бездомный пария, прозванный «сторожевым псом» Кодокана, потому что он постоянно присматривал за занимающимися на тренировках. Кодокан, Джимми Брегман и Донн Дрэгер, лето 1960 г.

Программа тренировок с весами, разработанная Донном, дает плоды. Сентябрь 1959 г.

морской пехоты, высадившейся на японский берег и направившейся к Императорскому отелю, где американские морпехи разоружили группу японских офицеров. Во время службы в Японии Дрэггер полюбил эту страну. Поэтому, после нескольких лет службы в Вашингтоне, выйдя в отставку в звании подполковника, которое он получил за год боевых действий в Корее в 1951-м году, куда попал капитаном, Донн перебрался в Японию, где и жил до самой своей смерти, вызванной раком печени, в ноябре 1983-го года в возрасте 61 года.

Дрэггер попросил меня принять участие в его работе—он хотел доказать, что тренировка с отягощениями идеально подходит для спортсменов, занимающихся дзюдо (как и любым другим видом спорта), что уже успешно доказали русские. Я с радостью согласился, потому что он обещал мне, что к концу года с помощью его программы я наберу вес более 100 килограммов. И—черт возьми!—Донн сдержал свое слово! Он стал не только моим близким другом, но и главным наставником в тренировках с отягощениями и дзюдо.

Через несколько месяцев Донн также пригласил меня присоединиться к нему в изучении старинных боевых искусств—бодзюцу (искусство боя длинной палкой), иайдзюцу (искусство выхватывания и использования меча) и кэндо—под руководством знаменитых полицейских инструкторов—сэнсэя Симидзу, 10-й дан, и его сихандай Курода, 8-й дан (человек скромный, но с мечом в руках настоящий волшебник). В результате я оказался чрезвычайно загружен тренировками,

Покойный сэнсэй Симидзу, 10-й дан бодзюцу, главный инструктор полицейского додзё

Тренировка по дзёдзюцу в полицейском додзё Томисака под руководством сэнсэя Симидзу, единственного обладателя 10-го дана, присвоенного полицейской академией Дайто кидотай. В паре с Донном Дрэгером. Август 1959 г.

но наслаждался каждым их мгновением. Вот мой стандартный режим тренировок в период с февраля 1959-го по ноябрь 1961-го года.

В понедельник, среду и пятницу с девяти до половины одиннадцатого утра—тренировка со штангой в атлетическом зале «Коракуэн», где ранее располагался Кодокан. После обеда с четырнадцати до пятнадцати часов—занятия бодзюцу в Полицейском отделении Томисака или в полицейской академии Дай-

го кидотай. Потом, после часового отдыха на полу раздевалки в Кодокане, мы поднимались наверх, в главное додзё, чтобы бороться со всеми дзюдоистами всех размеров, ростов и весов, какие были в зале в тот день. Эта тренировка обычно длилась с половины пятого до шести часов. После нее мы с Биллом наскоро перекусывали по дороге и являлись в додзё Маса Оямы, где изучали каратэ Кёкусинкай с половины восьмого до девяти вечера.

По вторникам и четвергам с девяти до половины одиннадцатого утра—тренировка в полицейском додзё при Кэйсё—столичном управлении полиции, где борцы были жестче и обычно тяжелее, чем в Кодокане. В то время ежегодно проходили командные первенства «полицейские против студентов». Это были замечательные спектакли, смотреть которые было очень интересно. Во многих случаях на

Мой экзамен на 3-й дан иайдзюцу в полицейском додзё Томисака в одноименном отделении (находится позади Кодокана). Я был первым иностранцем, получившим такую степень в послевоенный период. Экзаменатор—Ититаро Курода, 8-й дан Японской федерации кэндо. Сентябрь 1961 г.

них побеждала полиция. После обеда мы отправлялись в полицейское додзё Томисака для занятий иайдзюцу или кэндо, которые проходили с часу до двух. Затем — Кодокан, небольшой отдых до половины пятого и тренировка в главном додзё, после которой — занятие каратэ в хомбу Кёкусинкай.

По субботам и воскресеньям по утрам мы по два часа тренировались в додзё Кёкусинкай, а после обеда, разумеется, ехали в Кодокан на тренировку по дзюдо.

Между всеми этими тренировками нужно еще было найти время, чтобы сгонять к казармам американских ВВС или других воинских частей и поторговать там энциклопедиями, страховыми полисами и прочими вещами, о чем Биллу удавалось договориться днем. Нам приходилось зарабатывать на жизнь, особенно позднее, когда мои доллары начали таять, словно лед на солнце, и торговля в американских частях мелочевкой была самым удобным способом заработка.

На самом деле такая жизнь была не столь уж тяжелой, как кому-то может показаться. И в перерывах между тренировками мы с Биллом Бахусом успевали и подработать, и побегать за девочками. Последнему занятию мы, разумеется, отдавали предпочтение...

Сэнсэй Одатэ

Большое влияние на мое дзюдо оказал сэнсэй Одатэ. Он много лет прожил в США и говорил на английском, как на родном языке. На протяжении многих лет до войны он был вторым дзюдоистом в Японии, уступая только знаменитому Кимуре Масахико. В то время, когда мы с ним познакомились, ему было уже около шестидесяти, но его по-прежнему никто не мог бросить. Причем Одатэ-сэнсэй был почти одного роста со мной и весил 110 килограммов.

Он учил меня использовать свой рост и силу. Секрет успеха,

говорил он, состоит в том, чтобы не слушать сэнсэев, навязывающих стандартную технику дзюдо. Согласно этой технике, при бросках нужно залазить глубоко под противника, но для таких высоких борцов, как я, это не годится, потому что если я буду делать это, то зайду на территорию более низкого противника, и он легко одолеет меня, особенно если будет малого роста и большого веса.

Вместо этого, Одатэ-сэнсэй рекомендовал мне просто тянуть руками изо всех сил, чтобы заставить противника немного приблизиться ко мне, потом подшагивать к нему, подставлять таз сантиметров на 10 ниже таза противника и выпрямлять ноги, одновременно совершая нечто вроде пируэта, чтобы одна моя нога была разгружена и готова прийти на помощь, если одного подбива тазом для броска окажется недостаточно.

Я мог выполнять приседания со штангой весом в 180 килограммов, так что подсесть на 10 сантиметров ниже живота противника и выпрямить ноги было для меня не особенно трудно, тем более что большинство дзюдоистов тогда весили между 80 и 110 килограммами. Позднее, когда я прибавил

*Рандори в
Кодокане.
Лето 1959 г.*

не только в физической силе, но и в технике дзюдо, я стал легко залазить под противников и имел достаточно сильные ноги, чтобы выпрямлять их с противником на спине.

Моим базовым начальным броском был бросок через бедро цури-коми-госи. Кому-то покажется странным, что такому высокому дзюдоисту, как я, мог понравиться цури-коми, но к тому времени у меня были уже настолько сильные ноги и сила тяги, что для меня не составляло труда провести бросок с низким подсадом. Если цури-коми-госи не срабатывал, я продолжал атаку подхватом под две ноги хараи-госи или подхватом изнутри ути-мата. Но коронным моим приемом—токуй-вадза—был отхват о-сото-гари. Чтобы эффективно применять этот прием, нужна высокая скорость. Но ведь я был рожден средневесом и сохранил свою скорость даже тогда, когда стал тяжеловесом. В хороший день я бросал своих противников с такой быстротой, что Одатэ и Дрэггер только покачивали головами и отходили в сторону с улыбкой.

Инокума Исао

В марте 1959-го года меня попросил потренироваться с ним в течение нескольких месяцев один молодой дзюдоист из Токийского университета, он хотел, чтобы я боролся с ним, по меньшей мере, 15 минут на каждой тренировке. Звали его Инокума Исао. В послевоенный период он стал одним из самых знаменитых дзюдоистов и самым легким из борцов, становившихся чемпионами Японии в соревнованиях без деления на весовые категории—это произошло в 1959-м году, и, насколько я помню, Инокума в то время весил около 87 килограммов.

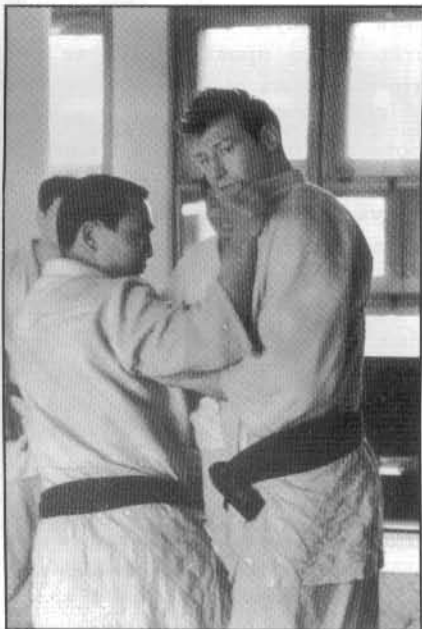
При нашем знакомстве Инокума сказал мне, что ему предстоит

бороться с Ода из полицейского додзё города Киото. Ода был такой же высокий, как я, и боролся в схожей манере—тоже в левой стойке, применяя те же приемы.

Инокума был тогда немного тяжелее меня—я весил около 84 килограммов. Но его предложение открывало для меня возможность познакомиться с настоящим японским дзюдо, и я был очень польщен. И, конечно, благодаря Инокуме, я узнал кое-что о дзюдо—в том числе и то, что никогда не буду столь же хорош, как он.

Никогда не забуду своего первого рандори с Инокумой: он развлекался, а я отрабатывал страховки. Работа шла практически в одну сторону. Я все время висел в воздухе, видя грозное лицо Инокумы под собой. Он был такой быстрый и техничный—что-то вроде огромной эластичной гранаты, взрывающейся под тобой! Стоило только глянуть на него, как он уже взрывался броском! В большинстве случаев я даже не успевал взять захваты, как уже взлетал в воздух и жестко падал на татами. Это было просто невероятно!

Я стал ежедневно бороться с Инокумой по 15-20 минут. Скажу вам, это большое время—когда

*В паре с Инокумой.
Летний сбор 1961 г. Кодокан*

Победный бросок иппон сэ-ой-нагэ Инокумы в схватке с Каминагой в финале чемпионата Японии. Май 1959 г.

каждую секунду падаешь на татами. Но я наслаждался этими уроками. Никогда в моей жизни меня не бросали так быстро, так жестко и столько раз в минуту, сколько в течение первой недели тренировок с Инокумой Исао!

Потом я привык к движениям Инокумы и даже мог сопротивляться некоторым из его бросков, хотя о том, чтобы бросить его или хотя бы подобраться поближе, нечего было и думать. Но через несколько недель я уже мог остановить большую часть из яростных атак своего приятеля и даже уже что-то сделать сам.

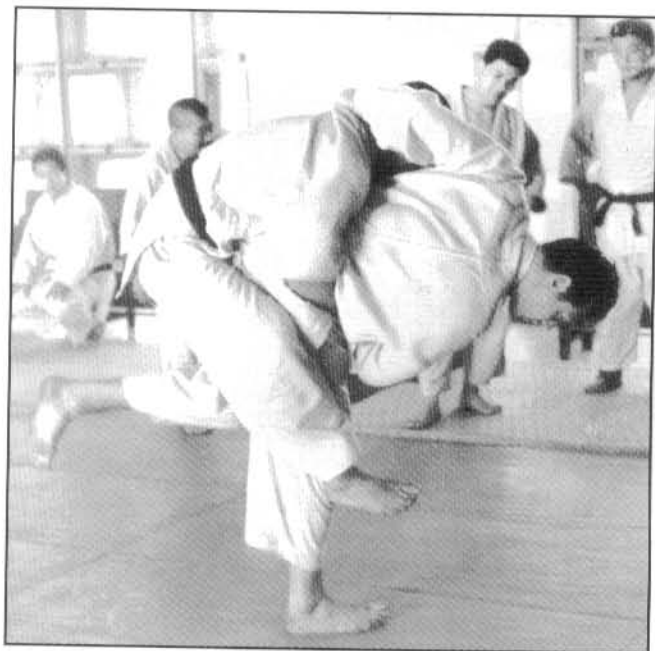
Самым большим моим разочарованием было то, что и в партере, где я был довольно хорош, с Исао я чувствовал себя, как ребенок со взрослым. К слову сказать, еще одним человеком, с которым я также ничего не мог сделать в партере, был Донн Дрэгер. Я убежден, что в свое время он был одним из лучших мастеров нэ-вадза в мире. В то время ему было 36 лет, и в партере он побеждал всех своих противников.

После окончания чемпионата счастливый Инокума подошел ко мне и поблагодарил за помощь во время подготовки к нему

В этих занятиях с Инокумой была одна вещь, которая меня радовала: к началу мая я стал гораздо лучше и начал одолевать некоторых известных японских мастеров дзюдо. Тех, о победах над которыми в период моих любительских занятий в клубе «Тунъень» я даже и не мечтал.

Инокума же со своим весом в 87 килограммов бросил Ода и прошел весь путь до своего первого титула чемпиона Японии, победив в финале блестящим иппон сэ-ой-нагэ—броском через плечо захватом одной руки—Каминагу, причем он так глубоко подсел под него, что одно колено его противника даже опустилось на татами.

Единственный раз, когда я смог бросить Инокуму ути-мата—приемом, который никогда бы не смог провести на соревнованиях. Посмотрите. И забудьте!!! Летний сбор 1961 г.

дальнейшем мы по большей части занимались вместе только поднятием тяжестей, в основном потому что не хотели травмировать друг друга в схватке.

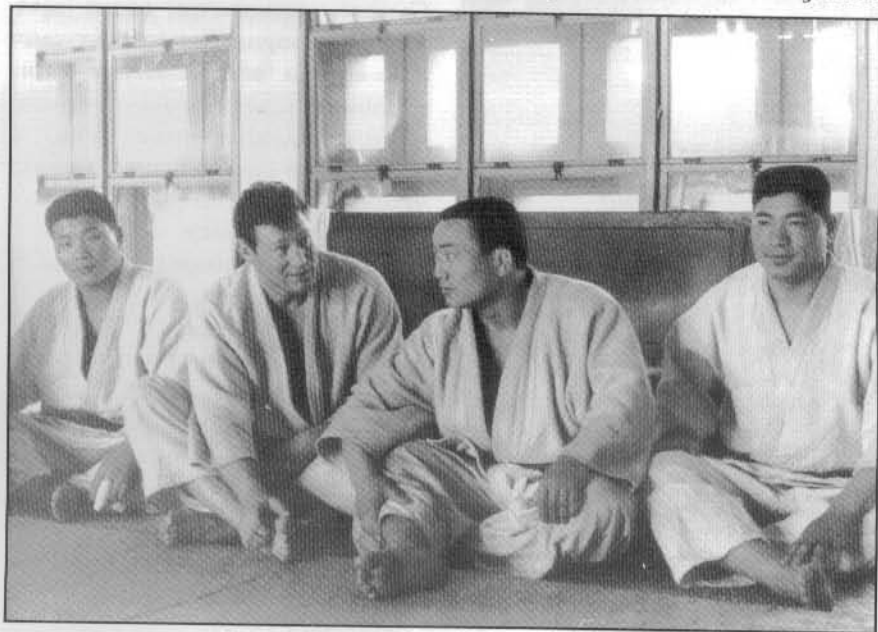
Мы по-прежнему остаемся с Инокумой Исао хорошими друзьями, и когда я бываю в Токио, то всегда встречаюсь с ним. Мы со смехом вспоминаем молодость, а Исао всегда говорит всем, что я—его брат по стажировке в Кодокане. Ныне он очень богатый и успешный тайкун (олигарх) в бизнесе¹².

Когда я боролся с Исао летом 1961-го года, мы были уже приблизительно на одном уровне. Он не мог бросить меня, а я, в конце концов, бросил его один раз ути-мата макикоми—подхватом изнутри с падением. Впрочем, я уверен, что на официальных соревнованиях никогда бы не смог этого сделать. В

Кохаку сий

До токийской Олимпиады 1964-го года ни одному иностранцу не разрешалось участвовать в крупных японских соревнованиях по дзюдо. Единственными доступными для нас соревнованиями были цукинами сий—«ежемесячные со-

Прекрасная дневная тренировка с моим другом Исао Инокума во время летнего сбора в Кодокане в 1961 г. Слева и справа—дзюдоисты-полицейские

¹² Уже после выхода книги Блюминга, в 2001-м году Инокума Исао ушел из жизни, совершив харакири, предположительно, по причине неспособности оплатить многомиллионные долги своей компании.

Кохаку сий. Бросок ути-мата. Октябрь 1959 г.

ревнования», которые проходили в третий четверг каждого месяца, и кохаку сий—«соревнования красной и белой команд», проходившие в Кодокане в апреле и в октябре.

Во время турнира кохаку сий все участники делятся на две команды. Первый борец из одной команды встречается с первым бор-

цом из второй. Победитель остается на татами и борется со вторым борцом из противной команды. Так продолжается до тех пор, пока он не потерпит поражение или пока в схватке не будет объявлена хикивакэ—ничья. Так что, в принципе, один дзюдоист может победить всю команду противника.

Результат окури-аси-бараи. Токио, Кодокан, март 1959 г. Моя первая схватка на ежемесячном турнире закончилась за 1 секунду: захват—подсечка

Разумеется, такого в истории еще никогда не было¹³. Причина в том, что в каждой команде, участвующей в кохаку сий в Кодокане, по несколько сотен человек. Схватки начинаются около девяти утра и продолжаются до семи или восьми вечера. Первыми на татами выходят самые новоиспеченные сёданы—первые даны, а последними—сильнейшие борцы, чемпионы страны. Участвуя в соревнованиях кохаку сий, можно сразу повысить разряд, если удастся победить шестерых дзюдоистов своего разряда подряд. Тому же, кто одолеет 12 противников подряд, присваивают разряд сразу на две ступеньки выше. Насколько я знаю, до настоящего времени рекорд таких соревнований—13 побед подряд.

¹³ Единственный, кому удалось во время командных соревнований по формуле кохаку сий бросить всех членов команды соперника, был Дуэ Роджерс. Но это были соревнования между командами университетов, а не турнир кохаку сий в Кодокане. В то время у Дуэ был первый дан (правда, при этом он уже был призером Олимпийских игр). Он первым вышел от своей команды бороться и победил всех противников, так что никому из его товарищей даже не пришлось бороться. Это произошло в 1965-м году.

После этой тренировки журналисты, узнав, что я победил пятерых противников во время турнира Кохаку сийай, попросили разрешения заснять меня. Токио, май 1960 г.

Мои первые соревнования кохаку сийай в Кодокане состоялись в апреле 1959-го года. Как всегда, красная команда боролась против белой, борьбу начинали 1-е даны, постепенно в нее включались борцы с более высокими степенями. Я боролся в дивизионе 3-х данов. Теоретически у меня был шанс заработать 4-й дан, но этому не суждено было сбыться, потому что мне пришлось бороться только с 5 противниками, завершавшими дивизион 3-х данов. Я победил их всех, но 5 побед было недостаточно, чтобы получить более высокий дан,—требовалось выиграть 6 схваток.

Впоследствии мне никогда больше не выпал шанс повысить свой дан на соревнованиях кохаку сийай, потому что я всегда замыкал группу, и в 1960 г. мне пришлось бороться только с двумя противниками, а в 1961 г., когда я был капитаном,—всего лишь с одним.

Это фото сделано Биллом Бахусом после того, как я победил пятерых дзюдоистов на турнире Кохаку сийай весной 1960 г. в Кодокане

Силовая тренировка

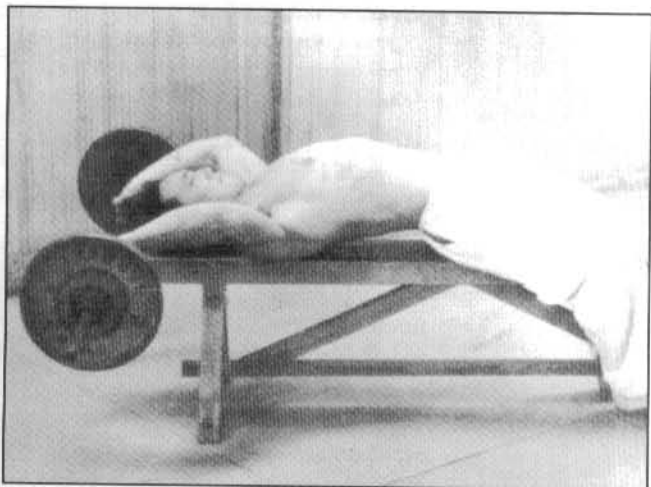
После нескольких месяцев тренировок с весами Донн Дрэгер сказал мне, что настало время становиться сильнее и тяжелее, а для этого перед летним сбором надо пройти силовой курс.

Мы тренировались группой, в которую входили Инокума Исао, Джордж Керр, Билл Бахус, Джимми Брегман и еще несколько борцов. Комплекс начинался с приседаний. 20 раз с весом 70 килограммов или около того, потом 18 и 16 и т.д. до 1 раза с максимальным весом, который только могли выдержать ноги. Естественно, что в каждом сете вес прибавлялся килограммов на 10 или более.

В первый день такой тренировки я пошел выпить апельсинового сока. Чтобы попасть в бар, где его продавали, мне надо было спуститься на три ступеньки, но я преодолел их одним шагом, потому что, ступив на первую ступеньку, полетел вниз кубарем. Ноги у меня были, как резиновые, я словно побывал в нокауте—вообще никаких сил.

В тот день в Кодокане я чувствовал себя несчастным, потому что любой, даже самый немощный, мог меня бросить, просто прикоснувшись большим пальцем к моей лодыжке. Я то и дело падал на ко-

*Мы вместе с Донном и с моим партнером по тренировкам, будущим чемпионом мира и победителем Олимпийских игр Инокумой Исао тренировались с отягощениями по три раза в неделю в зале «Коракуэн Джим». Старая добрая «качалка»...
Лето 1959 г.*

лени или рассматривал потолок. Я ненавидел вежливые улыбающиеся лица противников, только что отлапивших меня и теперь откланивавшихся. Дрэггер без конца потешался надо мной, но при этом заверял: «Не беспокойся! Через месяц все они будут твои. Практически никто тогда не сможет тебя остановить! Но ты одновременно должен тренировать скорость своего дзюдо и, конечно же, не полагаться на свою новую силу, манкируя скоростью и техникой. Никогда не заменяй скорость и технику силой, потому что только комбинация этих качеств, вместе с твоим природным бойцовским духом, сделает тебя непобедимым». И он был совершенно прав: через несколько недель я так надрал задницы своим противникам, что почувствовал: я действительно чего-то достиг.

У Боба Хоффмана из Штатов мы заказали протеин, масло просеянного зерна и прочую здоровую пищу. О стероидах в те дни мы даже и не слышали. В первый раз я услышал о них от нескольких учеников в своем додзэ в Амстердаме в 1965-м году, после чего я вышвырнул их вон, потому что не хотел иметь ничего общего с наркотиками и с людьми, их употребляющими.

Старик Сато, этот «сторожевой пес» Кодокана, был вынужден много мне помогать, потому что с каждым днем находилось все меньше и меньше дзюдоистов, просивших меня попрактиковаться с ними в рандори. Но стоило мне взглянуть на сэнсэя, как он совал мне в руки какого-нибудь несчастного мерзавца. Ох, и славные же это были деньки!

Где-то в конце ноября 1959-го года я встал на весы в Кодокане. Это были дурацкие японские весы, у которых шкала почему-то расположена на противоположной стороне от взвешивающегося, так что видеть свои килограммы я не мог. Поэтому я попросил Джорджа Уаймэна из Лондона сообщить мне новости.

Он посмотрел и сказал: «Факт—102 кг!»

Я сказал Джорджу, чтобы он не дурачился и сказал мне мой точный вес.

Тут старый Джорджи вспыхнул и злобно заорал мне: «102 кило! Ты стал чертовски здоровым и чертовски сильным, сволочь голландская!»

Бог мой, как же я полюбил его за эти слова! Я был на небесах. Наконец-то, в возрасте 26 лет я стал весить столько, сколько всегда

хотел, чтобы не выглядеть недоношенным тощим пацаном, пережившим Голодную зиму и поездку на «Макхангри» после Кореи.

Благодаря Донну Дрэгеру, я стоял теперь на вершине мира дзюдо и занимался каратэ. Благодаря тренировке с весами, я становился все сильнее и сильнее. С помощью сэнсэя Одатэ и того же Донна, я сохранял свою скорость средневеса, а благодаря моим японским друзьям из Кодокана и полицейского додзё—достиг высокого технического уровня.

Сётюгэйко и кангэйко

В июле 1959-го года Кодокан преподнес мне сюрприз под названием «сётюгэйко»—«тренировка в самую жару»—иными словами, летний тренировочный сбор. С 6-го июля по 5-е августа с пяти утра до половины седьмого—рандори, рандори и рандори. И такая же тренировка во второй половине дня—с трех до шести. И это—при всех закрытых в зале окнах в ужасной жаре и не вместо, а в дополнение к обычным тренировкам!

Одним из самых ярких моментов в период пребывания в Токио для меня явилось зачисление в группу стажеров—кэнсюсэй, в которой для подготовки к Олимпийским играм были собраны 25 лучших дзюдоистов Японии. Фото сделано во время летнего сбора 1960 г. Справа от меня—покойный Каминага (в то время—чемпион Японии), слева—Ода, чемпион Киото

Аналогичный сбор проходит и зимой, в те же часы с 6-го января по 5-е февраля. Он называется «кангэйко»—«тренировка в лютый холод»—и, в отличие от летнего, проходит при распахнутых настежь окнах, чтобы напустить внутрь стужу.

И не надо забывать, что в Кодокане нет ни отопительной системы, ни кондиционеров! Вы либо обливаетесь потом, либо отмораживаете себе яйца. Единственное, что есть хорошего в этих «лагерях»,—то, что после тяжелейших тренировок отлично спится.

Всего я участвовал в пяти кэйко, что подтверждается соответствующими сертификатами.

Группа кэнсюсэй

Поскольку я проявлял большой интерес к изучению дзюдо и быстро прогрессировал, в ноябре 1959-го руководство Кодокана приняло решение включить меня в особую группу стажеров—кэнсюсэй. Меня пригласили в кабинет к Кано Рисэй, президенту Кодокана, и он объявил, что я мог бы поступить в класс кэнсюсэй.

Эта особая программа предназначалась для самых талантливых дзюдоистов—будущих чемпионов и тренеров. Всего в группу кэнсюэй входило 25 лучших дзюдоистов Кодокана. Чтобы вы могли понять, насколько элитарной была эта группа, скажу, что ее членами были и Дуг Роджерс, и Джордж Керр, и Джими Брегман, и, конечно же, чемпион Японии Инокума Исао.

Постоянными инструкторами кэнсюэй были лучшие наставники Кодокана того времени—Дайго, Кавамура и Осава. Стажеры также должны были посещать особые семинары, которые проводили высшие сэнсэй дзюдо, такие, как Мифунэ Кюдзо, 10-й дан, и Самура Каитиро, 10-й дан. И что особенно радовало меня, кэнсюэй освобождались от ежемесячной платы за занятия!

Услышав предложение Кано войти в эту группу, я сказал, что это большая честь и что я буду делать все возможное, чтобы продвигать Кодокан и отплатить ему за оказанную мне милость.

«Цепной пес» Сато также был счастлив, потому что считал меня своим протеже—и вполне справедливо: он искал мне партнеров за колоннами и по углам в борцовском

Наставления дает сэнсэй Сираи—преподаватель группы кэнсюэй, 9-й дан

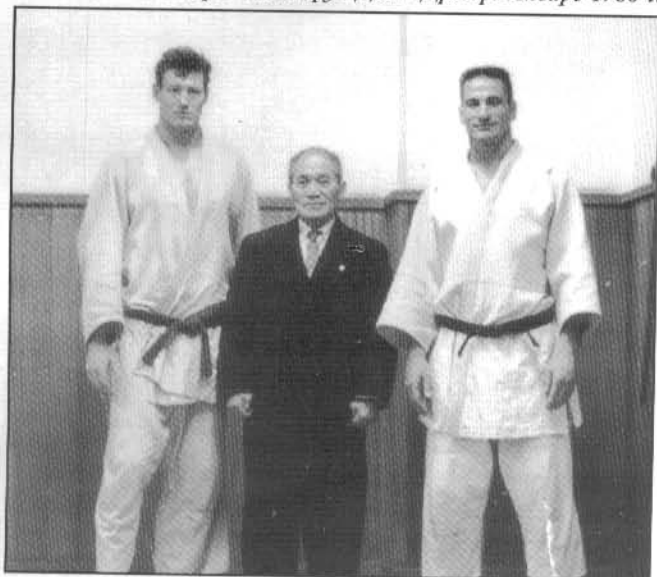
Наставления в год своего 75-летия дает старший мастер Мифунэ, 10-й дан. Весна 1960 г.

зале, приводил их ко мне, называл мне их имена, говорил, откуда они, и добавлял: «Надери ему задницу!» И мне это очень нравилось, и хотелось жить вечно, и я никогда не был так счастлив, как в те дни.

Корейская ассоциация юдо

В конце 1959-го мне сказали, что срок действия моей визы истекает и что я должен выехать в другую страну, чтобы обновить ее. Я этому не особо обрадовался, но сразу придумал, как поступить. Когда-то я пообещал своему голландскому сэнсэю, дедуле Схутте, что, если получится, навещу наших корейских друзей.

Последнее фото с Самура Каитиро. По левую руку от мастера—мой друг Донн Дрэзер. Январь 1960 г.

Помните, я рассказывал, что в 1954-м году корейская команда с визитом доброй воли посетила Голландию и продемонстрировала незнакомое нам тогда очень мощное дзюдо. Позднее корейцы направили к нам своего инструктора, Чой Ин До, обладателя 5-го дана и бывшего чемпиона страны. Он стал моим близким другом и вручил мне рекомендательное письмо к президенту Корейской ассоциации юдо, ныне покойному сэнсэю Суку, в то время—8-й дан. И вот теперь мне представилась возможность воспользоваться любезностью Чой Ин До.

Так в декабре 1959-го, числа, кажется, 19-го, я снова приехал в Корею. Странное это было ощущение—стоять на корейской земле, в голове проносились разные картины из прошлого...

За исключением нескольких новых отелей, Сеул не особенно изменился с 1953-го года. Улицы все еще были немощеные и грязные и портили башмаки, и домики в старом стиле, которые я так любил, виднелись повсюду. А как насчет запаха? Пожалуй, он был прежний. Несколько лет назад, когда я вновь приехал в Корею, я как-то ел в ресторане, расположенном на горе, где редко бывают иностранцы. Парни, с которыми я был, заняли столик неподалеку от черного хода. Мне эта дверь показалась подозрительной, и я сел от нее как можно дальше. Мои приятели поинтересовались, с чего бы это, и я им сказал: «А вы подождите». Мы сделали заказы, подождали немного, и довольно скоро эта дверь действительно открылась, и в ресторан ворвалась вонь нечистот двухтысячелетней давности. Для меня вот таким и был запах Сеула. И все-таки у этого города было свое очарование.

Что касается размещения, то мне здорово повезло. Стоило мне продемонстрировать свои документы, свидетельствовавшие, что я служил во 2-й дивизии США,

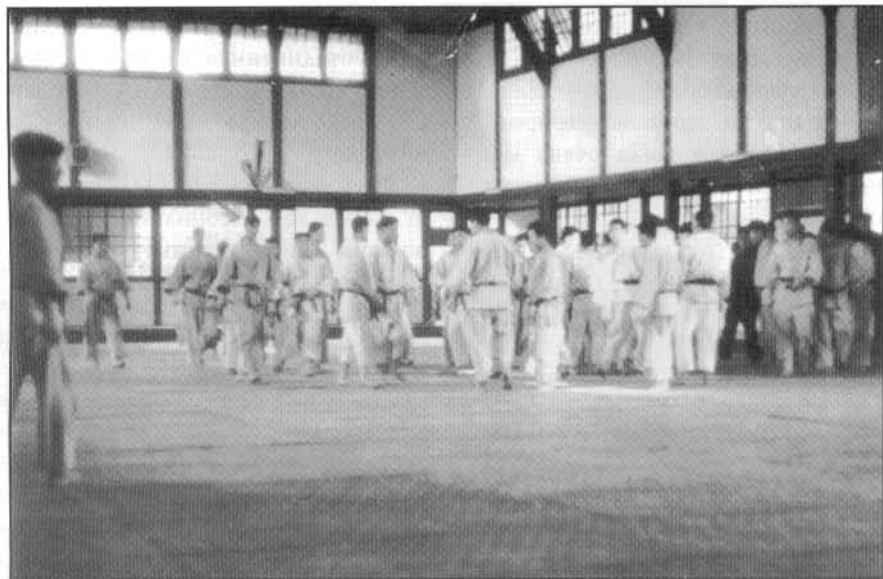
и три моих Пурпурных сердца, как Объединенная служба организации досуга войск США бесплатно предоставила мне комнату и питание.

Я не знал, что мне следует ждать от Корейской ассоциации юдо, но помнил дружественные лица корейских дзюдоистов, приезжавших в Голландию в 1954-м году. И действительно, волновался я напрасно. В штаб-квартире Ассоциации меня торжественно приветствовал целый комитет. И конечно же, там присутствовал сэнсэй Сук и сэнсэй Пак Юн Со. Оказывается, они получили письмо от Чой Ин До, в котором сообщалось о моем приезде в Корею.

Вот время торжественного обеда, устроенного в мою честь Корейской ассоциацией юдо, я снова встретился со всеми старыми учителями, которые приезжали в Голландию в 1954-м, и они засыпали меня вопросами о Голландии и об Опа Схутте. Угощали меня блюдами корейской кухни, которая очень острая. И моя любимая кимчи—соленая капуста,—как и в прежние дни, пахла, точно карбид.

После обеда мы отправились назад в додзё, чтобы посмотреть друг на друга повнимательнее.

Корейское хомбу-додзё было очень старое и пахло старым деревом, но было весьма элегантно, в старом романтическом стиле. Татами были старые и очень жесткие, но вполне пригодные для борьбы. А вот окна были странные, потому что внизу, в нескольких сантиметрах от татами, они были по большей части разбиты. В результате внутрь наметало снега, а ветер целовал лодыжки. И что еще особо «обрадовало» меня, так это то, что здесь, так же, как в Кодокане, ничего не слыхали об отоплении, а между тем температура на улице была 15 градусов ниже нуля. Я был первым европейцем, посетившим это додзё.

Додзё Корейской ассоциации юдо и совсем другая порода жестких борцов, которые проверили мою подготовку во время экзамена на присвоение инструкторского звания и 4-го дана. Южная Корея, Сеул, 18 декабря 1959 г.

С первого взгляда я понял, что меня ждет очень трудная неделя в совершенно непривычном месте. А вот что мне было знакомо, так это многочисленные молодые борцы, кружившие по додзё и внимательно разглядывавшие меня, с лицами, на которых легко прочитывалось, что они дождаться не могут, когда им позволят вцепиться в этого долговязого парня из «Олланда» и надрать ему задницу. Впрочем, все старые сэнсэи были настроены очень дружелюбно и выказывали готовность помочь, и это придало мне сил.

Понаблюдав за борцами, я решил, что Донн Дрэггер был прав, когда говорил мне, что корейское дзюдо более жесткое, чем японское полицейское, и что в Корее за броском всегда следует продолжение, вне зависимости от того, был ли он хорош или нет. В техническом отношении в те дни корейцы, наверное, были не столь хороши, как японцы, но они, несомненно, были способны дать хороший бой. И при этом, так же, как и японцы, они до смерти ненавидели проигрывать иностранцам (правда, сейчас они

к этому уже привыкли). Поэтому, отправляясь на следующий день в додзё на тренировку, я чувствовал себя, словно Давид, вступающий в клетку со львом.

Корейские борцы выстроились в шеренгу в ожидании меня. Вели они себя очень «дипломатично» — прямо как бульдозер. Они буквально тряслись от досады, когда проигрывали.

Сэнсэй Сук представил меня всем и произнес какую-то речь.

Сук, 10-й дан Корейской ассоциации юдо. 1959 г.

Судя по лицам учеников, он говорил обо мне что-то хорошее. Это меня не особо обрадовало, потому как мне вовсе не хотелось, чтобы кто-нибудь засунул мне перо туда, куда лучи солнца не проникают, как раз в тот момент, когда эта нетерпеливая толпа уже собиралась повести меня на бойню.

Сук позволила мне немного разогреться—а это было совершенно необходимо, потому что в тот день было чертовски холодно, ноги у меня посинели, а мой «малыш» в штанишках к этому времени уменьшился до пары сантиметров и сжался в комочек.

Я сначала хотел немного поиграть с начинающими, чтобы оттянуть расправу, но Сук провел меня мимо мрачной шеренги борцов со свирепыми лицами к хорошо сложенному высокому мускулистому парню с непроницаемым лицом по фамилии Ким. И тут я вспомнил, как Донн предупреждал меня, что нужно опасаться корейского чемпиона—парня по фамилии Ким. Я сразу понял, что это именно он.

Больше времени у меня не было, потому что сразу после поклона Ким шагнул вперед и протянул ко мне руки. Ким улыбнулся, мол, говорили-то о тебе хорошо, но хотелось бы и самому проверить, действительно ли ты хорош. И все

это глядя на учителей, которые ушли у края площадки, словно испрашивая их разрешения на что-то серьезное.

В тот же момент я бросил его в стиле «Дэру иппон»—«шагнул вперед и бросил на иппон». Я атаковал левым о-сото-гари, и Ким грохнулся прямо на спину. Чистый иппон!..

С Кимом, абсолютным чемпионом Кореи по дзюдо, перед Кодоканом. Лето 1960 г. Я бросил Кима левым о-сото-гари (это был дэру иппон) во время занятий в хомбу Корейской ассоциации юдо

*Ким, я и Донн
в ресторане
Кодокана*

Тут все учителя как один вскочили на ноги, и со всех сторон посылались удивленные возгласы.

Я сам был удивлен не менее присутствующих. Думаю, Ким просто не был готов к борьбе с левостоечником и ждал броска справа, как боролось большинство в те дни.

Но этот прием был последним, который мне удалось провести против Кима так легко, потому что затем он вычистил мною все татами так, что на них и пылинки не осталось, и теперь сомнений у меня не было—передо мной действительно был чемпион Кореи.

Через некоторое время он устал и оставил меня в столбе пыли, поднимающейся с рисовой соломы. Но передохнуть мне не дали, потому что теперь дожидавшиеся своей очереди ряды двинулись на меня, и в итоге я оказался несколько более чем слегка занят.

Благодарение Господу, что не все они были сильны так же, как Ким. У меня появилась возможность отыграться, и я с радостью стал загонять корейцев одного за другим под татами. Это были симпатичные ребята, с замечательным бойцовским духом. И стоило узнать их поближе, как становилось ясно, что они могут быть отличными друзьями.

К несчастью для меня, мой ангел-хранитель, наверное, моргнул пару раз и просмотрел, как на спину мне уселся какой-то крутой дзюдока—я пытался бросить его подхватом изнутри (ути-мата), но не смог докрутить прием. Он оседлал меня, как коня, и толкнул в затылок так, что при падении я ударился затылком об татами, причем кореец продолжал жать мне на голову, словно стараясь воткнуть ее в мат. Я услышал громкий треск в голове—словно ветка хрустнула, а потом оранжевые языки пламени заплясали у меня перед глазами, и я почувствовал, что вся моя шея одеревенела. Поэтому, поборовшись не более чем с десятком дзюдоис-

тов, я решил откланяться и уполз с татами.

Я хотел принять душ—забыл, что нахожусь в Корее и что прошло не так уж много времени с конца войны. Но оказалось, что единственной маленькой комнаткой в здании хомбу додзё был туалет, который вонял мочой двухтысячелетней давности, а выглядел так, словно его построили еще раньше. Тут я заскучал по старому хомбу Кёкусинкай и по Кодокану...

К счастью, лед в отношениях с корейцами был разбит, и все они теперь хотели узнать от меня как можно больше о Голландии и о том, как поживает Чой Ин До, который все еще был главным инструктором дзюдо в Голландии, и т.д. И вот по окончании тренировки вся эта толпа прямо в своих мокрых дзюдоги двинулась в офуро (японскую горячую ванну) по грязным, замерзшим улицам. Просто чудо какое-то, что я не подхватил тогда простуду или что-нибудь похуже. В горячей бане я почувствовал себя лучше, хотя и не мог пошевелить шеей.

После бани мы поужинали в местечке, удивительно похожем на забегаловку, описанную в книге у Пирла С. Бака, где было полным-полно корейских красоток такого сорта, что большинство европейцев и американцев от них бы вздрогнули, но мне это местечко понравилось.

Через много лет, в 1985 году, когда я снимался в художественном фильме о войне в Корее, который называется «Поле славы» («Field of Honor»), я на один день приехал в Сеул, чтобы навестить старых друзей, и с удивлением узнал, что теперь Корейская ассоциация юдо размещается в великолепном здании, достойном работы корейских дзюдоистов и тех многочисленных титулов, которые они завоевали за прошедший период.

Чой Ин До тогда встретил меня и на своей машине повез посмотреть на отборочные соревнования,

предшествовавшие крупному турниру. По дороге он рассказал мне, что сэнсэй Сук пережил инфаркт и очень плохо себя чувствует, но все равно приедет попристутствовать на некоторое время. Когда Сук приехал в додзё, Чой подошел к нему и сказал сэнсёю, что я вернулся навестить своих корейских друзей. Кажется, он был поражен этим и очень рад увидиться со мной. Я подошел к сэнсёю и глубоко поклонился этому уникальному человеку—первому обладателю 10-го дана в Корее. А потом произошло нечто, что редко приходится наблюдать у японцев и корейцев. Сук протянул ко мне свои большие руки, крепко обнял и сказал: «Вот так замечательный сюрприз—я снова вижу тебя! Ведь я считаю тебя членом своей семьи!» Он посмотрел мне в глаза, и по его лицу побежали слезы, я тоже пустил слезу, увидев, что время и болезнь сделали с этим некогда яростным бойцом и доброжелательным сэнсэем. Потом меня усадили рядом с сэнсэем Суком, и он все время держал меня за руку, а у корейцев это знак большой привязанности. Он хотел узнать, как умер Опа Схутте, мой первый учитель дзюдо и его друг, как разрешились проблемы с дзюдо в Европе. К тому времени прошел уже, наверное, 31 год с тех пор, как я, тогда еще всего лишь молодой парень 21 года от роду и 2-й кю в амстердамском додзё «Тунъень», впервые встретился с ним—обладателем уже в то время высокого 8-го дана. Пусть боги благословят этого прекрасного сэнсэя, ибо он умер вскоре после нашей встречи.

Но вернемся назад, в 23 декабря 1959-го года. После ужина мне сказали, что на следующий день я могу пройти тест на 4-й дан. В 1959-м году такую степень в Голландии имели всего четыре человека. Антон Геесинк получил 4-й дан, заняв третье место на чемпионате

мира 1959-го года. Н. Агэ и Гэ Коттинг тоже получили по 4-му дану, сообщив Кодокану, что являются учителями Геесинка—совсем не невинная ложь во спасение, а самое наглое вранье, потому что сэнсэем Геесинка был Ян ван дер Хорст из Утрехта. Наконец, 4-м даном обладал Опа Схутте, он получил его от легендарного Хирано Токио в 1952-м году. Так что сделанное мне предложение было великой честью, и я буквально проклинал свою травмированную шею.

Я взял такси до Объединенной службы организации досуга войск США и рано лег спать, но никак не мог заснуть из-за боли, пронизывавшей все туловище, и из-за какого-то странного звука снаружи, очень похожего на автоматную стрельбу на небольшом расстоянии. Помнится, я даже подумал, что мне повезло, что этой ночью снова началась война. В этих нелегких думах я, в конце концов, погрузился в тяжелый сон.

На следующее утро я выяснил, что «автоматный огонь» на самом деле производили доски, которые корейцы положили поверх самой большой ямы на дороге. Каждый раз, когда по ним проезжал автомобиль, они поднимались и со шлепком опускались назад. Это ж надо было оказаться таким дураком и принять эти шлепки за автоматную стрельбу!

Прибыв в додзё утром 24 декабря 1959-го года, я быстро понял, что корейцы тоже придерживаются философии «Гамбаттэ!»—«Держись!», которая учит продолжать действовать, несмотря ни на что.

Пока я переодевался в раздевалке, от одной мысли о ледяных татами, покрытых снегом, и о ветре, задирающем штаны, мое тело покрылось мурашками, шея болела ужасно. После трех чашек ячменного чая я почувствовал себя немного лучше и побрел в додзё.

Вероятно, я представлял собой тогда печальное зрелище, и неко-

После экзамена с новеньким сертификатом... Я — первый голландец, который удостоился вручения инструкторской лицензии и 4-го дана Корейской ассоциации юдо. Фото перед додзё с членами экзаменационной комиссии, слева от меня — ныне покойный Сук, в то время 9-й дан, позднее — 10-й, начальник полиции Сеула Пак, 9-й дан, и Банг, 9-й дан. Южная Корея, Сеул, 20 декабря 1959 г.

торые корейцы даже стали спрашивать, как моя шея. Пока я разогревался, боль от нее простреливала все тело. Оказалось, что корейцы сняли целый класс учащихся спортивной школы дзюдо, чтобы мальчишки посмотрели, как будет бороться голландец. Я оглядел угрюмые беспощадные лица хозяев и вспыхнул от злобы. Чем больше мне было, тем злее я становился, постепенно ко мне вернулся мой боевой дух, и теперь я уже не хотел напортачить с такой замечательной возможностью получить 4-й дан.

Для этого я должен был выиграть три схватки. Все мои противники были чемпионами страны среди студентов — двое Кимов со 2-ми данами и Суп Ли, 3-й дан. Ко времени начала борьбы я уже так завелся, что был готов голыми руками уделать любую горилау.

Первого Кима я моментально бросил броском через бедро цурикоми-госи на вадза-ари и закончил схватку болевым приемом. Второго Кима я дважды бросил на вадза-ари с помощью ути-мата — подхвата изнутри.

Суп Ли же с самого начала бросился в атаку, словно исполнитель святой миссии по наказанию неверного. Он яростно атаковал мои ноги слева и справа с помощью о-ути-гари и ко-ути-гари — зацепов изнутри и подбивов под пятку, и мне потребовалась вся ловкость, чтобы удерживать его на дистанции. А он между тем мои попытки проведения бросков пресекал, как настоящий профессионал.

Потом он снова атаковал меня ко-ути-гари, затем захватил мою ногу руками и воткнулся головой мне в живот, явно намереваясь уложить меня на задницу. Чтобы остановить его атаку, я тут же опустил одну руку и оказался в удобной позиции для удушения двумя руками. Удушающий удался на славу, и Суп отключился.

Мою победу зрители приветствовали настоящей овацией, все хотели пожать мне руку. А я чувствовал себя так, словно только что заработал миллион долларов.

Теперь оставались только формальности. В конце концов, мне вручили сертификат о присвоении

4-го дана и инструкторскую лицензию. Я был первым европейцем, который получил такие документы от Корейской ассоциации юдо.

В тот вечер в честь меня была устроена еще одна замечательная вечеринка. С помощью сэнсэя Сука я получил визу на въезд в Японию и теперь был полностью готов к возвращению в родной Кодокан.

Возвращение в Кодокан

Я вернулся в Токио накануне празднования Нового года в Кодокане, которое называется «Кагами-бираки».

Словом «кагами» называют круглые лепешки разного размера, кото-

рые приготавливают из моти—вида сухого бобового творога или рисовой пасты—и едят на праздники. «После речей и демонстраций ката,—писала газета «Japan Times»,—моти нарезают маленькими кубиками и едят с сиром [сладкий бобовый суп] и потребляют прочими способами, которые чрезвычайно нравятся всем, кто любит моти». Выпив фруктового сока со всеми своими старыми друзьями и сэнсэями, я почувствовал, что вернулся домой.

Мои деньги стремительно заканчивались, и когда Билл попросил меня сопровождать его в деловых поездках для продажи энцикло-

Праздник кагами-бираки по случаю начала нового, 1960-го года. Почетные гости—ныне покойные Самура Каитиро, 10-й дан, и Мифунэ Кюдзо, 10-й дан

Праздник кагами-бираки по случаю начала нового, 1960-го года. В центре—покойный сын основателя дзюдо Кано Дзигоро Кано Рисэй, справа от него—Мифунэ Кюдзо

педий и страховок американским военнотружашим из частей Сухопутных войск и ВВС, расквартированных вокруг Токио, я с радостю согласился, потому что нуждался в зароботке, чтобы как-то жить.

Несколько позднее мы заключили договор с книгоиздательской фирмой «Tuttle» на продажу «Библии» в белых кожаных переплетках, которые имелись у них в избытке. Мы покупали их по 5 долларов, а продавали, самое меньшее, по 15. Боб Смит в своей книге «Размышления о боевых искусствах» («Martial Musings», 1999) описывает одну из моих первых попыток продать «Библию»: «Блюминг постучался в первую дверь, на стук откликнулась молодая американка—жена офицера. Йон начал нахваливать свой товар, показывая подарочное издание «Библии» большого формата. Он уже подумал, что все идет на лад, когда американка вдруг спросила, не может ли она купить за 30 долларов парочку книг в рассрочку. Бахус, почувствовав, что Йону может потребоваться помощь в конечной фазе заключения сделки, подскочил к нему и прервал разговор, помахивая своим экземпляром «Библии». Этот порыв вспугнул женщину, и она заколебалась: «Ой, ребята, я не знаю. Рождество близится и все такое... Лучше я переговорю об этом вечером с мужем. Вы не могли бы позвонить завтра?» Тут мускулистый торговец-христианин, который, наверное, никогда не раскрыл бы «Библию», даже если бы знал английский лучше, чем на деле, раздраженно сказал продавцу меньшего роста: «Ну, ты, мерзавец [грязное ругательство], я уже проданный [грязное ругательство], раньше, чем ты [грязное ругательство] влез торговля!»»

Моя версия этой истории несколько иная. Я подходил к клиентам по-другому: «Сэр (или мэм), я представитель токийского издательства «Библии», о котором вы, конечно же, слышали». Клиент

DATE OF BIRTH	HEIGHT	WEIGHT	HAIR	EYES
6 Feb 33	6'4"	215	Blk	Brn
		DATE ISSUED		
		16 Feb 60		
		BEARER'S ADDRESS		
		Kodokan Judo College Tokyo Japan		
		TYPE OF EMPLOYMENT		
		S/H		
		OTHER IDENTIFYING DATA		
		Encyclopedia Americana		

Мое разрешение на право продавать «Библии» и энциклопедии на военных базах США в Японии.

16 февраля 1960 г.

непременно кивал головой, мол, разумеется, слышал, хотя никакого издательства «Библии» в Токио не было, после чего я переходил к стандартному набору рекламных увещаний продавцов. Это была по-своему тяжелая работа. Билл сказал мне, что для успеха в этом деле на клиента непременно нужно смотреть, что называется, прямо и честно. В большинстве случаев этот прием работал, словно магическая формула, и нам удавалось продать довольно много экземпляров. Билл пользовался для этого своим умением вести деловые беседы, а я из всех сил старался выглядеть таким простоватым честным Йоннетье.

У Билла был старый «студебеккер», которому, естественно, требовался бензин. А между тем даже в то время бензин в Токио был очень

дорог. Так вот Билл всегда возил с собой в машине канистру и шланг, чтобы при случае тормознуть личную машину кого-нибудь из американских военнослужащих, сказать, что у него кончился бензин, и попросить отлить немного из бака. Если американец спрашивал Билла, как он собирается это сделать, мой приятель показывал шланг, и американец говорил: «О'кей!» Преимуществом такого способа добывания бензина был, разумеется, выигрыш в цене: обычно американцы не просили денег, потому что, тогда как в городе бензин стоил страшно дорого, на американских военных базах он не стоил им практически ничего. Единственной неприятной стороной процедуры было то, что Биллу приходилось сначала всосать бензин в шланг, чтобы он полился, а это в половине случаев означало получение порции бензина в рот. После такой неприятности Билл густо краснел, губы у него источали весьма резкий запах, а настроение сильно портилось.

В перерывах между совершением операций по продаже «Библии» и занятиями дзюдо в нашей жизни было еще немало веселья, и порой после озорных ночей дни казались очень утомительными, но я все равно любил такую жизнь, даже не смотря на то, что порой проклинал Билла, когда тот будил меня рано утром. Обычно он при этом говорил мне, чтобы я вставал, а не то он выльет ведро воды на мою кровать. И поскольку он это однажды сделал, я знал, что Билл говорит вполне серьезно, хотя и ухмыляется.

Думаю, здесь самое подходящее место, чтобы рассказать об одной нашей шалости.

Однажды с помощью мыльной воды я оставил мокрое пятно на кровати Дуга Роджерса после того, как его подруга ушла на работу (Дуга при этом не было, но потом Донн рассказал ему, что это сделал я). Не хочется вдаваться в подробности, как мне ответил Дуг—он

послал для меня письмо, надушенное женскими духами, по адресу моей подруги...

Ой!.. Расскажу лучше другую историю!

Поход в додзё императорской полиции

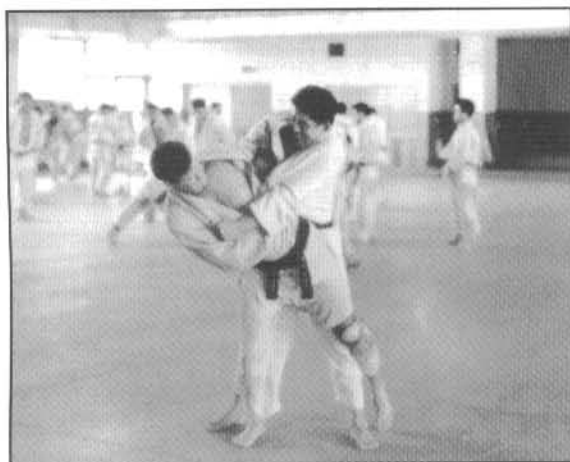
Приблизительно в апреле 1960-го года Донн предложил нашей стае, то есть Джимми Брегману, Дугу Роджерсу, Джорджу Керру, Биллу Бахусу и мне нанести дружеский визит в полицейское додзё, располагавшееся на территории Императорского дворца.

В рассказ о том, что там произошло, можно поверить, только увидев все своими глазами. После нашего визита додзё походило на миленькую деревеньку, через которую только что прокатилась орда Чингисхана...

Мы привыкли к стандартам полицейских додзё в токийских пригородах, где, чтобы только выжить, требовалось иметь, по меньшей мере, 3-й дан. И хотя мы знали, что в целом императорская полиция не особо сильна в дзюдо, мы все-таки были не готовы к столь низкому уровню дзюдо в клубе Императорского дворца.

Это было настоящее пиршество. Мы бросали и таскали полицейских, как хотели, причем проходили любые приемы. Разочарованные местные сэнсэи в состоянии паники пытались давать своим подопечным какие-то инструкции, но Донн и Билл тут же переводили нам все их указания, и уроки полетов и аварийных посадок продолжались. Я провел о-ути-гари (зацеп изнутри) и ко-ути-гари (подбив под пятку), а потом стал набирать бросок захватом одной руки противника, который в соревнованиях по дзюдо использовал, наверное, один только сэнсэй Мифунэ. И можете себе представить?! Он у меня работал!

В одной схватке какой-то дорожный полицейский попытался поме-

Рандори с победителем чемпионата Японии по дзюдо среди полицейских Кавано в Кодокане в период моего расцвета (мой вес — 102 кг). Лето 1960 г.

Второе падение Кавано — на этот раз от ути-мата...

шать мне провести цури-коми-госи, упершись прямой рукой в мой таз и отталкивая его от себя. Но я в то время был настолько сильным и быстрым, что все равно, несмотря на этот упор рукой, бросил противника, и его рука едва не вылетела из плечевого сустава, пока он летел по воздуху.

Особенно этот погром понравился Донну, потому что именно его программа тренировок с весами позволила сделать наших парней лучше, чем большинство дзюдоистов в Токио. Лучше всего его правоту подтвердил Инокума Исао, который стал настолько сильным, что мог выполнить несколько приседаний со штангой весом 220 килограммов.

После окончания схваток руководство додзё очень вежливо проинформировало нас, что больше мы не должны приходить туда бороться, потому что местным тренерам после этого визита пришлось снять всю команду с ежегодного национального первенства полиции...

Акио Каминага

К концу января 1960-го года благодаря Донну и его программе тренировок со штангой и сэнсёю Одатэ с его советами по технике я обнаружил, что могу бросить порядка 90% японских борцов, чьи имена

некогда звучали в моих ушах, словно имена богов. Ухмылки на лицах Донна и сэнсёя Одатэ становились все шире, когда очередной незадачливый дзюдоист не хотел делать самостраховку при падении после моего броска или не сдавался, попав на удушающий или болевой прием, и его выносили из зала.

Время для хорошего теста для меня и для теорий Донна о тренировке с весами пришло в конце мая 1960-го.

В это время Каминага Акио только что завоевал титул чемпиона Японии. (Инокума был в это время в госпитале с тяжелой травмой позвоночника, и врачи сращивали два его позвонка вместе, чтобы снова поставить на ноги.) Потом Каминага стал чемпионом мира в Рио-де-Жанейро, где Антон Геесинк оставил дивизион тяжеловесов, только чтобы избежать схватки с ним. Так что когда Каминага в мае 1960-го вошел в главное додзё Кодокана, его уже ждало множество дзюдоистов, которые надеялись удостоиться чести бороться с ним.

Как только Сато, «цепной пес» Кодокана, увидел Каминагу, он ухватил его за рукав и велел ему бороться со мной.

Я подошел, уважительно поклонился и сказал: «О-нэгаи-сима-су!» — «Окажите мне честь!»

Каминага рассмеялся, поклонился и выкрикнул: «Цугуй!»—что-то вроде вызова на спортивный поединок. Едва взяв захват, он моментально бросил меня своей знаменитой передней подножкой—тай-отоси. Я упал на колени. Сейчас моему противнику это засчитали бы как большое преимущество, но в то время этот бросок не мог быть оценен и на пол-очка—вадза-ари, а значит, и вовсе остался бы неоцененным.

Чуть позже Каминага повторил прием и разозлил меня до чертиков. В то время он весил 101 килограмм, а я—102, так что превосходство мое в габаритах было не особо велико, хотя я был выше ростом. Когда он попытался провести свой прием в третий раз, я решил, что с меня хватит и пора браться за дело. Я атаковал, полностью вложившись в бросок, и провел цури-коми-госи. Потом я продолжил, проведя подхват под две ноги (хараи-госи) или подхват изнутри (ути-мата)—точно не помню. В общем, я дважды уронил Каминагу на колени.

Затем я перешел в борьбу лежа. Я оказался между ног противника и сверху. Взял захваты обеими

На абсолютном пике моей борцовской подготовки после победы над Каминагой, абсолютным чемпионом Японии, с помощью удушающего приема. Май 1960 г. Эту фотографию снял Донн Дрэггер, он тогда обнял меня и сказал: «Ну вот, ты наконец это сделал!»

руками для проведения своего устрашающего удушающего приема. Когда мои руки обвили шею Каминаги, я прокрутился через спину, сдавив его горло отворотами его куртки. Мои руки были внутри, а руки Каминаги—снаружи, и он не мог вырваться. Я почувствовал, как он задрожал, и сразу отпустил удушающий захват, потому что знал, что мой противник готов.

Лицо Сато расплылось в улыбке, он снова и снова повторял: «О'кей! О'кей! Хороший мальчик! Хороший мальчик!»—и вытирал сопли с лица Каминаги. Его вынесли во внешний зал, чтобы он пришел в себя.

С тех пор команда его университета уже больше не желала иметь со мной никаких дел и бежала от меня на татами, словно от чумы.

Начало подготовки к Олимпиаде-64

В августе 1960-го года для кэн-сюсэй началась подготовка к Олимпиаде-1964. Это означало постоянные встречи с командами разных университетов и схватки, снова и снова, в перерывах между которыми шел обмен приемами и методами тренировки под присмотром знаменитых старых сэнсэев, которые в свои дни были великими чемпионами.

На летнем сборе в Кодокане всегда было много посетителей, особенно много было представителей японских региональных университетов, которые буквально жаждали попробовать свои силы в поединках со знаменитыми стажерами Кодокана.

И вот как-то раз Билл Бахус заходит в раздевалку и говорит:

—Йонни, а ты надень сегодня чужое дзюдоги. Возьми дзю-

доги кого-нибудь из отсутствующих иностранцев, главное—чтобы имя было не особо известное. Пояс возьми белый и завяжи, как новичок,—по-дурачки, где-нибудь под грудью. Потом пойдешь в главное додзё,—только делай вид, что робеешь,—и посмотрим, что будет.

Другие иностранцы сразу сообщали, что Билл предлагает приколоться над японскими провинциалами. Постоянные ученики Кодокана тоже. В общем, никто ничего не разболтал—всем было любопытно, что из этого выйдет.

Тем временем капитан из команды гостей принялся высматривать новое «мясо» для своих подопечных. Приметив меня, он послал одного из своих борцов «поддержаться» за гайдзина¹⁴—наверное, решил, что у меня будут получаться прекрасные падения.

Студент подбежал ко мне со своим страждущим «О-нэгай симас», в котором слышалась готовность задать мне перцу, и принялся

И снова отличная схватка. Подсечка дз-аси-бараи приносит иппон. Кодокан, зима 1960 г.

меня обрабатывать. Что бы он ни делал, я падал и летал, словно белый лебедь, потерявшийся в ночи. При каждом падении я изо всех сил ударял татами рукой, поднимая шум, а мой противник—этот маленький пидер—каждый раз улыбался и победоносно поглядывал на приятелей.

Через некоторое время парень устал—слишком быстро при такой «нагрузке»,—и ко мне подошел сам капитан. Он поклонился, прокричал «Цугой!» и бросился на меня и... Попал в железные тиски. Что бы он ни пытался предпринять, я неизменно останавливал его, жестко и болезненно. Японец никак не мог понять, что происходит. Он весь покраснел, вспотел и даже несколько раз перднул, но каждый раз словно наткнулся на бетонную стену. Потом я обработал его по полной программе своими лучшими бросками. В отчаянии японец утащил меня в партер, где я придушил его до полной отключки.

Когда он очнулся, я вежливо поклонился ему и поблагодарил за уделенное мне время и урок.

Униженный в присутствии своих младших товарищей капитан спросил, какой у меня дан. Я сказал:

—В Кодокане—4-й, в Голландии—5-й.

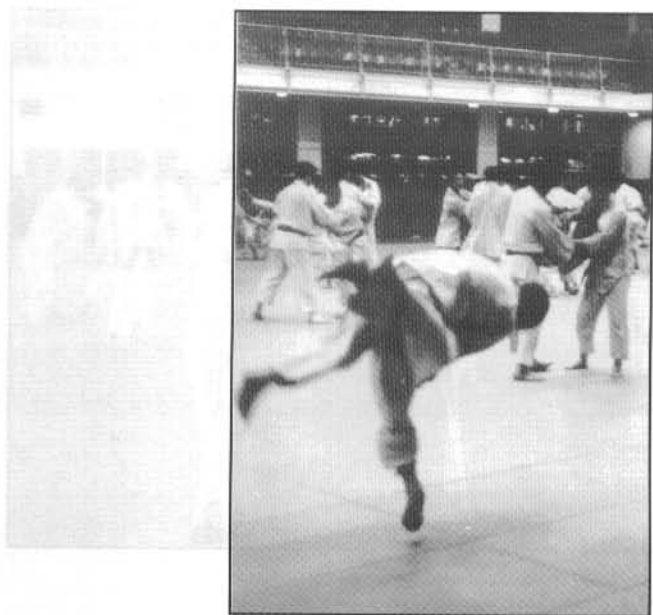
Потом он спросил мое имя. Я назвал. Тут он хлопнул себя по лбу и со смехом повернулся к своим приятелям:

—Да он над нами просто прикололся! Это же Блюминг—«Зверь из Голландии»!

Потом он попросил меня подождать и пошел искать жертву среди капитанов других команд, но ничего не вышло—к этому моменту уже все в зале знали о моей шутке.

На следующий день меня вызвали в кабинет к Кано Рисэй, где он и сэнсэй Дайго сказали мне, что как

¹⁴ «Гайдзинами» японцы называют иностранцев. Это слово имеет некоторую расистскую окраску, но поскольку японцы использовали его по отношению ко мне постоянно, в то время я думал, что это вполне нормальное слово.

Тренировка в Кодокане в паре с чемпионом Японии в среднем весе Сэки. Чемпион учится летать от моей «хоронки» — хараи-тоси. Октябрь 1960 г.

член группы кэнсюсэй я должен следовать определенному кодексу чести и носить только собственное дзюдоги и пояс, надписанные моим именем, и что мне следует прекратить детские выходки.

Тем же летом на одной из тренировок я боролся с очень молодым первым даном — жирным пацаном под 130 килограммов весом. Когда я попытался бросить его своим левым о-сото-гари (отхват), моя нога пошла быстрее, чем все остальное тело, и зацепилась за его левую ногу так, что мой большой палец оказался под стопой, а толстяк просто уселся мне на ногу, словно это был очень удобный маленький стульчик, а не моя лодыжка. Послышался треск, словно сломалась толстая сухая палка, и я едва не упал в обморок от боли и отчаяния.

Каждый иностранец, изучавший бudo в Японии, знает, что самая большая проблема, помимо денег, — травмы, которые могут положить конец всем мечтаниям и занятиям. Особенно мы всегда опасались травм коленей, голеностопных суставов, позвоночника и запястий.

Я не успел даже выйти из додзё, как поврежденная стопа уже так раздулась, что стала вдвое больше

обычного и почернела. Мне оставалось только рыдать от огорчения при мысли о предстоящих неделях боли и невозможности тренироваться.

На следующий день Донн осмотрел мою ногу и сказал, что знает старинный способ лечения для лошадей, который вылечит мой большой палец куда быстрее, чем я могу и мечтать.

Нога у меня к этому времени была темно-зеленого цвета с желтыми и темно-синими переливами. Думаю, она понравилась бы голландскому художнику Карелу Аппелю, но я, как замученный киношный индеец, мог тогда вымолвить только:

—Как?

—Ну, — сказал Донн, — вместо того, чтобы вести себя как старушонка, давай теперь посмотрим, мужик ты, или нет!

Несколько разозлившись на эти слова, я ответил ему:

—Ну, давай посмотрим!

Мы были на первом этаже Кодокана в этот момент, и Донн предложил мне подняться наверх, в маленькое додзё, где было меньше народа.

Вслед за нами с Донном потащился Билл и несколько японцев. В додзё Донн объяснил мне свой метод врачевания. Донн сказал мне, что я должен крепко зажать поврежденный большой палец между пальцами и крутить его до тех пор, пока он не станет снова нормально гнуться. Прodelывать это надо пару раз в день, причем крутить палец надо до тех пор, пока не свалишься от боли. «Тогда можно сделать перерывчик», — Донн оскалился в улыбке, и я подумал, что это, наверное, шутка американских морпехов, родившаяся в период Второй мировой во время

боев за остров Иводзима или за Окинаву.

Японцы—студенты из разных университетов, стоявшие вокруг,—выказывали мне сочувствие, покачивали головами и присвистывали сквозь зубы, словно хотели сказать: «Ну и вид же у этого пальца! Но у него он выглядит здорово!»

Но они не понимали, что говорил мне Донн, потому что в те дни японцы все еще плохо говорили по-английски. Поэтому Билл перевел для них слова Донна, и от этого их интерес к предстоящей процедуре усилился еще больше.

Но сначала я спросил Донна, не шутит ли он. Но, к моему ужасу, он ответил:

—Нет, Йон, этот способ работает, только должен предупредить: большого удовольствия ты не получишь!

Оглядев скалящиеся в улыбках рожи японцев, которые мне очень хотелось набить, я набрался храбрости и, крепко захватив этот чертов большой палец, начал крутить его так, словно от этого зависела моя жизнь. Ощущение было такое, будто и этот палец, и все мое тело жгут каленым железом, жуткая боль охватила меня, и я едва не отключился. Потом Билл сказал мне, что мое лицо при этом стало таким же синим, как палец на ноге. Я едва не обмочился, а слезы побежали у меня по щекам ручьями, но мне было все равно. Несколько японцев едва не подлетели, когда услышали тошнотворное похрустывание. Другие просто замерли от удивления, словно на каком-нибудь «ужастике».

А потом произошло нечто странное. Боль ушла, и я уже больше ничего не чувствовал и думал только: «Ну, теперь я устрою настоящее шоу для моих братцев-кэнсюэев!»

Я поднялся на ноги, тряхнул головой и обратился к самому здоровенному японцу, какой ока-

зался поблизости: «О-нэгай-сима-су!» Я поклонился, выкрикнул: «Цугой!»—и атаковал его, словно дикая обезьяна, а потом шлепнулся на задницу.

После этого я решил, что мне нужно еще несколько дней, чтобы восстановиться. Но в любом случае, в тот день я завоевал уважение японцев, и с того времени они стали (за моей спиной) называть меня «Оранда-но добуцу»—«Зверь из Голландии».

Это, несомненно, был мой день. Кстати, Донн оказался прав: палец болел еще несколько дней, но я мог тренироваться и бороться. И снова бросать японцев. Почти всех...

Будо

«Будо»—японское слово, означающее «Путь воина». Этот термин появился сравнительно недавно, и, возможно, настоящие воины далекого прошлого его просто игнорировали. Но, как бы то ни было, к 1960-му году здравомыслящие люди уже не сражались друг с другом мечами, по крайней мере, не на поле боя. Поэтому будо в настоящее время имеет большее отношение к духу и этике, нежели к бою.

Одним из мест, куда направил меня Донн Дрэггер, чтобы я познакомился с подлинным будо, была школа иайдзюцу сэнсэя Курода Ититаро.

Занятия дзёдзюцу в додзё при полицейском участке Томисака. С камерой в руках — Донн Дрэггер, справа от него — сэнсэй Курода. Лето 1959 г.

Куро́да был одним из тех весьма терпеливых учителей, которые очень серьезны и преданны своему делу, но всегда улыбаются и вежливо, по-доброму говорят с другими. Я ни разу не видел, чтобы он кому-то выказал свое раздражение, злость или что-нибудь еще в том же роде, всегда только любовь и уважение ко всем своим ученикам, даже к самым неуклюжим.

В додзё сэнсэя Курода я тренировался вместе с Донном и чувствовал, что постепенно приобретаю

Занятия иайдзюцу в зале полицейской академии Дайго кидотай

класс. По крайней мере, я уже мог убрать меч в ножны, не потеряв сразу нескольких пальцев, и в большинстве случаев тренировки заканчивались вообще без малейших порезов руки.

Помимо меча, в додзё Курода мы занимались также боем дзё—короткой палкой—и кусари-гама—серпом с грузиком на цепи.

Через несколько месяцев к нам с Донном присоединился Билл Фуллер. Иногда в додзё заглядывал также Джим Брегман. Много

позднее, через несколько лет, там начали тренироваться другие известные ныне мастера в японском фехтовании разными видами оружия парни, в частности, Куинтин Чэмберс, соавтор Хацуми Масааки по книге по технике боя дзё.

И я, и Донн чувствовали, что занятия будо что-то дают нам, и регулярно посещали их, по крайней мере, два-три раза в неделю. Но однажды я не пришел на тренировку. Просто у меня не было денег, чтобы заплатить сэнсёю за занятия, хотя плата была очень невелика.

Сэнсэй, естественно, пожелал узнать, почему я тогда не пришел. И когда я рассказал ему о подлинной причине пропуска, он улыбнулся и сказал, что деньги не важны, что я все равно могу приходить на занятия, даже если у меня не будет денег, и что он все равно будет заниматься со мной.

Вот такой был этот сэнсэй Курода, и разве удивительно, что им действительно восхищались, что его любили все ученики? Таково подлинное будо.

К сожалению, я должен сказать, что приверженность принципам будо позднее сыграла с сэнсэем Курода злую шутку: зная о его отношении к будо, многие европейцы

Занятия иайдзюцу с сэнсэем Курода, 8-й дан, в додзё при полицейском участке Томисака. Курода Итимаро был представителем знаменитого самурайского рода. Осень 1959 г.

Тренировка с сэнсэем Курода по дзёдзюцу в додзё при полицейском участке Томисака. 1960 г.

и американцы, устремлявшиеся в Японию для изучения боевых искусств, стали пользоваться им и задаром получать самое высококлассное обучение.

Политика в дзюдо

Одной из проблем в отношениях иностранцев с японцами было необъективное судейство японских судей. Приведу пример со своих первых соревнований кохаку сiais в Кодокане в апреле 1959-го года.

Я вышел на татами, поклонился, захватил куртку соперника и изо всей силы бросил его подсечкой в темп шагов окури-аси-бараи. Бросок был чистый, но, к моему величайшему удивлению, рефери дал мне за него всего лишь «полпобеды»—вадза-ари. Единственной причиной недооценки моего успеха, которую я смог тогда придумать, было то, что мой противник был японец, а я был гайдзин. Поэтому я буквально взбесился и так воткнул парня в татами своим хараи-госи, что едва не пробил беднягой мат насквозь. Это была беспорная победа—иппон.

Донн Дрэгер умудрился запечатлеть мою подсечку, оцененную на вадза-ари, на фото пленке. И напечатав фотографию, мы отправились к сэнсэю, судившему ту

схватку, и поинтересовались его мнением о броске. Он взглянул и сказал: «Отличный бросок!» Тогда я спросил его, какой оценки он заслуживает—вадза-ари или иппон? И судья твердо ответил: «Нет! Нет! Конечно, это иппон!» И вот тут Донн, Билл и я взглянули ему в глаза (а японцам это очень не нравится) и спросили, почему же он не объявил иппон в той схватке, которую судил в качестве рефери? Сэнсэй покраснел, выдохнул воздух сквозь зубы—верный знак, что японец не знает, как поступить или что сказать,—и мы ушли.

Стоит ли удивляться, что после знаменитого инцидента с Гесинком на чемпионате мира 1958-го года и других унижительных для иностранцев событий Европейская федерация дзюдо приняла решение, что на чемпионате мира в Париже в 1961-м году ни одному японскому рефери не будет позволено судить матч с участием японского борца?

Несмотря на явное нарушение протокола, в 1959-м году по рекомендации Донна Дрэгера, который также являлся специальным советником Кано Рисэй, Кодокан решил назначить меня советником по вопросам развития дзюдо в Европе. Я с радостью принял это предложение.

ние, потому что понимал, что это важно для европейского дзюдо, и написал об этом в Голландию своему сэнсэю Опа Схутте. В результате я неоднократно встречался с президентом Кодокан сыном основателя дзюдо Кано Рисэй, прибегая к переводческим услугам Донна и Билла Бахуса.

Кано Рисэй был утонченный джентльмен с мягким голосом. Помню, однажды я сказал ему, что в будущем в мире дзюдо произойдут серьезные изменения, что Европейская федерация станет лидером в мировом движении дзюдо, что президентом Международной федерации дзюдо станет европеец и что при решении всех вопросов у каждой страны будет только один голос.

Тогда Кано зарделся, и я увидел, что он не согласен со мной. Он сказал, что дзюдо создано японцами и правила в нем устанавливают японцы, что они всегда будут держать руку на пульсе и контролировать ситуацию в «их» виде спорта. В общем, этого не будет никогда.

Но уже в 1965-м году президентом Международной федерации дзюдо был избран Чарльз Палмер из Великобритании (в 1996-м году он стал первым европейцем, удостоенным 10-го дана дзюдо).

Во время другой встречи с президентом Кодокана я также сказал ему, что после парижского чемпионата мира в международном дзюдо будут введены весовые категории. Кано выразил сомнение. Но уже в 1960-м году сами японцы ввели деление на легкую, среднюю и тяжелую весовые категории. Думаю, что это решение было продиктовано осознанием ими того факта, что Антон Геесинк показал себя абсолютным фаворитом на мировом первенстве и что без весовых категорий они вряд ли смогут привезти домой чемпионский титул с этого грандиозного турнира. Так что, парни, кто был прав насчет перспектив развития дзюдо, а?

В 1966-м году, когда я снова приехал на стажировку по будо в Японию, я в последний раз встретился с этим милым джентльменом Кано Рисэй. Он поблагодарил меня за мою многолетнюю преданность Кодокану, а потом признал, что я во многом был прав в своих оценках будущего развития дзюдо и что он сам и вообще японцы просто не были готовы к таким переменам. Я тогда вежливо попросил его освободить меня от обязанностей советника, потому что столь многое изменилось, и я уже ничем не мог помочь Кодокану, ведь теперь у каждой страны был только один голос...

Одним из главнейших источников международных проблем в дзюдо была политика Кодокана в отношении присвоения мастерских степеней иностранцам. В то время японцы позволяли подняться выше 6-го дана буквально единицам. Например, они так и не присвоили 6-й дан Донну Дрэгеру, хотя он был гораздо сильнее и лучше подготовлен, чем любой японец с 8-м даном в Кодокане. Насколько я знаю, к тому времени, когда я приехал в Японию, только два европейца получили от Кодокана высокие даны — Тревор Леггетт и Дермот О'Нил. Леггетт получил 5-й дан около 1940-го года, а 6-й — в январе 1955-го. О'Нил получил 5-й дан в ноябре 1946-го года. Единственный иностранец, который получил от Кодокана высокий ранг в период моего обучения в Японии, был, кажется, Антон Геесинк, которому японцы присвоили 6-й дан в декабре 1961-го года, когда он, словно детишек, раскидал лучших японских дзюдоистов.

Еще одной серьезной проблемой было то, что Кодокан не отвечал на письма и запросы. Задайте себе вопрос: станете вы уделять внимание человеку, если он постоянно тебя игнорирует?

Все это в сочетании с типично японским нежеланием каких-либо

перемен привело к тому, что Кодокан сам подписал сук, на котором сидел. И сегодня большинство зарубежных федераций дзюдо не уделяют большого внимания ни самому Кодокану, ни присвоенным им мастерским степеням. И когда кто-то приезжает из Японии с 5-м даном Кодокана, ему говорят: «Ну, и что?! У нас есть свои чемпионы и отличные тренеры. Так что, если хочешь преподавать дзюдо здесь, сдавай экзамены снова!» И проблема-то в том и заключается, что это, с одной стороны, правильно. Но с другой, на практике вся эта политика национальных организаций нередко диктуется желанием просто размять свои политические мускулы и заработать немного денег. И от этого мне становится грустно.

Если вас интересует мое мнение, то я считаю, что конец настоящему дзюдо, по крайней мере, в том виде, как его задумывал Кано Дзигоро, наступил в 1964-м году. Хотя кое-кто винит в этом включение дзюдо в программу Олимпийских игр, я склонен думать, что подлинной причиной смерти дзюдо стало вступление в Международную федерацию дзюдо Советского Союза и его сателлитов. Дело вот в чем. Теоретически тогда у каждой страны был один голос, но ведь танки русских стояли в столицах целого ряда государств-сателлитов, представители которых, естественно, голосовали так, как было выгодно СССР. Точно так же поступали французы, которые использовали зависимые от них африканские государства. Я знаю, что на бумаге все африканские государства независимы, но думаю, наличие батальонов французского Иностранного легиона вблизи их столиц помогает африканским политикам от дзюдо помнить, как надо голосовать. Хотя британцы считали такой подход неспортивным и их позиция сближалась с позицией японцев, их точку зрения стали очень быстро игнори-

ровать, даже при том, что Чарли Палмер был президентом Международной федерации дзюдо.

Билл Бахус

Одним из первых, кого я встретил в Кодокане, был Билл Бахус—человек, без которого я не смог бы прожить в Японии так долго. В настоящее время он живет в Германии, его супруга работает стюардессой в авиакомпании «Люфтанза». Сейчас это вполне обеспеченный человек, но в те времена, когда мы с ним познакомились, ситуация была совсем иной—тогда заработок денег, хотя бы только на еду, был для нас делом довольно-таки захватывающим.

Зато когда у нас были в кошельках средства, мы с Биллом отправлялись в ресторан. В то время Билл был всего лишь средневесом, но аппетитом был хороший тяжеловес. Так что, когда он мог себе позволить, то все заказывал вдвойне.

Как то раз мы отправились с Биллом в ресторан. После ужина я пошел в машину, чтобы там подождать приятеля, который зашел в туалетную комнату. Забравшись в авто, я рыгнул. Вонь была ужасная—все из-за чеснока. Поэтому я предпочел вылезти наружу. Как раз подошел Билл. Я сказал, чтобы он не лез в машину, потому что в ней стоит ужасное злое воние, но он меня не послушался. Забрался внутрь, вдохнул и... тут же выскочил наружу и выблевал. При виде этого не выдержал и я—меня тоже вырвало. Немного приди в себя, Билл сказал мне: «Черт, да я из-за тебя устроил свой ужин! Пошли опять ужинать!»

Мы снова вошли в ресторан.

К нам подошла официантка:

—Извините, вы что-то забыли?

—Нет,—отвечали мы,—просто хотим сделать заказ.

Тут из кухни вывалили повара посмотреть на нас. Когда мы закончили, они снова вышли в зал и аплодировали нам.

В другой раз мы катались по городу, внезапно нас подрезала машина, набитая какими-то парнями. Это были фаны профессионального борца, выступавшего под псевдонимом Рикидодзан, они только что посмотрели матч с участием своего кумира и решили, что достаточно круты. Но после того, как мы вытащили их из машины и объяснили вкратце, что мы о них думаем, они предложили нам отправиться в ресторан, куда после матча поехал Рикидодзан, и помериться с ним силами. Мы согласились, поехали в указанное место и нашли борца.

—Что это значит? Хочешь подражаться? Давай подеремся!—сказали мы ему.

Рикидодзан посмотрел на нас и засмеялся:

—Ребята, вы чего хотите на ужин? Угощайтесь—я плачу!

Оказалось, он нормальный парень. Жаль, что вскоре после нашего знакомства он умер. И знаете, как это произошло? После подобного инцидента кто-то ткнул его перочинным ножиком, а Рикидодзан, считая себя настоящим мачо, не поехал в госпиталь, потом рана инфицировалась, но когда это выяснилось, было уже поздно.

И последняя история. Билл не курил и не любил курильщиков. И вот как-то раз один японец, сидевший рядом с Биллом в поезде, решил закурить. Билл выразительно посмотрел на него, но парень его просто игнорировал. Вау! Билл выбил у него сигарету рукой изо рта так, что искры полетели во все стороны. Курильщик сошел на следующей остановке весь зеленый. Думаю, он просто проглотил свою сигарету.

Сэнсэй Канэмицу

После летнего лагеря 1960-го года Донн и я отправились в город Окаяма, где находилось додзё легендарного мастера борьбы в партере сэнсэя Канэмицу, 9-й дан.

В Саду лотосов одного из храмов в Нара. Август 1960 г.

Ехали мы, конечно же, 3-м классом (денег ведь не было), а потому были вынуждены просидеть двадцать часов в крохотных, рассчитанных разве что на детей сидениях, которые стояли в японских поездах в то время.

Скоростные поезда в те годы еще не ходили. Наш паровоз останавливался у каждой деревушки, у каждой дырки в земле, где иногда набирал воду или топливо. Однако японцы здорово умеют расслабляться: почти все в поезде—а народу было много—быстро заснули и захрапели посреди августовской жары. Просто не понимаю, как им это удастся.

Если пассажиры не спали, то они ели. Надо сказать, японцы—большие любители пикников, и, сев в поезд, многие из них ели, не переставая, а насытившись, швыряли коробки, пиалы и все, что оставалось от еды, прямо на пол в проходах, где из-за этого образовались здоровые кучи зловонной грязи. Между этими кучами там же, в проходах, мирно спали другие пассажиры, улегшись на газетах и не проявляя ни малейшего интереса к происходящему вокруг. На каждой остановке кондукторы вычищали проходы. Это были замечательные моменты, потому что кондукторы срать хотели на всех этих лежащих на полу и мели весь мусор прямо через них и сквозь них, если они не освобождали им путь.

Как ни кошмарно все это звучит, я был влюблен в эту Японию по уши. После Второй мировой войны она изо всех сил старалась сблизиться с Западом, но мне нравилось, как тогда жили японцы—я, разумеется, не имею в виду фашистский идиотизм периода войны.

Вид всех этих храпящих, потных и вонючих людей в нижнем белье не способствовал ни аппетиту, ни сну. Не особо помогали этому и коробки с несвежими рисовыми колобками, так что ели мы в основном фрукты.

Я сделал ошибку—съел немного устриц—и почувствовал себя отвратительно. Послушайтесь меня: никогда не ешьте устриц в японском поезде в августе! Донн заказал 4 маленьких чайничка с зеленым чаем. Выпив их, я вскоре почувствовал себя лучше и снова принял-ся за фрукты.

Остальная часть путешествия, благодаря Донну и его рассказам о жизни, о Японии и о дзюдо, прошла прекрасно, при этом он ни слова не произнес ни о войне на Тихом океане, ни о войне в Корее.

Наша поездка в Окаяма в додзё к сэнсэю Канэмицу, знаменитому мастеру, величайшему специалисту по партерной борьбе в Японии, которого я когда-либо видел. Перед одним из самых знаменитых храмов в Окаяме. Август 1960 г.

Приехав в Окаяму, мы отправились в полицейскую будку (кобан), какие есть в японских городах на каждом перекрестке, и спросили, где находится додзё сэнсэя Канэмицу. Полицейские улыбнулись и препроводили нас к сэнсэю, который был в городе знаменитостью.

Жене пришлось разбудить сэнсэя, когда мы пришли в его маленькое додзё. Через несколько минут к нам вышел маленький, но коренастый, хорошо сложенный мужчина. Он был лысый, держался очень дружелюбно, и лицо у него было приветливое.

После долгого путешествия в кошмарном поезде мы были очень уставшие, и единственное, чего нам в тот момент хотелось,—отправиться в гостиницу и немного поспать, но сэнсэй сказал: «Вы проделали такой путь—приехали из Голландии и США, чтобы познакомиться со мной и поучиться у меня технике борьбы в партере, это очень мило. Так что, переоденьтесь и давайте заниматься нэ-вадза!»

И уже через полчаса мы с выпученными глазами отрабатывали приемы нэ-вадза, а пожилой сэнсэй, которому было уже за шесть-

десять, отвечивал нам подсрачники, чтобы заставить шевелиться активнее. Вот тут-то мы на собственных страданиях поняли, почему Канэмицу такой знаменитый и за что ему присвоили 9-й дан.

Мы провели в Окаяме потрясающую неделю и изучили множество различных приемов. Когда в последний день я кувыркался с сэнсэем и прихватил его своим особым удушающим приемом, который в Кодокане окрестили «удушающим Блюминга» и о котором даже сняли документальный фильм, он просто дернулся вперед своей бочкообразной грудью и сломал хрящ большого пальца моей правой руки, это было чертовски больно. Больше этот прием на нем я не пробовал...

Мы ночевали и питались в традиционной японской гостинице (рёкан). Это было очень романтично, словно мы попали в древнюю Японию.

Забавно, что в додзё сэнсэя Канэмицу в левом углу находилось что-то вроде деревянного ящика с дверкой. Это был туалет. Сидя внутри этого маленького помещения, в дырку, прорезанную в половой доске, можно было видеть

В рёкане — традиционной японской гостинице

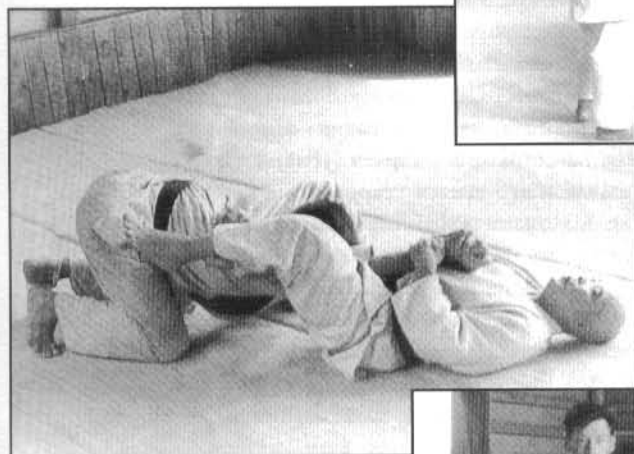
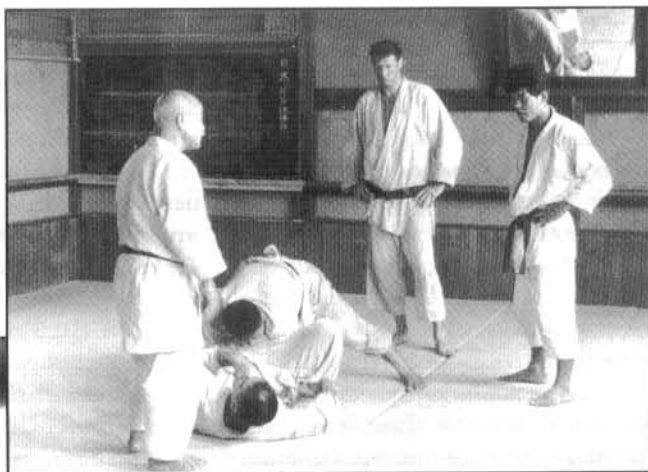
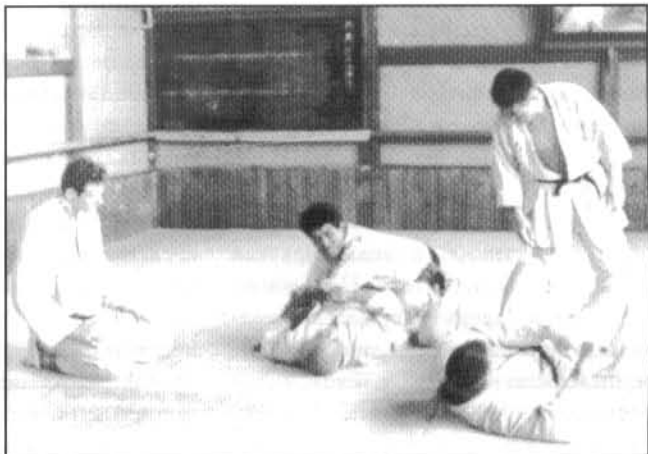
установленную внизу большую железную трубу, прилично наполненную мочой и прочими выделениями, которые кто-то уже спустил туда до нас. Пребывая в нерешительности, я присел над дырой и со вздохом дал своим испражнениям излиться туда, потому что это было уже крайне необходимо. Я услышал громкий всплеск, и в то же мгновение хороший заряд мочи и прочей гадости ударил меня по тыльной стороне шеи и потек по спине. Я едва не завопил от отвращения, но

Сэнсэй Канэмицу, 9-й дан, дает урок в своем додзё в Окаяме

Сэнсэй Канэмицу, 9-й дан, дает урок в своем додзё в Окаяме. Слева — сэнсэй Канэмицу, справа — Донн Дрэгер

Сэнсэй Канэмицу, 9-й дан, демонстрирует свой знаменитый болевой прием на Донне Дрэгере. Окаяма, 1960 г.

Маленький великий мастер Канэмицу между гигантов. Сэнсэй Канэмицу ушел из этого мира в 1965 году

я знал, что снаружи ждет Донн, и хотел, чтобы он испытал то же самое удовольствие. Я немного потоптался, подождав, пока Донн не начал меня умолять, чтобы я поспешил. Когда я вышел, он уже переживал агонию и потому сразу вбежал внутрь, и я услышал, как он начал испражняться. Послышался всплеск, дверь открылась, показалось перекошенное лицо Донна, и он сказал мне: «Ты, сволочь! Я весь в моче!» После этого мы сразу же побежали в офуро—горячую ванну—это было совершенно необходимо.

Когда нам нужно было уезжать в Токио, сэнсэй пожелал, чтобы я подарил ему свой борцовский костюм с автографом (он все еще висит в его додзё), и вручил мне новое дзюдоги.

Ныне этим додзё руководит си-хандай сэнсэя Канэмицу, который умер через несколько лет после нашего посещения его додзё. Он гордился нашим визитом, потому что мы с Донном были в его зале первыми гостями-иностранцами.

Сэнсэй хотел также присвоить нам обоим по 6-му дану, но Донн сказал мне, чтобы я отказался, потому что Кодокану это не понравится и я навлеку на себя неприятности. Позднее я узнал, что Канэмицу отослал свой сертификат 9-го дана в Кодокан, потому что Кодокан, по его мнению, более не следовал пути дзюдо, указанному Кано Дзигоро, и превратился в коммерческое заведение. Теперь я думаю, что мне следовало принять 6-й дан от этого выдающегося сэнсэя, потому что это была большая честь. Очень грустно, что даже там, в Вальхалле дзюдо, лидеры порой готовы вцепиться друг другу в глотку по любому поводу, вместо того чтобы улаживать все вопросы путем переговоров...

Знакомство с каратэ

В один мартовский день 1959-го года в самом начале моего пребывания в Японии мы с моим при-

ятелем Биллом Бахусом сидели в ресторане в Кодокане и спокойно поглощали свой обед. Вдруг в ресторан вошел незнакомый мне американец. Он держался горделиво, словно сошел к нам с небес, оглядел всех угрюмым взглядом, сел за стол и выложил на него свои кулаки, так чтобы все могли разглядеть его огромные, покрытые мозолями костяшки.

—А это еще что за явление такое?—спросил я Билла.—Второе пришествие Христа?

—А, это Питер Урбан. Он из Годзюкай. Это такая организация каратэ. У него черный пояс, первый дан. Его учитель—Ямагути по прозвищу «Кот».

Я уже слышал о каратэ, видел некоторые фотографии с приемами этой борьбы и решил, что мне тоже стоит попробовать заняться ею. Я спросил Донна Дрэгера, подойдет ли додзё Ямагути для начала моих занятий каратэ. Но Донн решил, что мне стоит познакомиться с другой школой—Сётокан.

Организация Сётокан—Японская ассоциация каратэ (ЖКА)—занимала в это время старое помещение Кодокана в районе Суйдобаси. Руководил ею Накаяма Масатоси, 8-й дан. Главное додзё Сётокан располагалось прямо под нашим гимнастическим залом, так что выбор Донна был вполне оправдан. И вот там-то началось мое изучение каратэ.

Что мне не понравилось сразу, так это то, что, как иностранец, я должен был внести плату сразу за три месяца вперед. К счастью, занятия там не обошлись мне особенно дорого, потому что я довольно быстро сообразил, что каратэ ЖКА не для меня.

Во-первых, мне не потребовалось много времени, чтобы понять, что тамошние инструкторы готовы с большим интересом тренировать дойных коров, чем иностранцев. Наверное, я мог бы с этим смириться, но после нескольких недель

в додзё Сётокан тренировки там мне ужасно наскучили: каждый день—одно и то же. Бесконечными часами, днями, неделями и месяцами сётокановцы повторяли одни и те же базовые элементы. И еще меня ужасно раздражали постоянные назойливые приставания с рекомендациями по поводу положения стоп в стойках, с указаниями, куда должен быть направлен носок той или другой стопы. Особенно достали меня их визгливые выкрики, которыми все тамошние каратисты напоминали мне девок из дешевых ужастиков. Я твердо убежден, что эти визги подходят только для детишек, что они, особенно если это касается иностранцев, нужны как зайцу пятая нога.

Чаша моего терпения переполнилась 29 марта. В тот день сётокановцы устроили в своем додзё рандори, которое они называют «кумитэ». «Ну, парень,—подумал я,—наконец-то свершится то, ради чего ты сюда пришел!» Но не тут-то было! «Нет, нет! Нельзя! Для белого пояса кумитэ слишком опасно!»—заявили мне молодые парнишки, которые руководили тренировками. Оказывается, для меня, бедненького малыша, это «слишком опасно!» Уж и не знаю, с чего это они так решили. Ведь все они были младше, легче и меньше меня ростом. Да к тому же, насколько я мог видеть, в своем кумитэ они, на самом деле, не дрались, а просто пинали воздух. Я имею в виду, что у них разрешалось наносить маэ-гэри—удар ногой вперед—в живот, но маваси-гэри—круговой—по голове—ниги. Что же касается ударов руками в лицо, то они были совершенно запрещены, и стоило кому-то задеть противника кулаком, инструкторы приходили прямо-таки в бешенство.

Им было наплевать на мой третий дан по дзюдо, на два года войны в Корее, на то, что мне довелось жить при нацистах и во время Го-

лодной зимы. Причем говорившие мне об опасности для меня кумитэ не проявили даже элементарной вежливости. Большинство черных поясов Сётокана, посещавших это додзё, вели себя, словно заправские солдаты самого Господа Бога, хотя на самом деле были просто сопливыми юнцами. Они меня прямо-таки достали своим высокомерием.

В общем, я был сыт по горло и в присущей мне тактической манере прямо сказал Накаяме и другим сэнсэям: «Ну, если ваше кумитэ такое опасное, то почему бы вам не выстроить своих черных поясов в шеренгу передо мной? Пусть они применяют против меня любые приемы, и я буду поступать так же. И вот тогда мы увидим, для кого опасно кумитэ!»

Принять мое предложение высокие сэнсэи, естественно, не желали, и я сказал им, что им следует делать со своей системой, и ушел.

Возвращаясь в своей памяти к этому эпизоду сегодня, я думаю, что мог бы тогда поступить тактичнее, но в то же время не нахожу ничего неправильного в том, что я тогда сказал и как тогда поступил. Я убежден, что те методы, которые используются при преподавании Сётокан каратэ в Японской ассоциации каратэ, не позволяют научиться побеждать в боях, как уличных, так и спортивных. В конце концов, ведь в действительности противник никогда не выхаживает по три шага взад и вперед, чтобы потом выполнить поворот. Думаю, история подтверждает мою правоту в отношении японских сётокановцев, потому что они ни разу не выиграли чемпионат мира по собственным правилам и потому что им надирали задницы каждый раз, когда они приезжали в Европу или еще куда-нибудь.

В 1970-м году у меня вышел спор с одним голландцем—обладателем черного пояса по Сётокану—во время судейского семинара в Аяцио на Корсике. Он встал в очень

глубокую стойку и имел глупость сказать мне, что я не смогу сблизиться с ним, потому что он возьмет очко длинным ударом в живот. Тогда я просто наступил на его выставленную вперед ступню и отвесил ему жесткий удар сётэй—основанием ладони—по боковой части головы, после которого он—правда, через приличный промежуток времени—сказал, что такой удар запрещен. Некоторые не учатся никогда...

Далее, в Сётокан слишком много внимания уделяют ката. В старину, когда люди учились защищаться от нападающих с ножами и мечами, такие упражнения с заданными движениями были необходимы, потому что отработка приемов отражения меча голыми руками очень опасна. Но сегодня преступники чаще, чем ножи, используют пистолеты. И поскольку никто не может заблокировать пули, если вы хотите научиться драться без оружия, отдайте лучше тренировочное время практике рандори.

Впрочем, возможно, методика должна строиться с учетом возраста занимающегося. Так, Донн Дрэгер, который был лучшим специалистом по ката дзюдо, какого я когда-либо видел¹⁵, как-то сказал Биллу Бахусу и мне, что рандори нужно заниматься в молодости, а ката—в старости. Но ни Донн, ни я сам так и не состарились до такой степени... И хотя Донн, как я сказал, был специалистом по ката дзюдо, он всегда больше любил рандори. И в борьбе в партере он был способен стянуть штаны с любого, в том числе и с меня.

Не думайте, что я говорю так, потому что никогда не изучал никаких ката. Помимо самых разных ката дзюдо, я изучил десять ката каратэ Кёкусинкай. То время, которое я провел с сэнсэем Ояма, изучая их, было для меня чем-то особым,

и я всегда буду ценить этот опыт. Но проблема ката заключается в том, что все они учат одному и тому же—некоторым традиционным способам дыхания в сочетании с ударами рук, ног и иногда с глупыми способами блокировки. Вы скажете, что предполагается, что эти блоки представляют собой зашифрованные приемы. Знаю-знаю. Вот и давайте: когда мы с вами будем в следующий раз драться, попробуйте применить свои «зашифрованные приемы». А я просто дам вам по яйцам, и мы вместе посмотрим, кто первый ляжет!

По моему мнению, назначение ката—обучать базовой технике в заданной форме, сохранять стиль и, может быть даже, если очень-очень серьезно о них думать, дать ученику элементарные знания о системе рычагов и механизмах движений. Поэтому, хотя я и привез первые десять ката Кёкусинкай в Европу в ноябре 1961-го года и все еще могу обучить большинству из них, чтобы убедиться в их полезности, мне все еще нужно встретить такого чемпиона по ката, который, без серьезных занятий боем, смог бы побить хотя бы мою бабушку с зонтиком в руках.

Последователи Сётокана слишком сильно зависят от того, чтобы их партнеры выполняли предписанные им действия. Но в этом Сётокан вряд ли уникален...

Как-то раз Донн Дрэгер сводил меня в токийское додзё к знаменитому сэнсэю айкидо Уэсиба Морихэй. К тому времени сэнсэй был уже очень стар, но его сын, Уэсиба Киссёмару, также знаменитый мастер, был не такой уж старый, и я попросил его о дружеском поединке. Но, к моему величайшему удивлению, Киссёмару сказал, что в айкидо вообще не борются! И все по той же причине: айкидо чрезвычайно опасно!

¹⁵ В 1961-м году во время всеяпонского чемпионата он исполнял Нагэ-но ката—ката бросков дзюдо—в присутствии тысяч зрителей. Донн был первым иностранцем, который был удостоен этой чести. В качестве укэ ему ассистировал Джимми Брегман.

Понаблюдав некоторое время за тем, как старшие ученики Уэси-бы бегают кругами и выполняют нырки и падения, якобы в результате бросков, которые не сработали бы даже против моей бабушки, я сказал Донну, что если бы хотел заняться танцами, то нашел бы в Голландии школу получше. Каждый должен делать то, что ему нравится, но я приехал в Японию учиться искусству самообороны и по-товарищески бороться с разными будока, чтобы узнать как можно больше об этой стороне человеческой жизни, а не о танцах.

Что хуже всего, в школе Сётокан учеников учат останавливать удары перед мишенью. В результате такой порочной практики, угодив в драку, в которой удары не будут считать судья или компьютер, они не смогут причинить противнику никакого вреда, потому что будут рефлекторно сдерживать удары. Один из способов решения этой проблемы — отработка ударов на разных предметах. Я до сих пор наношу по тридцать ударов в кирпичную стену в перерывах между подходами к штанге. Я концентрируюсь на нанесении ударов костяшкой указательного пальца, чтобы она была всегда готова к серьезному случаю. В конце концов, мы ведь никогда не знаем, когда потребуется наше оружие. Впрочем, думаю, что начинать надо с ударов по мешкам или макиварам, потому что с поломанными костяшками и с пальцами, пораженными артритом, серьезные удары наносить невозможно.

И все-таки, если кому-то нравится заниматься чем-то, что не может мне повредить, с чего бы мне говорить им, что они занимаются не тем, чем нужно? И одно то, что чьи-то идеи расходятся с моими, еще не означает, что мой оппонент не может быть великим будока. Прекрасной иллюстрацией здесь может быть уже упомянутый лидер Японской ассоциации каратэ Нака-

яма Масатоси из школы Сётокан.

Хотя он прекрасно знал, что я думаю о каратэ Сётокан, в 1971-м году во время чемпионата мира по каратэ в Париже он оказал мне большую поддержку. Тогда французы потребовали от меня сдать им экзамен, чтобы я имел возможность судить бои. Я был взбешен и пригрозил, что, если мне не позволят участвовать в чемпионате, я покину соревнования, поскольку являюсь обладателем государственной лицензии и 6-го дана, присвоенного японским сэнсэем. Такую же позицию занял Накаяма: он сказал, что в знак солидарности со мной готов покинуть турнир и увезти японскую сборную, потому что я честно заработал свой ранг в Японии, имею большую известность и являюсь тренером национальной сборной Голландии, и что этого вполне достаточно, чтобы оценить мою квалификацию. После этого я проникся уважением к сэнсэю. У него был настоящий дух будо. И мне было очень жаль узнать, что несколько лет назад Накаяма ушел из жизни.

Но в то время, в 1959-м, я был еще очень молод и гораздо менее терпим, чем сегодня. Так что, вернувшись в Кодокан, я в тот вечер в присутствии Билла Бахуса высказал Донну Дрэгеру все, что думаю о групповых танцах старушек из Сётокана:

— Слушай, если бы я хотел потанцевать с этими ребятами, то пошел бы в бар для голубых. Но я-то хочу научиться драться! Мне нужно туда, где этому учат!

Донн расплылся в своей знаменитой морпеховской улыбке и сказал:

— Так ты хочешь научиться настоящему каратэ? Ну что же, я отведу тебя туда, где тебе покажут настоящее каратэ!

— Это куда еще?

— В школу Маса Оямы!

— А кто это?

— Увидишь! — сказал Донн.

Каратэ Кёкусинкай

И вот в один мрачный апрельский вечер 1959-го года, когда без конца моросил тощенький дождик, Донн завел Билла и меня в одну темную аллею позади университета Рикю—место было прямо как сцена действия в старом гангстерском фильме. Пройдя ее, он вдруг остановился и принял, потом рассмеялся и сказал, что мы практически на месте.

—Чувствуете запах?—спросил он.—Значит, мы уже близко.

Мы тоже приняли, но ощутили только застарелый и очень стойкий запах мочи—воняло, словно в открытом писсуаре, который не мыли со времен Римской империи.

—Это туалет в старояпонском стиле,—объяснил Донн.

И действительно, едва мы свернули с дорожки, как очутились у входа в додзё и увидели в нескольких метрах от него с левой стороны открытый сральник многоквартирного дома, висевшего над додзё. Никакого водопровода! Просто площадка для испражнений! Место было просто кошмарное, но уже через некоторое время я и представить себе не мог, что может быть что-то лучше...

Мы вошли в додзё. Оно было не больше обычной гостиной в доме голландской семьи среднего достатка. Число учеников в нем никогда не было велико. Если вы посмотрите старые фотографии, то насчитаете на них не больше двадцати пяти человек.

Навстречу Донну, репутация которого была хорошо известна в этом додзё, чтобы приветствовать его, вышел коренастый, уже начавший лысеть, но внешне сильный человек в каратэги. Взгляд его был вполне дружелюбным. Это и был знаменитый корейский мастер Мас Ояма, в то время—8-й дан.

Дрэггер представил меня и сказал, что я еще в Амстердаме, сто-

лице Голландии, мечтаю учиться в его додзё. При этих словах Ояма просил: до этого у него в зале не бывало иностранцев, так что наш визит был настоящим подарком.

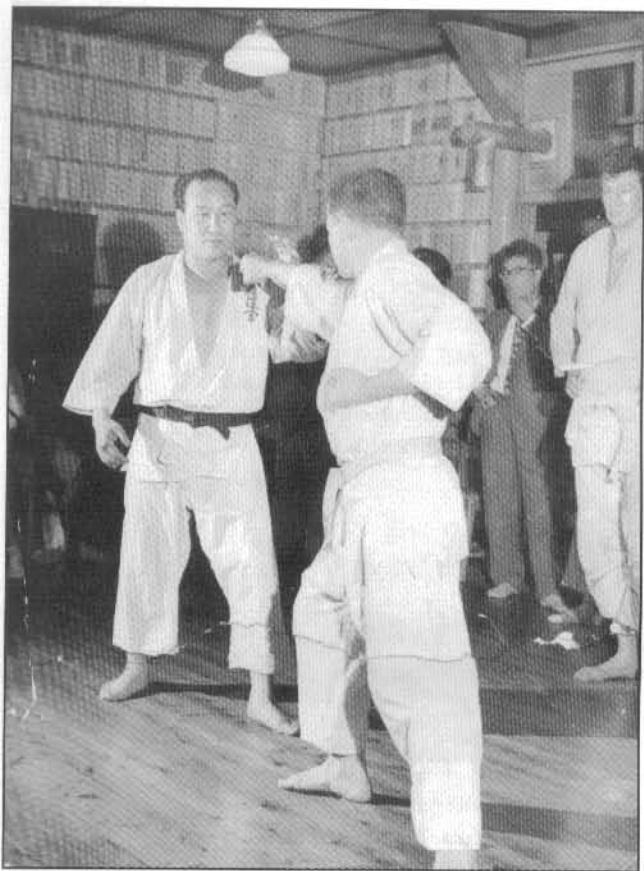
Когда Донн сказал ему, что у меня уже 3-й дан по дзюдо, Ояма заявил, что, на самом деле, это не поможет мне в освоении каратэ. Это была маленькая ошибочка сэнсэя, убедиться в чем он смог уже очень скоро.

Билл и я тут же записались в додзё, и когда сэнсэй сказал, что деньги ему от нас не нужны, и даже вручил нам в подарок отличные кёкусинкаевские каратэги, мы очень обрадовались, потому что в Токио деньги всегда были для нас проблемой.

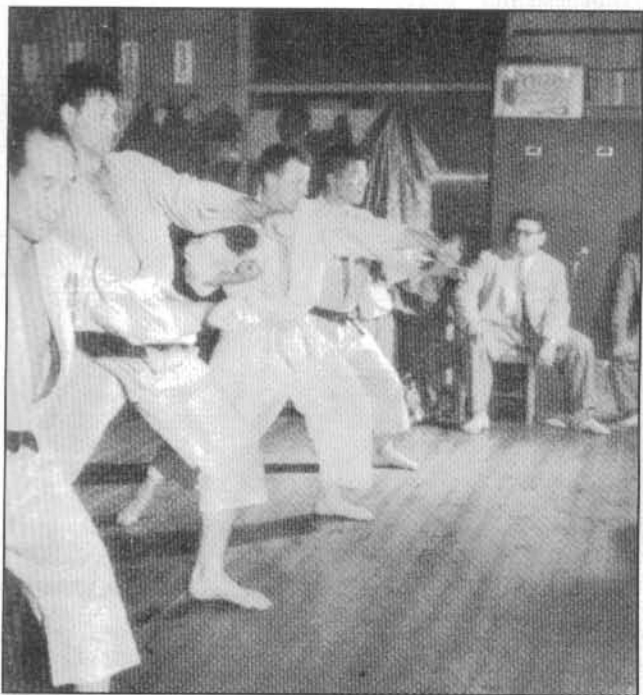
Прежде чем мы сообразили, что произошло, нас провели в зал. Там нас в наших новобрендных ги окружили будущие друзья, которые как раз занимались тем, чем и должны заниматься каратисты. А через некоторое время в додзё появилось несколько журналистов, и Ояма продемонстрировал качества отличного пиарщика. Как позднее объяснил мне Донн, Ояма сказал им, что я—будущий руководитель Кёкусинкай в Европе и так далее в том же духе.

В общем, начало получилось многообещающее. Но... первая тренировка в додзё Оямы оказалась довольно скучной, и в какой-то момент в голове у меня мелькнула мысль, а не попал ли я из-под дождя под ливень? Но потом половина учеников начала играть с макиварами, чтобы натренировать костяшки кулаков, а вторая занялась тем, что дзюдоисты называют «рандори», а каратисты—«кумитэ»: в центр зала вышло три или четыре пары, которые начали драться друг с другом, а все остальные расселись по периметру у стен.

Спарринг в школе Оямы был гораздо жестче, чем все, что дозволялось Японской ассоциацией каратэ. Во-первых, здесь разрешалось

Мой первый урок каратэ в старом додзё Оямы, находившемся на задворках университета Рикю. В паре с Оямой — мой старый приятель Билл Бахус. Апрель 1959 г.

Наш первый урок в додзё Оямы в присутствии представителей японской прессы. Апрель 1959 г.

реально бить по телу кулаками и по голове — ногами и основанием ладони. Я, конечно, не имею в виду, что от ученика требовалось обязательно нокаутировать или травмировать противника, можно было просто шлепать противника ладонью по лицу (бить кулаком в голову было запрещено) и легко бить ногами по голове. А что касается живота, то его можно было бить и пинать со всей силы. Таким образом, это был, по крайней мере, спарринг с ограниченным контактом — совсем другое дело, нежели в Сётокане, уверяю вас.

Возбуждись, я спросил сэнсэя, могу ли я поучаствовать в поединках, и едва не подпрыгнул от радости, услышав в ответ «Of course!» — Ояма почти не пользовался английским на тренировках, его словарный запас исчерпывался всего несколькими выражениями: «Of course», «Up to you» и «Monkey business».

Оказалось, что сэнсэй не против, если кто-то хочет подраться. Черт! Наоборот! Ему это даже нравилось!

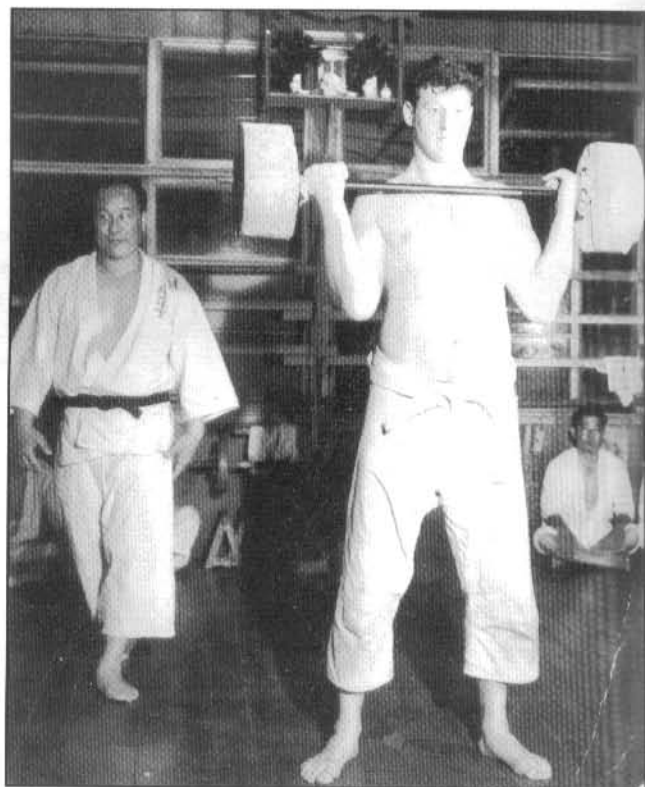
Ояма предупредил учеников, чтобы были со мной поаккуратнее, потому что я совсем не знаю каратэ. Но на самом деле никто из них (как и японские каратисты в целом) не произвел на меня такого уж большого впечатления, чтобы я обделался со страху. Так что я просто поиграл с ними — приблизительно так же, как мы играем с кошкой, про которую знаем, что она не поцарапает нас своими коготками. После этого первого занятия я понял, что, наконец, попал в додзё, где смогу многому научиться в реальном искусстве боя.

Самое большое впечатление на меня произвели два каратиста — Куросаки Кэндзи и его ученик Фудзихира Акио, который позднее, когда Куросаки отделился от Оямы и хомбу и открыл собственное додзё «Зал Мэдзиро» («Mejigo Gym»), стал чемпионом мира по кикбоксингу.

Старое додзё Кёкусинкай в день моего первого визита туда и моей первой пресс-конференции, организованной Оямой Масутацу. Во время нее Ояма сказал о большом значении тренировки с весами для приобретения силы, но так никогда и не ввел ее в своем зале, несмотря на наши многочисленные встречи для обсуждения этого вопроса

Куросаки был самым легендарным бойцом в Японии тех дней, и даже сегодня никто не захочет разозлить его. В следующие годы именно он показывал мне Путь каратэ. Я наблюдал за боями Куросаки, за его техникой и стилем и, как мог, копировал, слегка адаптируя к своему весу и росту. Позднее, в 1966-м, когда он провел свой знаменитый семинар в моем амстердамском додзё, я многому от него научился. Куросаки был и по-прежнему остается настоящим самураем. В то время я и подумать не мог, что когда-нибудь он станет моим близким другом и советчиком...

Позднее я читал, что в тот свой первый вечер в додзё Оямы я отлаupil всех, кроме самого сэнсэя, который вырубил меня одним-единственным ударом кулака. Вот такая вот чушь! Большинство ребят-японцев в додзё Оямы были действи-

тельно крепкие парни, но 102 килограмма массы и 3-й, а позднее 4-й дан дзюдо были им явно не по зубам. Если бы я кого-то из них избил, то ничего бы не доказал и одновременно потерял некоторое количество отличных партнеров по тренировкам.

Ученики Оямы. Лето 1959 г. В середине — Ояма, слева от него — Бобби Лоуи, далее Фудзихира. Второй справа от Оямы — Куросаки. Я — в заднем ряду.

Что же касается Оямы, то я никогда не спарринговал и не дрался с ним. Он был учителем и одновременно блестящим пиарщиком для Кёкусинкай.

Ояма учил меня Пути каратэ. Он терпеливо передавал мне ката, которые я ненавидел. Был мне как отец, который всегда приходит на помощь в трудную минуту. Он помогал мне во всем, а когда замечал на моем лице то, что сам называл «a worried look» — «озабоченный взгляд», то начинал допытываться, что меня тревожит, и всегда помогал выпутаться. Он много раз кормил меня обедами за свой счет, позднее он специально пересмотрел свой график, чтобы заниматься со мной. Он умел вселить страх Господень и укрепить боевой дух, и тот, кто знал его, не мог не любить его и был готов пойти за ним в огонь. Но я ни разу не видел, чтобы он с кем-нибудь дрался. Бою в его додзё обучали только Куросаки Кэндзи и Фудзихира Акио. Ояма был духом школы, и я крепко любил его, но он никогда не был бойцом, защищающим честь клуба.

Ханэ-госи в моем исполнении. Демонстрация для учеников Маса Оямы. Май 1959 г.

Когда я прозанимался несколько недель, Ояма устроил в своем додзё поединки между учениками — просто для практики. Он сидел за своим маленьким столиком у двери додзё, наблюдая за боями.

В тот день я получил возможность впервые всерьез поработать в поединке с каратистом. Звали моего противника, кажется, Одзава. Позднее он занял третье место на студенческом чемпионате Японии. Впрочем, сейчас это достижение не кажется мне таким уж большим подвигом. В особенности потому, что в этих соревнованиях бойцам запрещалось реально наносить удары, и в результате бои больше походили на какие-то свирепые танцы, вроде тех, что иногда показывают в китайской опере.

Когда мы кланялись друг другу, я увидел в глазах Одзавы кое-что, что в дальнейшем мне не раз приходилось видеть в глазах своих японских противников — страх!!! Я двинулся к нему, еще не зная, что мне следует ожидать. Напомню, что у меня практически не было опыта в соревновательных поединках такого рода. Я подумал: «Ну, если у них разрешено бить по лицу ладонью, то, наверное, можно ударить и тыльной стороной ладони». Поэтому, имея в своем распоряжении весьма скудные знания приемов каратэ, которые я приобрел за столь короткое время, я просто прыгнул вперед и ударил Одзаву тыльной стороной левой ладони по левой щеке. Мой противник растерялся и застыл на месте. В тот же миг я схватил его за борта каратэги и подбросил вверх подсадом бедром и голенью ханэ-госи так, что ноги Одзавы взлетели над моей головой. Мой рост в то время был 196 сантиметров, так что Ояму едва не хватил удар, и он моментально закричал: «Стоп!» И я, к удивлению всех остальных учеников сэнсэя, просто опустил незадачливого Одзаву на ноги, не завершив бросок.

Мой первый урок в старом, воняющем мочой додзё Оямы. В паре с моим названным братом и другом Биллом Бахусом, в настоящее время — 8-й дан универсального каратэ и 6-й дан дзюдо Будокэй. Апрель 1959 г.

Ояма не знал, что ему делать — то ли смеяться, то ли плакать. Теперь ему было ясно, что дзюдо, особенно в комбинации с каратэ, а позднее — с кикбоксингом, — это нечто большее, чем глупая игра, которую он называл «дзюдо сий» — «вид спорта под названием дзюдо» (такое было мнение Оямы о дзюдо в то время). Поэтому позднее он захотел включить в программу подготовки черных поясов и броски из дзюдо.

С этого дня парни в додзё Оямы, которые по большей части весили от 60 до 80 килограммов, уже не хотели иметь со мной никаких дел, по крайней мере, что касается хорошего боя, и старались избегать меня на тренировках. Все, кроме Куросаки Кэндзи, он все время смотрел на меня мрачным взглядом, словно хотел порвать на части.

Полуконтактные бои, которые практиковались в классе Оямы, вели к большому отсеву учеников. Они привлекали в школу многих, но совсем не многие были готовы принять их. На самом деле, не так уж много людей действительно хотят научиться драться и готовы проделать ту тяжелую работу, которая необходима, чтобы приобрести какой-то уровень. Скорее, большинство учеников в додзё занимаются каратэ как хобби и потому, даже если они практикуют только ката, не выполняют их до крови, а просто развлекаются.

И в то время, когда я пришел к Ояме, ситуация не сильно отличалась от сегодняшней. Но для меня выдерживать тяжелые тренировки не было серьезной проблемой. Во-первых, я привык терпеть боль (а тренируясь с чемпионами Японии по дзюдо, ее испытываешь постоянно!), а во-вторых, мои партнеры в

додзё Оямы были малорослые легковесы, тогда как я был тяжеловесом со скоростью средневеса.

К тому же я хотел быть лучшим. Я всегда хотел быть лучшим, что бы ни делал. Я хотел быть лучшим в самозащите и считал, что если мне удастся соединить каратэ и дзюдо, то я буду настолько хорош, насколько вообще может быть хорош мастер самозащиты.

У Оямы были такие же большие костяшки, как у Питера Урбана, и я спросил у него, как их нарабатывают. «Макивара!» — ответил он.

— А что такое «макивара»? — невинно переспросил я.

— А вот та штуковина! Две доски, обмотанные соломой. Просто бей по ним.

Я подошел к макиваре и сильно вмазал по ней. Ой! Боль от удара была такая, что аж прямая кишка сжалась! Ояма рассмеялся и сказал, что нужно продолжать бить. Так я нанес за первую тренировку, наверное, ударов сто.

Когда я вернулся домой, Билл сказал мне:

— Ты идиот!

— Ну, что я натворил на этот раз?

— А ты погляди на свою руку.

Правый кулак распух, увеличившись в диаметре сантиметра на два, и выглядел как жарящийся на

сковородке окорок—со здоровенными водяными мозолями на костяшках кулаков. Прикасаясь к ним пальцем, можно было слышать хлопанье воды внутри.

На следующий день я подошел к сэнсэю и с омерзением показал ему свою руку.

Ояма рассмеялся и сказал:

—Yes. Nice, nice!—Да. Отлично, отлично!

Тогда я сказал:

—Нет, ничего отличного!

Но Ояма ответил на мое возражение:

—Нет, отлично! Иди к макиваре и нанеси еще сто ударов! Если будешь каждый день наносить в макивару по пятьдесят ударов, через несколько недель мозоли пройдут, и у тебя будут не обычные слабые костяшки, а настоящие молотки.

Кулак болел очень сильно, и я даже смотреть в сторону макивары боялся. Но кругом стояли другие ученики и внимательно наблюдали, как я поступаю.

«Хотите сделать большого гайдзина обезьяной себе на посмеище?—подумал я.—Хорошо! Я вам покажу!» Подошел к макиваре и ударил ее изо всей силы. Раздался треск—мозоль лопнул. Больно было до чертиков. Я прочувствовал макивару всем телом—от макушки головы до самой задницы. Меня даже затошнило от хлопающего звука, раздавшегося, когда мой водянистый кулак ударился о дерево. Я взбесился и опять ударил макивару. Потом бил ее снова и снова. Бам! Бам! Бам! Через некоторое время боль прошла. Наверное, я убил нервы кулака или что-то в этом роде. А рядом стоял сияющий Ояма. Богом клянусь, после этого случая он полюбил меня, как сына родного!

Преодолев испытание мозолями и ушибами, я смог укрепить костяшки и поставить отличный удар кулаком. И даже сегодня я могу ударить в стену 100 раз, заставить ее трястись и при этом отлично

себя чувствовать, и я знаю, что у меня есть тайное оружие—награда за мои тяжелые труды. В эффективности этого тайного оружия я убедился в последующие годы, применив его в нескольких драках (я на них не напрашивался) с хуаиганами, которым на самом деле были нужны очки, потому что меня прекрасно знали во всем Амстердаме.

Так, в сентябре 1963-го года я ударил одного парня кулаком и расколол ему череп, у него произошло внутричерепное кровоизлияние и отлетело ухо. Парень выжил, но был в коме с 10 утра до 3 часов дня. Благодарение Богу, доктора оказались поблизости и спасли его, я же при этом напугался до смерти. С того раза я бью людей только боковой частью руки.

Моими любимыми ударами ногами в то время были мава-си-гэри—круговой удар—и кин-гэри—удар в пах. Но я никогда по настоящему не бил в пах, вместо этого я отводил ногу немного в сторону и бил снизу по внутренней стороне бедра. Но и этого было достаточно, чтобы напугать моих японских приятелей до чертиков. Нанеся такой удар пару раз, я заставлял их опускать руки, потом сближался и бил сэтэй в лицо.

Мас Ояма

Я тренировался в додзё Оямы с весны 1959-го по осень 1961-го года, а потом еще шесть месяцев—в 1966-м году. Эти тренировки были просто замечательные. Ояма был человеком широкой души и действительно любил своих учеников и многое для них делал. Он был отличный учитель, который умел вдохновлять на свершения и доводить до вершин мастерства. Поэтому я любил его и хотел тренироваться под его руководством.

В те давние дни Ояма умел прощать ошибки. Если вы обращали внимание на какую-то вещь в его офисе и она вам нравилась, уже

через минуту она оказывалась у вас в руках и принадлежала вам. Но позже сэнсэй изменился. Перед смертью ученики называли его «Божественная рука»...

Что же произошло с ним? Думаю, Ояма полюбил две вещи: деньги и легенды. В конце его жизни он сам не вел тренировок, в его додзё преподавали только ученики. Ну, он мог показаться в конце занятия и поболтать немного с рядовыми учениками, этим и ограничивалось его участие в тренировках. В то же время, когда я был в Японии, Ояма иногда и сам проводил занятия, а когда он отсутствовал, его замещали Куросака или Фудзихира. Мы много занимались базовой техникой, но всегда завершали тренировку спаррингом.

До недавнего времени я избегал обсуждать дела «знаменитого» каратэ Кёкусинкай. Мне потребовалось время, чтобы все осмыслить и решить, как рассказать об этом, потому что я хотел бы быть совершенно честным по отношению к памяти своего старого друга и учителя Маса Оямы. Он многое для меня сделал, он познакомил меня с миром каратэ и дал новый смысл жизни. Это полностью и к лучшему изменило ее. Для меня Ояма был, как отец, которого у меня никогда по-настоящему не было. Давным-давно он показал мне все, что требовалось, чтобы стать учителем. Он помогал мне в тяжелые времена. Но, с другой стороны, я устал от всех этих болванов, которые не хотят говорить о сэнсэе правду. Позвольте же мне рассказать, как все было на самом деле.

Публикации, описывающие подготовку Оямы к большому турниру по каратэ, который проходил в 1947-м году, очень забавны. Это должно быть особенно хорошо известно американцам, которые воевали с японцами во время Второй мировой войны. С сентября 1945-го до начала войны в Корее всем в Японии заправлял генерал

Макартур, и он практически сразу после оккупации Японии запретил практику будо до дальнейших указаний. Он даже произвел конфискацию всех самурайских мечей, до которых смогли дотянуться его руки, и, за исключением тех мечей, которые считались национальным сокровищем, либо перековал их, либо утопил в Токийском заливе. С Макартомуром шутки были плохи, и никто не осмеливался выказать неподчинение его приказам.

Однако дзюдо считалось видом спорта. И хотя в период американской оккупации оно перестало быть обязательным предметом на уроках физкультуры в школах, занятия им в старом Кодокане в районе Суйдобаси продолжались. И уже весной 1946-го года Кодокан возобновил свои турниры.

Между тем, каратэ было боевым искусством Окинавы. Специфика американской оккупации предопределила действие на Окинаве иного набора законов, нежели в Японии. И в результате каратэ избежало запрета, распространенного на японские национальные боевые искусства.

В это время японское каратэ было представлено, главным образом, школами Сётокан, где спарринги были запрещены вплоть до конца 1950-х годов, Годзюкай и Вадорю, где спарринги были такие мягкие, что разбитая губа или кровотечение из носа повергали тренеров практически в шок. Поэтому, хотя и японцы, и корейцы дрались в это время до нокаута в боксерских клубах, полноконтактный чемпионат по каратэ в Киото представляется мне абсолютно нереальным.

Слушая рассказы о «старых днях», помните, что японцы — большие мастера травить байки. Если в истории уважаемый человек предстает в выгодном свете, то они уже не удосуживаются проверять факты, было ли все именно так, как о том говорят. Даже сейчас я иногда встреча-

Ояма в возрасте десяти лет в 3-м классе начальной школы. Корея, 1933 г.

Ояма в возрасте тринадцати лет в 6-м классе. Корея, 1936 г.

юся с людьми, которые слышали от своих бабушек и дедушек о каких-то подвигах, которые я якобы совершил в молодости. Эти истории уже не удивляют меня, я только устал объяснять всем невозможность приписанных мне поступков. Ведь если бы я кого-то действительно ударил, то меня сразу бы отправили в полицейский участок, вынесли обвинительный приговор, после чего посадили в тюрьму или вышвырнули из страны. Признаю, что участвовал в нескольких драках, но у меня всегда имелся свидетель, который мог подтвердить, что не я был зачинщиком.

Давайте пораздумаем вместе.

Ояма родился в Корее в 1923-м году, значит, он был на десять лет старше меня. Во время Второй мировой он служил в японской армии, где с ним обращались жестоко, потому что он был кореец.

Свою карьеру в каратэ Ояма, как и его сихандай Куросаки Кэндзи, начал в додзё у «Кота» Ямагути Гогэна в 1947-м году. Но горячий корейский мастер и японский технарь, который всегда расхаживал в старинных самурайских одеждах, не смогли идти вместе, и Ояма вместе с Куросаки решил создать свой собственный стиль.

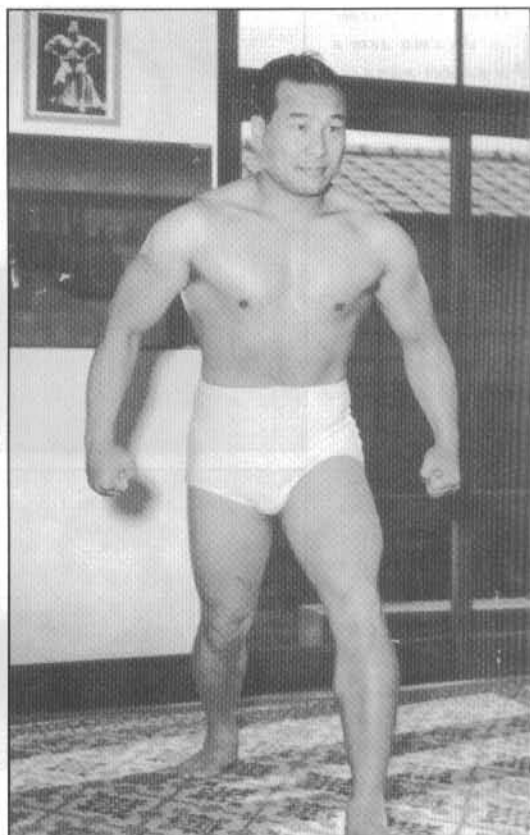
Около 1951-го года Ояма отправился в США, где выступал как профессиональный боец под псевдонимом Тош Того. О пребывании Оямы в Америке рассказывают жуткие истории. Говорят, например, что он провел там 270 боев — то есть практически по одному бою в день. Из этого можно сделать вывод, что это были просто договорные показательные бои, потому что никто не может изо дня в день проводить по бою с реальным противником, не получая при этом серьезных травм. А если он действительно дрался по-настоящему каждый день, то возникает вопрос: а где же тогда показательные бои, в которых Ояма как

Ояма в возрасте шестнадцати лет вскоре после призыва в армию

Мой друг Ямагучи Гоээн по прозвищу «Кот», 10-й дан каратэ Годзю-рю, подписал для меня это фото на обороте во время нашей последней встречи летом 1976 г.

Сэнсэй Ояма в период его расцвета. 1955 г.

профессиональный боец должен был участвовать? Наконец, единственное, что Ояма рассказывал о своей поездке в США лично мне, было то, что американцы помешанные, что их бои жульнические и отрепетированные заранее и что как бойцы они слабаки.

Как бы то ни было, приблизительно через год Ояма вернулся в Японию, где открыл то самое крохотное, пропитанное запахом мочи додзё позади университета Рикю, куда пришел заниматься я. Позднее оно получило название «Кёкусинкай-кан» — «Зал Общества абсолютной истины».

Узнав от американских борцовских промоутеров о значении шумной рекламы, Ояма решил сделать рекламу своему стилю, выпустив документальный фильм, в котором должно было быть запечатлено, как он отрубает рога вола.

При этом присутствовал Куро-саки Кэндзи, он и рассказал мне, что произошло на деле. В один из дней 1952-го года, ранним утром он отправился вместе с Оямой на скотоводческую ферму в Татэяма. Там они велели рабочим приготовить для Оямы жирного старого вола. Рабочие должны были расшатать один из рогов ударами молотка. Потом Ояма подошел к волу и отбил расшатанный рог. После этого животное увели и забили на скотобойне.

Через семь лет Билл Бахус и я посмотрели 16-миллиметровый фильм, который японцы сняли об этом фиаско. Его показал нам сам Ояма. Борьба с волом выглядела очень глупо, животное было напугано и не знало, что делать. Что и неудивительно. Сами представьте, какой боевой дух смогли бы продемонстрировать, если бы кто-

Старое додзё на
задворках универ-
ситета Рикю

*If you lose some
money, you lose
nothing.
If you lose your health,
you lose something.
If you lose your
character, you lose
EVERYTHING.*

Потеряв немного де-
нег, ты не потеряешь
ничего,

Потеряв здоровье,
ты потеряешь что-
то,

Потеряв свой харак-
тер, ты потеряешь
ВСЁ!

Покойный крестный
отец, Мейер Лански

нибудь дал вам по яйцам, потом передал вас в концлагерь Дахау, где вам надавали бы молотком по башке, а затем отослали к следующему парню, который вас избил бы? Как бы то ни было, мы сказали Ояме, чтобы он никогда не показывал этот фильм в Европе, потому что он в нем выглядит очень глупо и потому что все стали бы над ним смеяться. Насколько мне известно, никто больше этот фильм не видел...

Может быть, мы поступили неправильно. Наверное, следовало бы всем предоставить возможность увидеть, как глупо выглядел тогда Ояма. Почему я так говорю? Да потому, что сегодня все занимающиеся Кёкусинкай и даже их бабушки знают, что фильмы о поединках с быками существуют, хотя никто их не видел! А потому рассказни об этих фильмах все растут и растут. Некоторое время назад я прочитал рассказ о том, что Ояма убил 46 быков голыми руками! Я тогда так наглотался коньяка, что моей супруге едва не пришлось вызывать санитаров. Ну, подумайте сами: если бы Ояма забил голыми руками 46 быков и заснял это на пленку, разве не нашлось бы умника, который стал бы торговать

этим фильмами и заколачивать на этом «бабки»?!

Еще одна история, которую следует рассмотреть,—это история о том, как Ояма тренировался в горах. Когда я пришел в додзё Оямы, он рассказал мне, как перед каким-то турниром в Киото ушел в горы и тренировался там в течение шести недель, нанося сотни ударов по деревьям, занимаясь физическими упражнениями и дзэнской медитацией. Его ученики и жители соседней деревни приносили ему еду, но все остальное время он был один. Ко времени моего отъез-

Вол в панике... 1952 г.

да продолжительность пребывания Оямы в горах увеличилась до пары лет, а дерево, по которому он бил, умерло... А теперь пойдите и попробуйте забить дерево до смерти! Я сказал сэнсэю, что проще было бы раздобыть лопату и просто его вырыть.

Обычно мы не знаем, кто сочиняет такие истории, но это тот случай, когда я знаю автора легенды. Один из учеников Оямы был художник, зарабатывавший рисованием комиксов. И вот он-то в один прекрасный день решил опубликовать книжку комиксов и рассказать в ней, как Ояма и «Зверь из Амстердама» (то есть я) очистили все бары в окрестностях додзё от якудза—японских мафиози, которые там выпивали. Хотя в книжке все выглядит весьма круто, уверяю вас, я бы не стал об этом писать, если бы мы действительно пошли с Оямой по барам, битком набитым вооруженными гангстерами, и атаковали их голыми кулаками.

На самом деле Ояма совсем не питал ненависти к гангстерам, напротив, он их любил! Просмотрите опубликованные фотографии сэнсэя. На многих из них вы можете увидеть, как он пожимает

руку Сасакава Рёити, президенту Всемирного союза организаций каратэ (WUKO)—человеку, которого журнал «Time» как-то назвал «крестным отцом» Японии.

В Японии крупный бизнес и банды действуют рука об руку. Еще задолго до Второй мировой войны крупные промышленники начали использовать якудза для разгона забастовщиков и избиения коммунистов. Ну, насколько я знаю, сам Ояма расколол не столь уж много голов, хотя в его книге и утверждается, что он попал в тюрьму за то, что ударил одного парня чересчур крепко. В мое время он доверял такие дела Курасаки Кэндзи. И хотя сэнсэй Курасаки—человек честный, высоконравственный, я не был бы честен с читателями, если бы не признал, что он работал на якудза.

Например, во время Олимпиады 1964-го года полиция организовала большую встречу с лидерами гангстерских шаяк Японии. Это было сделано, потому что японское правительство желало, чтобы Олимпиада прошла благополучно и чтобы Япония не упала в глазах всего мира. На эту встречу гангстеры прибывали в огромных лимузинах, которые один за другим подъезжа-

*Мой сэнсэй и настоящий друг
Кэндзи Курасаки,
10-й дан, почетный президент
Кёкусин Будокай*

После этой встречи для обсуждения перспектив и будущих правил Кёкусин кайкан остались только мой друг Билл, который был переводчиком, я, Курасаки Кэндзи, Ояма Масутацу и его секретарь. На фото на заднем плане слева направо: я, Билл, Ояма Масутацу и Курасаки Кэндзи. Лето 1959 г.

ли к зданию, где она проходила. В первой подъехавшей туда машине сидел один из главнейших мафиозных боссов в Японии. И как бы вы думали, кто первым вышел из нее, когда ее дверь приоткрылась? Курасаки! Он открывал дверь автомобиля для большого босса. Это было в 1964-м году. С тех пор Курасаки поднялся по иерархической лестнице мафии. И все-таки, какая же это нелепица—думать, будто Ояма или я штурмовали какие-то штаб-квартиры якудза, чтобы порвать их на куски.

Хочу рассказать еще одну историю из того старого доброго времени. Как-то осенью 1960-го года я встречался в ресторанчике с Оямой и Курасаки, чтобы обсудить, как нам познакомить с каратэ Кёкусинкай Европу (функцию переводчика выполнял Билл Бахус). Тогда еще никто в Старом Свете о

каратэ даже и не слышал, вот мы и раздумывали, как бы решить эту проблему.

В частности, мы обсуждали вопрос о требованиях к претендентам на черные пояса—от первого дана и выше. И вот такая забавная штука: сам-то я по-прежнему носил в Кёкусине белый пояс. Впрочем, это совсем не смущало сэнсэя—он считал, что именно я должен стать главой Кёкусинкай в Европе.

Я предложил, чтобы каждый кандидат дрался, по меньшей мере, с 30 противниками подряд, и чем выше ранг, тем больше схваток он должен был провести. Я считал, что это не обязательно должны быть драки до нокаута, «на вынос», кандидат должен просто поработать одну минуту с каждым из назначенных ему противников. При этом он не обязательно должен выиграть все поединки, главная его

задача—продемонстрировать свой боевой дух и выносливость.

Сэнсюю эта идея понравилась, но ему показалось, что тридцати противников для претендента на черный пояс недостаточно. Тогда я сказал: «Ну, хорошо, пусть их будет пятьдесят». Однако Ояма очень любил устраивать всяческие шоу. Поэтому он сказал: «Претендент должен драться с сотней противников! Мы—лучшие в мире и должны держать марку!»

Я согласился, и в правилах было записано, что претендент даже на 1-й дан должен драться с сотней противников—по одной минуте с каждым.

В последующие годы кёкусинкаевцы превознесли этот тест до небес, но на самом деле это была большая ложь, потому что никто из них никогда не дрался с сотней противников в один и тот же день, так чтобы партнеры сменяли друг друга. Причем позже эту ложь подкрасили еще больше: некоторым кёкусинкаевцам стали приписывать не только проведение боев с сотней противников в один день, но даже победу над всеми ними! Ха-ха-ха!

Я не знаю ни одного человека, который провел бы бои с сотней противников в Токио до 1975-го года, и я почти уверен, что никто не сделал этого и позднее. Во-первых, потому что, как я сказал, в додзё Оямы никогда не собиралось в один вечер более 35 учеников, а во-вторых, по-настоящему хороший боец просто-напросто перекалечил бы целую кучу несчастных мальчишек, которые там собирались, носивших всего лишь белые пояса.

Возможно, вы слышали, что этот тест прошли Мацуи и Рояма. Но я лично спросил об этом Ояму в 1983-м году во время нашей встречи в Сеуле, и он просто улыбнулся и сказал: «Monkey business!»—«Обезьяний бизнес!» При этом присутствовал генерал Чи, представитель Корейской ассоциации ветеранов армии, и корей-

ский тренер по дзюдо Чой Ин До, 8-й дан.

И уж, конечно, этого теста не прошел брехун Люк Холландер, хотя, благодаря тому, что он кое-что подзабыл, Ояма сказал ему, что он прошел тест успешно. На самом деле Люк дошел до 29 противника, а потом поехал в госпиталь, потому что к тому времени его уже едва ли могла узнать родная мать—с порванными губой и ухом, с расплюснутым носом и черными и синими синяками по всему телу, а между тем большинство его противников были белые пояса. Хорошо, что при этом экзамене присутствовало много людей, и они еще живы и могут рассказать обо всем.

Что же касается Бобби Лоуи с Гавайев, то он так и не смог вылезти из мокрых подгузников, так что не верьте ни единому его слову. Самые лучшие бойцы, которых я знаю, такие, как Анди Хуг, Эрнесто Хуст, Питер Артс, Ян Плас, Крис Дольман, Роб Каман, никогда не рассказывали о себе подобных бредовых историй. И как вы думаете, почему? Да просто потому, что они—настоящие бойцы, а настоящим бойцам не нужны легенды. Они и без них могут доказать, что являются настоящими воинами! Так что, когда кто-нибудь станет рассказывать вам подобную чушь, спросите, чем он может подтвердить свои слова. И если парень говорит правду, он принесет вам газетные вырезки, фотографии, предоставит свидетелей. Если же такой сказочник не сможет предоставить никаких иных свидетельств, кроме лизоблюдских статей из каких-нибудь популярных журнальчиков по боевым искусствам, можете быть уверены, что он просто агун—вы вряд ли ошибетесь.

В 1961-м году требования к претендентам на черный пояс включали также демонстрацию некоторых навыков в бодзюцу и иайдзюцу. Я уверен, что Ояма включил их в

программу экзаменов просто потому, что у Дрэгера и у меня было по 3-му дану в этих дисциплинах.

Включены были в программу и некоторые броски дзюдо. Все это тогда выглядело очень многообещающим, но, увы, как обычно, оказалось, что это были только разговоры...

Из того, что также произошло, хотя лучше бы этого не было, я должен назвать еще чемпионаты мира по Кёкусинкай 1970-х годов. К концу 1960-х каратэ занималось уже великое множество гайдзинов, а поскольку в большинстве своем иностранцы физически сильнее японцев, на этих чемпионатах японцы все организовывали так, чтобы не дать иностранцам победить. Для этого Ояма для начала заставил всех гайдзинов драться друг с другом и, разумеется, постранивал между собой лучших. А поскольку каждый хотел стать чемпионом, травмы в таких боях были неизбежны. В то же время ведущие японские бойцы проводили бои с бойцами гораздо более низкого класса из своей же школы, и последние, хорошо зная свое настоящее место, не особенно в них упорствовали. Так что сильнейшим японским бойцам не составляло труда выйти в следующий круг.

Иногда в финалах рефери своим решением отдавал хорошему иностранному бойцу победу над японцем. Но потом весь красный вставал со своего места Ояма, под-

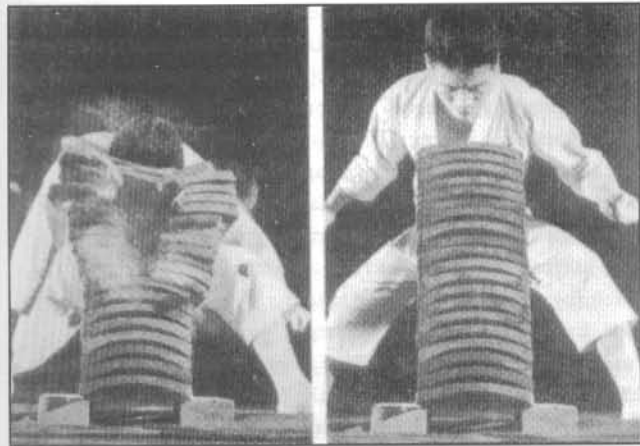
зывал к своему столу рефери, ругал его и изменял решение на обратное. Это было полностью против спортивных правил и обычаев. Обо всем этом вы можете узнать из книги Накамуры (лично у меня она вызвала самый живой отклик и печаль), или же поезжайте прямо к нему в Нью-Йорк.

Большим вкладом Оямы было создание нескольких прекрасных книг по каратэ, и даже сегодня, когда я просматриваю его первую работу «What Is Karate» (1957), она неизменно производит на меня большое впечатление. Но даже и в этих книгах не обошлось без фальши. Я участвовал в подготовке второй книги Оямы («This Is Karate», 1966) и имел возможность понаблюдать за работой над нею изнутри.

Больше всего обмана было при съемках фотографий разбивания предметов. И очень жаль, что все было именно так, потому что вера в эти фотографии порой порождала серьезные проблемы. Приведу пример из своей жизни.

Когда я готовился к своей первой демонстрации разбивания предметов в Голландии, я еще ничего не знал об их секретной подготовке. Так как я прочитал в книге Оямы, что кто-то разбил двадцать пять черепиц одним ударом, я просто притаился на демонстрацию несколько черепиц, которые подобрал на дороге. Я решил, что двадцать пять черепиц для меня будет многовато, потому что те черепицы, которые я нашел, были тяжелыми и выглядели очень прочными, и сложил стопку всего из восьми штук. Я нанес самый сильный удар, на какой только был способен. Стопку я разбил, но при этом едва не сломал запястье. И понятное дело, что после этого случая мне было очень любопытно, как же это паренек на фото умудрился расколоть целых двадцать пять черепиц.

Куроасаки Кэндзи в период своего расцвета. 1960 г.

*Тренировка в новом додзё. Вот таким
я знал старика Ояму*

Об этом я узнал, когда принял участие в подготовке книги «This Is Karate». Тогда я подошел к стопке черепиц, которая была подготовлена для разбивания, и взял в руки верхнюю. Она оказалась легкой, словно бумажный лист, и с внутренней стороны у нее был надрез по всей длине черепицы. Так что в середине эта черепица была не толще миллиметра! Стоит ли после этого удивляться, что пятидесятикилограммовый «птенчик» расколол двадцать пять таких «прочных предметов»!

Для разбивания использовались также специально высушенные, очень легкие и непрочные кедровые доски, которые ломались тоже чрезвычайно легко.

Что же касается знаменитого трюка с бутылкой, то для него сначала нужно подготовить бутылку, прокатив по горлышку острый камень. Благодаря этому, когда вы ударите по горлышку, оно сломается по прочерченной линии. И поймите меня правильно. Ояма действительно был способен демонстрировать фантастические разбивания и научить им других. Просто при подготовке книги он стремился максимально облегчить себе работу.

После того как в 1998-м году я рассказал об этом в своей статье для журнала «Journal of Asian Martial Arts», со мной связался представитель нью-йоркской школы Сэйдзю-рю Кристофер Кэйлли. Он сказал мне, что кирпичи, которые Ояма ломает в книге, были настоящими и что он лично принес их из сада Куросаки. Ну, что ж, может быть и так. Я знаю только то, что видел. Я не утверждаю, что Ояма не мог ломать кирпичи или даже речные камни. Он действительно демонстрировал поразительный трюк с речными камнями: один подкладывал под руку, второй клал на ладонь и разбивал ребром ла-

дони. Я только хочу сказать, что зачастую то, что видит зритель, в большей степени является шоу, нежели реальным тестом.

Кроме Оямы, единственным человеком, который произвел на меня впечатление своими трюками с разбиванием, был Куросаки. В программе для британского телевидения он разбил головой два настоящих кирпича. Жуткий треск ломающихся кирпичей тогда напугал всех зрителей.

В те годы, когда я тренировался в додзё Оямы, Кёкусинкай действительно был самым жестким и знаменитым стилем. Так продолжалось до 80-х, когда, не без «медвежьей услуги» Люка Холландера, он покатился под уклон. Холландер превратил весь европейский Кёкусинкай в фарс. И, что очень печально, Ояма, погрузившись в мир грез и перестав улавливать тенденции в развитии каратэ, утратил контакт с реальностью. И когда он вдруг проснулся, оказалось, что уже слишком поздно, потому что, сам того не зная, он уже умирал от рака легких. Он выгнал слишком много действительно хороших

и преданных каратистов, и в результате остался в окружении аутсайдеров. Но, вспоминая мои дни с сэнсэем, я готов закрыть глаза на тот мусорный бак, в который Кёкусинкай-кан превратился за несколько лет до его кончины.

В завершение хочу сказать, что легенда об Ояме родилась давно. Она уже живет собственной жизнью и только становится смешнее и смешнее—сегодня встречаются даже такие пацаны, которые называют Ояму «Божественной рукой». И очень жаль! Потому что такой великий человек, каким Ояма был в период между 1959-м и 1970-м годами, не нуждается в том, чтобы из него делали легенду. Ояма был человеком, а не богом, и он сам по себе был достаточно велик, чтобы нуждаться во лжи!

Мой друг и учитель

Донн Дрэгер

Большую роль в определении моей судьбы сыграло несколько человек. Во-первых, это старик Опа Схутте, который показал мне дорогу в дзюдо и повел к другой жизни.

Это Одатэ-сэисэй, который научил меня, как остаться самим собой в дзюдо, уложить противника на его территории и не позволить ему сделать то же самое со мной на моей.

Это Мас Ояма, который показал мне Путь каратэ и позволил занять такое положение, которое позволило мне обрести большое влияние в будо.

Это Курасаки Кэндзи, который показал мне дух настоящего боевого каратэ и сделал из каратэ настоящую систему боя без оружия, а не дурацкий танец.

Это Курода Ититаро, мастер фехтования мечом и палкой, который показал мне фундаментальный дух будо.

Но все-таки самое большое влияние на меня оказал Донн Дрэгер, он действительно изменил мою

жизнь к лучшему. И не только как мой друг, но и как специалист и тренер.

Донн был морским пехотинцем в отставке. Часть Билла Бахуса в период его службы в морской пехоте США в 1950-х годах была расквартирована в Вашингтоне, округ Колумбия, и он видел Донна в униформе в клубе дзюдо Пентагона. Хотя Донн никогда не рассказывал о своих наградах, Билл помнит, что видел на его форме «Серебряную звезду» и парочку «Пурпурных сердец».

Первое офицерское звание было присвоено Донну на фронте в период Второй мировой, за проявленное мужество его отправили в США для прохождения офицерской подготовки. Вернувшись на тихоокеанский фронт, Дрэгер принял участие в битве за Окинаву. Потом он был в числе первых американских солдат, высадившихся в Японии, и, как я слышал, отнял целую кучу мечей у японских генералов в Токио. Во время корейской войны Донн был капитаном. Я точно не знаю, почему он оставил военную службу, но уже вскоре после отставки он переехал в Японию, чтобы изучать дзюдо.

Хотя и Донн, и я были в Корее, мы никогда много не говорили о том времени, а когда Донн все-таки вспоминал Корею, то по большей части жаловался на боль от полученных там ранений. У него была тяжелейшая рана плеча. Ее нанесла пуля, выпущенная снайпером. Если бы она попала сантиметром на десять пониже, то угодила бы точно в сердце. Еще иногда Донн вспоминал, что в Корее порой бывало очень холодно. Поскольку я сам не горел особым желанием говорить о подобных вещах, то мы обычно сразу переходили на что-то более веселое—на поднятие тяжестей или обсуждение девочек.

Донн был фантастическим атлетом. У него было необыкновенное тело. И когда он выходил на

У Донна было великолепное сильное тело, прямо как у греческого бога.

В японской гостинице.

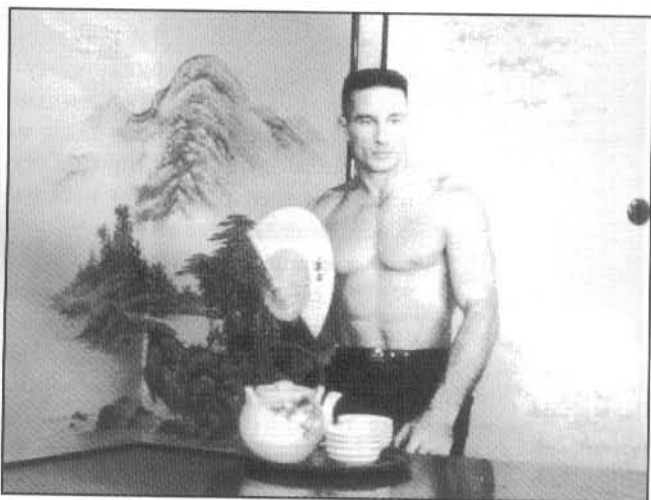
Окаяма, август 1960 г.

пляж, даже маленькие девочки хотели прикоснуться к нему, и не потому, что хотели заняться с ним сексом,—просто у него было действительно изумительное тело—прямо как у греческого бога.

Гораздо меньше сдержанности проявляли геи. И однажды, когда мы с Донном гуляли, к нам подошел один такой парнишка и начал вешаться на Донна. У нас с собой были зонтики—в Токио никогда не знаешь, какая через час будет погода,—и тут... Бабах! Донн мгновенно раскрыл свой зонтик, подтянул к себе голову голубого, натянул на нее зонтик, выдернул одну из спиц и закрепил зонтик у него на туловище, прикрутив выдернутой спицей. После этого мы пошли дальше, а гей так и остался в позе грибочка—с зонтиком вокруг головы и плеч.

Что же касается меня, то я вовсе не желал, чтобы за мной гонялись геи, но в то же время хотел набрать побольше мышечной массы, поскольку считал, что развитие мускулатуры не может повредить моему дзюдо. (Помните, что в дзюдо в то время не было весовых категорий, и при прочих равных вес играл очень большую роль.) Донн тоже не видел в этом проблемы. В действительности, при нашей первой встрече он оглядел меня и сказал: «Я пытаюсь доказать, что одновременные занятия тренировкой с большими весами и дзюдо позволяют достичь более высокого уровня в овладении дзюдо. Я хочу, чтобы ты присоединился к нашей экспериментальной группе. Если ты согласишься, то обещаю, что помогу тебе довести твой вес до солидных 100 килограммов». А я всегда мечтал весить именно сотку и, конечно же, сказал Донну: «Да!»

Никогда не забуду свою первую тренировку в тяжелоатлетическом зале. Мы выполняли приседания.

Начали с веса 60 килограммов на 20 раз. К концу упражнения у меня уже тряслись ноги. Но Донн еще не закончил тренировку. Он добавил еще пару блинов и продолжил выполнение упражнения. Так мы довели вес штанги до 120 килограммов, в то время для меня это было очень много. Едва я взял штангу этого веса, как тут же сказал: «Нам нужно уходить! Немедленно!»

Чтобы спуститься на первый этаж, где можно было купить фруктовые напитки и тому подобные вещи, нужно было преодолеть всего три лестничных марша. Я поставил ногу на первую ступеньку и... Мой поход по лестнице на этом закончился! Остальные ступеньки я не прошел, а прокувыркался. Оказавшись внизу, я подумал: «Ну, мне все-таки нужен апельсиновый сок»,—и пополз в буфет. Я хотел поехать домой, но Донн сказал мне:

—Никакого отдыха. Иди тренируйся в дзюдо.

—Но они же меня убьют!—возразил я.

—Ну и что? Пусть они думают, что ты теперь—их.

В общем, спотыкаясь и запинаясь на каждом шагу, я побрел в додзё, где даже коричневые пояса швыряли меня через весь зал, словно какого-то мальчишку, не имеющего ни малейшего понятия о дзюдо. Стоило им только взглянуть на меня, как я уже падал.

Программа тренировок, разработанная Донном, представляла собой то, что сегодня мы бы назвали «силовой тренировкой». Мы начинали с приседаний со штангой в 120 килограммов на 12 раз. Потом добавляли еще десять килограммов и выполняли десять приседаний. Потом еще десять кило и восемь приседаний. И так до предела. Потом мы добавляли еще двадцать или тридцать килограммов и пытались приподняться со штангой на десять сантиметров. Если бы кто-то из нас при этом уронил штангу, ему явно пришел бы конец.

В 1966-м году я спросил одного советского тренера, что он думает о силовой тренировке. Он ответил мне:

—В СССР нет ни одного вида спорта, в котором не использовалась бы тренировка со штангой. Даже игроки в настольный теннис у нас занимаются силовой тренировкой, причем они должны быть в состоянии выполнять приседания и жим на скамье со штангой весом, превышающим их собственный в полтора раза, и жим из стойки над головой со штангой собственного веса. Если они этого не делают, то их просто не берут в команду.

—А почему?—спросил я.

—Потому что если ты сохраняешь свою скорость и обладаешь такой силой, то наносишь ракеткой удар по шарiku вдвое сильнее, чем противник, который этого не делает. А это значит, что шарик будет лететь вдвое быстрее.

И он был прав.

Через пару недель тренировок по программе Донна я начал набирать мышечную массу. Надо сказать, что преимущество, которое дают двадцать дополнительных килограммов, просто огромное. Я это понял после того, как позанимался рандори с семнадцатилетним японцем, сложенным как настоящий борец сумо. Он был широкий, как стол. Конечно, это был в основном жир, но, тем не менее, никто не мог его

бросить. Я прикинул, что если быстро подвернусь на прием, крепко прижму бедро к этому здоровенному брюху и подсяду на пять сантиметров, то он должен упасть. В конце концов, раз я мог выполнить приседание со штангой в 240 килограммов, то неужели же я не мог поднять всего 140? И вот я с максимальной скоростью бросился в атаку, остановился, прижал бедро к животу своего противника, подтянул его к себе на грудь, повернулся, поднял его и выполнил чистый подхват под две ноги—хараи-госи. Сначала я услышал, как чиркнули его ноги о татами, а потом вдруг—бабах! Мне даже показалось, что пол дрогнул из-за землетрясения.

Была одна вещь, которую делали советские спортсмены, но не делали мы. Это было использование стероидов. Впервые я услышал о стероидах в своем собственном додзё в Амстердаме в 1965-м году и сразу выкинул нескольких парней, которые их применяли, потому что не желал иметь ни малейшего отношения ни к наркотикам, ни к людям, их употребляющим.

Донн всегда говорил, что единственное, что необходимо для приобретения силы,—это протеин и хорошее питание. Поэтому пределом нашей фантазии в те дни было масло из проросшей пшеницы.

По всей видимости, одним из побочных эффектов широкого применения стероидов является снижение сексуальной активности, а я ни за что не согласился бы променять на стероиды фантастический секс с замечательными японскими девочками!

Хочу рассказать в этой связи одну историю. Дело было, кажется, летом 1960-го года. В Токио проходил большой турнир, где я должен был последовательно бороться с пятью обладателями 3-го дана (Кодокан не мог позволить мне бороться с шестью обладателями 3-го дана, потому что если бы я их всех бросил, то ему пришлось бы

присвоить мне 4-й дан). В рамках подготовки к этому событию Донн сказал мне, чтобы я прекратил занятия сексом за три недели до матча. Ну, я, как было велено, воздерживался... до самого последнего перед сном дня, когда внезапно из Канады объявилась моя жена-голландка. Она хотела, чтобы мы снова были вместе, ее настойчивость возымела определенные последствия, и когда я ехал в Кодокан на матч, я ругал себя на чем свет стоит. Потом вышел на татами и уложил всех своих противников: бах, бах, бах!

Ко мне подошел Донн:

—Ну, видишь, что я тебе говорил?

—А что ты имеешь в виду? Я занимался этим еще утром...

И все-таки, возможно, Донн был прав, потому что, сколь бы сильным я не становился, тренируясь со штангой, он все равно был сильнее меня. Пока я боролся на скамейке со штангой весом в 140 килограммов, он навешивал на гриф 180 и жал штангу с лег-

костью! Не менее силен был он и в дзюдо. Он был единственным, с кем я никогда ничего не мог сделать. Я, конечно, мог завалить его на татами, но там он просто вязал меня узлами. В борьбе в партере с ним я чувствовал себя так, словно угодил в цемент.

У него была оригинальная смесь неподвижности и подвижности. Когда я пытался перевести его из одного положения в другое, ощущение у меня было такое, словно я пытался переместить с одного места на другое дом. Но когда он решал перейти к действию, то изменял мое положение с легкостью. Потом он попадал в положение, из которого мог провести болевой или удушающий прием, и это был конец.

Помню, как однажды я лежал на Донне сверху и думал: «Ну, парень, теперь ты попал!» Перешел на свой коронный удушающий прием, но тут он обвил своими ногами мою лодыжку, и я почувствовал, что ее словно сдавили тисками. Я

Последнее сделанное мной фото Донна Дрэгера, человека, который меня действительно сделал, обладавшего более чем 40 данами в различных дисциплинах будо. Сделано на соревнованиях в октябре 1961 г. Донн умер в США от рака в октябре 1982 г. в возрасте 61 года

был физически силен и проводил удушающий прием, но не мог освоить ногу из тисков. Донн засмеялся: «Ну, что? Теперь ты счастлив?» Это было ужасно, но я ничего не мог сделать.

А между тем я был совсем неплох в нэ-вадза. Однажды ко мне подошел молодой японец и попросил разрешения поработать со мной в рандори. Я согласился, и он предложил побороться в партере. Мы начали, и я выжал бедного пацана, словно сахарный тростник. Оказалось, что это сын известного мастера нэ-вадза. Он пошел к отцу и пожаловался на свою неудачу, на что тот только рассмеялся.

Впрочем, с отцом этого парня я никогда ничего не мог сделать в партере. Он был такой выносливый и подвижный, что можно было подумать, что это не человек, а осьминог. Но и он не мог со мной ничего поделаться, потому что я был очень силен. Зато Донн нас обоих раскладывал, словно одеяла. Просто он был лучшим мастером борьбы в партере, которого я когда-либо видел.

Секрет нэ-вадза в том, чтобы взять такой захват, когда противник не знает, где находится одна твоя рука. Нужно быть настоящим волшебником, чтобы уметь отвлекать внимание противника. Он должен думать, что ты собираешься провести болевой прием ему на руку, тогда как на самом деле ты стремишься выйти на удушающий. Для этого нужна большая практика. К примеру, если я возьму жесткий захват, то противник сразу поймет, что я буду что-то предпринимать в этом месте. Но если я буду как бы просто нащупывать возможность для захвата, казалось бы, не имея реальных шансов для атаки, то он не проявит к моим действиям должного внимания, и я смогу внезапной атакой его закончить. Это что-то вроде игры в шахматы.

Дзюдо на Филиппинах

В октябре 1960-го года иммиграционный офис напомнил мне, что я должен снова выехать из Японии для получения новой визы. Донн устроил для меня поездку на Филиппины в Манилу для проведения тренировок в местном клубе дзюдо в течение нескольких недель. Это должно было позволить мне оплатить саму поездку и проживание в Маниле.

Перед отъездом из Японии, в ноябре, я заболел малярией—это было маленькое напоминание о моем корейском прошлом. Болезнь проходила тяжело, я потерял десять килограммов веса, что приводило меня в бешенство, ведь я столько работал, чтобы довести его до 102 кило. А когда я снова встал на ноги, я был настолько слаб, что даже мальчишки в Кодокане могли меня бросить, что совсем не прибавляло мне настроения. Так что я прямо-таки не мог дожидаться своего коротенького отпуска в Манилу и перемены места.

Только Билл и Донн знали, как сильно я любил Японию в те дни. Поэтому, когда я, наконец, выехал в Манилу в декабре 1960-го года, чтобы получить новую визу на въезд в Японию, я обратился в японское посольство с просьбой предоставить мне японское гражданство. Да, я понимаю, что это явилось только еще одним доказательством моего безумия, а поскольку японцам психически ненормальный голландец был совершенно не нужен, мне решительно отказали, едва не осмеяв у дверей.

Когда я попал в Манилу, меня ждало еще одно разочарование—самый дешевый отель без кондиционера. Ночью я не мог уснуть и лежал с открытыми глазами, истекая потом от жары, слушая бесконечный гул, доносившийся с улицы. По счастью, хоть питание там было приличное—благо, рядом с отелем размещался немецкий ресторан.

Местный клуб дзюдо оказался веселой шуткой: класс в нем состоял из опрятно одетых детишек, которые только смотрели из-под лавок и никогда не выходили на татами. Их родители, которые за все это платили, были богатые испанцы, которые ненавидели всякую работу и проводили время, состязаясь друг с другом исключительно в бизнесе и дорогих костюмах. В итоге я мог только удивляться, для чего они вообще меня пригласили.

К счастью, в Маниле оказался один японец с 3-м даном, который работал на какую-то японскую компанию. С ним я смог потренироваться, и это было хоть что-то, по крайней мере, я смог набрать прежнюю скорость и поддержать технику.

У меня был свободный доступ в отель «Манила», и я почти целыми днями плавал там в бассейне и тренировался со старыми железками, разбросанными по так называемому «гимнастическому залу». Устав от этого, я бил мешок и обстукивал стены, нанося в день по 300 ударов каждым кулаком, чтобы сохранить свои «молотки» в форме.

Я ел много фруктов, вообще жрал, как свинья, и после нескольких дней вернул свои 102 килограмма, выполнил приседание со штангой весом в 225 килограммов и почувствовал, что набираю прежнюю форму. Я дожидаться не мог того дня, когда снова появлюсь в Кодокане и покажу Донну и другим дзюдоистам, что я снова в своей наивысшей кондиции.

В гостиничном бассейне со мной произошел забавный случай. В «Маниле» в тот период в перерывах между перелетами на недельный отдых останавливались экипажи нидерландской авиакомпании «KLM». И их стюардессы целые дни пролеживали на лежаках вокруг бассейна и просиживали в баре у стойки.

Когда я в 1953-м году возвращался на родину после второго

срока службы в Корее, корабль, на котором я плыл, останавливался на Цейлоне, и в один из моментов, когда мною овладел совершенно явный идиотизм, я согласился, чтобы один жалкий типчик из доковых рабочих сделал мне на правом бицепсе татуировку дракона с надписью над ней: «Корея-Япония, 1950-1953».

Ну и, естественно, эти цыпочки решили, что я американский солдат в увольнительной. И пока я расслаблялся в бассейне или около него, стали всюю обсуждать меня.

Это было очень весело! Я и представить себе не мог, что такие красивые девочки могут так грязно выражаться, обсуждая мужчину, когда думают, что он не может их понять. Одни из них говорили, какие замечательные штуки могли бы проделать со мной в горизонтальном положении, других бросало в дрожь при мысли о возможности поиметь секс с такой здоровенной обезьяной.

Так продолжалось несколько дней. К этому времени я уже подружился с пилотом, но попросил его держать язык за зубами и не говорить, что я голландец, потому что слушать этих цыпочек мне было очень весело.

Но когда они собрались выезжать из отеля и вынесли свои вещи к бару в ожидании автобуса, я подошел к пилоту и на чистом амстердамском диалекте, который не может не понять ни один голландец, поблагодарил его за чудесную компанию. Еще я сказал самой болтливой из девчонок, которая показалась мне самой большой шлюхой, что мог бы разыскать ее в Голландии. Все девочки покраснели, кто-то вскрикнул от удивления, кто-то упал со стульчика у стойки. Это было круто!

Для меня этот случай послужил хорошим уроком — теперь я знаю, что болтать на родном языке нужно поосторожнее, если не знаешь точно, кто находится поблизости.

Когда я жил в Маниле в 1960-м, ко мне подошел и представился толстый американец. Он сказал, что его зовут Ал Веррьер, что он начальник службы дипломатической почты посольства США и что он хочет брать у меня частные уроки дзюдо. Однако на следующий день выяснилось, что он — совершенно стерильный новичок, потому что, когда я показал ему простейший бросок через бедро, он сломал себе при приземлении два ребра, и на этом наши занятия закончились.

Тем не менее, Ал отнесся к этому происшествию спокойно и позволил мне поселиться в своем прекрасном доме с кондиционером и всяческими удобствами, включая служанку (он только велел мне отвалить от нее, потому что она находилась в доме исключительно в целях поддержания чистоты). В это время я познакомился с Аранетами, одним из самых богатых семейств в этой стране, посещал первоклассные боксерские поединки и роскошные ужины и вообще прекрасно проводил время.

После возвращения в Токио я думал, что нашим отношениям пришел конец, но через пять лет Ал приехал в Европу и разыскал меня. Наша дружба возобновилась

и продолжалась до середины 70-х, когда я потерял с ним связь.

Он попросил меня представить его Рэю Вестерлингу. Я познакомился с Раймондом Вестерлингом в начале 1960-х. Известный под прозвищем «Турок», он служил командос в британской армии во время Второй мировой, а в 1945-1950-м годах командовал голландскими командос в Индонезии.

Оказалось, что в период нашей первой встречи Ал был руководителем Дальневосточного отдела ЦРУ, а теперь стал начальником Европейского отдела. (До ухода в отставку он, кажется, стал одним из самых больших боссов в Вашингтоне.) Как бы то ни было, в результате и Вестерлинг, и я впоследствии периодически выполняли различные задания ЦРУ.

Что касается меня, то я по большей части выполнял работу своеобразного знаменитого мальчика на побегушках. В этой работе не было ничего интересного или возбуждающего, а оплатой было право заполнять бак моего «кадиллака» на техстанциях американских военных баз. (С учетом цен на бензин в Голландии и того факта, что «кадиллак» считал, что расход одного галлона бензина на десять миль дороги — всего лишь ветер попутный, такой привилегией пренебрегать не стоило.) Это также объясняет, почему я никогда не ездил в Восточный Берлин или в Москву с Рюской и другими учениками дзюдо — я считал, что тамошние копы непременно меня арестуют, избьют до полусмерти, а потом ушлют в какую-нибудь крысиную дыру лет на 25. В 1993-м году американцы вручили мне медаль за «отличную службу в период 1965-1975 годов». Только представьте себе, что они не дали мне медали за то, что я спасал их солдат в Корее, но при этом вручили награду за доставку портфелей в Германию!

Знаменитый капитан Вестерлинг с моим сыном. 1966 г.

Вестерлинга же наняли консультантом по методам партизанской войны. Дело было в 1965-м, это значит, что как раз начиналась война во Вьетнаме, а Вестерлинг считался экспертом по вопросам, как и что думают коммунисты и все такое. (Правда, вьетнамские коммунисты были совсем не то, что индонезийские мусульмане, но ЦРУ это не беспокоило. Для его сотрудников все азиаты были одинаковые.) Говорят, он заработал немного денег.

Позднее Вестерлинг даже захотел нанять литзаписчика, чтобы тот помог ему подготовить мемуары. Мы нашли ему некоего Янвиллема ван де Ветеринга.

Ван де Ветеринг был приблизительно одного со мною возраста. Родом он был из Роттердама, но после войны долгое время жил в Южной Африке, Англии, Японии, Австралии и на Карибах. Незадолго до того он вернулся в Голландию, где стал работать в текстильной фирме своего покойного тестя в Амстердаме. Однако на самом деле он хотел стать писателем. И у него был к этому талант—серия его книг об амстердамских копах была очень популярна в Германии и послужила основой для нескольких фильмов Рутгера Хауера. Вестерлинг нанял его своим литзаписчиком, и уже вскоре ван де Ветеринг стал завсегдатаем дома Вестерлинга в амстердамском районе Конингинневег.

Но очень скоро мы выяснили, что с ван де Ветерингом невозможно работать. Дело в том, что он слишком много пил. И поскольку Рэй в то время сидел без гроша—несмотря на его послужной лист, голландское правительство его игнорировало, что и объясняет, почему он был готов оказывать помощь ЦРУ с вьетнамскими делами,—в конце концов, я расплатился с ван де Ветерингом и отправил его паковать вещи.

Еще через несколько лет Ветеринг переехал в Мэйн и, как я слышал, завязал с пьянкой. Я, конечно,

• Een zoon van de overleden kapitein Westerling (midden) draagt samen met oud-strijders de kist.

Begrafenis van Westerling loopt uit op protest tegen Indië-geschiedschrijving

door Jos Hagers

AMSTERDAM, woensdag

De begrafenis van de oud-commandant van het Korps Speciale Troepen, kapitein Raymond Westerling, is gisteren op de Nieuwe Oosterbegraafplaats in Amsterdam uitgelopen op een massaal protest tegen de geschiedschrijving van dr. Lou de Jong.

Ruim achthonderd oud-commandanten, oud-strijders en vertegenwoordigers van het Molukse verzet brachten

Westerling een indrukwekkende laatste hulde.

Volgens de commandant van het Korps Commandotroepen, luitenant-kolonel Dirk Veebrugge, wordt kapitein Westerling in de discussies over de gebeurtenissen in voormalig Nederlands-Indië op de tv en in de media het eigenlijk meer verweten dan destijds door zijn tegenstanders.

Jakhalzen

Westerlings vroegere adjudant J.H.C. Ulrich, ridder in de Militaire Willems Orde, stelde vast dat de De Jong

Westerling kapot heeft gemaakt door hem op smerige wijze te bekladden. Westerling was geen moordenaar, maar de echte moordenaars waren de Rode Jakhalzen in Den Haag, die Nederlandse

• Voormalig karatekampioen John Blumming, trouwe vriend en ondergeschikte van kapitein Westerling, adjuvant bij het graf van zijn voormalige commandant.

militairen met slechte wapens de rimbos instuurden.

De weduwe van generaal Spoor, de opperbevelhebber van de Nederlandse Strijdkrachten in het voormalig Nederlands-Indië, maakte het rentelid afgif—dat de AVRO een discussieprogramma over de dood van de Jong beschreven gebeurtenissen in verband met Westervings overlijden niet heeft afgesteld.

Volgens de voorzitter van de OSI, Stichting Oorlogspij Egz, blijven talloze militairen die in Nederlands-Indië hebben gediend, hoe ze ook met modder wordt gegooit, lid achter Westerling staan.

• Raymond Westerling

Публикация о похоронах капитана Вестерлинга

очень надеюсь, что это именно так, потому что, когда человек, тем более талантливый, смотрит на мир сквозь доннышко бутылки, в этом нет ничего хорошего.

Когда я уже собрался уезжать из Манилы, богатенькие сыночки пососкакивали со своих скамеечек и попросили меня присвоить им черные пояса или что-нибудь в том же роде. Тогда я сказал им, что готов присвоить сразу 2-й дан тому, кто бросит меня в схватке хотя бы один раз. Парни удалились, даже не попытавшись это сделать...

Впрочем, они мне отплатили: добираться в Японию они предложили мне грузовиком, совершавшим рейсы в Иокогаму, и даже любезно представили меня его капитану. Этот человек и все его моряки по виду были настоящие головорезы из кино про пиратов. Да к тому же оказалось, что их корабль будет еще ждать груза на Филиппинах, а потом шесть недель плыть до Иокогамы. В итоге я полюбил и поехал в аэропорт на такси. Офис «KLM» посадил меня на самолет до Токио, сказав, что я могу расплатиться за перелет там.

Очень жаль, что порой сотрудники авиакомпании проявляют большую учтивость, нежели руководители додзё дзюдо...

Я вернулся в Японию как раз к празднику Кагами бираки, на котором как кэнсюсэй должен был присутствовать. И я был действительно счастлив, потому что снова встретился с друзьями и вернулся в Кодокан.

На следующей тренировке с Донном в тяжелоатлетическом зале я не утерпел и продемонстрировал ему свои успехи, достигнутые за время пребывания в Маниле. При этом присутствовал и Инокума. Мы с ним начали приседания с весом в

180 килограммов на 6 повторений.

Потом я разогрелся, навесил на гриф блины, доведя вес штанги до 260 килограммов, и забрался под нее. Я едва не обосрался, пока приседал, а потом поднимался. Тем не менее, я выполнил одно приседание и гордо опустил штангу на стойку.

Донн был удивлен и счастлив. Как и Инокума. Исао сказал мне: «О-о, ты стал такой сильный! Здорово!»

И тут же залез под ту же штангу и, не моргнув глазом, сделал 12 приседаний. «Тяжелая, да?» — улыбнулся он мне.

Я почувствовал себя, как пацан, которого поймали на месте преступления, и сразу понял, как ему удалось бросить Каминагу Акио фантастическим броском через плечо на чемпионате Японии...

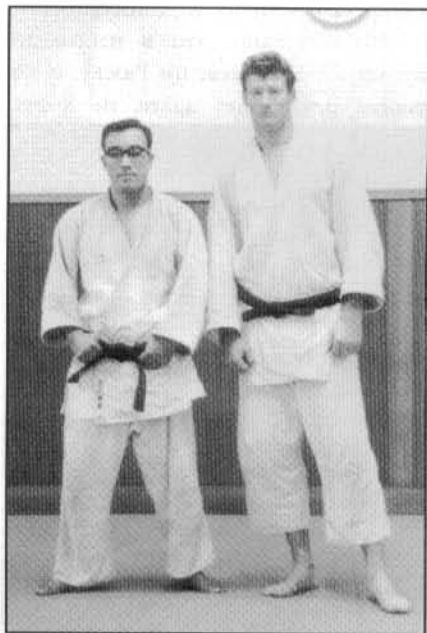
На пике формы в Японии

В январе 1961-го во время зимнего сбора в Кодокане я тренировался совсем немного, потому что Мас Ояма велел мне приходить к нему в додзё каждый день после обеда, чтобы в течение часа обучать ката Кёкусинкай. Я уже знал ката дзюдо, а потому решил, что, как бы я их не ненавидел, настоящий учитель должен пройти через практику ката.

Мы стали чаще встречаться с Оямой для обсуждения вопросов развития Кёкусинкай-кан. Сэнсэй всегда спрашивал мое мнение, потому что не знал менталитета и обычаев европейцев.

Тем не менее, я продолжал свои регулярные тренировки в дзюдо, и когда Антон Геесинк приехал на неделю в Кодокан в феврале 1961-го года, мы встретились и боролись в разных командах в главном додзё. Этот турнир был заснят на киноплёнку, и она до сих пор хранится в Кодокане. Я видел тогда, сколь

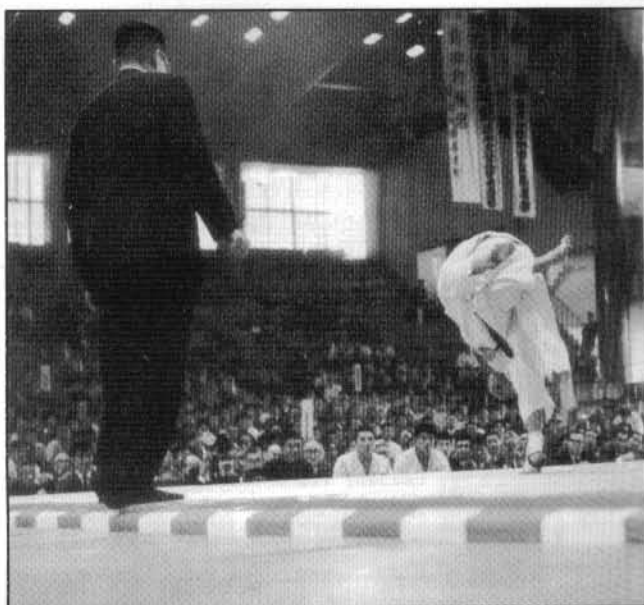
Вместе с Таката (в то время — 6-й дан, ныне — 8-й дан) на пике формы в Кодокане

Чемпионат региона Канто. На нем я удостоился чести во время показательных выступлений бороться с пятью 3-ми данами подряд вместо получившего травму чемпиона Японии Инокума. Это было знаком признания меня со стороны японцев чемпионом, и от моего броска ути-мата противники улетали, как ракеты! Лето 1961 г., Канто. Какое счастливое время!..

блестящей техникой дзюдо обладает Антон и как он играет с теми дзюдоистами, с которыми, чтобы их бросить, мне приходилось напрягаться—иногда он бросал их даже одной рукой. Правда, весил он в то время около 124 килограммов, а не 110, как об этом писали в Голландии. Но он был такой же гибкий и подвижный, как щенок. В столичном полицейском управлении он умудрился бросить парня, которого вряд ли кому удавалось бросить до этого—такое у него было телосложение: сто килограммов веса при практически кубической форме. Антон бросил его на колено отличным броском через спину захватом одной руки—иппон сэ-ой-нагэ! Это было просто невероятно. Я очень хотел подружиться с ним, но судьба сыграла со мной злую шутку.

Увидев Антона у дверей в додзё, где занимались кэнсёсэй, Одатэ-сэнсэй пригласил его войти и побороться со мной, но Антон решительно отказался. При этом

присутствовал и Донн Дрэгер. Геесинк сказал, что я, конечно же, войду в голландскую сборную, и у него будет возможность побороться со мной дома.

А через пару недель я получил письмо из Голландии. Опа Схутте прислал мне вырезку из одной местной газеты. В ней говорилось, что Геесинк назвал меня болтуном, который ничего особенного из себя не представляет. Я был серьезно задет и не мог понять, как такое вообще может быть. Я чувствовал себя несчастным и передал эту вырезку Кано Рисэй и Донну.

Показательно, что в настоящее время ни Геесинка, ни Рюску, о котором речь будет далее, не допус-

Ути-мата на чемпионате региона Канто. Лето 1961 г.

кают в Кодокан в наказание за их поведение. В частности, Геесинк наказан за то, что после своей победы на чемпионате мира в Париже заявил старым сэнсэям Кодокана, обладателям высших данов, что раз он — чемпион мира, то ему должен быть присвоен 10-й дан, тем более, что он лучше их всех. Это, разумеется, не понравилось сэнсэям и возымело последствия. Не думаю, что со стороны Антона это был очень умный шаг. Что же касается Рюски, то он отлучен от alma mater

дзюдо за участие в соревнованиях по кэтку.

Тем временем жизнь шла своим чередом.

Летом 1961-го года Донн Дрэгер предложил, чтобы мы все вместе приняли участие в съемках художественного фильма «Последний вояж» — японцам требовались иностранцы для массовки и мелких ролей. Съемки проходили в Осаке, и после их окончания Донн планировал визит в дзюдоистское додзё полицейского управления Киото.

Когда нам надоели съемки с их ужасной организацией, мы отправились из порта Осака в Киото. Члены полицейского клуба горячо нас приветствовали, и после того, как Донн размялся, мы приступили к тренировке.

Местной знаменитостью был Ода, который после поражения от Инокумы на Всеяпонском чемпионате точил на меня зуб. Он подошел ко мне, и мы сцепились всерьез.

У Оды был очень необычный стиль борьбы. Он обвивал своими длинными ногами ноги противника до тех пор, пока тот не терял равновесие и падал на спину. Бороться с ним было все равно что бороться замотанным в мокрое полотенце. Кроме того, он бросал в левую сторону, и поскольку я работал точно так же, мне потребовалось некоторое время, чтобы приспособиться к нему.

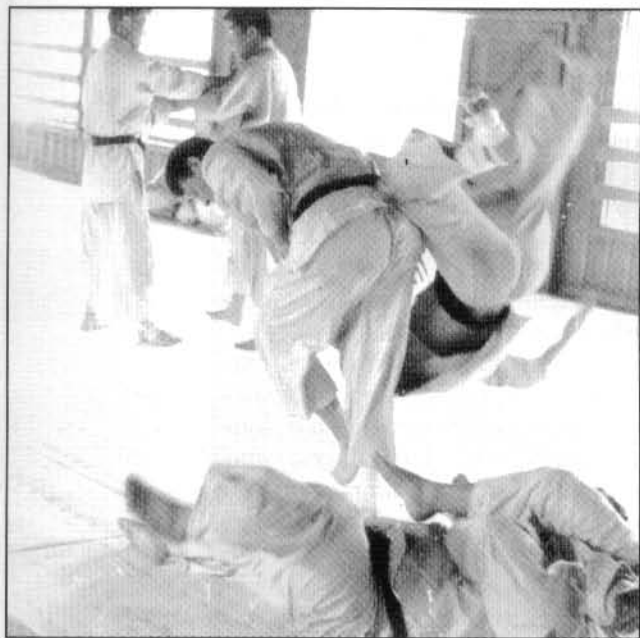
Разобравшись с защитой от атак Оды, я попытался провести хараи-госи. Получился отличный бросок, и теперь я знал, как надо иметь дело с японцем.

Донн крикнул мне, что у него 36 кадров в фотоаппарате и что я должен быстренько продемонстрировать все, чему научился. Я пошел в атаку. Ода злился и делал

Наша команда в составе Донна, Джимми Брегмана, Билла Бахуса, Дула Роджерса и меня устроила настоящий потрош в полицейском додзё дзюдо в Киото. Бросок ко-сото-гакэ. Лето 1961 г.

Додзё императорской полиции в Киото.

Справа — Ода, чемпион Киото и бронзовый призер чемпионата Японии. Лето 1961 г.

ошибку за ошибкой, но я никак не мог бросить его на иппон. Тем не менее, он падал раз за разом. Донн подавал мне команду, я делал вход на бросок, и Ода падал, что тут же фиксировал фотоаппарат. Ода покраснел и взбесился. Это было мне только на руку, и когда он попытался защититься отшагом, я продолжил атаку и от хараи-госи перешел на ути-мата—подхват изнутри, которым снова уронил его. Приблизительно минут через десять я выполнил бросок на иппон—по словам Донна, лучший из всех бросков, которые он когда-либо видел в моем исполнении, причем он успел заснять его на пленку. Взгляните на фото и судите сами. Хараи-госи с абсолютным равновесием, фантастически быстрый и полный мощи, приобретенной тренировками со штангой.

Ода поздравил меня с прогрессом в овладении дзюдо—он был, конечно, настоящий спортсмен. При этом руководитель додзё со смехом сказал нам, что мы теперь можем даже принимать заказы на изготовление фотографий с бросками дзюдо, а потом сделал мне комплимент, сказав, что мне следовало бы быть японцем, раз у меня так здорово получается дзюдо.

Другие иностранцы-дзюдоисты, которые ездили с нами в Киото, тоже прекрасно провели время в додзё. Джимми Брегман, например, буквально повтыкал местных японцев в татами своим необычным, похожим на прием дзюдзюцу броском, который называется «кани-басами» («ножницы»).

По возвращении в Токио я получил приглашение принять участие в гонин-такэ—пяти схватках подряд с дзюдоистами из региона Канто. Первоначально предполагалось, что с ними будет бороться Инокума, но он все еще находился в госпитале после операции на позвоночник. Донн сказал мне, что я не имею права отказаться, потому что эта встреча послужит мне хо-

Чемпион полиции Ода получает от меня хороший хараи-госи... Киото, лето 1961 г.

А теперь Ода получает о-сото-тари...

рошей подготовкой к чемпионату мира, который должен был пройти в декабре месяце в Париже. Да я и не хотел отказываться, потому что выбор меня для участия в этом мини-турнире означал, что я стою на вершине японского дзюдо. И все-таки эта честь была для меня настоящим сюрпризом.

Этот показательный матч проходил в перерыве между кругами первенства по дзюдо региона Канто. Перед ним меня горячо приветствовали организаторы турнира и официальные лица. Они сообщили, что моими противниками будут пять обладателей степени 3-й дан из пяти разных додзё региона Канто.

В матче я работал, как часовой механизм. Мои противники выглядели гораздо более напуганными, нежели я, и ни один из них не продержался на ногах более пяти секунд. Это, конечно, были не те крепкие парни, каких я знал в токийских университетах Мэйдзи, Нихон и в полицейских отделениях. Моя стандартная атака состояла из броска хараи-госи или цури-коми-госи, за которым обычно следовал подхват изнутри—ути-мата.

После этой демонстрации я решил, что, наверное, могу претендовать на третье место среди всех кэнсусэй—сразу после Каминаги и Инокумы. Хотя иностранцам не разрешали участвовать в чемпионатах Японии, я мог одолеть всех иностранцев в Кодокане, за исключением Дрэгера, а он томился в полном отдалении на какой-то такой высоте, которую я в то время даже не мог рассмотреть (Донн, кстати, был и гораздо лучшим учителем, чем лучшие японские мастера). В общем, я считал, что у меня будут хорошие шансы на предстоящем чемпионате мира в Париже.

И что было для меня в то время еще лучше—сразу после демонстрации представители оргкомитета вручили мне красивый традиционный

конверт, открыв который позднее, я обнаружил банкноту в 10000 иен. Это было просто замечательно—это означало, что на некоторое время я обеспечен питанием.

К сожалению, некоторые дзюдоисты слишком резвились с этой практикой получения незаконных выплат, и в конце 1990-х Антон Гесинк имел неприятности с Международным олимпийским комитетом в связи с тем, что открыто вымогал взятки. Сначала он пытался отговориться, заявив, что это не взятка, а «оплата представителю», призванная покрыть его расходы. Потом он сказал, что эти деньги предназначались для покупки нового автомобиля для Олимпийского комитета Голландии. А в конце концов заявил, что это было всего лишь несколько тысяч долларов и что другие люди в других, более популярных видах спорта получают взятки, исчисляемые сотнями тысяч долларов. Слушая все эти рассказы, можно было подумать, что выступает сам президент США...

Сборная США в Японии

Вскоре после этого в Японию для подготовки к чемпионату мира по дзюдо в Париже прибыла сборная США. Мы, конечно, были это-

Летний сбор в Кодокане в 1961 г. Три года моего пребывания в Кодокане были тремя годами борьбы. Борьбы снова и снова... Летом 1961 г. я забавлялся с Такэути, чемпионом Японии 1962-го года

му очень рады, ведь это был свежий кусок мяса, на который можно было наброситься. Я с особенным нетерпением ждал приезда Мики Путиды, который победил меня в Сан-Франциско в январе 1959-го. Кроме него в команду входили знаменитые легковесы—чемпионы США Тош Сэйно и Хэйурд Ни-сиока.

Я, конечно же, сразу поспешил в главное додзё, чтобы повидать своего старого приятеля-соперника Мики. Увидев меня, он сразу предложил мне снова попробовать побороться с ним. Но к тому времени я уже весил 102 килограмма, а не 80, и когда он взял захват и попытался провести хараи-госи, я оказался готов к его атаке и уронил его таким приемом, о котором даже не думал, что его знаю—ко-ути-гари—подбив под пятку изнутри. В общем, в этот раз я прекрасно провел с Мики время и убедился, что со времени нашей встречи в Сан-Франциско кое-чему научился. Я бросал его самыми разными бросками, а он не мог даже приблизиться ко мне. Через несколько минут Мики прекратил борьбу и сказал: «Знаешь, Йон, то, что ты сделал—приехал в Японию на пару лет, чтобы достичь настоящего мастерства и заниматься только дзюдо,—это и моя мечта тоже. Но я не могу. Не могу оставить старика-отца (он вместе с отцом занимался проектированием ландшафтов), и у меня нет для этого денег. Ты борешься просто великолепно. И я могу только мечтать, чтобы научиться бороться так же».

Сэйно был приятный парень. Он дождался, когда я спущусь вниз, в зал для иностранцев, а потом, убедившись, что рядом никого нет и что никто этого не видит, спросил, не соглашусь ли я с ним побороться. Я согласился, он сказал на

это: «Только не здесь». Сэйно завел меня в детский зал, находившийся напротив зала для иностранцев, и закрыл дверь, чтобы никто ничего не смог увидеть.

Потом он бросился на меня, как сумасшедший, одержимый какой-то идеей. К счастью, он применял типичные для легковесов броски: сэ-ой-нагэ (бросок через спину), о-ути-гари (зацеп изнутри) и ко-ути-гари (подбив под пятку изнутри). Когда он в первый раз попытался провести сэ-ой-нагэ, я просто обошел его шагом по кругу, и он «бросил» воздух. Во второй раз я переступил через его руку, выпрямил ее и сделал ему болевой в стойке. Это привело Сэйно в отчаяние, и он снова и снова пытался бросить меня зацепом изнутри. Он никак не мог понять, почему у него ничего не получается, как мне удастся останавливать его простым поворотом бедра навстречу, и почему чем быстрее он на меня бросается, тем больше получает в ответ. Американец снова попытался провести свой сэ-ой-нагэ и чуть не разорвался пополам—с такой скоростью он бросился на меня и бросил воздух, потому что я снова обошел его. Потом я жестко встретил его бедром и услышал, как закрипели его кости.

Мне, естественно, не приходилось гордиться этой победой, ведь Сэйно весил всего 60 килограммов, а я—102. Тем не менее, я не хотел

*Инструкции дает покойный Котани, последний дзюдоист, которому позднее был присвоен 10-й дан.
Сентябрь 1961 г.*

Рандори с Сэки в Кодокане. Бросок ути-мата. Октябрь 1961 г.

предоставить ему ни малейшего шанса для бахвальства по поводу того, что он бросил «Зверя из Амстердама».

Довольно скоро я почувствовал, что он устал, и начал бросать его самыми замысловатыми приемами, применения которых вы никогда не увидите на соревнованиях, и мой противник окончательно утратил волю к победе. Но Сэйно был коварный демон. После окончания схватки он сказал: «Это невозможно»,—потом ухмыльнулся и добавил: «Подожди меня здесь». И затем вышел.

Он вернулся через несколько минут, таща за собой на буксире Нисиоку. На лице у Нисиоки читалось высокомерие. Дрэггер предупреждал меня, что он очень самоуверенный, потому что благодаря отличной технике неоднократно побеждал сильнейших тяжеловесов США и один раз даже стал чемпионом Штатов в абсолютной весовой категории, победив всех гигантов. Уверен, что Сэйно сказал ему, что задал мне перцу и с легкостью меня бросил. Поэтому я с самого начала решил, что не дам американцу ни шанса, и атаковал его так, словно передо мной был сам Антон Гесинк и боролись мы не в тренировочном зале, а на чемпионате мира.

Нисиока пытался бросить меня через плечо—он думал, что этот бросок у него особенно хорош. Но в первом случае я просто перешаг-

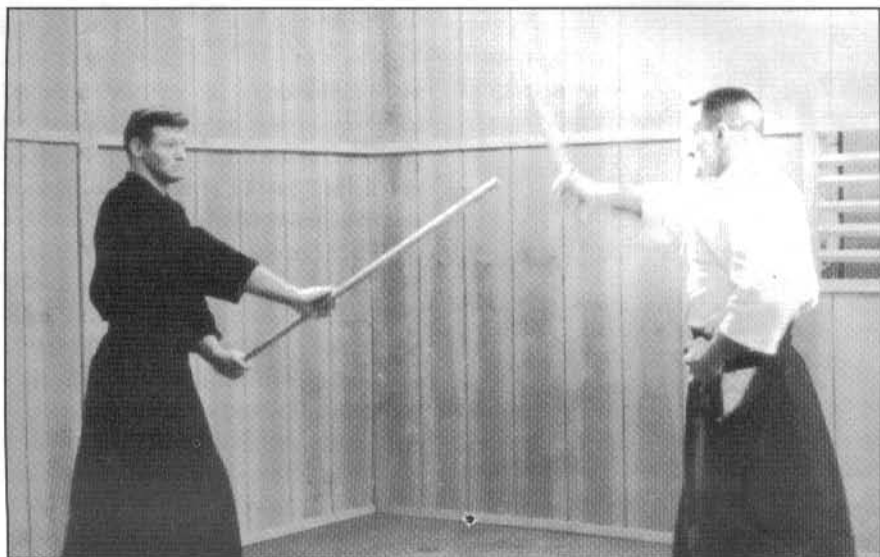
нул через него и сделал болевой на руку, а во втором—отступил в сторону, и он едва не упал от собственного рывка, в который вложил всю энергию. Потом я стал делать ему болевые при любой попытке предпринять хоть что-нибудь. От этого он только все больше бесился, потому что теперь уже на нашу схватку смотрела вся американская сборная—Сэйно, естественно, всем сообщил, что происходит.

Когда через несколько минут Нисиока совершенно выдохся, я пустил в ход «тяжелую артиллерию» и начал чистить им маты. Бороться с ним было не труднее, чем с ребенком. Но к тому времени в зале уже появился Донн Дрэггер, который сказал мне: «Тебе не кажется, что уже хватит?» Я, разумеется, тут же закончил экзекуцию. В конце концов, избивание малыша, конечно же, не могло стать предметом гордости, да и мне не хотелось его унижить, ведь он был отличным борцом в своей весовой категории, хотя я и ненавижу гордецов.

Тем не менее, Нисиока заплакал—так сильно он был разочарован... Еще он сказал, чтобы я больше никогда не приставал к нему с просьбами побороться. После этого случая он перестал со мной разговаривать. Но Донн потом сказал мне, что я правильно сделал, не дав ему ни шанса бросить меня, потому что сам не смог бы жить, если бы Нисиоке удалось это сделать.

Я слышал, что сейчас Нисиока заправляет американским дзюдо. Может быть, это и есть причина того, что за сорок лет американцы не выиграли ни одного международного титула?..

Я подошел к Джорджу Харрису—чернокожему дзюдоисту-тяжеловесу из американских ВВС—и попросил его поработать со мной в рандори, но Харрис сказал, что я могу при этом умереть, и рассме-

Показательные выступления для японского телевидения. Август 1961 г. После них мы с Донном получили по 3-му дану дзёдзюцу

ялся. Он явно не хотел бороться со мной, но это меня не особо волновало, потому что он часто приглашал меня ужинать и стал моим хорошим другом.

Обычно мы с Джорджем ели в местечке под названием «Мэйди-клаб». Этот ресторанчик находился в подвальном помещении, куда вела длинная узкая бетонная лестница. Как-то раз Джордж поднимался по этой лестнице, держа руки в карманах. На последней ступеньке он оступился и полетел прямо физиономией вниз — руки-то были в карманах! Ему повезло, что дело было на выходе, и он приземлился на траву, а не на бетон, так что ничего, кроме его гордости, от этого падения не пострадало. Когда он поднялся, я взглянул ему в лицо своим честным взглядом, и он сказал мне: «О'кей, можешь теперь смеяться!»

Другой американский тяжело-вес, Бен Кэмпбелл, тот, что сейчас сенатор от штата Колорадо, тоже всегда избегал меня. Прочитав позднее его книгу, я предположил, что он поступал так потому, что все время был травмирован. Может быть, и так...

Показательные выступления на чемпионате Японии по кэндо

Где-то в конце августа 1961-го Донна и меня пригласили дать демонстрацию дзёдзюцу на чемпионате Японии по кэндо среди полицейских. Он проходил в амфитеатре «Хибия». Там работало телевидение, и чемпионат транслировался в прямом эфире. Наше выступление прошло очень успешно и произвело очень хорошее впечатление на публику. Нам было особенно приятно еще и потому, что мы были первыми иностранцами, выступившими с показательными выступлениями по дзёдзюцу в Японии.

Чего мы не знали, так это того, что эти показательные выступления были одновременно для нас и экзаменом. После них инструкторы из полицейского додзё крепко пожали нам руки и вручили сертификаты обладателей степени 3-й дан и младшие инструкторские дипломы.

В сентябре 1961-го года мы с Донном провели несколько дней в Ниномия—городке на побережье моря приблизительно в сорока километрах от Токио. Остановились в симпатичной старой японской гостинице с чудесным садиком и выходом к морю. Купались, болтали и тренировались со своими деревянными мечами. На море было сильное волнение. Волны порой достигали высоты 8 метров, и когда мы ныряли под них, словно гигантская рука подхватывала нас, протаскивала по ракушкам на дне, переворачивала вверх тормашками и выбра-

сывала на берег, словно тряпичных кукол. После непродолжительной борьбы с этой «рукой» я был настолько истощен, что поделился своим завтраком с маленькими крабиками, бегавшими по берегу. Так я узнал, что человек не может бороться с большой волной. Эти дни навсегда запомнились мне.

Тесты

В декабре 1960-го года в Маниле я получил письмо от Опа Схутте, в котором он писал, что хочет предложить мне контракт на работу тренером дзюдо. Причин у этого решения было две.

Во-первых, Опа написал знаменитый английский дзюдоист Тревор Легgett—первый европеец, получивший еще до войны 6-й дан от Кодокана. Он просил его рассказать, кто этот голландец, который выиграл все соревнования в период нахож-

Письмо Опа Схутте, так круто изменившее мою жизнь в 1960 г.

[illegible][illegible][illegible]

дения в Японии. Это, разумеется, был я, и Опа, конечно, было очень приятно узнать о моих успехах.

Второй и более насущной причиной было то, что тот корейский тренер, которого Опа пригласил в Голландию для преподавания дзюдо, попал в госпиталь, где ему сделали серьезную операцию—удалили часть легкого, после чего он оказался надолго выведен из строя и не мог преподавать дзюдо.

Опа предлагал мне 300 гульденов в неделю. В те дни портовые грузчики в Амстердаме бастовали, добиваясь повышения зарплаты до 80 гульденов, а мне предлагали целых 300. Назначение такой зарплаты стало возможным благодаря тому, что созданная незадолго до того Федерация спорта Нидерландов предоставила Голландской ассоциации любительского дзюдо, к которой я принадлежал, большую ежегодную субсидию. Одновременно развернулась работа по объединению всех организаций дзюдо в стране с целью создания единого Союза дзюдо Нидерландов. Национальный союз дзюдо Нидерландов, к которому принадлежал Геесинк, это, конечно же, не радовало, и он делал все, лишь бы только сохранить свое господство, хотя я тогда себе даже и представить не мог, к чему приведут все эти политические маневры.

Я в те дни даже и не задумывался о возвращении в Европу, мне сама мысль об этом (особенно после подлости Геесинка) казалась ночным кошмаром. Я любил Японию и хотел остаться в ней навсегда. Но 300 гульденов в неделю—это была куча денег. Я пошел к Донну и спросил его:

—Как мне поступить? Я не хочу уезжать из Японии. Я не хочу возвращаться в Голландию и влезать в политику в области дзюдо. Ты ведь знаешь меня—я импульсивный, агрессивный, не терплю фальши, наверняка, врежу кому-нибудь. И что мне это даст?

Донн сказал:

—А ты все-таки попробуй. Смотри: это контракт всего лишь на год, а деньги большие. Ты все-таки лучше поезжай, попробуй.

То же самое сказал мне Ояма. На самом деле, он прямо-таки ликовал:

—Конечно, ты должен ехать! Ты должен распространить Кёкусинкай в Европе!

В это время журнал «Kodokan review» опубликовал интервью с Каминагой и его тренером Кавамура, взятое во время их визита доброй воли в Египет. Они сказали журналисту, что лучшие шансы на победу в чемпионате мира из всех иностранцев имеет Йон Блюминг (мое имя в интервью было записано как «Jon Blooming»), который уже победил практически всех сильнейших дзюдоистов Японии. Мне было приятно прочитать это, хотя я все-таки помнил, что есть еще Инокума, я совсем не был уверен, что смогу его победить... Когда Каминагу и Кавамуру спросили, что они думают о Геесинке, они отвечали, что Геесинк не знает подлинного японского стиля дзюдо. Ну, Антон припомнил им эти слова на чемпионате в Париже и вогнал их японцам в глотки...

Вот так все убеждали меня ехать в Голландию, а я между тем возвращался в памяти к тем замечательным дням, когда как обычный любитель тренировался в додзё «Тунъень», вспоминал старых друзей и свою фантастическую мамочку, которую не видел уже столько лет. Поэтому в конце концов я решил принять предложение Схутте и вернуться в Голландию. Правда, всего на год, чтобы потом вернуться в Японию...

Зная о моем отъезде, Ояма удвоил время, которое он тратил на обучение меня ката, и вскоре у меня уже ни на что не хватало времени—оно все уходило на подготовку и сдачу разных экзаменов.

Несмотря на специальные дополнительные занятия с Оямой, в его додзё я все еще носил белый пояс. Это была моя особая шутка. Новички принимали меня за одного из них, но после того, как кто-то называл им мое имя, или они припоминали публикации обо мне в спортивной прессе, то сразу начинали называть меня «сэмпаем» — «старшим товарищем». Но когда в хомбу заявлялся какой-нибудь черный пояс из провинции или из другого додзё и решал, что этот здоровый гайдзин с белым поясом — хорошая кукла для тренировки, я получал возможность поразвлечься. Порой бывало очень забавно...

И все-таки главным экзаменом для меня был экзамен по иайдо, а не по каратэ. Он состоялся в октябре 1961-го года в додзё при полицейском отделении Томисака. Принимал его сэнсэй Курода. Все прошло без проблем, и мне был присвоен 3-й дан.

Надо сказать, после возвращения в Голландию я некоторое время даже преподавал иайдо и кэндо (я имел 2-й дан по кэндо). Но потом решил прекратить занятия, потому что мы на каждой тренировке ломали по синаю — тренировочному мечу из бамбука, а он стоил целых 25 баксов, и я не мог позволить себе такую роскошь. Тем

не менее, я по сей день храню у себя дома богу — тренировочный панцирь — эпохи Токугава. Однажды я попытался по разумной цене продать его местной ассоциации кэндо, но мне ответили: «Нет, нет. Это слишком дорого. Мы можем купить по каталогу панцирь и подешевле». Вот такое вот отношение к традиции...

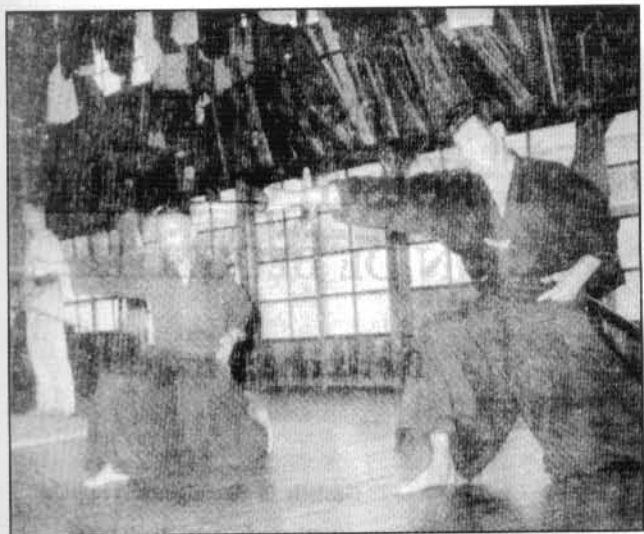
Через несколько дней после экзамена по иайдо настало время предстать мне перед комитетом хомбу Кёкусинкай-кан и пройти экзамен на черный пояс.

В типично японском стиле сэнсэй Ояма пригласил на этот экзамен ряд видных представителей крупного бизнеса и политики, в том числе господина Мори — депутата парламента.

Ояма был блестящий пиарщик, а в тот день превзошел сам себя, чтобы самым помпезным образом представить меня как нового президента европейского Кёкусинкай. Поскольку я действительно любил его и совершенно не хотел разочаровать, то решил вести себя предельно учтиво и скромно, желая отплатить свой долг сэнсэю, который был столь добр ко мне все это время. А тем временем Билл нашептывал мне на ухо, что я должен устроить хорошее шоу, поскольку это очень важно для сэнсэя: «Ты же знаешь японцев...», — и все такое.

Обычно я никогда не волнуюсь по поводу результата экзамена, да и причин для волнения на этот раз у меня не было. Но от всего этого подобострастия и необходимости держаться как-то по-особому я несколько занервничал и рассердился, потому что всё казалось мне необычайно комичным и нереальным.

Меня представили, и гости уселись в формальных позах на коленях. Лица у них были чрезвычайно

Мой экзамен на 3-й дан иайдзюцу в додзё при полицейском участке Томисака. Принимает сэнсэй Курода. Октябрь 1961 г.

серьезные, руки на бедрах—прямо самурай в старину перед совершенным хакири.

С каменными лицами они наблюдали, как я разминался, подготавливаясь к экзамену и ожидая, когда мне скажут, что надо делать.

При этом сэнсэй Куросаки, сихандай Оямы, вперились в меня взглядом так, словно хотел разорвать на части—в тот день я и подумать не мог, что когда-нибудь мы с ним станем большими друзьями и я даже буду считать его членом своей семьи.

Я был готов к любым сложностям и трудностям. Ведь ранее мне уже приходилось видеть некоторые экзамены. Они включали бои, демонстрацию высших ката и сложные разбивания, которые так любил сэнсэй. Но я был абсолютно не готов к тому, что сначала сэнсэй попросит меня выполнить простейшее ката для начинающих—Тайкёку соно ити, самое первое и примитивное ката в Кёкусинкай.

Когда я немного оправился от изумления, я оглядел ряд знаменитостей с застывшими минами на лицах и едва не разразился хохотом. Но Билл, который сам едва не давился от хохота, показал мне, чтобы я прикусил язык.

Я напрягся, попытался вспомнить это проклятое ката и приступил к его выполнению. И тут начался совершенный кошмар. Я начал делать одну ошибку за другой, и самые простые приемы пошли у меня кривь и вкось.

Вначале Ояма с извиняющейся улыбкой оглядывал приглашенных и что-то говорил—я не мог расслышать, но они понимающе кивали головами. Я был так разочарован, что был готов повырубать их всех, и от этого дело пошло еще хуже. Куросаки при этом выглядел так, словно я показывал стрип-шоу. Через много лет он сказал мне, что здорово повеселился в тот день.

После еще нескольких глупых ошибок с моей стороны Ояма

решил, что я нарочно дурачусь с ката, пытаясь развеселить присутствующих. Он прорычал мне, чтобы я прекратил клоунаду. Сэнсэй позволил мне остановиться, велел выпить немного воды, отдышаться и явиться снова. Билл вышел со мной и спросил:

—Какого черта? Что ты выделываешься?

—Слушай, все эти суровые лица производят на меня впечатление, будто я участвую в конференции по вопросу открытия Третьей мировой...—отвечал я. Кстати, в октябре 1961-го это совсем не звучало шуткой...

Билл признался, что тоже едва сдерживается, чтобы не рассмеяться.

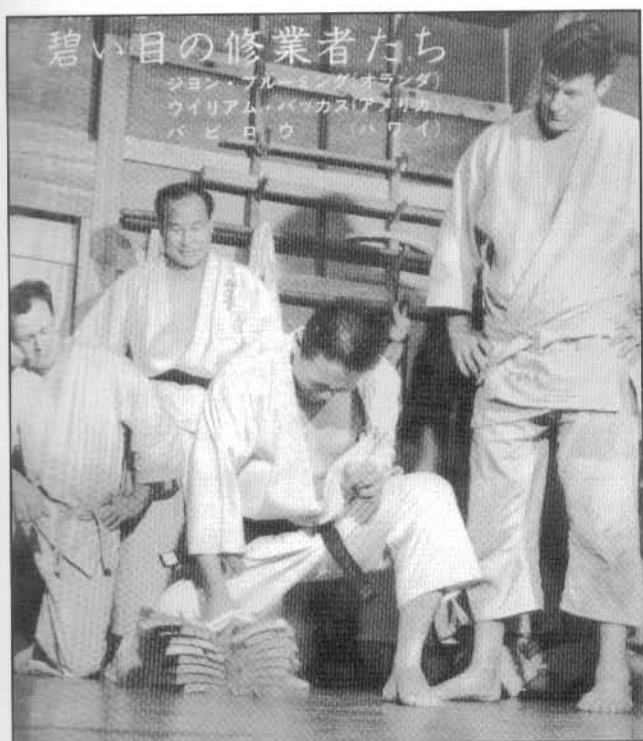
Как бы то ни было, немного поостыв, через несколько минут я вновь вошел в додзё и, полностью игнорируя всех присутствующих, проделал то, что от меня требовали—на этот раз благополучно.

Потом я должен был немного поработать в кумитэ с Биллом и несколькими другими учениками. Эта часть экзамена прошла «на ура». Судя по звукам, доносившимся из рядов каменнолицых гостей, мои боевые навыки произвели на них впечатление, и в конце выступления они даже вежливо поаплодировали мне.

На этом все и закончилось. Ояма объявил, что для начала присваивает мне 2-й дан и вручает лицензию инструктора и что позднее комитет решит, какой именно степени я достоин. Я никогда не верил в эту чепуху насчет комитета, потому что все, что происходило внутри Кёкусинкай, определял один только Ояма и никто другой. Под объективами телекамер и фотоаппаратов я получил свои сертификаты, сфотографировался с Оямой и... Все!

После экзамена я спросил сэнсэя:

—А как же кумитэ с сотней противников?

Поскольку я сам помогал составлять правила экзаменов, то, разумеется, не мог увильнуть от этого испытания. К тому же я любил драться и не хотел, чтобы кто-нибудь за моей спиной через много

Куросаки мог проделать в поединке с Бобби Лоуи, который вообще не понимал, что происходит, самые сложные приемы. Лето 1959 г.

Экзамен Бобби Лоуи.

Он был безнадёжен!!! Лето 1959 г.

лет сказал, что я не участвовал в тесте, который сам придумал. Но Ояма сказал мне, что в этом испытании нет нужды. Но позднее Куросаки рассказал мне, что сэнсэй просто не смог собрать и половины необходимого состава—когда ученики узнавали, с кем им предстояло драться, то просто всеми возможными способами уклонялись от участия в экзамене.

Я был свидетелем экзамена Бобби Лоуи, это было омерзительное зрелище. Бобби был настолько плох, что во время кумитэ с Куросаки практически все время пролежал на полу—при каждом движении Куросаки он сам падал на под, задирая для защиты ноги вверх, словно трусливая собака, какой он, в сущности, и является. В конце концов, Куросаки дал ему хорошего пинка по жопе и сказал, что в каратэ дерутся стоя. Чего ж тут удивляться, что ему не разрешили пройти тест в сто боев в 1960-м году—ведь его просто убили бы.

Хорошее впечатление на меня произвело то, что в 1967-м году мой ученик Ян Калленбах пожелал пройти тест в 100 кумитэ, чтобы получить свой 4-й дан, но Ояма не согласился—сэнсэй просто не был морально готов к многочисленным травмам и отправкам в госпиталь, которые, конечно, последовали бы—в те дни Ян был очень хорошим бойцом.

Кано Рисэй, который прочитал о моем отъезде в Голландию в спортивной прессе, пригласил меня к себе в офис, чтобы попрощаться, и снова назначил меня своим советником по европейским делам. Он просил информировать его о развитии дзюдо в Старом Свете, что я и делал до 1966-го года.

С Донном Дрэгером у меня состоялся долгий разговор. Он сказал мне, что я со своей репутацией наверняка буду втянут в политическую борьбу между разными организациями дзюдо, что трусливые и подленькие «учителя дзюдо» будут завидовать тому, чего я достиг за столь поразительно малое время. Донн сказал мне:

—Постарайся остаться самым собой. Не позволяй им переступить через тебя. Будь верен своим принципам и иди своим путем. Никому не доверяй и всегда будь начеку и со временем ты узнаешь, кому можно доверять. Никогда не забывай, что, хоть ты и воин, одним воинским умением всех крыс не победить.

Он, конечно же, был совершенно прав... А я сделал много глупейших ошибок и был вынужден учиться на собственных шишках. Я много раз падал, но каждый раз снова поднимался на ноги.

Боже мой, как же мне не хватает моего старого друга Донна! И какое счастье, что другой мой

Мое прощальное фото с сэнсэем Ояма. 1961 г.

друг—Билл Бахус—еще жив. Он живет сейчас во Франкфурте вместе с женой—стюардессой авиакомпании «Люфтганза»—и является обладателем 8-го дана Международного союза Будокай-кан.

От своих друзей по группе кэнсюсэй я получил в подарок новую книгу о Кодокане с их росписями. Когда я теперь просматриваю ее, мне вспоминается прошлое, и я роняю слезы, потому что уже так много осталось позади... 1959-й, 1960-й и 1961-й годы, проведенные в Японии, в Кодокане и Кёкусинкай-кане, были лучшими в моей жизни.

ГЛАВА 8. ПРЕПОДАВАНИЕ БУДО В ГОЛЛАНДИИ

Антон Геесинк

Для Опы Схутте и мамы я приготовил сюрприз—в Голландию я возвращался не один, а с новой женой—Сайто Масуко, будущей матерью двух моих детей: дочери Тиё и сына Йона Маса-младшего.

Перед отъездом из Японии я сказал Масуко, что хочу жениться на ней. Глупая девочка! Она согласилась, ведь я сказал ей, что куплю

в Амстердаме квартиру и что по истечении года мы сможем вернуться в Японию или, может быть, поехать вместе с Донном Дрэггером в Америку и открыть там додзё.

К сожалению, в то время я все еще был законно женат на той симпатичной голландке из Канады, и, смею заверить, решение нашего с Масуко вопроса потребовало немалых объяснений в голландском посольстве. И все-таки, к моему величайшему удивлению, посольство выдало моей подруге визу. По сей день я совершенно уверен в том, что это стало возможным отнюдь не благодаря моему собственному шарму, а благодаря тому, что Голландская ассоциация любительского дзюдо направила в посольство письмо, в котором говорилось, что она берет на себя ответственность за въезд Масуко в страну и гарантирует, что она не будет сидеть в Голландии без работы. В конце концов, бракоразводный процесс завершился, и мы с Масуко поженились.

На родину я вез с собой и своего любимого кота Сники—«Трусишку».

Перелет был ужасный. Меня раздирали грустные мысли о Японии и оставшихся там друзьях, о неопределенном будущем и о враждебной среде, в которую мне предстояло окунуться.

В аэропорту меня встречал целый комитет: Опа и его супруга, Дик Схильдер—отличный тренер по дзюдо из организации «Дзюдокай Нидерланды» (мы с ним будем клинчевать на протяжении нескольких лет, пока я, наконец, не пойму, что Дик принадлежит как раз к тем людям, которые, по словам Донна, в конце концов становятся настоящими друзьями)—и несколько журналистов.

За первой же чашечкой кофе в Голландии я окунулся во все про-

Возвращение в Голландию с сувенирами и с Сайто Масуко, матерью моих детей, Йона и Тиё. В аэропорту Схипхол. Ноябрь 1961 г. Фото из прессы.

● Voor John Bluming is het een koud kunstje om zijn Japanse vrouw, die „van voren“ Masuto heet, als een veertje op te tilen.

By remark places in first row from left: J. Bluming, F. Dan.

J. Bluming, F. Dan.

Я — тренер Нидерландской любительской ассоциации дзюдо

блемы создания единой организации дзюдо, которые нам предстояло решать еще многие годы.

Журналистов интересовало мое мнение о Геесинке, и я сказал им: «Геесинк — отличный дзюдоист. Я видел, как он тренируется, он сильно вырос. Это прекрасное пополнение для голландской команды».

А через месяц я получил вырезку из одной корейской газеты, в которой были приведены слова Геесинка о том, что Блюминг — болтун, что он немногого стоит и что он точно не будет включен в национальную сборную Голландии. Из-за этой вырезки я буквально взбесился: во-первых, я и не собирался претендовать на место в сборной, а во-вторых, я разочаровался в Геесинке, которого считал настоящим спортсменом.

Естественно, что враждебность между нами после этого только усилилась.

Готов к чемпионату мира в Париже

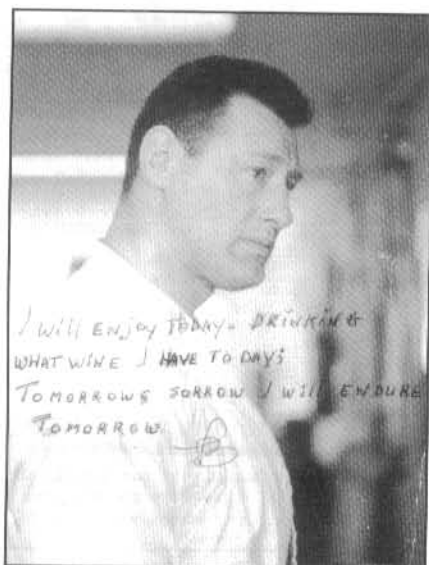
В прессе ежедневно мулсировалась тема — кто победит на чемпионате мира по дзюдо в Париже в декабре 1961-го года. А между тем я получил официальное письмо, что не имею права принять участие в

Страшно разочарованный тем, что, после всех моих лет упорных тренировок, Голландия послала вместо меня на чемпионат вместе с Геесинком двух нидервов... (sissies). Ноябрь 1961 г.

Надпись на фото:

*I will enjoy today drinking
What wine I have today.
Tomorrow's sorrows
I will ensue tomorrow.*

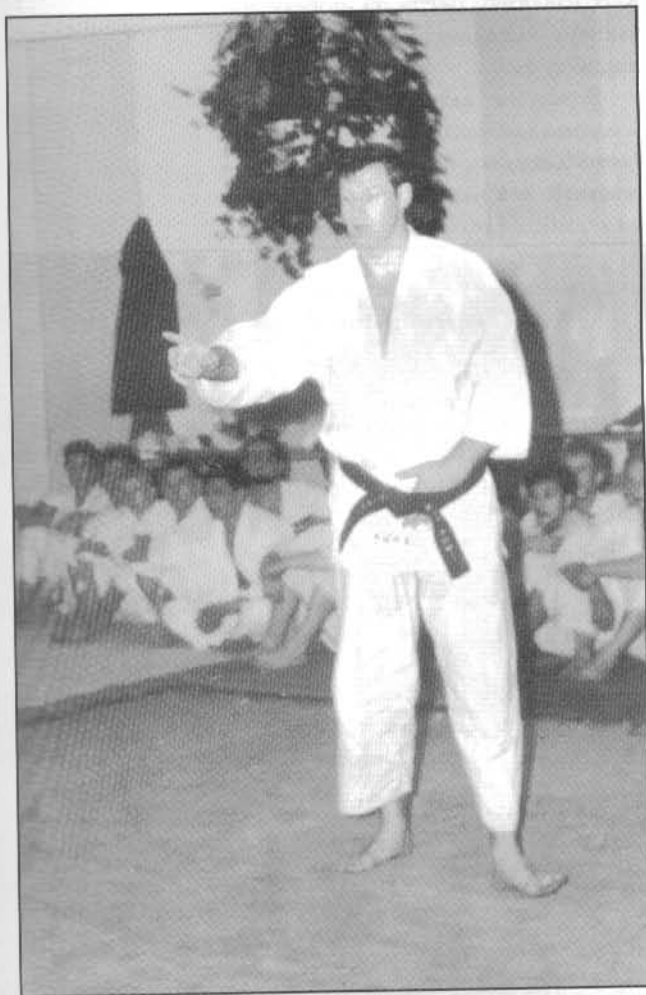
*Сегодня буду пить я то вино,
Что есть сегодня.
А завтрашние печали
Придут лишь завтра...*

*I will enjoy today drinking
What wine I have today
Tomorrow's sorrows I will endure
Tomorrow*

Тренировка в додзё «Гунзё» в канун чемпионата мира по дзюдо. Я по-прежнему работаю с весами. Декабрь 1961 г.

Семинар по дзюдо в Сухом доке в Амстердаме и соревнования для определения мастерских степеней. Декабрь 1961 г.

чемпионате в составе сборной Нидерландов, потому что не являюсь членом Национального союза дзюдо Голландии.

Действительно, я работал тренером в Голландской ассоциации любительского дзюдо. А вот Геесинк являлся членом Национального союза дзюдо Голландии — конкурирующей организации, которой мое появление в стране совершенно не нравилось. Но, на самом деле, я и тогда мог, и сейчас могу доказать, что они нагло лгали.

С 1959-го года я являлся членом додзё Яна ван дер Хорста из Утрехта, подлинного учителя Антона Геесинка. Этот клуб входил в Национальный союз дзюдо Голландии, и Союзу это было прекрасно известно, потому что, когда Корейская ассоциация юдо присвоила мне 4-й дан, об этом писали все голландские газеты.

Когда я указал на это, мне сообщили, что я был исключен из Национального союза дзюдо Голландии за ложь в адрес этой орга-

Я к чемпионату мира готов — 102 килограмма тренированных мускулов! Но политики и грязные трюки Национального союза дзюдо Голландии не дают мне поехать в Париж... Амстердам, декабрь 1961 г.

Я впервые появляюсь в Блюмендаале в качестве тренера. Пресс-конференция, организованная Дан-коллегией Голландской любительской ассоциации дзюдо. Ноябрь 1961 г.

низации, опубликованную мной в период пребывания в Японии. При этом гонители ссылались на публикации в ежемесячнике Голландского союза любительского дзюдо.

Но я никогда, ни в то время, ни сейчас, не публиковал никакой лжи. Ведь ложь всегда выходит наружу. Стоит когда-нибудь солгать по-крупному или несколько раз по мелочи, и вам больше никто и никогда не поверит. Да и правда обычно гораздо прозаичнее лжи. Даже если кто-то из моих прежних учеников и рассказывает обо мне какие-то небылицы, я всегда могу их опровергнуть, потому что до сих пор храню все статьи, письма, и у меня есть живые свидетели, такие, как Крис Дольман или Нико Бладт.

Я поинтересовался у представителей Национального союза дзюдо Голландии, где же уведомление о моем исключении. Мне ответили, что его по ошибке отправили по другому адресу, и с тех пор его никто не видел...

Наконец, мне заявили, что я не участвовал в отборе команды. Я ответил, что готов бороться с любым ее членом, кроме Геесинка, который заслуживает место капитана, и что если я проиграю или хотя бы

сведу схватку вничью, то откажусь от всех притязаний на место в команде. Увы, шанса мне не дали... К сожалению, одержать победу над такими «дзюдоистами» просто невозможно...

В начале декабря 1961-го года Голландская ассоциация любительского дзюдо организовала большой семинар для черных поясов в Блюмендаале, где меня представили

Лагерь в Блюмендаале. Герард Ройс проводит о-сото-гари

как нового тренера Ассоциации. На сборе присутствовало 85 обладателей черного пояса от первого до третьего дана. Там же было несколько журналистов, и они видели, как я боролся с каждым и каждого побеждал броском, причем большинство не оставались на ногах более двух секунд. После этого пресса писала, что не включить Блюминга в сборную и оставить его дома после трех лет его напряженнейших тренировок в Японии—ужасная несправедливость. Но ничто не могло изменить решения «сэнсэев», стремившихся только нахапать побольше денег и власти.

И все-таки я поехал в Париж—посмотреть на соревнования. Я был свидетелем блестящей победы Геесинка. Он действительно был лучшим.

На чемпионате меня увидел мой старый приятель по тренировкам в Кодокане кореец Ким Ю Тхэ, с которым я не раз забавлялся в рандори (Ким учился в Японии, а боролся за Корею). Подойдя ко мне, он сказал:

—Я почему-то не вижу вашего имени в программе...

Визит корейской команды в Голландию после чемпионата мира в Париже. В центре—моя бывшая жена, слева—мама, справа—дедушка и бабушка Схутте. Вверху справа от меня—мой старый друг по тренировкам в Японии Ким Ю Тхэ, ставший бронзовым призером чемпионата мира в то время, когда еще не были введены весовые категории, несмотря на то, что весил всего около 80 кг

Я ответил:

—Я не выступаю—мне не разрешили.

—О! Это здорово! Значит, у меня больше шансов победить!

И он использовал свои шансы, заняв третье место—после Геесинка и японца Сонэ.

Наша вражда с Геесинком зашла столь далеко, что о ней написали даже японцы. Эта публикация меня здорово разозлила.

Геесинк заслуживал победы. Хотя он был столь высокомерен, что даже как-то заявил Кодокану, что ему должны были бы присвоить 10-й дан, потому что он может победить любого японского борца, он действительно был лучшим. Он играл со своими противниками. Я никогда не утверждал, что могу победить его, я никогда не оспаривал его капитанское место в команде. Напротив, я всегда говорил, что, благодаря его победам, он должен быть первым номером в сборной. Единственное, чего хотел я,—получить возможность попасть в команду, но политические маневры не позволили моей мечте осуществиться.

*Я провожу тренировку для сборной
команды Голландской любительской
ассоциации дзюдо*

Если бы мои противники были честны и напрямую сказали мне: «Слушай, ну, ты из другой организации, и мы не хотим видеть тебя у нас»,—то, по крайней мере, я восхитился бы их честностью. Но они этого не сделали. Наоборот, они накрутили столько лжи вокруг всей этой истории, что в конце концов Йооп Ройвекамп, редактор отдела спорта амстердамской газеты «Het Parool», направил Геесинку заказное письмо с вопросами о нашем соперничестве, при получении которого Геесинк должен был расписаться, чтобы потом он уже не мог сказать, что не получил письма. Потом Ройвекамп заехал к Геесинку и задал ему вопрос:

—Вы получили мое письмо?

На это Геесинк сказал:

—А кто вы такой?

Ройвекамп ответил:

—Я—Йооп Ройвекамп.

И тогда Геесинк попытался ударить его!

Впоследствии Йооп говорил мне:

—Ты совершенно прав. Может быть, он и великий спортсмен, но как человек это самое большое ничтожество, которое я только встречал!

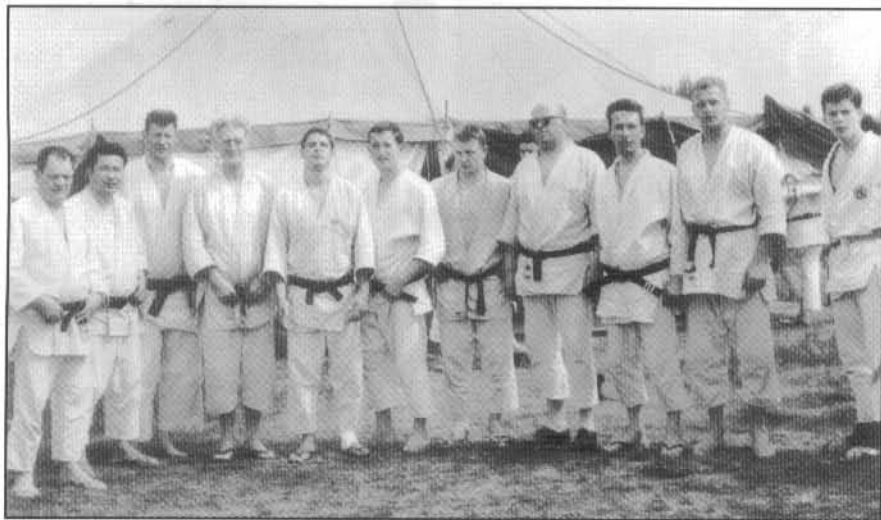

Всего я вызывал Геесинка на поединки по дзюдо семь раз. Морис ван Ивер, Опа Схутте и Мис Бувман также посылали ему вызовы от моего имени.

Мис Бувман хорошо известна в Голландии своими телемарафонами для сбора средств в помощь инвалидам. На эти цели все готовы дать деньги, и она собирает большие суммы. Как-то она позвонила мне:

—Господин Блюминг, я буду показывать по телевидению боксерский поединок между Вимом Снооком и Джо Байгрэйвзом. Они собираются передать свои гонорары на благотворительные цели. И мы хотели бы, чтобы в перерыве мы встретились с господином Геесинком в дзюдоистском поединке.

*Летний лагерь в Эрмело в 1962 г. с участием Опа Схутте и членов
Голландской любительской ассоциации дзюдо*

Перед турниром в Керкраде с Она Схутте

Я ответил ей:

—Я готов!

—Каковы ваши условия?—спросила она.

—Знаете,—сказал я,—на протяжении трех лет в Японии я все делал для себя сам. Мне пришлось поехать сначала в Канаду, потом в США, затем в Японию. В Японии мне приходилось зарабатывать себе на жизнь. А посему я не собираюсь участвовать ни в каких поединках задаром, ведь мне нужно на что-то жить. Я хочу получить какую-то долю от сбора. Половину ее получит Геесинк. Что он с ней будет делать—его дело, а свою половину я разделю с вами.

Она сказала, что такие условия ее устраивают. Потом я решил

Мое первое занятие со всеми черными поясами из всех организаций. Амстердам, 1963 г.

Мой последний турнир в качестве капитана команды клуба «Тунъен». Мы разгромили тогда все команды с большой разницей в набранных очках. Керкраде, ноябрь 1963 г.

спросить, получила ли она уже согласие на этот матч от Геесинка. Она сказала, что нет, и тогда я посоветовал ей, прежде чем двигаться дальше, сначала решить этот вопрос. Через пять минут она перезвонила мне:

—Что это значит?! Он обозвал меня вонючкой и бросил трубку!

—Ну, я же вам говорил,—сказал я.

В 1963-м году я заболел желтухой, потерял 12 килограммов и едва держался на ногах. Я был в тяжелой депрессии и решил завершить свою спортивную карьеру, стать тренером и готовить чемпионов. В последний раз я боролся на соревнованиях в 1963-м году на турнире в Керкраде в качестве капитана своей команды. Мы тогда легко победили всех соперников.

К этому времени многое изменилось. Федерация спорта Нидерландов вмешалась в отношения между Голландской ассоциацией любительского дзюдо и Национальным союзом дзюдо и настояла на создании единого Союза дзюдо Нидерландов, пригрозив Национальному союзу прекращением финансирования его деятельности.

Мой первый тренерский успех в дзюдо связан с именем покойного Сееса Яхтенберга—первого представителя Голландской ассоциации любительского дзюдо, добившегося

Моя команда после победы со счетом 3:0 над командой додзё Антона Геесинка — победительницей командного чемпионата Голландии. Мемориальный турнир Яна ван Иерланда, октябрь 1965 г. Слева — Дольман, справа — Калленбах

звания чемпиона Голландии в тяжёлом весе на чемпионате, организованном Национальным союзом дзюдо Нидерландов. В его подготовке мне помогал мой старый учитель и друг Чой Ин До, он давал Сеесу частные уроки и гонял до тех пор, пока тот не начинал блевать.

Второй мой знаменитый ученик — Виллем Рюска, который стал чемпионом Голландии в 1963-м году, победив на открытом чемпионате страны, проводившемся Национальным союзом дзюдо Нидерландов.

Можно сказать, что с помощью Сееса и Виллема я после всех своих проблем с Национальным союзом нанес ему хороший ответный удар, и мне это понравилось.

Команда моего додзё несколько раз громила команды, составленные из чемпионов Национального союза дзюдо: команда Геесинка была разбита на мемориале ван Иерланда, а команда сэнсэя Луйтена, включавшая трех чемпионов страны и рассчитывавшая на легкую победу, — на

Крис Дольман в качестве капитана нашей команды принимает первый приз от вдовы ван Иерланда в мае 1965 г. Что это была за команда! Она с лёгкостью расправилась с командой Геесинка

специально организованной по нашему предложению встрече.

В мае 1964-го года проходил отборочный турнир для комплектования сборной на Токийскую олимпиаду. Хотя доктор и не советовал мне делать это, я поехал посмотреть, как будут бороться мои ученики: Рюска, Кирсов и другие.

Как бы то ни было, я был там, хотя и чувствовал себя отвратительно. И вдруг Геесинк выходит на татами и громко, чтобы его могли слышать журналисты, заявляет:

— Ну, и где этот болтун Блюминг? Вот его шанс побороться со мной, но его почему-то здесь нет!

Я взбесился. Ведь этот гад прекрасно знал, что я тяжело болен! Я подошел к нему и закричал:

—Хочешь драться со мной? Ну, давай! Только мы с тобой будем драться не на татами, а в ринге!

И тут Антон испугался. Это все зафиксировано в газетных вырезках, так что он не сможет отпереться, что так было на самом деле. Он тогда сказал присутствовавшим:

—Слушайте! Это же нечестно—ведь Блюминг знает каратэ!

А я ему ответил:

—Да, у тебя есть шанс победить меня в схватке по дзюдо. Но я хочу с тобой не бороться, а драться!

Антон заткнулся, и все на этом закончилось.

Новый, но уже усталый брэнчиф (руководитель отделения), создатель сначала нидерландской, а затем европейской организаций Кёкусинкай-кан. Декабрь 1961 г.

В отместку мне Национальный союз дзюдо Нидерландов расправился с моим учеником Виллемом Рюской, который уже стал чемпионом Голландии в тяжелом весе, победив трех сильнейших тяжеловесов Союза, в том числе Гувелью и ван Иерланда, которые так же позорно, как Виллему, просрали и на Олимпиаде. Виллема не включили в национальную сборную без объяснения причины! Но один из моих учеников слышал, как чиновники Национального союза говорили, что не желают видеть «эту сволочь из додзё Блюминга» в команде. Хорошенький спорт, правда?!

Мне совершенно ясно, что Гесинком манипулировала его организация, но он-то должен был понимать, что делает, ведь на самом деле Антон—очень хитрый парень и совсем не глупый.

Первые ростки каратэ Кёкусинкай в Европе

В декабре 1961-го я начал преподавать каратэ в додзё «Тунъень» в Амстердаме, а 2-го января 1962-го года основал первую организацию каратэ Кёкусинкай в Европе, которая получила название «Ассоциация каратэ Нидерландов».

Вскоре после этого, 4-го апреля 1962-го года, во время командного турнира Голландской ассоциации

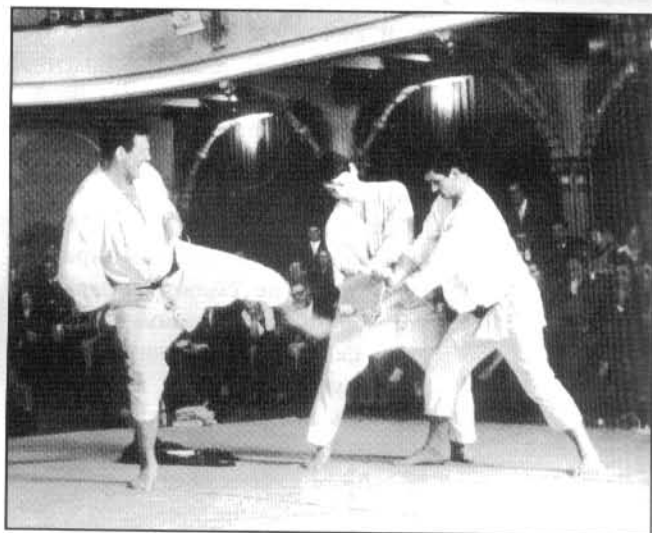

Самая первая демонстрация каратэ в Голландии прошла в Гаитском зоопарке 4-го апреля 1962-го года во время чемпионата Нидерландской любительской ассоциации дзюдо

Самая первая демонстрация каратэ в Гааге. Слева — Ян Калленбах, справа — ван дер Маркт, оба — 6-е кю каратэ

любительского дзюдо, проходившего в зоопарке Гааги, я дал первые публичные показательные выступления по каратэ. На них присутствовал президент Федерации спорта Нидерландов. Демонстрация произвела на него огромное впечатление, но после нее он сказал, чтобы мы даже и не пытались зарегистрироваться в его организации, потому что «каратэ — совсем не спорт, оно слишком жестоко».

Забавно, что люди, стоящие на этой позиции, забывают, что каждый год на ринге убивают нескольких боксеров, а пару лет назад за год погибло целых шесть боксеров! Почему-то по этому поводу никто не сокрушается и не протестует! Наша государственная кудесница в области спорта Эрика Терпстра стремится запретить фуллконтакт-каратэ и свободные бои, но любит бокс и с удовольствием фотографируется с боксерами, выставляя на всеобщее обозрение все свои 120 килограммов живого веса! Поразительное лицемерие!

Хорошо известно, что в Голландии практически для всего требуется государственная лицензия. Без нее не могут обойтись ни водопроводчик, ни электрик. Зато для спортивного тренера никакой лицензии не требуется — любой может открыть «спортивный институт» или додзё. Точно так же не требуется лицензии ни для парламента, ни для правительства — в них может работать любой идиот, если, конечно, его изберут. Но это вполне реально! Я убеждаюсь в этом практически каждый день!

Первый летний лагерь черных поясов. Лето 1963 г. Слева направо: Ринус Шульц, Ян Бруйнс, Харри Сериезе, Йон Блюминг, Петер ван дер Маркт и Ян Калленбах (в то время он еще был нормальным)

Рекомендательное письмо от 16 августа 1963 г., написанное для меня Оямой, в адрес начальника полиции Голландии генерал-полковника В. ван дер Гринта. Ояма предлагал принять меня на службу в качестве инструктора каратэ для полицейских и спецназа, но полицейское ведомство ответило отказом, сочтя каратэ чрезмерно опасным.

JAPAN KARATE-DO KYOKUSHINKAI-KAN
(INTERNATIONAL ORGANIZATION HEADQUARTERS)

No. 1360, 3-chome, Bunkyo-ku, Tokyo, JAPAN

Chairman: Masutatsu Oyama

Tel: 955-3686

August 10, 1963

General Colonel W.V. D. Grint
C. Depot Koninklijke Marechaussee
Apeldoorn Holland

Dear General Colonel W.V.D. Grint:

It is a great honor for me to have a chance to write you. I would like to introduce a karate man named Mr. Jon Bluming to you. I believe you are a very busy man but I would appreciate you very much if you kindly find a time to read this my humble letter.

Mr. Jon Bluming is a Kyokushinkai branch director in Holland. He is now in the grade of 3 dan but is actually qualified to over 5 dan. He could not have had a chance to be given higher grade till now. He is a fine warrior and trustworthy karate man. At present there are many phony karate men in the world and only claims high grade without ability. But he plays true art of karate. He practiced karate in my dojo for three years until returning home in 1961. He is also known in Japanese kodokan as a judo player. He is now the only one representative with ability to Holland and Europe from Kyokushinkai.

Karate was born from Zen Buddhism in India and brought over to China. Then it came over to Japan through Okinawa. In the war time, Japanese Army and Police thought karate very useful. And only Kamikaze party used it. Now in America FBI use karate. American Military practice in Zama Camp. I taught karate to FBI when I visited the States in 1960 and 1962.

I am afraid that this letter is not clear to you but I wrote it with a sincerity. I would be very glad if I can have your honorable cooperation. I pray for your good health.

Very truly yours,

Mas Oyama
Mas. Oyama

Y:R

16 августа 1963 г.

Управление Королевской полиции. Марсшоссе,
Апелдорп, Голландия

Дорогой генерал-полковник В. ван дер Гринт

Возможность написать Вам письмо является для меня большой честью. Я хотел бы представить Вам каратиста-господина Йона Блуминга. Я полагаю, что Вы очень занятой человек, но я был бы очень благодарен Вам, если бы Вы нашли любезно немного времени прочитать мое скромное письмо.

Господин Блуминг является директором отделения Кёкусинкай в Голландии. В настоящее время он является обладателем 3-го дана, но его реальная квалификация - выше 5-го дана. Просто обстоятельства сложились так, что у нас до настоящего времени не было возможности вручить ему более высокую степень. Он отличный воин и каратист, заслуживающий доверия. В настоящее время в мире есть немало обманщиков, использующих каратэ, которые только претендуют на обладание высокими степенями, но не обладают для этого необходимыми способностями. Но господин Блуминг демонстрирует подлинное искусство каратэ. Он тренировался в каратэ в моем додзё на протяжении трех лет до отъезда на родину в 1960-м г. Он также известен в японском Кодокане как спортсмен-дзюдоист. В настоящее время он является единственным представителем Кёкусинкай, обладающим серьезной подготовкой, в Голландии и в Европе.

Каратэ родилось из Дзэн-буддизма в Индии и было принесено в Китай. Позднее, через Окинаву, оно попало в Японию. В период войны японская армия и полиция приняла к выводу, что каратэ весьма полезно. И его использовали только какикадзе. В настоящее время в Америке каратэ использует ФБР. Американские военнослужащие тренируются на военной базе «Дэлама кемп». Я преподавал каратэ в ФБР во время поездок в Штаты в 1960 и 1962-м гг.

Борюсь, что это письмо может показаться Вам не совсем ясным, но я писал его с искренностью. Я был бы очень благодарен Вам за Ваше содействие. Молись о Вашем здоровье.

Искренние Вам,

Мас. Ояма

Я—4-й дан каратэ. Май 1962 г.

Между тем тогда, в начале 1961-го, я посеял в Голландии первые семена движения каратэ, которое когда-нибудь станет олимпийским видом спорта. Моим первым сихандай в те дни был Харри Серриесе, в декабре 1963-го года я присвоил ему и еще нескольким парням черный пояс.

В те дни в аттестациях на даны в Голландии не было ничего особенного. В основном я смотрел на преданность каратэ и на боевой дух; а что касается ката, то их можно было выполнять так, как хотелось, потому что практика ката никого не делает бойцом. Ну и, конечно, я любил каратэ. И любил своих учеников! Факт есть факт: в период с 1963-го по 1973-й год я ни с одного из них не взял денег за сертификат черного пояса. Другие говорили мне: «Почему бы нет?» А я отвечал: «Потому что парень хорошо поработал. Потому что он реально заработал этот ранг. Так почему же я должен брать с него деньги?» Сейчас я сомневаюсь, не было ли это глупо с моей стороны, ведь я же не должен был, хапнув денег, сразу пуститься в бега. Но вы сами знаете, как это бывает, когда ты молод и полон идеализма.

В то время я был единственным европейцем, располагавшим всеми официальными японскими сертификатами по дзюдо, каратэ и кэндо на обладание мастерскими степенями и право преподавания. Я имел также голландскую государственную лицензию на право преподавания дзюдо и каратэ, хотя эту бумажку и не стоит принимать слишком серьезно, потому что по голландским законам практически любой может преподавать дзюдо, каратэ и что угодно еще, если ему этого захочется.

Первый постер с портретами глав отделений школы Кёкусинкай каратэ. Пятый слева — президент Европейской организации Йон Блюминг. 1969 г.

Самозащита

Многие начинают заниматься каратэ или дзюдо, чтобы научиться защищать себя. Поскольку мне приходилось пару раз использовать каратэ и дзюдо для самозащиты, я должен сказать, что не советую делать это, конечно, если случай не крайний. Если вы без причины ударите кого-то на улице, тогда «на месте преступления» появится полиция, и вы наживете массу неприятностей. Если кто-то возьмется утверждать обратное, считайте, что это лгун.

Что касается того, какую технику нужно использовать в драке, то тут я ничего конкретного сказать не могу, потому что все ситуации и все люди разные. Говоря в общем, видимо, следует изучать комбинацию кикбоксинга, традиционного каратэ и дзюдо. На дальней дистанции бейте ногами. На средней—руками. При бое вплотную—бросайте. Не нужно изучать много приемов. Пара базовых приемов, выполняемых на приличном уровне, лучше множества показушных приемов, выполняемых плохо. И не забудьте изучить технику борьбы в партере. Вы должны уметь обездвигить противника с помощью болевых рычагов и удушающих приемов.

Однако самое главное, что вы должны знать,—как контролировать свой страх. Мне плевать на то, что говорят некоторые, на самом деле боятся все. Вы постоянно должны быть начеку. Вы должны подойти к красной черте, но если вы перешагнете через нее, то начнете делать глупости. Или подвиги. На самом деле, разница между тем и другим невелика.

В сентябре 1963-го в Амстердаме я попал в драку. Она оказалась совсем не смешной.

Один мой знакомый—хозяин бара—позвонил мне поздно ночью:

—Слушай, Йон, я тут в ловушке в телефонной будке. А снаружи несколько сутенеров, они хотят меня избить.

Я уже лежал в кровати, но поднялся, натянул куртку и штаны и поспешил к телефонной будке на улице Хампстелл, из которой он мне звонил. Когда я туда прибыл, то увидел только своего друга.

—Где они?—спросил я.

—Уехали,—ответил приятель.—Я тут попросил кое-кого проследить за ними... Так они в центре квартала.

В общем, я отправился туда, чтобы посмотреть, что там творится. Драться я не собирался. Просто хотел узнать, что там происходит. Когда я добрался до указанного места, то увидел пятерых парней. Они стояли у машины со спущенной шиной. Увидев меня, один из них открыл дверцу машины и начал раздавать гаечные ключи и прочие железяки своим приятелям, а те стали бросать их в меня. Какая-то железка попала мне во внутреннюю сторону голени—было чертовски больно! Поэтому я подошел к парню, который кинул в меня эту железку, и ударил его.

Кажется, сначала я дал ему по яйцам, а потом рубанул мышечной частью кулака по голове движением, средним между сюто-ути и прямым ударом, и у парня отлетело ухо, и он рухнул. Я практически уверен, что если бы просто ударил его кулаком, то ничего подобного бы не случилось. К счастью, в магазинчике, находившемся в нескольких метрах от места происшествия, оказался парень с сертификатом Красного Креста по оказанию первой помощи.

Остальные парни напугались. Один вытащил домкрат из-под машины, которая из-за этого рухнула, и попытался ударить меня им. Но снаряд оказался слишком тяжел для него, и я вывернул его у него из рук. Потом я схватил его и бросил подхватом под две ноги хараи-госи. Парень упал и повредил руку, впрочем, травма оказалась не слишком серьезной. Он отполз в сторону и пустился наутек.

В этот момент я сделал действительно большую ошибку: я побежал за ним. Я нагнал его, схватил за шею, повернул к себе и бросил снова. На этот раз он уже сильно повредил руку—всю ее ободрал и ушиб. Позднее в суде меня оправдали, но мне пришлось уплатить штраф в 500 гульденов, потому что мои действия после того, как я побежал за ним, уже не могли быть квалифицированы как необходимая самооборона.

Когда я обернулся, то увидел еще двух парней. Они подобрали лопаты, которые какие-то рабочие оставили в куче песка. Я приготовился к тому, что они атакуют меня, но они вдруг побросали лопаты и побежали. В тот же момент я почувствовал что-то у своего бока. «Что еще за черт!?»—подумал я и обернулся. Следующее, что я помню,—пистолет в своей руке. Это оказался полицейский.

—Извините, офицер,—сказал я (я умею быть тактичным, когда нужно),—кажется, это ваше. Вам он понадобится, чтобы задержать этих парней.

Позднее этот полицейский и я стали хорошими друзьями, и он мне говорил: «Я не знаю, что ты тогда сделал, но, черт возьми, я лишился пистолета! Очень

хорошо, что ты никому об этом не рассказал!»

Тем не менее, меня доставили в полицейский участок, расположенный в квартале красных фонарей. Допросили. А потом ко мне подошел кто-то и сказал: «Извините, Йон, но мы должны надеть на вас наручники». У меня на запястьях щелкнули браслеты. После чего мне сообщили, что отныне я не свидетель, а подозреваемый. Оказывается, тот парень, которому я оторвал ухо, в это время умирал. У него лопнула какая-то артерия в мозгу...

Слава Богу! Он выжил. Но я с тех пор поклялся, что никогда больше никого не ударю в драке кулаком.

Через много лет, когда я сидел в тюрьме из-за лжесвидетельства нескольких молуккцев (я знаю: все, кто сидели в тюрьме, утверждают, что они ни в чем не были виноваты, но мне государство выплатило компенсацию, потому что я действительно был невиновен), ко мне подошел один заключенный и сказал:

—Эй, Блюминг, а ты меня помнишь?

Я сказал, что не помню.

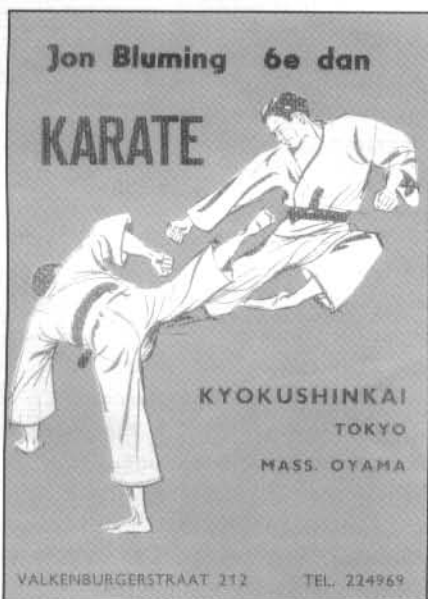
—Ну конечно! Ведь я в то время был еще мальчишкой. Но много лет назад я с тобой подрался. Я был с теми парнями. Господи Иисусе, ничего подобного в своей жизни не видел. Ты был тогда, как бешеный бык!

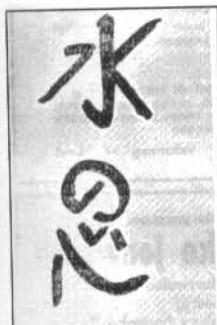
Это сейчас выглядит смешным, но тогда мне было совсем не весело.

Додзё «Будокай»

4 января 1964-го года я основал додзё «Будокай», команда которого в дальнейшем выигрывала практически все соревнования, в каких участвовала: по дзюдо, каратэ, пауэрлифтингу, а один раз даже по бодибилдингу—«Мистер Джуниор».

Первый логотип моего приобретшего мировую известность додзё на улице Валкенбургерстраат в Амстердаме

Wat is de betekenis van de titel 'Suishin'?

Stokvechten: oude kunst

Het stokvechten is eenmaal verschillende andere Japanse vechtsporten een meer een kunst.

Het is ontstaan uit een bittere noodzaak. De Japanse klassen moesten hielden. Het was een te verduren van de krijgsmachtige Samurai-rijders, die er graag op re sloegen en dan niet naar hun onschuldige slachtoffers om keken.

Om zich toch enigszins te kunnen verdedigen gebruikten deze mensen houten stokken van een speciaal hout om de weerstand te geven.

Dit houtsoort is bekend onder de naam ashikida, hetgeen enkel in Japan te vinden is en in andere landen dan ook niet bekend.

Dit hout was uit een bittere noodzaak te ontstaan moest veelvuldig in Japan bekend. De heer J. Blumming die ook van deze kunst een studie heeft gemaakt, heeft met de heer M. Schalk op bijgaande wijze een schied van deze kunst die niet verspreid wordt om er wedstrijden mee te maken maar enkel om de kunst van het vechten.

Ronin zijn hand naar het graf van hun meester bij de Sengaki-temple, Asoon.

Nu volgt echter het ontsien van de Shogun, ze moeten allen harsaki girane. Dit geschied, waarna allen bijgevoerd worden bij het graf van hun meester. De Ronin leven voort in de herinnering van het volk als heiligen, ieder kind in Japan kent hun geschiedenis.

J. B.

van Japan werd onderwezen heid heeft prijsgegeven en mee dat ook minder hooggeplaatste tot Europa doorgedrongen om de beoefenaar van deze sport. Door een aantal ingewikkelde valter onschadelijk gemaakt, g

Мое додзё на улице Валленбургер-страат получило широкую известность летом 1964 г.

Тренировка с Кримсом Дольманом, в будущем — лучшим бойцом в мире в универсальном бою. Справа — Ян Калленбах в паре с Робом Коолем. Лето 1965 г.

На первой тренировке по бодзюу в старом додзё «Будокай» на улице Валленбургер-страат с Ринусом Шульцем. Амстердам, 1963 г.

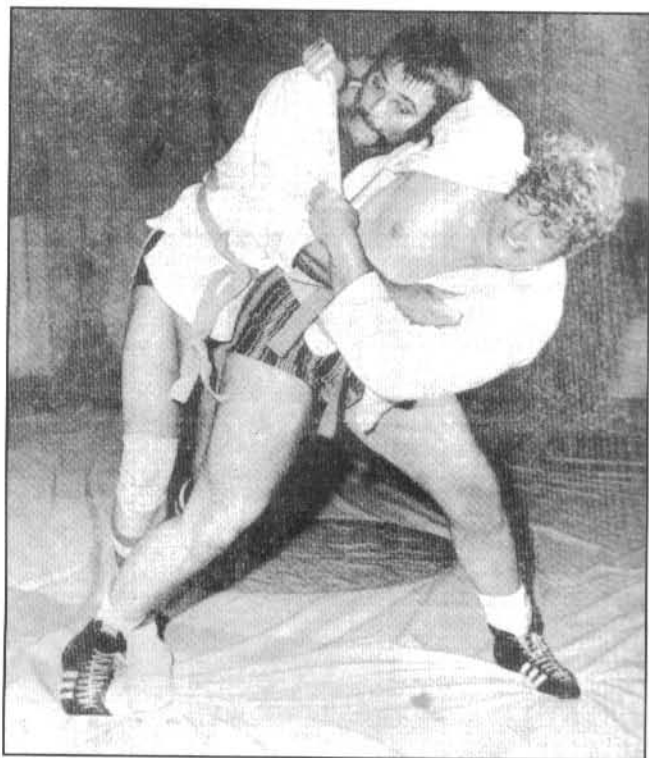
Самым ярким представителем додзё «Будокай» был, конечно, Виллем Рюска, чемпион Голландии по дзюдо в тяжелом весе 1963-го года, чемпион Европы, победитель чемпионата мира 1967-го года в Солт-Лейк-Сити. Но надо назвать и других моих учеников. Это Мартин Поглайен — серебряный призер чемпионата мира по дзюдо; Петер Аделаар — чемпион Европы и Голландии; Отти Ротхоф — чемпион мира по бесконтактному каратэ (WUKO); Ян Калленбах — победитель первенства Голландской ассоциации любительского дзюдо в тяжелом весе, многократный победитель чемпионатов Голландии и открытых турниров по каратэ в тяжелом весе, чемпион Европы по каратэ. Моя команда по дзюдо побеждала практически во всех турнирах. Мои ученики по каратэ выиграли командное первенство мира по бесконтактному каратэ. В один год моя команда А встретила в финале национального командного первенства с моей же командой В, а на следующий год команда А заняла первое место, а команда В — третье. Кроме того, мы завоевали множество личных титулов.

Крис Дольман — чемпион мира по самбо в супертяжелом весе

Крис Дольман неоднократно становился чемпионом Голландии, он был единственным, кто смог победить Рюску перед Олимпиадой 1972-го года, и побеждал на чемпионатах Европы среди юниоров и взрослых. Когда ему был 41 год, Крис выиграл открытый турнир по дзюдо в Испании. Кроме того, он завоевал свыше сорока различных титулов по греко-римской борьбе и по боям без правил, неоднократно становился чемпионом Голландии по пауэрлифтингу. Крис отправился в Россию и на чемпионате мира по самбо, проходившем на черноморском курорте, победил чемпиона СССР в тяжелом весе в этом советском виде борьбы и занял первое место. Потом он еще дважды становился чемпионом мира по самбо. Наконец, в возрасте уже почти пятидесяти лет в 1993-м году он принял участие в первом чемпионате мира по свободным боям, проходившем в Токио, и стал его победителем.

Когда 15-го января 1965-го года Ояма присвоил мне 6-й дан, стали раздаваться крики, что никто не имеет права законным образом повысить ученика в ранге сразу со 2-го дана до 6-го. Донн Дрэгер был человек нестеснительный и напрямую спросил об этом сэнсэя. Его ответ был напечатан в журнале «Muscular Development» в декабре 1966-го года: «Блюминг — преданный специалист по каратэ, владеющий агрессивным стилем ведения боя. У него отличные удары руками и ногами. Для иностранца у него необычайно высокий ранг, но он оправдан традицией. В дни старины самые сильные, самые эффективные бойцы пользовались самым высоким признанием. А Блюминг сегодня, по моему мнению, самый сильный в международном масштабе. Если кто-то из каратистов хочет оспорить его ранг, пусть встретится с Блюмингом в поединке. Если он

Я — 6-й дан Кёкусинкай. Фото перед синдэн в старом додзё «Будокай» на улице Валькенбургерстраат, 212. Январь 1965 г.

Первая тренировка по бодзюцу в моем собственном додзё с Мартином Гравестайном. 1963 г.

Вольный бой против Г. ван Гронингена. Тренировка сборной Голландии. 1967 г.

Мой маваси-гэри в лицо Г. ван Гронингена. 1967 г.

Один из первых турниров по каратэ в Голландии. Роттердам, 1965 г.

Кван Мо Гун, чемпион по тхэквондо 1965 г. и обладатель 5-го дана, открыл длинную череду бойцов из разных школ, которые были нокаутированы в нашем додзё. Сначала его уложил Кааленбах, потом — Курасаки. Курасаки остановил бой Кван Мо Гун с Блюмингом, потому что кореец был на последнем издыхании

Кумитэ в старом додзё. Лето 1964 г.

Показательные выступления для представителей прессы по случаю открытия моего додзё после реконструкции. Разбивание набора досок общей толщиной 9 сантиметров. Справа — Ринус Шульц, слева — Харри Сериезе, в настоящее время оба 8-е даны. Февраль 1965.

победит Блюминга, я отберу у него его ранг и сам перестану заниматься каратэ».

Видимо, Ояма не волновался, что я могу проиграть, потому что я помню еще одну статью, в которой приведены его слова о том, что он заплатит 100 тысяч долларов США любому, кто меня побьет.

Когда я это прочитал, то подумал: «Ну, парень, я тебя об этом не просил!» Я думал, что после этой статьи непременно откуда-нибудь из леса вылезет какой-нибудь монстр, который захочет меня побить. Все же таки по тем временам 100 тысяч долларов были большие деньги. Но, несмотря на все мои волнения, никто так и не бросил мне вызов.

В 1965-м году я снова начал собираться в Японию, потому что ужасно устал от всей политической чуши и соскучился по своим старым друзьям, старым сэнсэям и Японии. А чтобы мое додзё не захирело в период моего отсутствия, пригласил в Голландию моего друга Куросаки Кэндзи.

Тоби-гэри Блюминга против ёко-гэри Ринуса Шульца

Разбивание проводит Харри Сериезе

Харри Сериезе и Ринус Шульц

Курасаки в Волендаме. 1966 г.

Курасаки Кэндзи, 10-й дан, в период его расцвета. 1963 г.

Визит Курасаки Кэндзи в мое додзё. Слева направо: Ян Калленбах, Ян Воормей, Харри Сернессе, Артур Хисатакэ, Курасаки Кэндзи, неизвестный, Ян Стаппер (он позднее сошел с ума), неизвестный, Ринус Шульц. Во втором ряду: Герард Ройс, неизвестный, Тео Кооме, Сим ван дер Ньювендийк (покойный), Ронни Бош (он позднее подсел на героин). 1966 г.

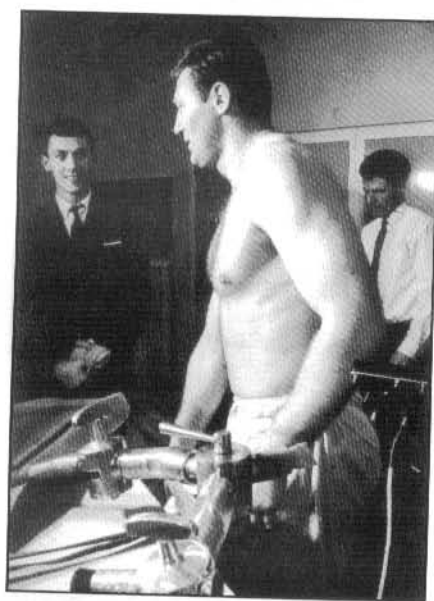
Курасаки приехал в Амстердам в феврале 1966-го, перед самым моим отъездом в Японию. За несколько месяцев до этого, в 1965-м году, в Голландию приехал японский сэнсэй школы Вадо-рю по фамилии Коно, 6-й дан. Он начал преподавать каратэ в Амстердаме в клубе Тонни Вагенаара, известного голландского тренера по дзюдо. После приезда Курасаки Коно стал бахвалиться, что побьет его. Курасаки был взбешен и не собирался спускать обиду. После того, как Вагенаар организовал для него встречу с Коно, стало совершенно ясно, что Голландия—слишком маленькая страна для них двоих. Коно прекрасно знал репутацию Курасаки и вскоре уехал в Германию, где и остается по сей день.

Вторая стажировка в Японии

Во время своей второй стажировки в Японии в 1966-м году я уже не тренировался так напряженно, как раньше. Зато я проехал всю Японию, навещаю друзей и посещаю те места, которые не смог посетить ранее.

Я изучил еще ряд приемов фехтования палкой-бо и мечом под руководством сэнсэя Курода.

После того, как мы с ним выпили по несколько чашечек прекрасного зеленого чая, и сэнсэй начал что-то такое рассказывать о том, сколь хорошо подготовлены японские полицейские и какой у

В 1965 г. я прошел различные тесты на скорость и реакцию в Католическом университете в Ниймегене. Оказалось, что тогда я был быстрее, чем знаменитый боксер Кассиус Клей (Мухаммед Али) в период его расцвета

японцев поэтому низкий уровень преступности, я рассмеялся и сказал, что у японцев такой низкий уровень преступности, потому что арестовывать сограждан им помогают иностранцы. Курода спросил меня, что я имею в виду, и я поведал ему об одном эпизоде из своей жизни, который произошел осенью 1961-го года в пригороде Токио.

Дело было поздней ночью, мы с Биллом Бахусом возвращались из поездки в провинцию. В те дни пригороды со столицей связывали слякотные, грязные узенькие дорожки, совсем не такие, как нынешние хайвеи. И вот мы возвращались в Токио из Тотикава или еще откуда-то и только-только въехали в город. Было поздно—что-то около полуночи—и темно. Вдруг на пустынной полутемной улице мы увидели большой черный американский автомобиль. Рядом с машиной стоял молодой японец. Капот ее был открыт, и мы подумали, что с машиной случилась какая-то поломка. Посмотрев на номера, Билл сказал, что автомобиль принадлежит служащему с американской военной базы и что нам следует попытаться помочь ему.

С сэнсэем Курода перед новым додзё во время моего второго приезда в Токио в 1966 г.

Мы остановились, вышли из машины и направились к парню, стоявшему у сломавшегося автомобиля. Но когда мы к нему приблизились, парень, вместо того, чтобы сказать «Hello», вдруг бросился наутек. Я в те дни здорово бегаю и, прежде чем он успел сообразить, что происходит, уже почти нагнал его.

Он побежал по улице, потом нырнул за угол и, шмыгнув между домов, помчался по переулку. В конце его был открытый коллектор. В то время в японских городах нередко можно было видеть открытые коллекторы. По ним текли настоящие потоки, которые несли с собой кучи мусора. Чтобы переходить через коллекторы, кое-где были сделаны мостики, но зачастую их заменяли просто ломанные бетонные плиты. Но в этом месте мостика не было, и парню пришлось перепрыгнуть через коллектор, который был метра два шириной. На другой стороне длинной шеренгой выстроились домики с крошечными садиками, и, чтобы ускользнуть от меня, беглец полез в один из них через ограду. Но я к тому времени уже нагнал его и, когда он собрался спрыгнуть на другую сторону, стащил его вниз. Тут этот придурок вытащил маленький ножичек. Мне это, конечно же, не понравилось,

и я тут же ударил его костяшками кулака в боковую часть головы: бэнг! Незнакомец полетел в коллектор. Всплеск при этом получился прегромкий, из полного всякой дряни коллектора вылетел фонтанчик, и Биллу, который уже подбежал к месту драки, пришлось отпрыгнуть в сторону, чтобы не перепачкаться. Беглец, искупавшийся в дерьме, попытался выбраться на другую сторону, но там его уже встречал смеющийся Билл. Поэтому негодник предпочел спрыгнуть назад и спастись бегством по дерьму, но к этому моменту на место происшествия уже прибыл полицейский—словно из ниоткуда выскочил офицер с револьвером на взводе. Он вытащил из коллектора мерзко воняющего парня и пошел с ним в ближайший участок.

Мы тоже потопали—назад к машине. Подойдя к ней, мы увидели другого парня: он заливал в бак бензин. Так вот что произошло! Они украли машину, но потом у них кончилось топливо! Один остался стоять «на стреме», а другой пошел за бензином. Наверное, этот парень с канистрой думал: «Да куда, черт возьми, подевался напарник?!» Он, похоже, был недостаточно умен и не сообразил, что что-то здесь не в порядке, и вместо того, чтобы постоять на другой стороне улицы и осмотреться, пошел напрямик к машине и стал заливать в нее бензин.

Я подошел к нему и сказал:
—Ты что делаешь?

В ответ он бросил мне канистру под ноги и пустился наутек. Я перепрыгнул через канистру и побежал за ним. Следом за мной с дикими криками помчался Билл.

Тот же маршрут, тот же угол, прыжок через коллектор, и та же ограда практически в том же самом месте. Я снова стаскиваю

Журналистское фото, сделанное после того, как мы с Биллом задержали двух опасных преступников. Сентябрь 1961 г.

Я получаю из рук высокопоставленного токийского чиновника золотую медаль полиции «за мужество при задержании преступников». Слева — Донн Дрэггер и сэнсэй Курода Ититаро, мой учитель иайдзюцу, бодзюцу и кэндо, 8-й дан, 10-й дан каллиграфии.
Июнь 1966 г.

вора с забора, и он тоже вытаскивает маленький ножичек. Наконец, тот же удар в подбородок — и мой противник летит в коллектор. Но на этот раз и я потерял равновесие и вслед за ним плюхнулся в это чертово дерьмо. Я погрузился в него практически по колени и был такой грязный и вонючий, что в злобе ударил негодяя еще раз. К этому времени вернулся полицейский, который и задержал негодяя. Воришки оказались на удивление наивными и глупыми.

После этого инцидента мы с Биллом попали в газеты, потому что выяснилось, что эти двое были серьезные преступники и что их давно разыскивала полиция...

Курода удивленно посмотрел на меня и спросил, не случился ли этот инцидент в... Он назвал один из районов в пригороде Токио. Я сказал, что дело было именно там. Сэнсэй рассмеялся и пошел к телефону, и через некоторое время я услышал, как он говорит с каким-то полицейским боссом. Выяснилось, что японская полиция потом долго искала двух отважных иностранцев, задержавших опасных преступников, но никак не могла их найти — дело в том, что вскоре после этого инцидента я уехал в Голландию.

На следующий день я предстал перед высокопоставленным чиновником токийской полиции и в присутствии Донна Дрэггера получил золотую медаль «за мужество».

Билл получил свою медаль несколько позднее — он как раз по делам своего бизнеса находился в Корее.

Во время пребывания в Японии я каждую неделю ходил в новое хомбу Кёкусинкай-кан, чтобы снова

Новое дōдзё Кёкусинкай-кан. 1965 г.

После тренировки в хомбу Кёкусинкай. Справа налево: Блюмини, Бахус, Асихара и Бретман

На тренировке в новом додзё Оямы. Крайний слева — лучший боец того времени Питер Маклин, справа — Стив Арнейл. 1965 г.

учиться у сэнсэя Оямы. Здание, в котором разместилось новое додзё Кёкусинкай, было больше прежнего на несколько этажей, но сам тренировочный зал опять был очень-очень маленьким. Раньше в этом здании размещалась фабрика по производству застежек-молний, со стен капала вода, и с этим ничего нельзя было поделать. Единственное, чем это место было реально лучше прежнего, — тем, что Ояма заполучил в свое распоряжение хороший офис на верхнем этаже и маленькую приемную внизу.

Вернувшись оттуда в Голландию в 1966-м году, я привез с собой знание нескольких новейших ката Кёкусинкай, и теперь моим парням было чем заняться.

В марте 1966-го я вместе с Биллом съездил еще и в Корею, где мы здорово провели время. Все расходы на поездку я покрыл, продав семь алмазов, купленных по дешевке у одного из учеников. В Японии и в Корее продажа алмазов была запрещена, но и японцам, и корейцам они очень нравились, и я смог получить приличную прибыль.

Прощальное фото. 1966 г.

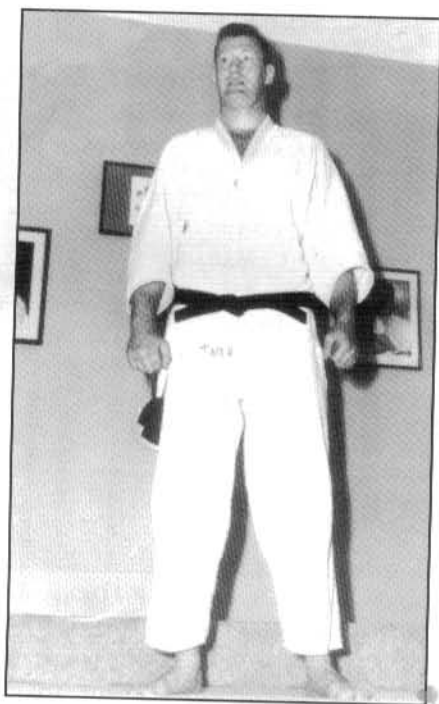

*Третий обладатель 6-го дана по дзюдо
в Голландии (после Опа Схутте и
А. Гессинка) в то время. Август
1966 г.*

Еще одним радостным событием для меня стало тогда вручение мне 6-го дана дзюдо, эту степень мне присвоил мой старый сэнсэй Сигэмацу.

Однако вернуться в Голландию мне пришлось гораздо раньше запланированного срока, потому что со мной снова приключилась беда и я едва не погиб.

В то время я еще любил потягаться с «чемпионами» и вот так познакомился с Джимми Стюартом, чемпионом Канады в среднем весе и, как мне сказали, блестящим специалистом по борьбе в партере. В общем, я лег с ним на татами и действовал так, чтобы он при каждой атаке оказывался у меня между ногами — из этого положения я мог контролировать любые его действия. Джимми же пытался захватить и отвести в сторону мои ноги и прорваться на удержание. Но каждый раз, когда он захватывал мои ноги, я ловил его на свой фирменный удушающий захват и позволял ему перевернуть меня, в результате чего он сам удушал себя, фигурально выражаясь, своими руками затягивая петлю на своей же шее. Так я придушил его раз пять или шесть, но потом он захватил мои ноги и поднял их вверх, в результате чего я оказался лежащим на затылке. И тут Джимми навалился на меня всем своим весом, моя голова воткнулась в пол, и я никак не мог вывернуться. Это был чистый замок на шею. Вдруг я услышал громкий хруст, и у меня перед глазами во второй раз за мою карьеру встал сноп ярко-оранжевого пламени. Я закричал: «Стоп!» К счастью, Джимми был настоящим спортсменом и тут же отпустил меня, возможно, этим он спас меня. После схватки я не мог повернуть голову, шея одеревенела, боль была чрезвычайно сильная!

Той ночью я не мог лежать, потому что лежа я не мог дышать. Билл повез меня в полицейский госпиталь. Там меня осмотрели и сказали, что ничем не могут помочь, и рекомендовали немедленно вернуться домой и лечь в больницу. Боль была нестерпимая, она убивала меня, я был напуган и, естественно, немедленно вылетел в Голландию.

*Перед отъездом
из Токио в 1966 г.
103 килограмма
мускулов*

В Голландии я отправился в «Клинику Валериуса» в Амстердаме, где моим лечением всерьез занялся профессор Стилтес. Он сказал, что должен тщательно исследовать мою нервную систему с помощью какой-то большой электрической машины. От машины отходили многочисленные провода с толстыми иглами на концах. Профессор Стилтес сказал, что иглы необходимо вонзить мне в тело, но они не могут использовать никаких обезболивающих средств. Он воткнул одну иглу в кончик моего указательного пальца и еще две в мускульные части руки. Потом он велел мне несколько раз сжать и разжать руку—никогда я не получал такого удовольствия, как в тот раз!

Профессор сделал множество рентгеновских снимков моей шеи под разными углами и через некоторое время, показывая мне снимки, сказал: «Поздравляю вас! Если бы ваши шейные позвонки сместились бы еще на миллиметр вправо или влево, вы были бы полностью парализованы ниже шеи». Тут я поблагодарил своего ангела-хранителя, что он не допустил этого.

Еще профессор Стилтес сказал, что с возрастом эта травма будет сильно беспокоить меня, и оказался совершенно прав: травмированная шея меня действительно чертовски беспокоит, особенно по ночам. Оказалось, что у меня полностью разорван хрящ между двумя позвонками, от одного из них отломился кусочек, а во втором была большая трещина, которую нужно было залечить. После всего врачи сказали мне, что не рекомендуют мне играть в футбол—это слишком опасно...

По дороге из Японии в августе 1966-го года я делал пересадку в Париже. В аэропорту внезапно кто-то меня окликнул. Я обернулся и увидел Касэ—мастера школы Сётокан, представителя Японской ассоциации каратэ. Он подошел и поздравил меня с присвоением

мне 7-го дана. Когда я сказал, что в прошлом году получил только 6-й и что у меня нет 7-го дана, Касэ громко рассмеялся и сказал: «А знаете, мне присвоили 7-й дан, потому что руководство Японской ассоциации каратэ откуда-то узнало, что вам уже присвоили эту степень!» Так что, политика зачастую оказывается важнее честного присвоения мастерской степени, и неслучайно 80 процентам так называемых «каратэка» регулярно надирают задницы в уличных драках—ведь все их даны не стоят даже той бумаги, на которой выписываются для них сертификаты.

Потом я спросил Касэ, почему он присвоил черные пояса Бонтё и нескольким другим старым учителям дзюдо, хотя знал, что в Японии их не оценили бы и на 6-й кю. Японец ответил, что был вынужден это сделать, потому что эти «черные пояса» пригрозили ему, что в противном случае воспрепятствуют становлению школы Сётокан в Голландии. «Но,—улыбнулся Касэ,—они все равно знают, что они—дерьмо». Неудивительно, что сегодня обо всех этих людях никто и не вспоминает. Вот так вот «создавали» в прежние дни Сётокан в Европе! Но сам Касэ—настоящий джентльмен и хороший сэнсэй.

От одной мысли, что мне пришлось иметь дело и даже дружить с этими негодяями, о которых мне рассказал Касэ, мне становится горько. Позднее они присвоили Бонтё, который был в то время президентом Союза каратэ (WUKO) Нидерландов, почетный 6-й дан. Мне кажется очень смешным, что этой чести удостоился человек, поступки которого всегда были свободны от всяких представлений о чести.

Приблизительно в тот же период Союз дзюдо снова попытался перерезать мне глотку. Он заявил Нидерландской федерации спорта, что каратэ должно быть поставлено под его контроль. Аргументировал Союз свою позицию так: во-пер-

вых, каратэ—это японское единоборство, а во-вторых, оно очень опасно, а потому нельзя допустить, чтобы его преподавали безответственные люди, лучше всего, если инструкторы каратэ будут иметь сертификат Союза дзюдо. Руководители федерации спорта склонились к этой точке зрения, и в результате был создан Нидерландский союз будо. Все школы будо, если они хотели, чтобы их члены имели возможность выступать на соревнованиях, подлежали регистрации. Кёкусинкай, разумеется, присоединился к этому Союзу. А поскольку я был известным преподавателем дзюдо, введенные им ограничения не оказали на нас никакого негативного воздействия.

Во главе национальной сборной по каратэ

В 1970-м году меня попросили стать тренером национальной команды по каратэ Бельгии (ее капитаном был чемпион Европы Геерт Лемменс, ныне 8-й дан Международного союза Будокай-кан), и я принял это предложение.

Это возбудило все голландские газеты, они подняли вопрос о том, почему голландец и лучший каратист Европы не стал тренером национальной команды Нидерландов. Меня пригласили в офис Нидерландского союза будо и провели беседу, в результате которой я подал в отставку с поста тренера сборной Бельгии и был назначен тренером национальной сборной по каратэ Голландии. Эту должность я занимал с 1970-го по 1972-й год.

За исключением нескольких каратистов из других школ (которые в бытность мою тренером национальной сборной тренировались у меня в додзё по нескольку раз в неделю), национальную команду Голландии составили мои ученики.

Мне было очень сложно готовить каратистов к поединкам в мягком бесконтактном стиле, когда участники соревнований зачастую

оказывались в полной зависимости от решений некомпетентных судей, большинство из которых никогда не дрались сами.

Во время чемпионата мира в Париже в 1972-м году французы потребовали, чтобы я прошел эк-

Так называемый «официальный» Союз дзюдо счел возможным признать мой класс и выслал мне государственный диплом тренера по дзюдо (без экзамена). Диплом датирован 23 ноября 1966 г. Обратите внимание на отсутствие подписи экзаменуемого

Jon Bluming coach Belgische Karatebond

Я—тренер национальной сборной Бельгии. Антверпен, 1971 г. С моей женой Альбертиной. Заголовок публикации гласит: «Йон Блуминг—тренер Бельгийского союза каратэ».

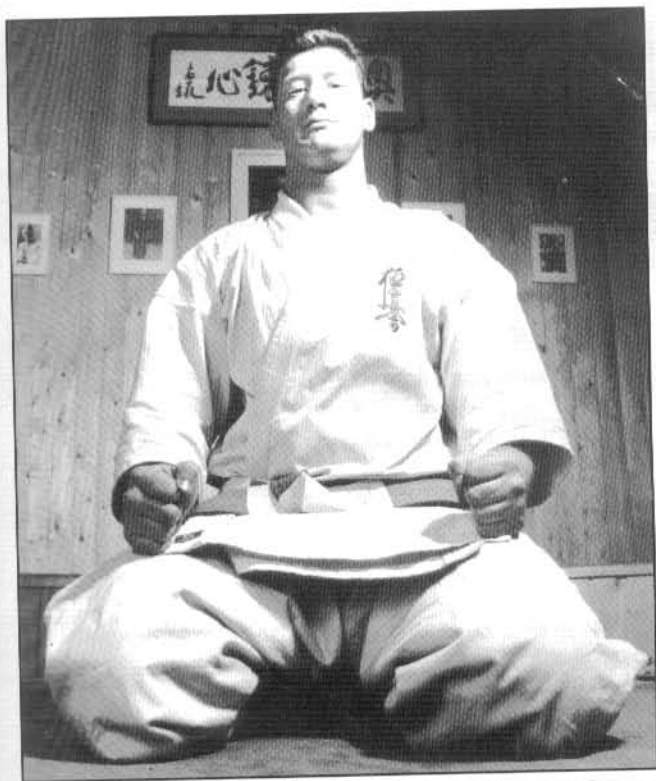
John Bluming

Jon Bluming benoemd tot trainer van de nationale karate-selectie

„IK KAN GEEN TOVERSTAFJE
OVER JONGENS LATEN GAAN”

После жесткого протеста в прессе против моих вратов я назначен тренером национальной сборной Голландии по каратэ. 1972 г.

Я — первый иностранец, получивший 6-й дан от Кёкусинкай-кан — японской организации каратэ, признанной правительством Японии. 15 января 1965 г.

замен на мировую судейскую категорию, хотя я уже имел судейскую лицензию, пройдя семинар в Аячо на Корсике.

Когда об этом узнала японская делегация, ее представитель заявил, что Блюминг является известным в Японии сэнсэем каратэ, располагающим государственным дипломом, и единственным иностранцем — обладателем 6-го дана каратэ, и что если французы будут настаивать на экзамене для меня, японская делегация покинет чемпионат, не приняв в нем участия. За меня вступился сэнсэй Накаяма из Японской ассоциации каратэ, а не голландские или европейские чиновники. Они все боялись меня до смерти и не знали, что со мной делать, им нравилось только унижать меня, потому что большинство из них никогда не выходили на татами для участия в настоящем мужском состязании. В итоге французы отказались от своего требования, а далее произошел

Национальная команда Голландии по каратэ перед чемпионатом мира в Париже. Осень 1972 г. Слева направо: Хууб Мейер (занял четвертое место), Х. Ларос, Ян Плас, Герри ван Гронинген (запасной, покойный), Хедвиг Лобман (исключен из «Будокай» в 1995 г. с 6-м даном) и капитан Ян Калленбах (исключен из «Будокай» в 1973 г.) с ее новым тренером — Йоном Блюмингом

Слева направо: Энтельсман, Йон Блюминг, Тон Хоймен, Ян Плас

весьма забавный, но показательный эпизод.

Матч Япония—Франция. Обе стороны не доверяют никому из рефери и... обе просят судить поединки меня! Франция побеждает. Вот и судите теперь, кто же на самом деле мудака!

Увидев на чемпионате мира в Париже, какой фарс представляет собой спортивное каратэ с его дурацкими правилами (стоит кому-то слегка раскраснеть нос, и бойца уже дисквалифицируют) и ужасным судейством, я принял решение уйти с поста тренера сборной и с тех пор руководил только собственным додзё.

Уходя из сборной, я оставил после себя очень сильную команду: Ян Плас, Ян Калленбах, Тон Хоймен, Лобман, Отти Ротхоф, Рееберг и др. Позднее Роб Звартес, который, к моему величайшему удивлению, стал тренером сборной, будет заявлять, что он—лучший тренер в мире, тогда как победы будет одерживать моя сборная, составленная из парней, пришедших в мое додзё новичками и ставших в нем обладателями черных поясов и чемпионами. Роб—школьный учитель по профессии и в каком-то смысле симпатичный парень. Но в драке, я уверен, он не смог бы побить даже собственную бабушку, будь у нее в руках зонтик.

Крах Нидерландского союза будо

Вдобавок ко всему, что случилось в тот неудачный 1972-й год, развалился Нидерландский союз будо.

Одна из причин раскола была в том, что учителя дзюдо подсчитали, что будо не приносит им прибыли, а потому решили вернуться к своей прежней организации, которая ныне называется «Нидерландский союз дзюдо».

Но главное, что повлияло на раскол,— амбиции самих каратистов. Йон Бонтье, например, был бывший тренер по дзюдо, он никогда не участвовал в соревнованиях и едва ли знал, как произносится слово «каратэ». А Роб Звартес был гораздо лучшим комедиантом, нежели учителем каратэ. Даже его собственные ученики признают, что он был лучшим мастером кути-вадза—болтовни—во всей Голландии. Единственным бойцом там был Ян Калленбах, который к тому времени в моей организации стал *persona non grata*. Вместе они сочинили Нидерландский союз каратэ, и Звартес и Калленбах вдруг стали 6-ми данами, а Бонтье—5-м!

Эта троица имела даже наглость опубликовать официальную историю каратэ в Голландии, в которой не нашлось ни слова для меня. Мо-

жете себе представить?! Оказывается, меня вообще никогда не было! Ну что ж, наверное, я слишком медлительный, но все-таки сложить два и два в состоянии. Поэтому не прошло много времени, прежде чем я решил, что не хочу иметь ничего общего со всем этим.

Виллем Рюска

В декабре 1961-го, вскоре после назначения меня тренером Голландского союза любительского дзюдо, я давал показательные выступления в клубе дзюдо «Юай». На них присутствовала корейская национальная команда по дзюдо, совершавшая тур после чемпионата мира в Париже.

Во время перерыва дедушка Опа Схутте познакомил меня с крепким молодым парнем—обладателем 4-го кю по дзюдо Виллемом Рюской.

Поработав немного с Виллемом в рандори, я понял, что он обладает сверхъестественным чувством равновесия и что большинству дзюдоистов будет очень трудно бросить его, даже при том, что у него всего лишь 4-й кю. Правда, техника борьбы в партере у него была очень слабенькая.

Виллем спросил меня, что ему следует делать, чтобы чего-то добиться в дзюдо. Я ответил, что преподаю по понедельникам по вечерам в «Тунъень додзэ». Он пришел и после первой же тренировки выразил желание записаться в клуб и учиться у меня. Я согласился, потому что разглядел в нем потенциального чемпиона, и в дальнейшем занимался с ним индивидуально практически каждое утро. Это были замечательные деньки. Тогда в зале собралась целая плеяда отличных парней (в их числе был и Крис Дольман), которые скоро выросли в прекрасных дзюдоистов.

Приблизительно в середине декабря 1961-го года я начал проводить в клубе «Тунъень» занятия по каратэ, они проходили либо до, либо после тренировок по дзюдо.

В них стал принимать участие и Виллем. И вот тогда я узнал, что он—человек сложный в общении и что у него довольно своеобразное чувство юмора.

В моей первой группе каратэ занималось человек сорок водителей такси. Чтобы продемонстрировать им различные способы защиты, я попросил Виллема нанести мне левый прямой в лицо. Я сразу увидел по его лицу, что он готовит какую-то пакость. Но прежде чем я сообразил, что бы это могло быть, он выбросил быстрый левый и тут же добавил удар правой. Я легко блокировал оба удара, потому что Виллем, конечно, не боксер, и ответил хорошим быстрым ударом ногой ему по яйцам. Он грохнулся на пол, как бревно, а потом с воплями и призывами мамыши на помощь протанцевал на коленях блестящий танец в русском стиле. Зато наши таксисты от этого зрелища поймали настоящий кайф.

Это был последний раз в жизни Виллема, когда он занимался каратэ, но, к сожалению, это был не последний раз, когда он попытался кого-то ударить. Во время службы в военно-морских силах он при свидетелях «вырубил» офицера, что повлекло за собой увольнение без сохранения прав и привилегий и без права посещать военно-морские базы. Думаю, что подобного поведения не потерпели бы ни на одном флоте. А что все было именно так, мне подтвердил полковник Тирренс с военно-морской базы во Влиссингене, где я одно время преподавал каратэ.

Бросив каратэ, Виллем, однако, продолжал заниматься со мной дзюдо, и уже вскоре бросить его стало для меня серьезной проблемой. И только на земле он все еще оставался ребенком. Хотя в дзюдо борьбе на земле не уделяют того внимания, какого она заслуживает, и хотя ее практически игнорируют в каратэ, хорошая техника борьбы в партере имеет первостепен-

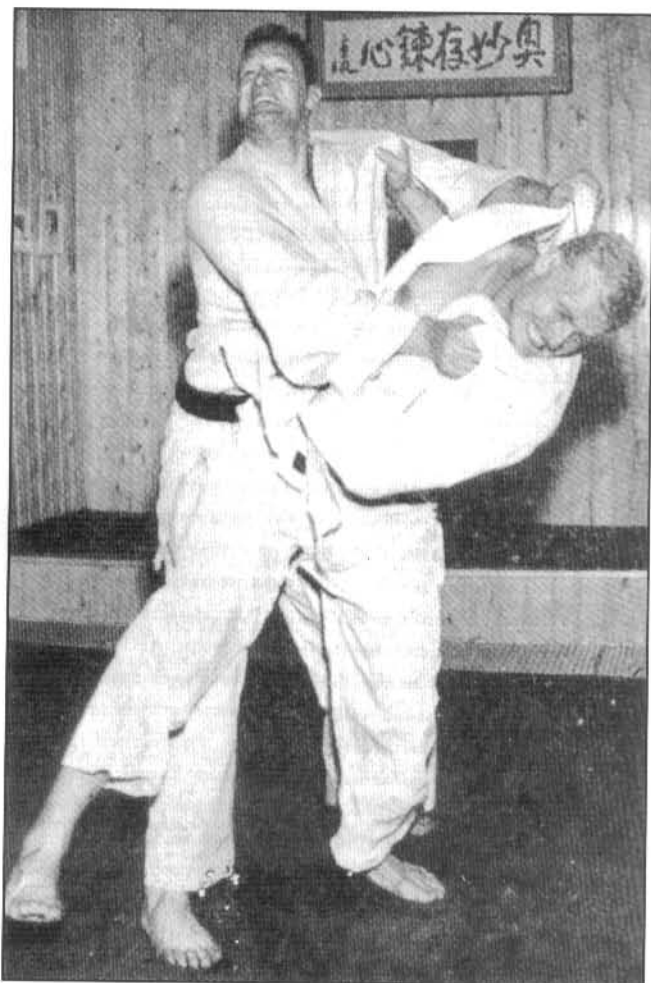
ное значение. В журнале «Kodokan Revue» за январь 1962-го года было опубликовано интервью с четырьмя ведущими японскими дзюдоистами того времени: Дайго, Осава, Ямасики и Мацумото. Хотя они мало что знали о моей тренировочной программе и утверждали, что я больше времени отдавал тренировке с весами, нежели занятиям дзюдо, Осава тогда сказал: «Я считаю, что нужно более серьезно и более систематически тренироваться в технике борьбы на земле. Возьмите, к примеру, Блюминга. Обладая таким ростом и физической силой, он очень силен в партере. Используя неизвестные приемы, он часто побеждает наших лучших дзюдоистов». Дайго сказал, что моя «техника борьбы в партере кажется чрезвычайно нерешительной, но она очень эффективна». А Ямасики к этому добавил: «Попастся ему на удержание кэса-гатамэ очень неприятно». Тем не менее, большинство дзюдоистов не уделяют достаточно времени тренировке в борьбе на земле, и Виллем в этом смысле — не исключение.

Зато Рюска прекрасно боролся в стойке. Из-за того, что на соревнованиях, которые проходили через пару месяцев, он смог бросить большинство черных поясов, я сразу присвоил ему 1-й кю. А еще через некоторое время во время турнира Красной и Белой команд (Кохаку сёбу) в Лейдене он бросил, сколько я помню, двенадцать обладателей 1-го кю, и тогда я присвоил ему черный пояс. В 1962-м Виллем проделал то же самое с шеренгой 1-х данов, и я вручил ему 2-й дан, а еще через год он стал официальным чемпионом Спортивной федерации Нидерландов в тяжелом весе.

Во время отборочных соревнований перед Олимпиадой 1964-го года Виллем снова сравнительно

легко победил всех своих противников. Однако, ко всеобщему ужасу, и в первую очередь к ужасу самого Виллема, ему не дали места в команде. Некоторые из моих учеников, стоя под дверью офиса, где принималось это решение, слышали, как мои враги говорили, что не желают видеть «ублюдка из додзё Блюминга» в команде. Вот так, значит: сначала разделились со мной, а потом — с моим учеником.

А между тем по счетам нужно платить, и ежедневные занятия дзюдо — не лучший способ заработка денег. Чтобы помочь Виллему преодолеть трудности, я решил подыскать ему хорошо оплачиваемую работу и переговорил с Питом Броерсе, владельцем ночного клуба «Казино» в Амстердаме. Благодаря этому Виллем получил возможность работать портье и вышибалой и за-

Обычная тренировка будущего победителя чемпионата мира и Олимпийских игр Виллема Рюски в моем додзё. Конец 1963 г.

Leerling van John Bluming AMSTERDAMMER RUSKA NIEUWE TOP-JUDOKA?

Dubbele zege in Freiburg

Zonder nu te willen beweren dat er in Nederland nog een jonge Anton Geesink rondloopt, is het zondag in Freiburg tijdens een internationaal judo-toernooi, waaraan door Frankrijk, Zwitserland, Joego-Slavie, West-Duitsland en Nederland werd deelgenomen, duidelijk geworden, dat ons land over goede judoka's beschikt.

Goede judoka's waarvan men het bestaan niet eens wist, maar die — nu de eenwording van het judo in Nederland een feit is geworden — te voorschijn komen.

Willem Ruska, een 25-jarige Amsterdammer, leerling van John Blum-

Ferdi Miebach, zegevierde de Nederlandse eerste dan met groot vertoon van macht. Het was de eerste maal dat 'n ploeg bestaande uit leden van de Nederlandse Amateur Judo Associatie aan een Europese topwedstrijd deelnam. Niet alleen was er succes voor Willem Ruska, die zowel Dessailly als Miebach in enkele seconden uitschakelde, maar ook anderen, als Cees Jagtenberg, Koos Letterie en Rinus Elser, loonden hun kracht.

De uitslagen luiden:

Lichtgewicht: 1. Armand Desmet (Frankr.), 2. Erich Haenni (Zwits.), middengewicht: 1. Heinrich Meizler (W.-Did), 2. Ferdi Miebach (W.-Did); zwaargewicht: 1. Willem Ruska (Ned.), 2. Jean Pierre Dessailly (Frankr.), 3. en 4. Koos Letterie en Rinus Elser (beiden Ned.).

Aller categorieën: 1. Willem Ruska (Ned.), 2. Ferdi Miebach (W.-Did.).

рабатывать около 600 гульденов в неделю — огромные по тем временам, когда докеры бастовали ради зарплат в 80 гульденов в неделю, деньги.

Я считал, что эта работа уберет Виллема от неприятностей и в ближайшем будущем поможет ему достичь такого уровня, что он сможет заменить Антона Геесинка в качестве лучшего дзюдоиста Голландии. Ведь уже тогда его никто не мог бросить, и наступил день, когда он бросил меня своим великолепным левым о-сото-гари — отхватом, — а ведь это была моя «коронка»! Я был очень рад этому, потому что так он наглядно продемонстрировал, что действительно впитал то, чему я его учил, — а чего еще желать учителю?

Правда, это был единственный раз, когда Виллем бросил меня. Само по себе это не особенно важно, ведь я тогда уже не выступал на соревнованиях, и я упоминаю об этом только потому, что позднее кое-кто подготовил для Рюски рекламный буклетик, в котором утверждается, что он мог бросать меня как угодно и запросто, но это — полнейшая чушь. И это вам могут подтвердить мои многочисленные ученики, тот же Крис Дольман, которые постоянно были

Наконец-то ко мне и к моим ученикам приходит международное признание... Конiecь 1963 г., после победы на чемпионате в Германии. Заголовок статьи гласит: «Ученик Иона Блюминга. Амстердамец Рюска — новый чемпион?»

рядом и потом удивлялись, как Виллем мог делать такие глупые заявления.

Я просто учил этих мальчишек и никогда не спрашивал их о деньгах за занятия. И даже за сертификаты, которые мне приходилось печатать, я не требовал с них ни гроша. В том числе и с Виллема.

Я очень гордился тем, что Виллем так быстро стал одним из лучших дзюдоистов страны, чемпионом Голландии, и когда он поехал в ГДР на чемпионат Европы в 1964-м году, я поехал вместе с ним, самостоятельно оплатив все расходы на поездку, и это при том, что денег у меня было ровно столько, сколько требовалось для погашения счетов. Но это стоило того, потому что Виллем стал тогда третьим, и даже его заклятый враг, Антон Геесинк, признал, что первого места моего ученика лишил рефери.

В июне 1964-го года вскоре после предолимпиадных отборочных соревнований Виллем, Крис Дольман, Ян Стаппер, Франс Мееренс, Адри Фолькер и я отправились в плавательный бассейн в Южном Амстердаме. С нами была и жена Виллема. Она сказала, что Виллем собирается в Токио и что она оплатит его поездку.

— Каким образом? — со всей своей невинностью спросил я.

— А я поработаю в борделе, — ответила она.

Я был в шоке. Я чувствовал себя так, словно Вим действительно предал меня после всего, что я для него сделал. И когда Виллем вылез из воды, я спросил у него, что это все значит, а он ответил, что все мы в любой момент можем заболеть какой-нибудь ужасной

болезнью, что все мы можем умереть, а потому нужно пользоваться моментом.

А потом я сделал большую ошибку, но мое решение следует понимать в свете того времени. Во время войны в Корее я пристрелил нескольких сутенеров и теперь, конечно же, не собирался тренировать одного из них. Я их ненавидел. А потому сказал Виллему, что больше не желаю видеть его в своем додзё. Немного времени прошло, прежде чем эта история попала во все газеты...

Времена изменились в Амстердаме, и то, что когда-то казалось дурным и предосудительным (например, засунуть хорошую девочку на работу в бордель), сейчас большинство (но не я!) считает нормальным. Приведу только один пример. Тео Хойфтнер, «директор» амстердамского публичного дома «Яп Ям»,—желанный гость на многих званных ужинах в Амстердаме, но в 1964-м его бы упрятали за решетку, если бы смогли доказать, что он—сутенер.

Как бы то ни было, наши отношения с Вимом были разрушены. Хотя я и не могу сказать, что возненавидел его.

В Токио Виллем получил разрешение принять участие в Играх доброй воли, которые проходили после Олимпиады. Он блестяще выиграл все свои схватки, даже те, в которых боролся с дзюдоистами, которых ранее никому не удавалось бросить на соревнованиях. В результате он приобрел известность, и его стали бояться.

Донн Дрэгер написал мне письмо. Он спрашивал, не тот ли ученик, о котором я писал ранее, этот Рюска. Донн писал, что ему это интересно знать, потому что Рюска боролся точно в том же стиле, что я несколькими годами ранее. И еще он хотел знать, что между нами произошло, потому что Рюска дурно отзывался обо мне. В ответ я написал ему обо всем в деталях,

в том числе и о том, как выгнал Виллема из клуба. И Донн потом написал мне, что я был совершенно прав, поступив так.

Одновременно Донн сделал то, о чем я никогда не просил его. Главное, я до сих пор не понимаю, зачем он это сделал: он передал мои письма Кано Рисэй, президенту Кодокана (я знаю, что они и сейчас хранятся в архиве Кодокана). И в результате, вместо того, чтобы присвоить Виллему его 4-й дан, Кодокан объявил ему, что он более не имеет права тренироваться там.

Я не могу повернуть стрелку часов назад. Сейчас я думаю, что должен был поговорить с Виллемом, потому что больше никто не мог посоветовать ему быть осторожнее и потому что я был единственным, кому он доверял. К тому же я был его сэнсэй. Однако мое военное прошлое и сравнительная молодость привели к тому, что я принял не лучшее решение. Жалею ли я об этом? И да, и нет!

Все же таки я не учил его пить целыми вечерами и не посылал в бордель. И к тому же любовь не может исходить только с одной стороны. Я считал (и по-прежнему так считаю), что делал даже больше того, что должен был делать. Например, по три раза на неделе, прождав целый час Виллема в додзё, ходил в район красных фонарей, чтобы вытащить его пьяного из чьей-нибудь постели.

Опять-таки, я очень уважаю спортивные достижения Виллема, но я не могу уважительно относиться к его частной жизни, из-за которой, между прочим, он не смог заработать больших денег на двух своих олимпийских медалях, тогда как Геесинк «сделал» пару миллионов благодаря своей единственной. Позднее я пытался объяснить с Виллемом, связывался с ним через общих друзей, но для разговора нужны два человека, а Виллем никогда не хотел поговорить со мной.

Виллем Рюска в показательной встрече по про-реслингу с Антонио Иноки. 1996 г.

исключен из Союза. После этого он на протяжении, по меньшей мере, 20 лет не тренировал и не занимался дзюдо.

Тем не менее, в 1998-м году Голландский союз присвоил ему 8-й дан. Я думаю, что если бы он хоть немного работал тренером или каким-то образом помогал дзюдо, то только тогда это была бы заслуженная награда.

Но, как бы то ни было, я все еще считаю Виллема своим лучшим учеником в дзюдо и горжусь тем, что тренировал его.

Где-то в августе 1999-го года один мой бывший ученик прислал мне статью из газеты, выходящей в Гарлеме, с интервью, которое дал Виллем Рюска. Он снова наговорил обо мне столько лжи, что от нее могло бы и собаку уличную вырвать. И это снова выглядит ужасно глупо, потому что его ложь можно легко опровергнуть, ведь еще остается в живых так много свидетелей.

Во-первых, он снова сказал, будто я бросал вызовы Антону Геесинку в 1961-м и 1962-м годах, хотя прекрасно знал, что он легко может побить меня, и делал это только потому, что я — полный дурак.

Но, как известно многим моим ученикам, я никогда не говорил, что могу побить Геесинка, потому что он был на 30 килограммов тяжелее меня — я в лучшей своей форме весил 102 килограмма (я и сейчас-то, через сорок лет, вешу 103 килограмма), — и при этом был опытным борцом в отличной форме. Речь шла только о том, что мне должны были дать шанс показать себя, но такого шанса мне никто никогда не дал. Ни Союз дзюдо, ни, конечно же, Геесинк.

Свидетеля же того, что Антон действительно меня боялся, я чисто случайно нашел, когда был на праздновании дня рождения моего боевого товарища Ханса Кребаса в

После окончания спортивной карьеры Виллем некоторое время занимался профессиональной борьбой. Хороший актер может заработать много денег в про-реслинге, например, в Токио японцы заплатили Рюске миллион иен (60 тысяч долларов США) за его проигрыш японскому чемпиону Антонио Иноки. Но, к сожалению, Виллем оказался не очень хорошим актером, и его работа профессиональным борцом не продлилась долго.

Позднее Виллем был назначен тренером голландской сборной команды по дзюдо. Вот тогда-то Виллем и узнал на собственном горьком опыте, что быть тренером — совсем не то же, что быть чемпионом: чемпион — это просто спортсмен, участник соревнований, а тренер — это человек, находящийся рядом для блага своих учеников. А это очень разные вещи.

Потом Виллем ударил секретаря Союза дзюдо, поспорив с ним по поводу денег, и положил его в нокаут. В результате он не только потерял работу, но и на время был

октябре 1991-го года. Меня тогда представили некоему Дрису Боуву, который оказался дзюдоистом, выступавшим в 1961–1963-м годах. Он был спарринг-партнером Геесинка и даже однажды стал чемпионом Голландии—еще в то время, когда Виллем Рюска занимался в моем додзё.

Дрис сказал мне, что тогда он срать на меня хотел и советовал Антону вызвать меня на поединок и загнать под маты, чтобы раз и навсегда заставить заткнуться. Но, к его величайшему удивлению, Геесинк сказал, что видел, как я работаю и выбиваю дух из лучших японских борцов, и что я, конечно же, совсем не «мешок», так что даже он, Антон Геесинк, не уверен, что сможет меня побить. И еще Антон сказал тогда Дрису, что он вобще не собирается рисковать своей репутацией, поскольку эта встреча все равно не принесет ему никакой славы. 15 октября 1991-го года я, наконец, выяснил, где зависает этот Дрис Боув, и позвонил ему. Он полностью подтвердил свой рассказ. Так что у меня и теперь нашелся свидетель тому, как все было на самом деле.

Вторым моим свидетелем является Йооп ван дер Линден, который был менеджером и сихандай в додзё Антона на протяжении почти 20 лет—до тех пор, пока Геесинк не надул и его. После этого Линден ударил его и ушел навсегда. Так же, как и Дрис, он теперь не хочет иметь ничего общего ни с Антоном, ни с Союзом дзюдо.

Как хорошо знают все дзюдоисты, после тренировок в раздевалках всегда много болтают о делах дзюдо, обсуждают коллег. Ну и, конечно, любимой темой разговоров в додзё Геесинка был Блюминг. И вот, после посещения маленькой пивнушки через дорогу от додзё, получив свою порцию пива (Антону обычно требовался целый ящик), они обычно принимались за дело всерьез и иногда даже говорили правду. В резуль-

тате у меня есть еще два свидетеля, которые готовы подтвердить, что слова Дриса—совершенная правда, потому что они тоже слышали подобные высказывания Антона. Это Йооп ван дер Линден и старый партнер Геесинка по тренировкам и его бывший друг Гойрт Долеваард, в прошлом—чемпион страны и морской пехотинец.

Так почему же великий чемпион Виллем Рюска после стольких лет вылезает с этой идиотской историей в газеты в тех редких случаях, когда у него кто-то хочет взять интервью? Думаю, что это яркий показатель состояния его мозгов. Неслучайно о нем говорят, что он рассуждает, как пятнадцатилетний пацан.

И теперь я задаю себе вопрос: если бы у меня была возможность что-то изменить, написал бы я то самое письмо Донну Дрэгеру в Кодокан? Да! Да и снова да! Но я написал бы в нем, что письмо адресовано только самому Донну, а не президенту Кодокана или кому-то еще. Виллем обманул именно меня, а я, в отличие от Виллема, никогда бы не стал предавать своих учителей—ни в Японии, ни в Голландии. Не забывайте, что Голландия—это крошечная деревушка, а мир сейчас—с учетом всех средств связи—все равно что город. И скорее раньше, чем позже, правда выйдет на поверхность, что бы вы ни делали. И когда лож открывается, человек выглядит настоящим ослом, каким бы великим чемпионом он ни был в прошлом. Меня даже оторопь берет при мысли о таком унижении.

Другая глупая лож Виллема—его утверждение, что он никогда не зарабатывал никаких денег за счет своих медалей и что ему даже приходилось просить о пособии городского магистрата, чтобы свести концы с концами. Это все чушь собачья!

В 1967-м году Рюска стал чемпионом мира в Солт-Лэйк-Сити. После его победы мне позвонил знаменитый дзюдоист и реслер Джин

Лебелл. Он спросил, является ли Рюска все еще моим учеником. Я объяснил ему, что произошло между нами, а потом Джин сказал мне, что хочет предложить Рюске годичный контракт на борцовское турне на сумму в 100 тысяч долларов с оплатой всех расходов. По тогдашнему курсу это было 360 тысяч голландских гульденов.

Мой хороший приятель Дики Барух, владелец ночного клуба «Шахерезада» в Амстердаме, был в то время также и приятелем Виллема. В общем, я сказал Дики об этом предложении Лебелла, и что Виллем теперь может сделать реальные деньги. В ответ Виллем сказал Дики, что хотел бы пожелать мне подцепить какую-нибудь страшную болезнь и сдохнуть. Вот так! Я лично думаю, что для чемпиона мира это был не слишком умный ответ.

Потом, после того, как Рюска в блестящем стиле завоевал две золотые медали в Мюнхене в 1972-м году, ему предложили принять участие в борцовском поединке со знаменитым про-реслером японцем Иноки в Токио—своего рода показухе, за которую ему обещали заплатить 60 тысяч баксов чистыми плюс расходы. В этот раз он вцепился в деньги—и правильно сделал! В голландских гульденах это было 220 тысяч чистыми!

После этого матча он получил контракт на несколько лет с оплатой 100 тысяч долларов ежегодно. По тогдашнему курсу, это значит, он получал 360 тысяч гульденов в год, да плюс еще расходы ему оплачивали.

А вот то, что Виллема выкинули из этого бизнеса, совсем неудивительно, ведь он отвесил пощечину секретарю организации, в которой работал—вот такие вот шутники—эти японцы!

После этого Рюска вернулся к своим прежним занятиям и снова стал работать менеджером в знаменитом квартале красных фонарей в заведении с живыми секс-шоу под

названием «Каса Россо». На протяжении многих лет он получал по 2000 гульденов в неделю, и плюс к этому перехватывал чаевые. Но когда его босс помер в «преклонном» возрасте пятидесяти лет, сладкой жизни Виллема пришел конец. Но у него еще оставался процент от доходов с зала торговых автоматов в Амстердаме, и потом он продал свою долю в «Каса Россо» новым владельцам за кругленькую сумму в 250 тысяч гульденов.

Всего, насколько мне известно, за эти годы Виллем заработал свыше 1 миллиона 600 тысяч гульденов—больше чем 35 средних рабочих зарабатывают за всю жизнь. То, что он не заработал никаких денег на рекламе или на кино, так это его собственная проблема, потому что люди, работающие в этом бизнесе, познакомившись с его биографией, просто тут же уходят в сторону. В этом он не может винить ни Союз дзюдо, ни меня.

Единственное, что действительно является правдой,—что Геесинк выставил его из олимпийской команды, в которую Рюска должен был войти как чемпион Голландии по дзюдо в тяжелом весе (май 1964-го года) и победитель всех отборочных турниров. Наши враги думали, что он кому-нибудь все-таки проигрывает, но Виллем тогда всем надрал задницы. Мои ученики подслушали, как Геесинк сказал, что он не хочет видеть в команде ученика Блюминга и что, если его не послушают, он не поедет на Олимпиаду. Свидетели этого еще живы и могут все это подтвердить. В общем, Виллема реально «опустили», так же, как раньше «опустили» его сэнсэя. У них всегда были самые идиотские небылицы для обоснования их решений, а когда на прошлой неделе я прочел в газете репортаж с чемпионата мира по дзюдо 1999-го года, я убедился, что те же люди по-прежнему сидят на своих местах, и что ничего не изменилось за все эти годы...

Ян Калленбах

Одним из первых учеников в моем клубе каратэ—первом клубе Кёкусинкай в Европе, открывшемся в декабре 1961 года, стал Ян Калленбах. До этого он занимался в клубе «Тунъень» и имел 2-й кю по дзюдо. С самого начала я полюбил его; как сына родного, потому что у него было все, что только может пожелать видеть в своем ученике учитель будо. Он был высокого роста—около 190 сантиметров и весил около ста килограммов. К тому же он был силен, хотел учиться, помогать клубу и драться за его честь—это при том, что дрались мы тогда в глупом японском стиле, который сегодня кажется мне ужасно устарелым.

Поскольку он тоже родился в простой рабочей семье, денег у него было совсем немного, и я разрешил ему вести занятия с женской и детской группами и платил 100 гульденов в месяц, что было совсем неплохо для того времени. Надо признать, учителем Ян оказался отличным, что, впрочем, не удивительно, ведь он как раз учился на учителя. Естественно, что я его тогда выделял и ставил в пример другим.

Однако люди, знавшие его со школьных лет, и студенты института, где он учился, занимавшиеся в додзё «Тунъень», говорили мне, чтобы я был поосторожнее, потому что на самом деле Ян Калленбах совсем не такой милый и дружелюбный. Но я, конечно же, пропускал все эти советы мимо ушей, полагая, что это обычное проявление зависти. Однако мне следовало тогда прислушаться, ведь некоторые из тех, кто предупреждал меня, потом стали прекрасными дзюдоистами, как, например, Крис Дольман.

Первой неприятностью, которую мне доставил Калленбах, явилась его поездка в Японию вместе с Мартином Гравестайном для прохождения курса обучения у Оямы и официальной сдачи экзамена на 4-й дан. Очень скоро до меня стали доходить жалобы на то, что Ян избивает

японцев и запугал их до смерти. Делать это было совсем не обязательно, потому что по большей части это были просто мальчишки.

Вскоре я также узнал, что Калленбах нашел нужным получить некоторую порцию горизонтальных удовольствий с личной секретаршей самого Оямы. И, наверное, это не особенно понравилось моему старому приятелю (догадайтесь сами, почему!), и он вызвал Яна к себе в офис для короткой душевной беседы. Во время нее Ян, вместо того чтобы немного попресмыкаться перед сэнсэем, сказал Ояме, что тот, конечно, хозяин в своем додзё, но за его пределами ему нечего лезть в личные дела других. Даже после этого разговора он продолжал трахать маленькую цыпочку Оямы практически каждый вечер, из чего последствия вышли поистине катастрофические. Секретаршу Ояма уволил, а Элз, жена Яна, оставшаяся в Амстердаме, узнав обо всем из вторых рук, психовала все то время, пока Ян тренировался в Токио. В конце концов она от Яна ушла. И все, что я могу по этому поводу сказать, так это то, что хорошо еще, что у них не было детей...

Взбешенный сэнсэй потребовал, чтобы я выгнал Яна из Голландской ассоциации каратэ и Европейской организации Кёкусинкай. Я, разумеется, отказался, заявив хомбу и моему учителю Куросаки, что иностранцам предстоит еще очень многому научиться, помимо каратэ, и что я приму необходимые меры. Но Ояма настаивал на своем, и мне пришлось сказать ему, что если Калленбах уйдет, то и мне придется сделать то же самое. После этого старина сэнсэй сдался и предоставил мне возможность «разруливать» ситуацию.

Но во время летнего лагеря в 1970-м году Ояма снова поднял этот вопрос, и я снова отказался выгнать Калленбаха. Тогда же я сделал величайшую ошибку в моей жизни—ушел с поста президента

he should choose some one with no relation with us.

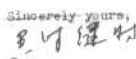
7. I understand well what you would like to say about Holland, as I stayed there for a longtime. But we can not ignore morality. As you know, Japan is a country of aorality. That is why many Europeans want to come to Japan in order to learn it. Our bushido spirit, I think, is the same as your knight spirit.

8. Iancho feels the same friendship as you do. You seem to misunderstand in this matter.

9. Nobody has decided anything about Kallenbach in honor. It is you or your committee that decide this matter. We will follow your decision whatever you may decide.

Before I close, I must say that Kallenbach should learn or train his spirit harder. We hope you to understand that we warned him and advised him repeatedly only because we sincerely wanted him to recognize it.

Wishing to hear from you soon.

Sincerely yours,

Kenji Kurosaki

P.S. Mas. Oyama is leaving Japan for the states on the 2nd of June. He will be sure to come to London by contacting Steve there. He would like to meet you by all means.

... он должен выбрать кого-то, кто не имеет к нам исательства.

7. Я понимаю, что Вы могли бы сказать о Голландии, потому что сам жил там долгое время. Но мы не можем игнорировать вопросы морали. Как Вы знаете, Япония — это страна высокой морали. И именно поэтому многие европейцы приезжают в Японию, чтобы научиться ей. Я думаю, что наш дух бусидо — это то же самое, что ваш дух рыцарства.

8. Кантэ испытывает к Вам те же дружеские чувства, что и Вы к нему. По-видимому, Вы ошиблись на этот счет.

9. В хонбу никто никаких решений в отношении Калленбаха не принимал. Этот вопрос должны решить Вы или ваш комитет. Мы примем любое Ваше решение, какими бы оно ни было.

В завершение я должен сказать, что Калленбаху нужно больше учиться и тренировать свой дух. Мы надеемся, что Вы понимаете, что мы неоднократно предупреждали его и давали ему советы, потому что мы искренне желали, чтобы он все понял.

Надеюсь на скорый ответ.

Искренне Вам,
Кэндзи Курасаки

P.S. Мас. Ояма 2 июня уезжает из Японии в Штаты. Он наверняка придет в Лондон после того, как свяжется там со Стивом. Он желает непременно с Вами встретиться.

Письмо от Кэндзи Курасаки о проступках Калленбаха в Японии

спас задницу Калленбаху. Во время боев ко мне подбежал один из наших лучших каратистов Тон ван Хоймен и сказал, что папаша одного из наших французских противников прямо-таки взбесился, увидев, как Ян издевался над его сыном во время поединка, и побежал домой за пистолетом, чтобы утихомирить Яна своим особым способом. Каратэ бессильно против пуля. Поэтому я решил, что должен немедленно вмешаться. Тем более что я хорошо знал этого француза и его сына, который какое-то время занимался у меня. Я пошел к выходу и поймал француза как раз в тот момент, когда он входил в здание дворца спорта. Совершенно не помню, что я ему тогда говорил, тем более что я совсем не говорю по-французски, но я все-таки отнял у него пистолет безо всякого шума и отдал его другу его сына, чтобы тот припрятал оружие на некоторое время. А Ян так и не узнал, насколько был близок тогда к получению 1-го дана на небесах, который ему явно присвоили бы, конечно, если бы вообще туда пустили.

Но прошла всего пара лет, и Калленбах обнаружил свою подлинную сущность. В это время я как раз судился по поводу своей яхты, которую у меня украли. Я доказал факт кражи, найдя преступников и притащив их в полицию. Однако окружной прокурор заявил, что я все подстроил сам. И вот пока я торчал в суде, стараясь не попасть за решетку, Ян начал обзванивать моих старших учеников — Тона ван Хоймена, Ринуса Шульца, Яна Пласа, Терри Йонкмена и других, подбивая их возглавить наше додзё, потому что я — мошенник.

В итоге заговор Калленбаха провалился, а я с блеском выиграл дело в суде, отправив за решетку двух негодяев и получив денежную компенсацию в размере 26000 голландских гульденов. Но каким для меня

Европейской организации Кёкусинкай, потому что был слишком занят своим бизнесом (я был совладельцем нескольких казино в Амстердаме и имел с этого неплохой доход).

В 1970-м во время чемпионата мира по каратэ в Париже я снова

 極真會館
KYOKUSHINKAI-KAN
 Director Mas. Oyama
 INTERNATIONAL KARATE LEAGUE HEADQUARTERS
 國際空手道連盟總本部

TELEPHONE: 954-7421/4

No. 3-9, 3-chome, Nishi-Ikebukuro,
Toshima-ku, Tokyo, Japan

May 23, 1969

Mr. Jon Bluming
Locidijk 133
De Bilt
Holland

Dear Mr. Jon Bluming,

Thank you very much for your letter of March 2nd. I am very sorry for my delay in answering.

I have continued to think of you for about 60 days. My friendship and my love for you never change. I am not God, so I sometimes mistake. I think that it is true friendship to correct the errors and forgive each other. If you want to make Europe Kyokushinkai-Kan strong, we must be honest and work together. I also think you should be faithful to me and have loyalty to me because I am chairman of International Karate Organization Honbu Kyokushinkai-Kan. I suppose your loyalty to me is good for your future. My friend, Bluming, please remember the above-mentioned.

As I said before, I have continued to think of you or Europe Kyokushinkai-Kan for about 60 days. It is my conclusion that I cannot believe people in Holland. And your students who came to Japan learn the true Karate spirit before they learn Karate techniques? Spirit is more important than techniques. Almost your students only enjoyed with women. Of course some of them did not go wild extremely. Although Karate students can act as they like when they are not of dojo in Europe, especially in Holland, true Bu-jin (Budo-ka) must be prudent or modest in his home and society. You are an exception and I think you are a Bu-jin. After your students went back to Holland, who of them have loyalty to Kyokushinkai-Kan. You may say it is Look Hollander, but he tied the contract of branch chief which is different from the contract of Honbu. This contract may be caused by you. The bigger the organization is, the severer the rules are.

It is my opinion that we can conquer karate all over the world if you and I work together. It is necessary that your thought is

Одно из писем Оямы к Йону
Блумингу

 極真會館
KYOKUSHINKAI-KAN
 (INTERNATIONAL KARATE LEAGUE HEADQUARTERS)

No. 3-9, 3-chome, Nishi-Ikebukuro,
Toshima-ku, Tokyo, Japan

as same as mine. I hope you to help me in Karate. For example I hope you to gather money for Honbu. All the membership fee or certificate fee must be gathered to Honbu, and then capital is handed to Europe Kyokushinkai-Kan. The bigger the Honbu becomes, the bigger the Europe Kyokushinkai-Kan becomes. All the branch chiefs must obey the Honbu of Kyokushinkai-Kan.

When I visit London, I will bring the rules of Kyokushinkai-Kan with me. I will go to London at the beginning of July and stay for about a week. Before I visit England, I go to United States. The actual date when I visit London will be informed to Mr. Steve Arnell. Please take contact with Mr. Arnell.

Wish you the best health and good luck.

Sincerely yours,

 Mas. Oyama

Господину Йону Блумингу
 Лоодийк, 133
 Де-Вильт
 Голландия

23 мая 1969 г.

Дорогой господин Йон Блуминг!

Волшебное Вам спасибо за Ваше письмо от 2 марта. Очень извиняюсь за задержку с ответом на него.

Я продолжал думать о Вас почти шестьдесят дней. Мои дружественные чувства и моя любовь к Вам никогда не изменятся. Я - не Бог, и потому иногда ошибаюсь. Я полагаю, что настоящая дружба состоит в том, чтобы исправлять ошибки друг друга и прощать их друг другу. Если Вы хотите сделать европейский Кёкусинкай-кан сильным, мы должны быть честны и работать совместно. Я также полагаю, что Вы должны быть преданны мне и хранить мне верность, поскольку я являюсь председателем хомбу Международной организации Кёкусинкай-кан. Я полагаю, что Ваша верность мне полезна для Вашего будущего. Друг мой Блуминг, пожалуйста, запомни сказанное выше.

Как я уже говорил, я продолжал думать о Вас и о европейском Кёкусинкай-кан почти шестьдесят дней. И я пришел к выводу, что не могу верить людям в Голландии. Учились ли Ваши ученики, что приезжали в Японию, подлинному духу каратэ, прежде чем стали изучать приемы каратэ? Дух важнее, чем техника. А между тем почти все Ваши ученики только развлекались с женщинами. Ну, конечно, не все они бесились здесь сверх всякой меры. Хотя ученики каратэ могут вести себя так, как им заблагорассудится, когда они находятся вне додзе в Европе, особенно в Голландии, настоящий бу-дзин (будо-ка) должен быть благоразумным или скромным и в своем доме, и в обществе. Вы-исключение, и я думаю, что Вы-бу-дзин. После того, как Ваши ученики уехали назад в Голландию, кто из них остался верен Кёкусинкай-кан? Вы можете сказать, что это все Лик Холландер, но он показал мне контракт с брэнч-чифом, который отличается от контракта, заключаемого хомбу. Может быть, этот контракт заключили Вы? Чем больше организация, тем жестче правила.

По моему мнению, мы можем подчинить себе каратэ во всем мире, только если Вы и я будем работать вместе. Необходимо, чтобы Ваши мысли были едины с моими. Я надеюсь, что Вы поможете мне в каратэ. Например, я надеюсь, что Вы будете собирать для хомбу деньги. Все членские взносы и плата за сертификаты должны стекаться в хомбу, а потом средства будут переданы европейскому Кёкусинкай-кан.

Когда я приеду в Лондон, я привезу с собой правила Кёкусинкай-кан. Я поеду в Лондон в начале июля и проведу там около недели. Перед поездкой в Англию я поеду в Соединенные Штаты. Точную дату своего приезда в Лондон я сообщу господину Стиву Арнейлу. Пожалуйста, поддерживайте контакт с господином Стивом Арнейлом.

Желаю крепкого здоровья и удачи.

Искренне Ваш,
 Мас. Ояма

ударом было предательство одного из лучших учеников! Ведь я так доверял ему! А он воткнул мне в спину нож, когда я попал в сложную ситуацию. Поразила меня и глупость Яна—как можно было пытаться перехватить у меня мой бизнес, если он был зарегистрирован именно на мое имя Коммерческой палатой Амстердама?! Да уж, трезвый ум будет поважнее учебы в модном колледже!

Я, разумеется, не собирался больше терпеть подле себя такого человека. Расстроенный до крайности, я позвонил ему домой и сказал, что больше не желаю его видеть. В общем, весной 1973-го года Калленбах был официально исключен из Голландского и Европейского союзов Кёкусинкай.

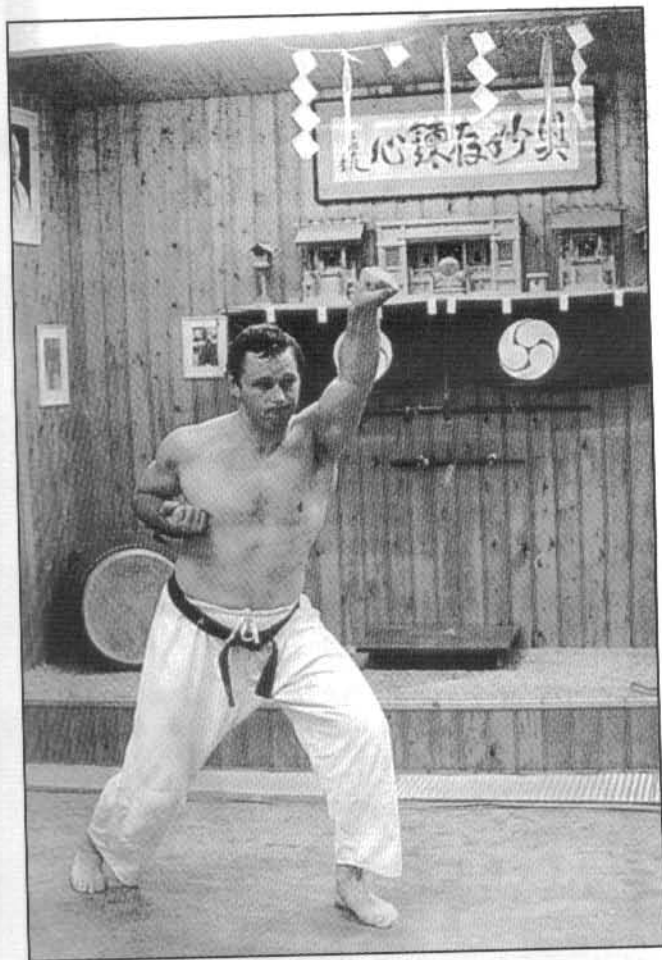
И приблизительно в то же время Калленбаха выкинули и из токийс-

кого хомбу. Причиной послужило его выступление с демонстрацией дурацкого стиля Тайкикэн, который он изучал где-то на стороне. Эта демонстрация проходила в Англии в «Кристал Пэлэс», а среди ее зрителей оказался Ояма. Сэнсэй побагровел, потом взорвался и объявил об исключении Яна из хомбу. К тому времени я уже выгнал его из своей организации и отнюдь не стал защищать.

Время показало, что мы не зря отделались от Калленбаха. В 1990-м году я по приглашению Дитера Айшойера, 7-й дан, выступал с показательными выступлениями в Мюнхене и проводил там семинар. В нем участвовало несколько полицейских. И вот когда мы стали говорить о былых днях, в нашем разговоре промелькнуло имя моего друга Артура Хисатакэ. Я сказал, что был очень опечален, узнав, что Артур умер от сердечного приступа. Тогда присутствовавшие удивленно посмотрели на меня и спросили: «Разве ты не знаешь, что произошло на самом деле?»

Они рассказали, что Хисатакэ совершил харакири в традиционном стиле, и что вся его комната была залита кровью. И тут я вспомнил, как однажды ночью Артур позвонил мне и сказал, что он расстроен тем, что больше никому не может доверять—даже своим ученикам, а особенно—Яну Калленбаху. Я подумал, что у него в додзё что-то случилось, посоветовал выспаться, сказал, что на утро все может предстать в иных красках. Но на следующее утро его нашли мертвым.

Полицейские сказали мне, что что-то произошло между Яном и женой Артура—то ли он ее совратил, то ли изнасиловал, и Хисатакэ просто не вынес позора. Я почувствовал себя последним негодяем, потому что не выслушал тогда друга, который попал в трудное положение. Как жаль, что я тогда поступил так... Теперь я часто вспоминаю Артура и каждый раз

Ян Калленбах, 4-й дан Будокай. 1970 г.

очень огорчаюсь, потому что он был замечательный будока и друг. И как же я правильно сделал, что вышвырнул так называемого «будока» Калленбаха!

Люк Холландер

Одним воскресным утром где-то в конце 1963-го или начале 1964-го года мой сихандай Харри Сериесе привел с собой на тренировку для черных поясов и инструкторов хомбу голландского Кёкусина молодого парня со 2-м кю по дзюдо, студента Голландской академии спорта. Звали его Люк Холландер. На занятия допускались только спортсмены со степенью выше 1-го кю, но Харри попросил меня сделать исключение, потому что Люк был очень способный, и Харри хотел со временем сделать его своим помощником. К тому же это был еще только период становления каратэ в Голландии и Европе, когда приходилось учитывать самые разные обстоятельства. В общем, я согласился понаблюдать за новичком несколько тренировок, чтобы принять окончательное решение.

Посмотрев, как Холландер тренируется, я решил, что Сериесе прав. Для 2-го кю Холландер был отлично подготовлен. Он хотел учиться и уже умел неплохо драться, особенно в сравнении с некоторыми другими, вроде Шонневилле Мейерса, которого мы в 1965-м году вышвырнули из додзё, потому что он боялся спаррингов и занимался каратэ только на словах. Поэтому, после не особенно долгих раздумий, я согласился принять Холландера в ученики.

Позднее я возненавидел себя за это решение, потому что, как показала жизнь, Люк просто хотел реализовать тщательно продуманный план по захвату лидерства в Голландской ассоциации каратэ и

в Европейской организации Кёкусинкай. Причем способы достижения этой цели его совершенно не волновали. Он жаждал только денег и власти и был готов с улыбочкой на лице и приятными манерами обманывать кого угодно — хоть своего учителя в Голландии, хоть самого Ояму. Единственное, что еще его интересовало, — так это женщины — его единственное хобби. Порой казалось, что если он не трахнет пару баб за день, то просто сдохнет.

И я, глупый осел, годами брел в подстроенную Холландером ловушку, причем единственный, кого я могу сегодня винить, — это я сам. Я должен был быть гораздо осторожнее, я не должен был доверять этому человеку на 100% и не должен был позволить ему реализовать его цель. Но, надо признать, Холландер был очень коварен, он не торопился, терпеливо ждал своего часа и комбинировал, словно Сталин в облачении Папы Римского.

*На открытии Датского союза каратэ
с Юриеном Альбрехтсоном.
Копенгаген, лето 1965 г.*

С президентом Амстердамского студенческого корпуса Х. ван дер Бергом на новогодней вечеринке 1967 г. Я провел много показательных выступлений для Амстердамского студенческого корпуса

Ринус Шульц готовится к бою с тремя противниками. Слева направо: Р. Йонкман, Йон Блюминг, Ринус и Р. Бош. 1967 г.

Увы, в начале нашего с ним общения я видел перед собой только чистенького спортивного уверенного в себе парня, который действительно знает, чего он хочет. Он много и упорно работал, и в то время ни Сериесе, ни я даже и не догадывались о его подлинных замыслах.

Холландер практически сразу получил свой черный пояс. Он помогал нам, разработал гораздо более качественную программу аттестации, для чего привлек материалы Академии спорта, в которой учился. Через несколько лет он получил

2-й дан и открыл собственное додзё. Я же к этому времени передал свой клуб в Роттердаме, насчитывавший свыше сотни членов, Сериесе в благодарность за ту помощь, которую он оказывал мне в начальные годы нашей работы.

В 1967-м году вскоре после моего возвращения из Японии Сериесе и Холландер решили тоже поехать в Японию, чтобы потренироваться в хомбу и попытаться сдать экзамены на 4-й дан. У обоих додзё работали вполне успешно, так что они могли позволить себе пробывать за границей около года.

Чтобы иметь возможность присматривать за ними, я попросил моего друга Билла Бахуса, который в то время имел 4-й дан по Кёкусинкай и 4-й — по дзюдо, регулярно посылать мне отчеты об их успехах. Через несколько месяцев он написал мне, что Сериесе регулярно встречается с Оямой в присутствии переводчика. Когда я поинтересовался у Люка в письме, что это за встречи, он ответил, что «по просьбе Сериесе Ояма выразил желание, чтобы Сериесе возглавил Европейскую организацию Кёкусинкай, потому что я гораздо лучший тренер и боец, чем организатор».

Строго говоря, в этих словах не было никакой лжи. Действительно, я был хороший тренер, а Сериесе — чертовски хороший организатор. Но все-таки, эти политические махинации у меня за спиной совсем меня не обрадовали. Я разозлился на Сериесе. О чем теперь сильно сожалею, потому что, как выяснилось в итоге, Ояма просто хотел больше знать о ситуации в Европе. Реальным махинатором на самом деле был Холландер, он просто попытался использовать эту ситуацию, чтобы развести нас с Сериесе. Это был маленький элемент его стратегии. Но я тогда этого не знал, как не знали этого ни Билл, ни Сериесе. Семя вражды между нами было посеяно, и я угодил в ловушку.

В то же самое время произошло нечто, чего Люк не планировал, но что одновременно сыграло очень большую роль в осуществлении его мечты по захвату лидерства в европейской организации Кёкусинкай.

На время поездки в Японию Сериесе передал руководство занятиями в своем роттердамском додзё своему первому помощнику Харри Кузину. Кузин подрался с еще одним учеником, и их ссора зашла так далеко, что Кузин в конце концов перестал посещать додзё Сериесе. У него было уже собственное додзё, и с этого момента он стал работать только там. В результате ученики стали покидать зал Сериесе, мой бывший сихандай остался без финансовой подпитки, и теперь у него не было денег даже на авиабилет до Голландии.

Я все еще злился на него за «заговор» и за «тайные» встречи с Оямой, а потому не принял никаких мер, чтобы помочь. Я просто оставил Сериесе один на один с его неприятностями, бросил одного в беде. И это самое ужасное, что я когда-либо совершил в отношении столь преданного сихандай. Я повел себя тогда, как настоящий идиот. Я был такой мудака, что поверил Холландеру!

Между тем это дало Люку возможность сделать следующий шаг на пути реализации его плана. Когда я бросил Сериесе в беде, он сказал ему, что остается его единственным настоящим другом, и предложил купить его додзё в Роттердаме. В результате Холландер заполучил роттердамский зал Сериесе (у него остался теперь только один зал—в Гааге), заплатив за него смешные деньги—по 10 центов за каждый вложенный доллар!

Сериесе был так обижен и шокирован всеми этими событиями, которые произошли с ним за такой короткий промежуток времени, что совсем ушел из Голландской ассоциации каратэ и Европейской организации Кёкусинкай-кан и по-

шел собственным путем, укрывшись в Гааге. А я лишь через двадцать лет узнал всю правду. Мне хотелось придушить самого себя. Как я мог быть таким болваном? Даже сегодня, когда я вспоминаю об этом эпизоде, у меня все внутри переворачивается, и я краснею от стыда, потому что Сериесе всегда хранил верность мне и Голландской ассоциации каратэ. К счастью, сейчас это уже бывшем поросло, сегодня Сериесе—обладатель 8-го дана Международной организации Будокай-кан и, что еще важнее, снова мой друг и советник. Но в то время я поверил сплетне и не стал проверять факты, и единственный, кого я могу винить за это,—я сам.

Холландер вернулся в Голландию обладателем 4-го дана, который присвоил ему лично Ояма. Он сказал, что во время экзамена победил 100 противников в кумитэ и в доказательство предъявил деревянную дощечку—свидетельство о прохождении теста. Я проверил его слова, позвонив Ояме. Сэнсэй подтвердил сказанное Холландером. Но—какая глупость с моей стороны!—я забыл спросить его, как именно проходил этот тест, а Ояма забыл мне сказать, что Холландер дрался с белыми поясами, и не с сотней за один раз, а по десять человек в один день! В итоге я назначил Люка своим сихандай, тем более что он сказал мне, что его образование, полученное в Академии спорта, поможет нам создать более мощную организацию Кёкусинкай-кан в Европе и что его кандидатура в качестве моего сихандай уже согласована с Оямой.

Надо сказать, что это именно я предложил идею проведения 100 боев в качестве высшего экзамена. Еще осенью 1960-го я как-то беседовал с Оямой об экзаменах для обладателей степеней от 1-го дана и выше. Нам переводил Билл Бахус—разговор был серьезный. Единственное, что было там

Это фото опровергает рассказы о так называемом «кумитэ с сотней противников». Второй слева — Люк Холландер, который отправился в госпиталь после 29-го поединка. Справа — Харри Сериезе, который показал себя не лучше, но, по крайней мере, честно признал свою неудачу и не стал никому лиать.

смешного,—то, что я в каратэ все еще был простым белым поясом. Но это, разумеется, не смущало Ояму—в отличие от тех напыщенных засранцев, которых мы видим сегодня среди руководителей разных организаций, он не заботился о том, какого цвета у тебя пояс поверх каратэги, его интересовал только цвет того пояса, что у тебя внутри. И здесь большая разница. Да и к тому же он уже строил планы о том, чтобы сделать меня главой европейской организации.

Сначала я высказался за то, что каждый каратист должен провести бои по меньшей мере с тридцатью противниками, и далее, чем выше ранг, тем большим должно быть число противников. Сэнсэю эта идея понравилась, и он сказал, что претенденты должны драться с сотней противников, потому что мы лучшие в мире и должны держать этот высокий стандарт. Я согласился, и в результате было записано, что даже для получения 1-го дана ученик должен драться с сотней каратэка. Разумеется, при этом не требовалось выиграть все схватки, которые должны были длиться по

Август 1967 г. Токио, хомбу Кёкусинкай
1 минуте на каждого нового противника. И, с учетом того, что в додзё никогда не было сто человек сразу, предполагалось, что претендент будет драться с одним и тем же противником по три или четыре раза в три или четыре разных дня.

В результате требование участия в 100 боях было занесено в правила аттестации в Кёкусинкай в 1961-м году. Но, насколько я знаю, никто никогда этого не сделал. Калленбаху и мне не позволили пройти этот тест, а Холландер, конечно, просто не смог бы пройти его, потому что он у нас—не боец, а кинозвезда. Тем не менее, Люк сказал мне, что дрался со 100 черными поясами в один день!

Свидетелями этого события были Билл Бахус, Питер Маклин, Куросаки и, конечно же, Харри Сериезе. В моем архиве хранится письмо Сериезе, в котором он утверждает, что сам он дрался с 26-ю противниками, тогда как Холландер дрался с 28-ю, и что после 28-го противника Люку пришлось прекратить тест, потому что к тому моменту он выглядел уже настолько на себя непохожим, что его вряд ли

*Письмо Харри Серие по поводу лжи
о прохождении Люком Холландером
теста в 100 поединков подряд*

узнала бы родная мать. Ему пришлось немедленно поехать в госпиталь, так как у него полностью заплаыли глаза, нос был сломан, а губы порваны, уши опухли, подозревали сотрясение мозга. И поймите меня правильно, сотрясение мозга—не тот случай, когда можно валять дурака,—от сотрясений постоянно умирают боксеры и игроки в американский футбол.

Тогда, в 1967-м, я поверил Люку, но, как известно, даже идиоту со временем открывается правда. В итоге в 1985-м году я сказал Люку, чтобы он засунул свою дощечку себе в задницу и помалкивал.

Из-за моей большой занятости я не мог уделять руководству Кёкусинкай того времени, какое требовалось. Я работал в казино, преподавал в собственном додзё, участвовал в бесконечных показательных выступлениях в разных странах Европы, стараясь привлечь как можно больше людей и клубов в Кёкусинкай. Кроме того, я должен был готовить будущих сэнсэев. Поэтому Люк попросил меня предоставить ему как моему сихандай карт-бланш в руководстве Голландской ассоциацией каратэ и Европейской организацией Кёкусинкайкан. Выглядело это предложение вполне резонно, и с этого момента я стал тренировать каратистов, а Люк превратился в политика от каратэ. Он уже почти достиг своей цели...

Я хотел организовать летнюю школу каратэ в Эрмелло в Голландии, вроде тех летних школ дзюдо, которые проводил многие годы мой учитель Опа Схутте. И именно я, а не Люк Холландер, провел первую летнюю школу каратэ Кёкусинкай в Эрмелло.

Показательный бой по кэндо в
летнем лагере в Эрмелло, Голландия.
1967 г.

BRIEF VAN H. SERIESE 8th DAN BUDOKAI
OVER DE LEUGEN VAN DE 100 MAN
VAN HOLLANDER.

DE LEGENDE VAN DE 100 MAN

Als het voor en later tijdens mijn verblijf in Japan spraken met Look Hollander werden het gezinsleden van de twee kleine vertelden over de speciale Kunita Tegen loo man.

Als te deze Test met goed gevolg af legat, Betoonde te tot de beste vertellers van de Kyo Kustin Kij, de Guro-mai OYAMA, Sensei, Tot mijn sterke verbazing. Bleek hier iets van uit, en zijn door 2. Mensen gewest die het hebben geprobleem. Dit in een keer kan praktys kanne elken af te werken.

Het is het voor een officiële Test, Maar OYAMA het zijn gevoel voor Puzo-Test en Protes heeft dit uit PR begint goed geprobleem en Hele Legende om heen gebouwd, dat het goed deed in de Yama lo.

Hollander en ik hebben deze loo man Kunita ook deed, de eerste 30 Telle als eerste Kunita Praktys, die ik ook heb afgemaakt in Augustus 1967. Look Hollander heeft deze 30 praktys ook gemaakt de Reisende 30 praktys werden berekend over de Reis van de Jakt (70 dagen naar de Hoovertoren)

Als te om een 30 praktys voor mij bekende.

Zeels was onderpuzzel van Blaring, base hij Betoonde tot de Jakt van Elise vertellers van OYAMA was dit om een bewijs de legendarische Don Draper

30 Bijzondere Test 2. Hollander en H. Sensei in de Test van 30 praktys het was ik Tegen Bill de langere Trainings periode van Ton Blaring.

H. SEWICK

В 1970-м году Люк сказал мне, что хочет привезти в летний лагерь в Эрмелло Ояму. Он полагал, что это даст большой импульс развитию Кёкусинкай в Европе. Денег у нас было совсем немного, но — черт возьми! — мне хотелось снова увидеться со своим старым сэнсэем. В общем, мы привезли его в Голландию.

Летний лагерь 1970 г. С моим старым учителем Ояма

Хотя я не могу обвинить в этом Холландера, лагерь закончился полным фиаско. Зная, что приезжает Ояма, в Эрмелло собралось более пятидесяти черных поясов. Они ждали очень многого, но получили в итоге очень мало. Думаю, мне надо было это предвидеть. Еще в 1968-м Ян Калленбах писал мне, что Ояма планирует посетить Голландию, но Ян предупреждал, что сэнсэй уже всерьез не тренируется и что, показывая каратэ, он больше похож на танцующего медведя, чем на настоящего мастера. Ян писал, чтобы я принял меры, дабы не уро-

нить авторитет сэнсэя. Это письмо до сих пор хранится в моем архиве, но я списал все на грубость Калленбаха и проигнорировал все его советы.

Прибыв в лагерь, Ояма заявил, что присутствовать на занятиях, которые предполагалось сделать секретными, смогут только обладатели черных поясов от 2-го дана и выше. Я возразил на это, что мастеров такого уровня в Европе еще слишком мало, что все черные пояса приехали в Эрмелло специально, чтобы посмотреть на него, и в конце концов сэнсэй согласился заниматься со всеми черными поясами.

Потом мы отправились в лес, чтобы никто из посторонних не смог подглядеть за нами или сделать фото. После разминки, которая продолжалась по меньшей мере минут тридцать, Ояма выстроил всех в шеренгу и начал свой «секретный урок»: три шага вперед с ударами руками и ногами, в конце дорожки — «Маваттэ!» — «Разворот!» — и три шага в обратном направлении...

А потом нас ждал большой сюрприз! Вместо стандартного разворота Ояма велел ученикам выполнять разворот с двойным оборотом

Летний лагерь 1970 г. Слева от Оямы — Стив Арнейл, справа — Йон Блуминг и Люк Холландер

Летний лагерь 1970 г. с участием сэнсэя Ояма. Слева — двое тех, кто действительно воткнули мне нож в спину: Люк Холландер и Ян Калленбах

вокруг оси, после которого нужно было выйти в исходное положение. Выполнить это было совершенно невозможно, все, включая самого Ояму, оступались и падали. Да и с практической точки зрения, это было совершенно бесполезное упражнение. В общем, мы все подумали, что сэнсэй просто решил над нами подшутить.

Потом Ояма перешел к объяснению ката Сантин и техники дыхания ибуки, после чего, к удивлению всех учеников, приехавших в лагерь из Франции, Германии и других стран, объявил, что... тренировка на этом закончена!

Знаете, если бы это было занятие по Сётокану, я бы, наверное, еще смог это понять. Но Кёкусинкай считался боевым стилем, а не танцевальной школой, и в европейских школах каратэ такие тренировки проводились для 9-х кю, но никак не для инструкторов.

Что же касается ката Сантин, то Ояма его очень любил и демонстрировал практически до конца своих дней. Но европейцам оно

совершенно неинтересно, лишь немногие видят смысл в его практике, так что это занятие с сэнсэем, вместо того чтобы вдохновить наших парней, у многих, напротив, отбило охоту заниматься Кёкусинном. Некоторые начали уходить прямо посреди занятия, и мне пришлось бегать за ними по кустам и упрашивать остаться.

Потом, когда Ояма уехал, я организовал бои между черными поясами и многочисленными обладателями ученических степеней кю, которые находились в лагере, и к концу дня все были настолько истощены, что думали только о том, как добраться до кроватей, и были убеждены, что, в конце концов, получили за свои деньги сполна.

Для меня это был хороший урок. В то время Ояме было всего 46, а он уже начал считать себя стариком и действительно превратился в старика. С другой стороны, моему ученику Крису Дольману было 48, когда он в 1993-м году завоевал свой 4-й титул чемпиона мира по свободным боям в Токио. Так что

я думаю, что лет до 50 можно сохранять нормальную спортивную форму. После 50 тело начинает сдавать, что бы ты с ним не делал, но если действительно этого хотеть, то можно сохранять неплохую форму и в возрасте за 60.

Во время того же визита Оямы в Голландию и обсуждения положения в Европейской организации Кёкусинкай-кан, я взорвал настоящую бомбу. Почти каждый вечер я работал в казино и имел долю в трех заведениях, что приносило мне неплохие деньги. И не потому, что у меня лицо очень симпатичное или просто по причине необычайно теплого ко мне отношения. Просто владельцы казино знали, что когда там нахожусь я, «крутые» парни ведут себя пристойно или вообще не появляются. И вот я сказал Ояме, что сыт политикой будо по горло и хочу уйти с поста президента Европейской организации Кёкусинкай. Сэнсэй чуть не подавился и отказал мне в отставке и только через много времени, когда наконец осознал, что мой уход предрешен, печально кивнул в знак согласия.

И вот тогда я сделал самую большую глупость в своей жизни (уж поверьте мне, я сделал немало глупостей): я порекомендовал Ояме назначить следующим президентом Европейской организации Кёкусинкай Люка Холландера.

Надо сказать, Ояме кандидатура Люка не очень улыбалась, потому что он знал, как тот на самом деле сдавал свой экзамен в Токио. Но, перебрав несколько других кандидатур, сэнсэй в конце концов согласился с моим предложением, и Люк наконец-то достиг своей цели. Свидетелем всего этого был Ринус Шульц, мой амстердамский сихандай. Как показала жизнь, это было начало конца европейского Кёкусинкай и начало карьеры нового голландского миллионера по фамилии Холландер — по моему мнению, самого убогого и трусливого миллионера во всех Нидерландах.

После летнего лагеря Кёкусинкай-кан 1970-го года в Эрмелло у нас образовался дефицит в 7000 гульденов. Я был очень расстроен этим, но сладкоречивый Холландер сказал, что сам выплатит долг. Более того, он сказал, что, поскольку я так занят работой в казино и в своем додзё, так активно снимаюсь в кино, в будущем году он организует лагерь самостоятельно.

Люк был чрезвычайно доволен собой, когда в 1971-м году ему удалось перенести летнюю школу из леса в Эрмелло в открывшийся незадолго до того Нидерландский спортивный центр в Папендале (неподалеку от Арнхейма). Хотя я считал, что это место несколько дороговато, я был вынужден признать, что центр отличный. Рядовые участники лагеря получали отдельные комнаты в общежитии, а высокопоставленные — маленькие бунгало с собственными ванными, туалетами и телевизорами, что было особенно важно для Холландера, который был всегда занят охотой на баб.

Видимо, людям это понравилось, так как Холландер получил в тот год 28000 гульденов чистой прибыли, о чем, разумеется, ничего мне не сообщил. Но в то время я имел хорошие доходы, а потому не особо заботился прибылями с летних лагерей. Да и узнал я об этом только через много лет.

У Люка хватало наглости приглашать меня для проведения тренировок в качестве почетного инструктора на летние школы 1971-го, 1972-го и 1973-го годов и открывать их от моего имени, ведь я все еще оставался единственным обладателем 6-го дана по Кёкусинкай каратэ в Европе и считал, что мы с Люком друзья.

Многие жаловались мне, что в клубах Кёкусинкай растут месячные взносы, поднимаются цены на сертификаты о присвоении данов, что Люк собирает большие поборы с тех, кто хочет получить рекомен-

дацию для поездки на обучение в японское хомбу, что выплаты, направляемые в хомбу, растут год от года и т.д. и т.п. Разумеется, часть этих денег получал Ояма, но далеко не все, и это открылось.

Сиём ван дер Ньювендик, обладатель 2-го дана, мой ученик и руководитель додзё в Заандаме, во время отпуска поехал в Токио, чтобы встретиться с Оямой. Он решил внести взнос за членов своего додзё лично сэнсёю. Когда он передавал ему деньги, Ояма, пересчитав их, с удивлением сказал:

—О! У тебя так много учеников!

—Спасибо. Но у меня всего тридцать человек,—отвечал Сиём.

—Тридцать?—переспросил Ояма,—но ведь это деньги, по крайней мере, за шестьдесят или даже семьдесят человек!

Оказалось, что Холландер просто прикарманивал половину всех взносов!

Ояма после этого случая задал ему вопрос, куда деваются деньги, но Холландер отвечал, что они нужны на покрытие расходов Европейской организации Кёкусинкай-кан. И сэнсэй, как мне впоследствии рассказывали его токийские сихандаи, решил промолчать, прикинув, что лучше получать половину доходов от бизнеса, чем не получать ничего. А вот Сиём молчать не стал и, вернувшись домой, обо всем сообщил мне.

Похоже, полное отсутствие контроля за собираемыми с членов организации деньгами совершенно не беспокоило наших голландских болтунов, которых опекал в то время Люк. А каждого, кто выражал недовольство и был у них занозой в заднице, вышвыривали из организации самым беспардонным образом или же как-то прижимали. Например, мой старый сихандай из додзё в Утрехте, который начал тренироваться со мной еще в 1963-м году и получил черный пояс раньше Люка, в наказание за отказ платить сверх нормы вплоть

до 1994-го года незаслуженно оставался всего лишь 3-м даном. В то же время в личный «банк» Холландера стекались деньги со всей Европы.

Где-то в 1970-м году Люк начал выдавать ученикам поддельные сертификаты с печатью Оямы. Давайте уточним: сами по себе сертификаты были вполне настоящими; подделкой на них был только оттиск печати Оямы. Эту печать Люк подделал в одной мастерской в Роттердаме и прикладывал к сертификатам, которые продавал за большие деньги.

В 1985-м году один экземпляр такого сертификата мне передал Пит Поддер, бывший член додзё Холландера, а потом я отыскал нескольких иностранцев, получивших такие же. Они передали их мне, описав, когда и каким образом получили их.

Мне было трудно в это поверить, но я понимал, что фальсификация сертификатов Люком действительно имела место. Собрав все доказательства и переведя документы на японский язык, я отослал их Ояме. Но сэнсэй мне не ответил и ничего с Люком не сделал. Я только обратил внимание, что во время так называемого чемпионата мира по Кёкусинкай каратэ, который проходил в Токио в тот год, Ояма отказался позвать Холландеру руку.

Во время моей встречи с Мацуи в токийском хомбу осенью 1994-го года я спросил его о судьбе этих документов. Мацуи сказал, что ничего о них не знает, но его секретарша—канадка, говорящая, читающая и пишущая на блестящем японском языке,—сказала, что познакомилась с ними, когда принимала дела в офисе, и что Люк представлял в них в весьма неприглядном виде. Тем не менее, Мацуи оставил Люка своим советником в новом хомбу—видно, этот умелый «переговорщик» сумел-таки «отключить» Мацуи своей ложью.

Видимо, Ояма что-то сказал Люку по поводу моего «демарша»,

потому что тот вскоре позвонил мне, мы встретились и переговорили. Холландер сказал, что я не должен верить во все эти истории и что я должен доверять только тому, что видел сам. Но убеждал в этом он меня настолько сбивчиво, что даже моя жена рассмеялась ему в лицо. Это была последняя наша встреча. Но после нее я начал собственное расследование и от многих старых учеников, оставшихся с Холландером после моего выхода из организации Кёкусинкай, узнал, что он рассказывал обо мне множество всяких басен. Он даже обвинил меня в подделке сертификатов, хотя и не мог представить свидетелей. Тем не менее, все верили ему, что я—настоящая сволочь, которой никак нельзя доверять.

Как далеко в своей подлости может зайти этот человек, я узнал летом 1973-го года. Во время очередной летней школы Патриция, подруга одного из моих учеников, попросила меня поговорить с ней наедине. Она спросила меня, действительно ли в Кёкусинкай-кане секс претендентки на сдачу экзамена с сэнсэем является обязательной и стандартной процедурой?

Я был ошеломлен и спросил ее, откуда у нее такая идея.

Патриция сказала, что ей было сказано, что она не сможет пройти тест на 4-й кю, если сначала не придет в комнату Люка для прохождения другого теста—лежа на спине.

Я попытался сгладить неловкость, сказав девушке, что Люк—большой шутник и что он явно пошутил. Теперь я жалею, что поступил тогда так, потому что через несколько лет узнал, что Люк говорил с Патрицией совершенно серьезно. Я поверил в это, когда то же самое мне рассказали еще несколько девушек, а старшие ученики Холландера подтвердили, что перед экзаменами непременно должны были найти какую-нибудь девчонку, которая улеглась бы с ним в постель.

У меня состоялся длинный разговор с Люком, но проку от него было мало, он продолжал гнуть свою линию. Выслушав меня, он просто улыбнулся и сказал: «Да ладно! Это же просто шлюхи!»

Поскольку в то время я уже не входил в совет директоров Кёкусинкай-кан, я посоветовал девушкам написать обо всем прямо Ояме. Думаю, в его архиве можно отыскать несколько симпатичных писем из этой серии...

В 1975-м году Люк позвонил мне и попросил помочь с организацией первого в Голландии чемпионата по фулалконтакт-каратэ. Он хотел, чтобы я разрешил ему использовать в рекламных целях мое имя, потому что его собственное не значило абсолютно ничего. Ну, фулалконтакт-каратэ всегда было дорого моему сердцу, и я решил пойти навстречу Холландеру, несмотря на все предубеждение к его

Я — 7-й дан каратэ. 1975 г.

персоне. Забавно, что, оказывается, Ояма был категорически против подобных соревнований. Но я об этом понятия не имел, потому что уже был вне системы Кёкусинкай, а вот Люк об этом, разумеется, был осведомлен. Черт, хотел бы я все это знать в то время! Ведь тогда никакого чемпионата просто бы не было, по крайней мере, на него никто бы не пришел.

Чемпионат проходил в Роттердаме в Ахой. Призом за первое место был автомобиль стоимостью в 29000 гульденов. Для привлечения зрителей мы устроили также первое в Голландии состязание по бегу с преследованием на роликовых коньках.

Ахой был набит битком, было много суматохи, произошло даже несколько драк между членами разных некекусинкаевских клубов. Мне пришлось вмешаться в несколько стычек (Люка, как всегда, когда дело доходило до драк, нигде не было видно), и на ринг для открытия шоу я вышел несколько раздраженным.

В правом и левом углах ринга были приготовлены для разбивания по четыре ледяных плиты. Мы с Люком должны были разбить их и тем самым открыть наше шоу.

Люк ударил свою стопку и расколол ее так, словно это был не лед, а воздух. Вау!!! Только ведь это и вправду был воздух! Дело в том, что Пит Полдер и другие ученики Люка разрезали его плиты алмазной струной, а потом снова заморозили их так, чтобы никто не заметил разрезов. В результате реальная толщина льда была не более 20 сантиметров. Именно по этой причине у его стопки постоянно стоял кто-то из его парней—он должен был следить, чтобы никто не подошел к ней слишком близко и не обнаружил обмана.

После участия в стычках я был, конечно, возбужден и потерял концентрацию. Поэтому я просто ударил лед изо всех сил и, не рас-

считав, попал кистью прямо в острый край льдины. Даже новичок знает, что это опасно, но я в своем тогдашнем состоянии просто перестал соображать. И в итоге моя локтевая кость оказалась сломана. Я так разозлился, что, не обращая внимание на боль и возможные последствия, тут же снова долбанул по плитам правильным ударом ребром ладони и расколол их. Правда, ощущение было такое, словно моя правая рука сама обратилась в лед.

И как раз в тот момент, когда я закончил ломать себе руку, на катке для бега на роликах, окружавшем боксерский ринг, вспыхнуло побоище между членами враждующих клубов. Люк растаял, как дым, предоставив мне улаживать конфликт. Настроение у меня, как вы можете себе представить, было не особенно хорошее, и я быстро пошел к месту драки. Как мне потом рассказывали очевидцы, когда я шел к дерущимся, люди расступались передо мной в стороны, словно волны Красного моря перед Моисеем в известном библейском сюжете.

Но потом один здоровый жирный пацан преградил мне дорогу. «Да кто ты, на хер, такой?»—сказал он, уставившись мне в лицо. Похоже, он был не особенно умен, а то, что он увидел на моем лице, не произвело на него большого впечатления. И вот этот придурок запустил мне в лицо боксерский свинг.

Моим лучшим оружием всегда был удар правым сэйкэн, но в этот раз я им воспользоваться не мог—я не мог даже пошевелить пальцами правой руки. Поэтому я ударил его левой, и его подбородок по сей день зацементирован между костяшками безымянного пальца и мизинца моего левого кулака. Потом я поднял его и перебросил через бортик дорожки, так что он пролетел метра четыре. Стоит ли удивляться, что этот парень весь следующий день провел в коме?

А я четыре недели ходил с загипсованными руками. Черт возь-

ми! Как же мне повезло, что мой правый кулак был травмирован, ведь если бы я ударил его справа, то наверняка убил бы, а сэнсэй будо этого делать не должен.

Что Люк не боец, известно прекрасно. Сначала ему надавали по морде в одной драке в баре, а потом кто-то ткнул ему в лицо «розочкой» бутылки, и швы, доставшиеся Холландеру в награду, до сих пор можно видеть на его носу.

Расскажу еще одну забавную историю. Дело было в конце 70-х, кажется, в 1979-м году, во время очередной летней школы. Люк дал задание всей группе проплыть в бассейне час, и когда время заплыва закончилось, свистнул в свой маленький свисток (в Японии его до сих пор называют Мистер Свисток). Все выскочили из воды. Все, кроме одного маленького, но крепкого молодого парня.

Тогда Люк подошел к бортику бассейна, шлепнул парня по голове и сказал, чтобы тот пошевеливался. Одним тигриным скачком парень выскочил из бассейна и залепил Люку прямо между глаз такой удар, что тот упал в нокауте.

Оказалось, что это был член голландской национальной сборной по гимнастике, и ему было насрать на Холландера, которому вдруг припичило лупить постороннего человека по голове. Ну, вот он ему и вмазал хорошенько—настолько хорошенько, что все остальные дни лагеря Люк просидел в своем бунгало, и занятия проводили его ассистенты, которые только изредка видели своего шефа, прячущегося за занавески, с двумя черными синяками под глазами и с пакетом льда на «хоботе».

Эх, хотелось бы мне быть там, чтобы самому все это видеть! А еще лучше—чтобы вмазать ему!

Нет, Люк—не боец, а бизнесмен, он бросил заниматься каратэ после того, как возглавил Европейскую организацию в 1970-м году.

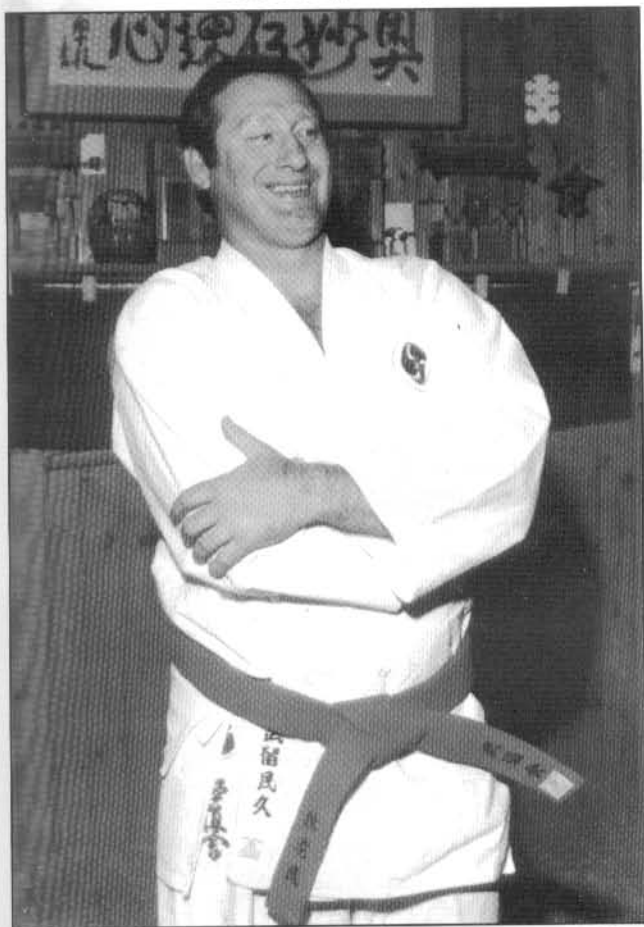
В 1988-м году, когда для меня уже стала окончательно ясна истинная сущность Люка, и я узнал, что за чушь обо мне он распространял, Пит Полдер пригласил меня выступить на ежегодной конференции Европейской организации Кёкусинкай-кан в Папендале и в присутствии Холландера рассказать всю правду. Я ответил ему:

—Меня туда не приглашали. Я не являюсь членом организации, и Холландер может просто вызвать копов, чтобы они выкинули меня оттуда.

Тогда Пит сказал:

—Да нет же! Вы член организации! Вы член моего клуба, а я имею право привезти с собой одного члена клуба!

Так мы отправились на эту конференцию. А Люк, узнав, что я еду на нее, не явился. Ладно! Я все равно встал и в присущей мне тактичной манере рассказал всем о том,

Я — 8-й дан каратэ, 1979 г.

как Холландер убивал все эти годы мое детище—Европейскую организацию Кёкусинкай. Я говорил обо всем: и о Патриции, и о подделках сертификатов, и об утаивании денег. Можете себе представить, какой силы взрыв это был.

Несколько человек сказали, что не верят мне, но тогда встали другие—старейшие члены организации—и сказали: «Думайте, что хотите о Блюминге, но то, что он сказал,—правда, и мы тому свидетели».

Когда все крики и тыкания пальцами закончились, у Холландера осталось всего лишь 11 додзё, в то время как до конференции их было у него 70. Карточный домик Люка рухнул. Парни, которые относились ко мне очень недружелюбно, стали приезжать ко мне и извиняться. Один из них сказал: «Я просто разбит всем этим. Но теперь я пробудился от сна, мне очень жаль, что так получилось, вы этого не заслужили». Мы обнялись, а потом я сказал: «Ладно, все в порядке. Иди тренируйся!»

Это был конец Европейской организации Кёкусинкай-кан.

Но, к сожалению, это не был конец вранья, потому что, порвав с Холландером, большинство европейских додзё присоединились к Ояме Сигэру, который стал очищать их почти так же, как это до него делал Люк. Но теперь глаза у них уже были открыты, поэтому такое положение сохранялось недолго. Сейчас большинство клубов существуют сами по себе и прекрасно себя чувствуют, ими руководят не лемминги, а учителя, обладающие настоящей широтой видения.

Пит Поддер поведал мне секрет техники разбивания, который обеспечивал успех Люку, и рассказал, что, когда он и его товарищи готовили показуху в Ахой в 1975-м, они подпилили лед для Холландера

и хотели сделать то же самое для меня, но Люк велел им не делать этого, мол, Блюминг настолько хорош, что ему подобные хитрости не нужны, пусть покажет всем, какой он крутой.

Пит признался также, что они всегда подрезали доски для Люка бритвенноострыми ножами, оставляя миллиметра два, благодаря чему при разбивании внушительной стопки досок толщиной в 6 сантиметров Холландер на самом деле ломал всего 6 миллиметров!

Вообще, лед—самый доступный материал для разбивания. Сэнсэй Адзума в 1996-м году установил рекорд в разбивании ледовых блоков, он расколол то ли 12, то ли 15 блоков.

В 1983-м году я посетил Корею по приглашению Корейской ассоциации ветеранов армии. На торжественном ужине в штаб-кварти-

ре этой организации я сидел с ее президентом, и он спросил меня, кем я работаю. Когда я сказал ему, что преподаю каратэ, он сказал, что его друг—знаменитый учитель каратэ по фамилии Ояма—как раз приехал из Японии. Удивленный, я рассказал ему свою историю. Генерал рассмеялся и сказал: «А-а! Теперь я знаю, почему ваша фамилия показалась мне знакомой! Так вы Блюминг, «Зверь из Амстердама!»» Потом он позвонил Ояме и устроил нашу встречу.

На этой встрече, помимо генерала и меня, присутствовал еще мой старый друг Чой Ин До, обладатель 9-го дана дзюдо и тренер олимпийской сборной по дзюдо Корейской республики. Старик Ояма был действительно рад увидаться со мной, и мы хорошо поговорили. Он сказал, что пошлет мне билет на самолет в первый класс, чтобы на следующий год я смог приехать в Токио. Он даже согласился расстаться с Люком Холландером.

Но вместо этого в ноябре 1983-го года я получил письмо из Кёкусинкай-кан, в котором говори-

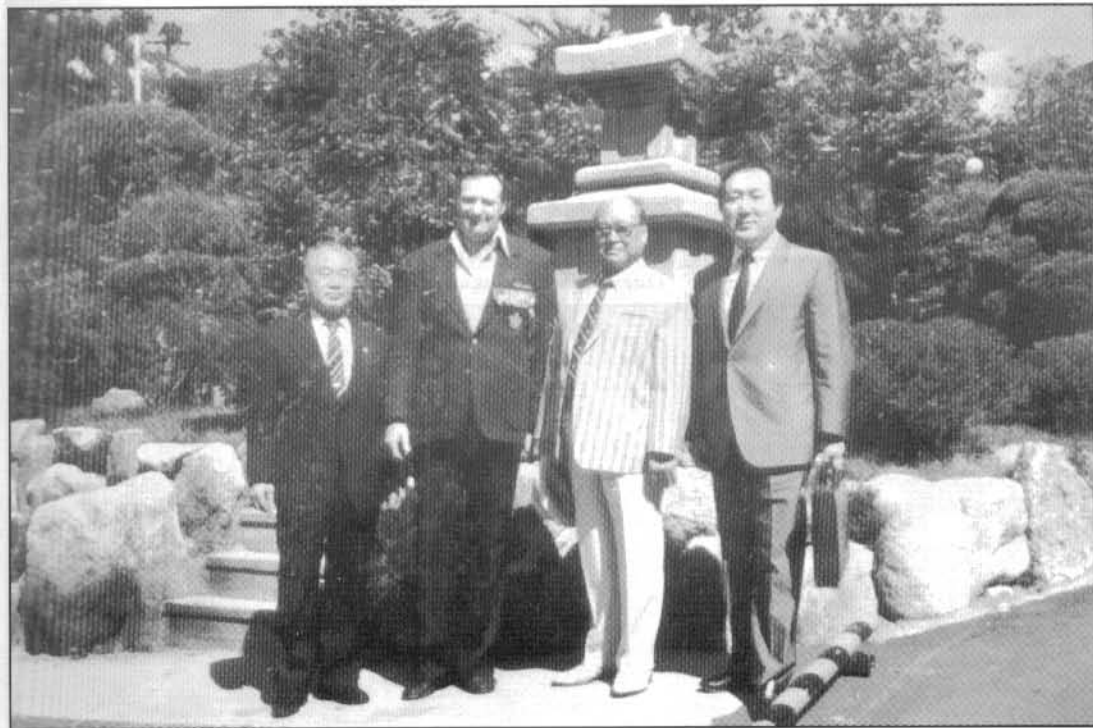
лось, что Кёкусинкай не желает моего возвращения, и что мне лучше заниматься своими собственными делами. Письмо было подписано Холландером, Бобби Лоуи и Стивом Арнейлом.

Позднее я узнал, что Люк Холландер, узнав о нашей с Оямой встрече в Сеуле, в ноябре 1983-го года отправился в Токио и во всеуслышание объявил, что я—гангстер, грабивший банки с пистолетом в руке и отсидевший несколько лет.

Я признаю, что я был партнером в казино, но содержать казино—это не совсем то же самое, что быть гангстером. Более того, если бы я грабил банки с пистолетом в руке, то меня, уж наверное, не выбирали бы для службы почетным телохранителем Бернарда, принца Голландии, в 1986-м, 1991-м и 1996-м годах. И тем не менее, Ояма и Арнейл—эти уважаемые, в отличие от таких жуликов, как Холландер и Лоуи, люди—поверили в рассказ Холландера.

Мой вам совет после всего этого: никогда не обсуждайте дел без свидетелей. Не зря я встречался с

Моя последняя встреча с Оямой. Сеул, 1983 г.

Оямой в присутствии сразу двух незаинтересованных лиц — генерала Пак Юн Чи и Чой Ин До. И еще: храните документы. Все важные письма до сих пор находятся в моем кабинете!

Осенью 1993-го года Ояма наконец-то признал, что я был прав в своем мнении насчет Люка Холландера, и я совершенно не удивляюсь тому, что сегодня вы нигде в японских изданиях не увидите ни упоминаний, ни фото Холландера и Лоуи: просто Ояма запретил печатать их.

Чтобы исправить ситуацию, Ояма даже послал ко мне в Голландию Акира Маэда, 7-й дан. Маэда сказал мне, что Кёкусинкай разваливается. Чтобы вернуть меня, Ояма был готов выкинуть Холландера и сделать меня следующим президентом Международной организации каратэ. Он был даже готов позволить мне продолжать преподавать дополнительно мою собственную систему.

Я был необычайно возбужден и начал готовить своих парней к переходу в его организацию. А потом, 28 апреля 1994-го года, Крис Дольман прислал мне факс, в котором говорилось, что Ояма только что скончался от рака легких. Я почувствовал себя так, словно снова умерла моя мать. Я плакал и плакал, я был ужасно расстроен, зол и разочарован.

На протяжении следующих месяцев я несколько раз встречался с новыми лидерами Кёкусин кайкан. Люк Холландер по-прежнему был в организации, он со своими друзьями опять поразил меня тем, что их больше, чем будо, интересуют деньги. В общем, там не происходило ничего нового.

Мацуи никогда ничего не выигрывает от сотрудничества с Холландером, потому что в Европе все хорошие сэнсэи ненавидят этого негодяя, потому что он у каждого в то или иное время украл либо деньги, либо жену. Это самый худ-

ший вариант — и для хомбу, и для Европы.

Последним из недавних знаменитостей от Холландера ушел Мишель Ведель, который в настоящее время является членом Международного союза Будокэй и тренируется в додзё Дэйва Йонкерса, обладателя 8-го дана и моего сихандай. Мишель много помогает вдове Оямы и Сампэю Кэйдзи, который руководит отдельным хомбу Кёкусинкай.

Кстати, Люк снова прибег к своим старым штучкам — недавно он сказал нескольким членам нашей организации, что Сампэй якобы вышвырнет меня из своего додзё, если я осмелюсь там показаться. И Люк почти добился, чего хотел, потому что я в поисках Сампэя посетил это додзё несколько раз, пока не сообразил, что Люк снова начал позорить меня перед людьми.

Возможно, кому-то покажется, что я говорю о Люке с чувством горести. Да, это так! Почему?! Да потому что Люк нравился мне и я многие годы отказывался верить, что этот человек, которому я полностью доверял и которому дал так много, ничего не потребовав взамен, который благодаря этому заработал миллионы, распространяет обо мне жуткие истории в Европе и в Японии.

Я не могу постичь мотивы такого поведения. Меня не заботило, что Люк зарабатывает большие деньги, потому что я сам хорошо зарабатывал в своем бизнесе. Один мой старый ученик, психиатр по профессии, предлагает такое объяснение этому. Он утверждает, что Люк всегда чрезвычайно сильно завидовал тому, чего я достиг в жизни, и что, помогая ему все эти годы, я только распалял его зависть.

Но все эти размышления не имеют отношения к другим моим ученикам, а теперь сэнсэям, которые сохранили преданность будо. В первую очередь, и в особенности, к первому сэнсэю Холландера

Харри Сериесе. Большинству из них Люк воткнул в спины ножи и, как правило, безо всяких серьезных на то причин.

Нет, по моему мнению, Холландер—человек совершенно безнравственный, он всю жизнь работал только на себя, подобно столь многим диктаторам XX века. Мы могли быть с ним друзьями, потому что для меня будо всегда было хобби и образом жизни, как и для самураев прошлого и великих будока, таких, как Дайго (дзюдо), Курода (кэндо, дзёдо), Куросаки Кэндзи (каратэ и кикбоксинг) и Мацуура Ёцуки.

То, что я никогда в прошлом не попросил ни гроша у своих учеников за их сертификаты о присвоении данов и собирал смешную месячную плату за занятия в додзё и инструкторские семинары, было возможно, потому что я делал хорошие деньги в казино и заставляя

глупых картежников платить за все это. Кроме того, я сам упорно трудился, чтобы заработать свои степени, и всегда платил за них копейки, так какого же черта должен был я делать на этом заработок? Благодаря этому я мог позволить себе заниматься своим любимым хобби все эти годы. Я никогда не хотел видеть в своем додзё «Будокай» сутенеров и прочих человеческий мусор, и мне, конечно же, не были нужны их деньги. В отличие от профессионалов, я не зависел от своих тренерских доходов, и это было прекрасное ощущение свободы.

Я считаю, что Холландеры и Лоуи не принадлежат будо, но именно из-за них многие до сих пор смотрят на будо как на что-то подозрительное и странное и не желают доверять «будокам». И правильно делают!

ГЛАВА 9. Я УХОЖУ В СТОРОНУ

Казино, кино, наркотики,
тюрьма...

В конце концов, в начале 1973-го я решил, что дзюдо и каратэ с меня хватит, и ушел со всех своих постов, включая посты президента Голландской и Европейской организаций Кёкусинкай-кан. Конечно, я по-прежнему занимался силовой тренировкой и тренировался с друзьями, но делал это только в качестве рекреации.

В 1970-м году я получил развод от своей жены-японки. Она замечательный человек, и я люблю двух наших детей, но мы расстались к лучшему.

Вскоре после развода я вновь женился, на этот раз — на прекрасной молуккско-китайско-голландской метиске. Выучив, наконец, свой урок, я решил посвящать больше времени заработку денег (в конце концов, мне совсем не хочется кончить свою жизнь на улице грязным стариком) и времяпрепровождению с семьей, нежели занятиям каратэ, и, наверно, благодаря этому мы с моей женой все еще вместе.

С сыном Йоном Мас. 1965 г.

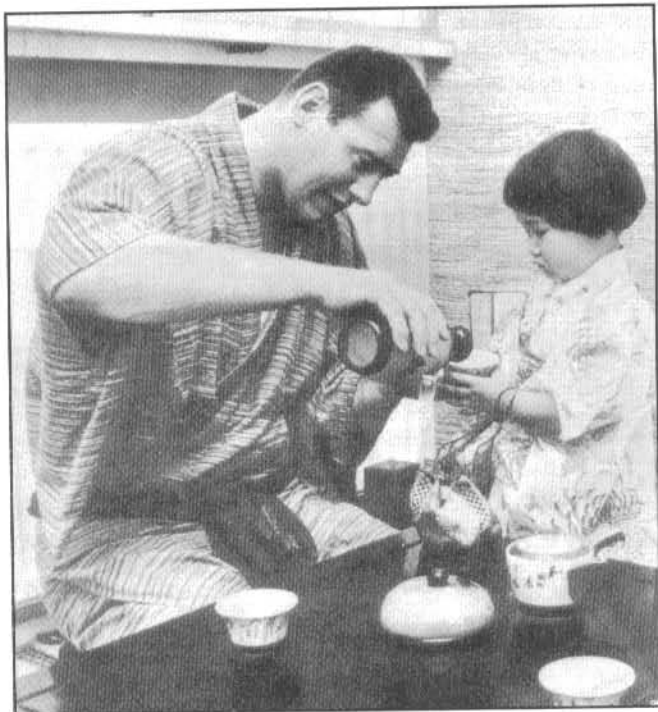
Главным источником моих доходов были 15-процентные партнерские доли в нескольких казино (спешу напомнить читателям, что в Голландии азартные игры разрешены). Я зарабатывал неплохие деньги. Но все-таки это было для меня трудное время.

Отчасти потому, что я постарел. В физическом отношении я начал сдавать на пятом — шестом десятке. Думаю, что я долго продержался в хорошей форме, и жаловаться мне не на что. Но все-таки старение не может не сказываться и не раздражать, и теперь, когда я куда-то лечу, мне приходится брать билет либо в бизнес, либо в первый класс, потому что я совершенно не в состоянии втиснуть свое старое израненное тело в крошечные сидения, расположенные в хвосте самолета.

Отчасти же мои трудности были связаны с тем, что мне приходилось много работать. И знаете ли, в казино не собираются счастливики...

Из-за того что мне приходилось проводить так много времени в походах по барам, я начал выпивать на работе, а потом, придя до-

С дочерью Тий. 1964 г.

Мой новый дом. Обратите внимание на прическу—с ней я снялся в своей первой большой роли в кино

мой, вливал в себя бутылку бренди. И уже очень скоро это породило кучу новых проблем.

Так, однажды ночью, выйдя из клуба, я не смог найти свою машину. Кто-то украл ее. Вzbешенный, я позвонил другу из компании такси. Я сказал, что у меня украли машину и что я готов выплатить вознаграждение в 250 гульденов (около 100 долларов) тому, кто ее найдет. Мой друг обещал передать это коллегам, и уже в течение часа перезвонил мне, чтобы сообщить, что один таксист ждет меня у моей машины на стоянке. Я выбежал на улицу и обнаружил автомобиль на том же самом месте, где его припарковал!

В другой раз я приобрел новую машину с автоматическими замками на дверях. «Это для безопасности»,—сказал мне продавец.

В первый же раз, когда я на ней выехал, я запер свои ключи внутри. Тогда я позвонил копам, и они весьма любезно открыли мне машину. Но через несколько часов я умудрился сделать то же самое. Я снова позвонил в полицию—на

этот раз они были уже не столь любезны. Еще через пару часов я запер ключи в третий раз. Делать нечего—снова звоню копам...

Пока я стоял у машины, раздумывая, как поступить, подъехал один мой знакомый. Он остановился и спросил, что случилось. Когда я объяснил, он вытащил кусочек металла из кармана пальто, сказал: «Это не проблема»,—и открыл дверь быстрее, чем я мог это сделать ключом! Оказалось, что он был профессиональным автомобильным воров...

Вскоре после этого случая жена сказала мне: «Ты смеешься над всеми этими парнями, которые

С сыном на его первой тренировке.

Март 1971 г.

С Арнольдом Шварценеггером в Брюгге, Бельгия. Арнольд делал там показательные выступления по бодибилдингу, а я — по каратэ. Сентябрь 1969 г.

употребляют наркотики, курят и выпивают. Но почему же ты сам делаешь то же самое?» Меня это зацепило, и теперь я пью только безалкогольные и слабоалкогольные напитки.

Впрочем, у работы в казино были и свои положительные стороны, в частности, оплачиваемые поездки. Например, благодаря этой работе я в 1971-м году попал в Нью-Йорк. Там я познакомился с Накамурой Тадаси и Оямой Сигэру. Я знал их еще в Японии, но тогда они еще ходили в коротких штанишках, а теперь это уже были не ученики, а зрелые учителя. Накамура считался особенно сильным. Он откололся от Оямы и, как предполагают, в отместку за это получил пулю в колено. К счастью, он полностью восстановился, и сегодня его школа Сэйдокан-кан США процветает.

В другой раз меня послали в Рио-де-Жанейро. Один тамошний парень уклонялся от выплаты долга, и я должен был постучаться ему в дверь и вручить счет. Мне не ставили задачу сделать с ним что-нибудь, требовалось только сообщить ему, что казино знает, где он находится. При этом мне оплачивали первоклассный отель, перелет, вообще все. Разумеется, я поехал.

Однако казино так и не смогло выяснить точный адрес парня, и, после нескольких недель моего пребывания в Рио, мне велели возвращаться. Но все это время я

каждый день ходил на пляж, чтобы проверить дам в их бикини в виде поясков. Бог ты мой!..

Не могу говорить за других, но я лично только смотрел. Почему? Да потому что сразу после приезда в отель его сотрудники передали мне брошюру с рекомендациями по обеспечению собственной безопасности, напечатанную на всех языках мира. В ней, в частности, говорилось: «Не носите часы и кольца. Не носите золотых украшений. И, между прочим, у нас миллион зарегистрированных больных СПИДом».

Но, как бы там ни было, работа в казино была тяжелой и совсем не романтической. Никому ее не рекомендую!

Я также снялся в семи кинофильмах. Мой первый опыт в кино относится к лету 1961-го года. Донн Дрэгер предложил тогда нашей дзюдоистской компании всей кучей сняться в кинофильме «Последний вояж» — японцам требовались иностранцы (в то время их все-таки было не так много в Японии) для антуража и ролей второго плана.

Позднее я снялся еще в нескольких японских кинофильмах и телесериалах на разных студиях, просто для того, чтобы немного заработать.

Самый знаменитый фильм с моим участием называется «Бута то гункан» — «Свиньи и военные корабли», я сыграл в нем довольно крупную роль. В 1998-м году Крис Дольман подарил мне на день рождения полную копию этого фильма, который сейчас считается в Японии неувядающей классикой.

Еще один фильм, в котором я снялся, — «Marines, Let's Go!» — «Морпехи, вперед!». Организация съемок была отвратительная, кормежка ужасная. Единственное,

На съемках кинофильма «Modesty Blaise» с Майклом Крэйгом и Лексом ван Делден (слева). Январь 1966 г.

Там же вместе с Моникой Витти и Лексом

Ночная съемка драки Ринуса Шульца (в костюме моряка) и Гиллиан

Там же вместе с режиссером — покойным Джо-зефом Луси

На съемках кинофильма «Modesty Blaise» в Амстердаме в районе Ватерлооплайн. Слева направо: Крис Дольман, Харри Сериезе, Гиллиан Адам (женщина-каскадер) и Йон Блюминг, актер и постановщик боевых сцен. Ноябрь 1965 г.

Моя первая и, конечно же, главная роль в кинофильме голландского производства «Борец». Вместе с Бернардом Дроотом. 1970 г.

С Моникой на тренировке в нашем додзё во время подготовок к съемке. В центре — Ринус Шульц

что радовало,—новые знакомства. Я познакомился там с Эдмондом Обрайеном (море веселья), Дороти Мэлоун (очаровашка), Робертом Стэком (хер моржовый) и Вуди Стродом (чернокожий актер, настоящий джентльмен и друг). Я тогда еще поучил Риза, в то время начинающего актера, бить кулаком.

После съемок со всеми этими американскими знаменитостями в Голландии я стал считаться настоящей звездой, снимался в кино и в телесериалах, в частности, в сериа-

ле «Слава Голландии» о буксирном бизнесе (по книге Яна де Хартогха). Но поскольку за работу в кино в Голландии платят плохо, в конце концов, я ушел из этого бизнеса.

Моя последняя работа на телевидении—участие в съемках документального фильма «Martial Arts: The Real Story»—«Боевые искусства. Подлинная история»—совместного производства «Обучающего канала» (The Learning Channel) и британской телестудии «ITV», который вышел на экран в 2000-м году.

Сцена из кинофильма «Бедствие в раю». С Риком де Гойером

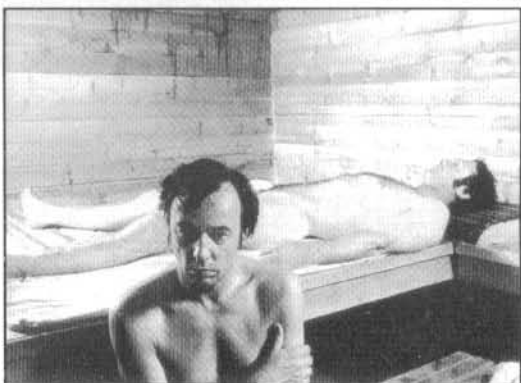
Вместе с покойной Анни де Ланге

В сцене из лучшего голландского кинофильма «Ночной грабитель», который шел в нидерландском прокате на протяжении трех лет. Вместе со знаменитым киноактером Риком де Гойером, 1971 г.

На съемках сцены в борделе с Анни

В этой сцене я лежу пьяный в стельку в сауне. После ночи, проведенной в городе, мне даже не пришлось играть...

*Samen
over de
schutting*

На премьере в кинотеатре «City» в Амстердаме с Женнифер Виллс и Рийком де Гойером

Фото с Сильвией Кристель для прессы. Во время съемок кинофильма «Обнаженные за оградой»

Сцена из кинофильма «Обнаженные за оградой». Вместе с Сильвией Кристель. 1972 г.

Вместе с покойным кинорежиссером Димитрием Френкелем Франком

Blossing tijdens de première van NAKT over de Schutting met Jennifer Willes en Rijk de Gooijer

Газетная публикация о моей второй премьере в кинотеатре «City». На фото я запечатлен с Женнифер и Рийком. 1972 г.

Гордый, как обезьяна, перед кинотеатром «City». Весна 1973 г. Наш фильм крутили два с половиной года!

Сцена из кинофильма «Пятый из четырех дней». С Крайкампом, покойным Блассером и Арни Бревельдом. 1973 г.

Кадр из кинофильма «Пятый из четырех дней»

Сцена из того же кинофильма с Джеромом Реехусом

Сцена из кинофильма «Кафе-мороженое». С Жераром Толеном. 1985 г.

Сцена из того же фильма

Сцена из кинофильма «Поле славы». Моя последняя роль в кино. С Ронем Брандстедером. И, конечно же, грязные шуточки... Корея, 1985 г.

Сцена из того же фильма

Я участвую в шоу голландского комика ван Дуинса. 1978 г.

Маваси-гэри Блюминга на обложке французского журнала «La revue des Arts Martiaux» («Обзорные боевых искусств»)

Кадр из кинофильма «Поле славы». Корея, 1985 г.

Конечно же, я постоянно искал дополнительные возможности для заработка. Я решил, что нашел такую возможность в 1970-м, когда один мой приятель спросил меня, не знаю ли я, где можно купить немного эрготамина. Не имея ни малейшего понятия о том, что такое эрготамин, я спросил другого приятеля — генерального менеджера завода «Юнион карбид», не знает ли он, что это такое и где его можно достать. Он знал, что такое эрготамин, и сказал мне, что его продает одна немецкая компания. Я позвонил в Германию и поинтересовался ценой. Заодно я спросил, является ли этот препарат разрешенным для продажи. Мне ответили: «Сэр,

в Германии эрготамин полностью разрешен, так что если у вас есть деньги, то у нас есть товар».

Я отправил немцу копию своего паспорта и заключил с ним сделку. Я даже поздравил его с Новым годом открыткой!

Кадр из телевизионной рекламы одной японской фирмы с моим участием. 1985 г.

На охоте. Слева — Рикс Шульц, 8-й дан. Справа — Вилли Зиббалд, 6-й дан

На озере Винкевеен с гусем. 1989 г. С 1967 г. я увлекался охотой, но в 1990 г. бросил ее, потому что убийство животных стало мучить мою совесть.

А в 1972-м году я узнал, что тот приятель, которому я продал эрготамин, в свою очередь продал его каким-то американцам. Те упаковали его в татами для дзюдо и отправили в Калифорнию, где эрготамин извлекли и изготовили из него ЛСД! И все это потом, когда один из американцев, участвовавших в операции, был убит где-то под Сан-Франциско, всплыло.

Можете себе представить, какой роскошный день выдался тогда для американских, английских и немецких газет! Обеспокоенный, я отпра-

вился к чиновнику амстердамской полиции господину Торенаару и рассказал ему, что произошло. Он заявил мне, что все это ему уже известно, и даже показал досье, подтверждавшее его слова. «Йон,— сказал он мне,— мы знаем, что ты занимаешься бизнесом на азартных играх, но нас это не волнует, потому что ты поддерживаешь в казино порядок. Мы также знаем, что ты никогда не имел дела с наркотиками и что ранее ты уже отказывался от предложений участвовать в этом бизнесе». К счастью для меня, я купил и продал эрготамин совершенно легально, и голландская полиция не имела претензий лично ко мне, ей было все равно, что с ним делали иностранцы.

Тем временем тот приятель, что втянул меня во все это дерьмо, потратил пару следующих лет на то, чтобы убедить власти Германии, что тоже был обманут. В ходе следствия несколько немецких полицейских приехали в Голландию, чтобы получить мои показания. Я рассказал им то немногое, что знал. Потом они попросили меня поехать с ними в Германию, чтобы я повторил эти показания в суде. Я ответил им, что мой отец всю Вторую мировую войну проработал на сильно мобилизованным рабочим на одном из немецких заводов и что он говорил мне, чтобы я никогда не доверял германскому суду, потому что единственное, что он сделает с тобой,—поимеет. Я добавил также, что видел в детстве, как эсэсовцы выкидывали стариков-евреев из окон третьего этажа, потому что они не могли спуститься по лестнице, и что мой опыт общения с германским правосудием убеждает меня в правоте слов отца. Поэтому я наотрез отказался ехать в Германию для подтверждения показаний. Немцы были несколько шокированы моей реакцией, но

сказали, что понимают меня, и на том все закончилось.

Конечно, я—не святой, но я никогда сознательно не влезал ни в продажу, ни в контрабанду наркотиков. В отличие от некоторых любимых персонажей прессы, пишущей о боевых искусствах. Один чемпион США по каратэ, по сообщению журнала «Спорт иллюстрэтед», имеет склонность к кокаину, а другой, который знаменит ныне своими выступлениями под девизом «Просто скажите наркотикам нет!», как передают, начал свою карьеру в кинобизнесе с контрабандных поставок кокаина в США из Мексики.

В конце сентября 1978-го года со мной произошел ужасный инцидент. Я был настолько глуп, что влез в спор между правительством Голландии и молуккцами, с которыми поддерживал активные связи с 1976-го по 1978-й год.

Молуккцы на протяжении двух столетий преданно служили Голландской Восточной Индии, хотя голландцы обращались с ними самым ужасным образом, а потом воздали им за службу тем, что, уходя из Индонезии, бросили их самым подлым образом. В результате многие бывшие молуккские солдаты оказались в трущобах практически без денег.

С молуккцами меня познакомил один мой друг—кавалер голландской «Медали чести», которую он заслужил в боях с японцами во время Второй мировой. Кроме того, я со многими из них служил в Корее, и это были настоящие мужики, храбрые солдаты. Я считал их положение ужасным и помогал им советами и всем, чем мог.

К сожалению, некоторые из этих людей были негодяи и вполне заслуживали презрения. Я не знал, что отдельные мои знакомые грабили лавки и супермаркеты. Потом полиция после дикой автомобильной погони, в которой погибло несколько человек, схватила нескольких из

них. А поскольку полицейские знали, что я помогал молуккцам, они сказали им, что на самом деле я им не друг и что это я их продал.

Молуккцы оказались парни не особо умные, они поверили полицейским и щедро оплатили мне за все хорошее: взбесившись, они начали сочинять про меня дичайшие небылицы, мол, я им помогал во время ограблений—поджидал в машине поблизости, чтобы они имели возможность забросить в нее награбленное и смыться. В общем, в свете этой чуши я представлял в самом ужасном виде. Молуккцы подписали свои показания против меня, и меня арестовали—именно этого добивался детектив по фамилии Кальф—типичный дурак, сообщающий так же медленно, как корова.

Сам по себе арест по голландским меркам был очень жестким. Двое полицейских, участвовавших в задержании, держали наготове маленькие автоматы, потому что им сказали, что я очень опасен и могу убить человека с дистанции 10 метров. Да, да, именно так! Прямо как Брюс Ли, который сам никогда не дрался, но принес массу вреда примитивно мыслящим людям своими бредовыми фильмами и любовью к наркотикам!

Детектив Кальф рассчитывал, что когда меня посадят под замок, полиции удастся узнать обо мне что-нибудь криминальное—что я совершил что-то противозаконное или хотя бы собирался совершить. Да, в то время в полиции работало много таких вот примитивов.

Все свои басни про то, как я ждал их в машине во время ограблений, молуккцы повторили в суде. И тогда я задал им вопрос: как выглядит моя машина? Они ответили: серая американская машина. Серая целиком, даже крыша серая. И тогда я показал судье полноцветную фотографию моей машины. Оказалось, что я—единственный во всех Нидерландах владелец машины с

полностью стеклянной крышей. Не годяям ничего не оставалось, как сознаться в оговоре с подсказки полиции.

11 мая 1979-го года я был отпущен на свободу и в итоге получил от правительства компенсацию в размере 150 тысяч долларов за заключение под стражу по ложному обвинению¹⁶. Для прессы это был замечательный день, а я просто отправился домой зализывать раны и думать, как меня угораздило влипнуть во все это дерьмо.

Я никогда не говорил молукцам, чтобы они кого-то убили или сделали что-то плохое. Когда я был в тюрьме, у меня была хорошая работа на кухне, потому что охрана относилась ко мне очень хорошо. Но катаджакка—все-таки катаджакка, она не нравилась мне ни доли секунды. И после выхода оттуда я уже больше никогда не помогал молукцам и не вернулся в бизнес казино—это становилось слишком опасно, и деньги, которые я там зарабатывал, просто того не стоили.

Корейская армия вручает мне награду во время первой встречи ветеранов в Сеуле. Сентябрь 1976 г.

¹⁶По моему мнению, голландские законы лучшие в мире. Единственная проблема состоит в том, что голландские суды осуждают преступников, даже убийц, на слишком короткие сроки. В результате они снова возвращаются на улицы через каких-нибудь 8–10 лет. Поэтому иногда я думаю, что законы Сингапура, где преступнику разбивают задницу в клочья, гораздо разумнее. Но, с другой стороны, боюсь, что, если бы я там жил, мне пришлось бы всю свою юность провести за решеткой.

Встреча с сэнсэем Ояма

Мой уход из организации Кёкусинкай-кан печалил Ояму, и он как-то позвонил мне домой, чтобы попросить вернуться и помочь ему снова сделать Международную организацию каратэ Кёкусинкай сильной. Я сказал тогда сэнсэю, что не стану участвовать в работе организации, пока он не уволит Люка Холландера, подлинная сущность которого уже была для меня ясна, потому что я не в состоянии работать с человеком, которого считаю трусом и вором. Ояма сказал, что не может пойти на это, и я повесил трубку.

В 1976-м году я имел личную беседу с Оямой в Токио. В том году я получил приглашение от Корейской ассоциации ветеранов войны посетить Корею и поехал туда с женой и несколькими приятелями, которых также пригласили корейцы для вручения наград за службу во время войны. Так я попал в Сеул, а оттуда на недельку вместе с женой слетал в Токио, где сэнсэй

Сигэмацу вручил мне 7-й дан по дзюдо, и я впервые за десять лет навестил додзё Оямы.

На улице у входа в додзё стояли охранники. Вообще, место выглядело, как штаб-квартира якудза, и, насколько я знаю, оно ей и было на самом деле. Хотя японцы много болтают о том, как воинские искусства формируют характер и учат уважению к традиции, никогда не забывайте, что все большие японские организации воинских искусств связаны с гангстерами.

Например, хотя сам Ояма называл себя «рукой Господней», остальные за глаза называли его «мистер десять процентов». Этим прозвищем сэнсэй был обязан своим связям с различными политиками и бизнесменами, неслучайно в одном выпуске журнала «Time» его назвали крестным отцом Японии.

В статье «Молодые львы штаб-квартиры каратэ Маса Оямы» («The 'Young Lions' of Mas Oyama's Kyokushin Karate Headquarters, 1985») Несеф Артан рассказывает, как ученики Оямы по четыре часа в день проводят в походах по Токио, во время которых «просят хозяев магазинов вывешивать их рекламные постеры на витринах». Если бы я попробовал сделать то же самое в Амстердаме, хозяева магазинов подали бы на меня в суд за вымогательство. Но в Японии политики и якудза похожи на руку в варежке в очень холодный день, и ни те, ни другие никогда не обделяют своих дел без помощи друг друга.

Тем не менее, я вошел в дверь и поднялся по лестнице к кабинету Оямы. Хотя сэнсэя в это время не было, воспоминания о прошлом нахлынули на меня, и слезы сдавили горло. Молодые черные пояса, стоявшие в охране, явно меня не узнали, хотя мое фото висело на стене. Один попытался остановить меня, тогда я посмотрел на него так холодно, как только могу, и сказал по-японски, кто я такой, добавив, что если он коснется меня, то

тут же превратится в калеку. С бедным пацаном чуть не приключился удар, потому что Ояма нарасказал им обо мне разных историй. Когда я уезжал, несколько парней подошли прикоснуться к моей руке или к плечу и сказать, какая это для них честь.

Чуть позже в тот же день я переговорил с Оямой по телефону, а потом мы пообедали в дорогом мясном ресторане «Кобэ». Когда Ояма вышел помыть руки, его жена сказала мне, что он хотел бы, чтобы я вернулся в Кёкусинкай-кан. И когда сэнсэй вернулся, мы поговорили об этом. Я сказал ему, что снова попытаюсь работать с ним, но он сначала должен отделаться от Люка Холландера. Ояма сказал, что не сможет сделать этого, и на этом все закончилось.

К 1978-му году мои карманы были полны всяческой политической околубудешной херней, вокруг копошились ненадежные тусы, которые руководили маленькими жалкими группками и вели друг с другом чисто политическую борьбу, потому что боялись встретиться на татами—их охватывал ужас при одной только мысли об этом. В результате я решил бросить все и на время отойти в сторону. Вот при таких обстоятельствах в 1979-м году я оставил свое додзё ученикам, а сам пошел своим путем.

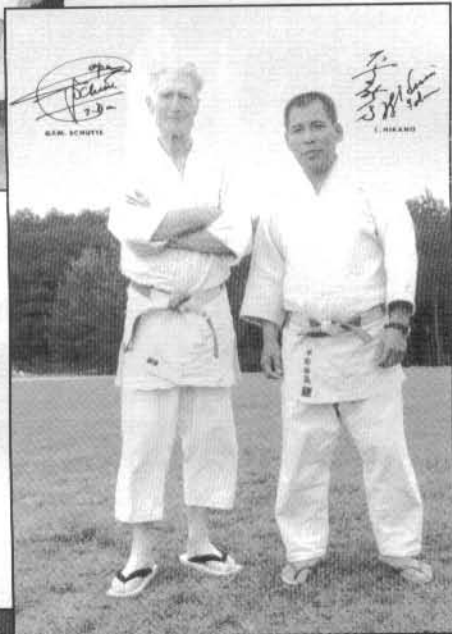

Встреча с моим старым тренером и другом Чой Ин До в Сеуле, Южная Корея, во время визита по приглашению корейской армии. Сентябрь 1976 г.

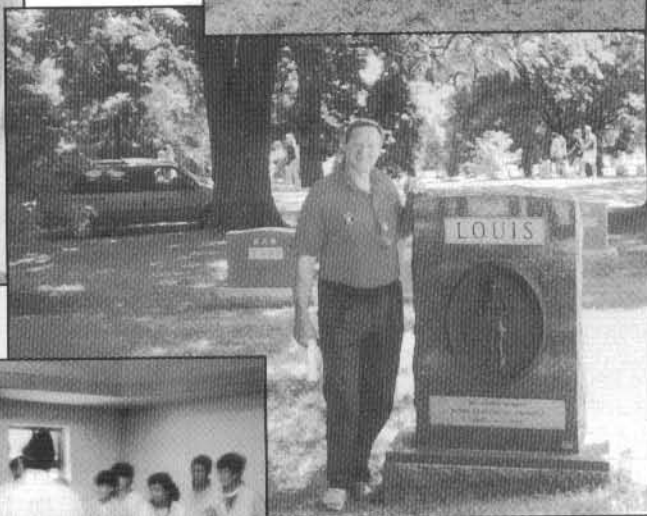

Обладатели черных поясов
бывшей Голландской
любительской ассоциации дзюдо
в летнем лагере под руководством
Хирано Токио. 1979 г.

Редкое фото. Два друга вместе:
Она Схутте, 7-й дан,
и Хирано Токио, 8-й дан.
Папендаль, 1975 г.

На семинаре в Виллемстаде.
1982 г.

На кладбище «Арлингтон Мил»
у могилы кумира моего детства
великого боксера Джо Луиса

Рандори с членами китайской
сборной. Пекинский
университет. 1991 г.

Ступа Бодхидхармы в Шаолине. 1991 г.

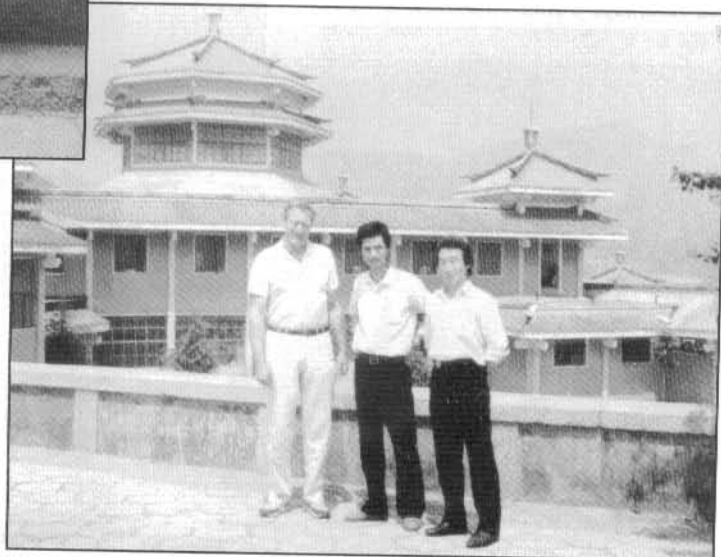
*Команда
Шаолия*

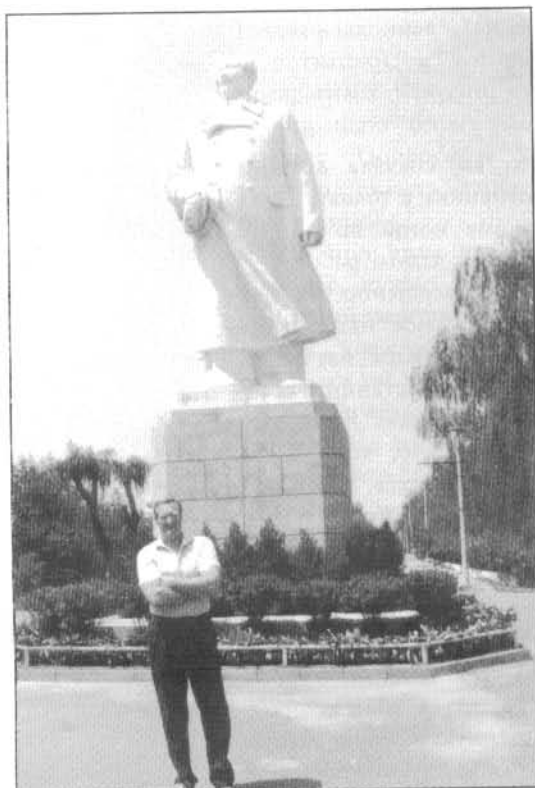
Настоятель Шаолия. 1991 г.

Интервью с настоятелем Шаолия. 1991 г.

*С инструкторами Шаолия
по ушу*

Пекинский университет

*Солдаты армии КНР. Старые
враги, новые друзья...*

*На охоте в Кении с профессиональным
охотником Петером Кенике*

Дайвинг на Фиджи. 1989 г.

ГЛАВА 10.

ИВК—МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ БУДОКАЙ-КАН

Возвращение

В один прекрасный день, кажется, это было в 1980-м или в 1981-м году, мне позвонил мой бывший ученик капрал Военно-морского флота Нидерландов Ян де Бруйн, ныне 6-й дан каратэ. Он спросил, не работал ли я в последнее время с ВМС. Я сказал: «Ян, теперь каратэ для меня—просто хобби. Чтобы я мог возобновить его преподавание, мне нужно, чтобы кто-то был готов платить за это деньги. Плюс к тому, я ничем не хочу заниматься, кроме моей собственной системы. Так что, я сейчас не занимаюсь всерьез преподаванием дзюдо или каратэ».

Тогда Ян попросил меня провести показательные выступления на базе ВМС во Влиссингене. Я выступил, и меня снова начали упрашивать тренировать морпехов, как я это делал много лет подряд ранее. Вот так я стал преподавать Кёкусин будокай—свою собственную универсальную боевую систему. С тех пор я демонстрировал ее во многих додзё. И надо сказать, система Кёкусин будокай неизменно вызывала больший интерес, нежели бесконтактное каратэ или прежний Кёкусинкай.

Кёкусин будокай—это амальгама, состоящая на треть из каратэ и тайского бокса, на треть—из бросков (я обучаю семи броскам дзюдо) и на треть—из техники борьбы лежа. Основная идея—сблизиться с противником, дать ему ногой по яйцам, а потом ударить в голову основанием ладони. После этого, если требуется, вы следуете на землю и используете болевой или удушающий прием.

Но я не цепляюсь за то, что вы должны непременно использовать только мои приемы. Каждый должен драться так, как он (или она) может, и Крис Дольман, например,

говорит, что вы сначала должны ударить противника в голову, а уже потом дать ему ногой по яйцам. Кроме того, если что-то работает у меня, то это совершенно не значит, что то же самое будет работать у вас. Вы должны научиться своей собственной дистанции, своему собственному стилю. Я не могу сделать из вас что-то, чем вы на самом деле не являетесь.

В моей системе универсального каратэ разрешено абсолютно все. Я не имею в виду, что мои ученики должны специально стараться травмировать своих товарищей по тренировкам, но каждый из них должен превратиться во всесторонне подготовленную боевую машину, способную использовать все те средства, которые даны им Господом при рождении.

Хотя многие пидеры и мошенники со мной не согласятся, то, чему они учат,—не каратэ. Это просто нечто, что они называют «каратэ» для того, чтобы иметь возможность набивать свои кошельки. В моей же системе каратэ учатся бить руками и ногами, защищаться, бросать и бороться на земле. В боксерских перчатках и шлеме бойцы могут драться в полную силу и все-таки не производить таких изменений в лицах своих товарищей, когда их перестанут узнавать родные матери.

Что касается жестких ударов по бедрам—лоу-киков, то мои ученики так набивают свои голени, что они становятся такими же жесткими, как хорошо набитые кулаки, а потом научаются блокировать лоу-кики, используя колени и бедра. Боль присутствует в любом виде спорта, но в нашем виде ученики через боль учатся защищать себя.

Самое большое отличие моей системы от старого Кёкусинкай состоит в том, что у нас

голова — законная мишень. Та игра в пятнашки, в которую сегодня превратился Кёкусин, когда правила запрещают бить в голову, просто смешна. Попробуйте кому-нибудь на улице сказать, чтобы он вас не бил в лицо!

Но при этом это ведь не значит, что нужно обязательно бить в полный контакт, к тому же все бойцы должны быть снаряжены шлемами и капами. Боксеры все время погибают, а я этого не хочу. Но если вы хотите стать бойцом, а не танцором, то должны научиться защищать лицо с помощью блоков и перемещений, а не с помощью правил.

Я начал работать над созданием своего синтеза дзюдо и каратэ после возвращения в Голландию в 1961-м году. Во время своего визита в Токио осенью 1966-го года я продемонстрировал эту систему Ояме, хотя работа по ее разработке еще не была завершена. Ояма всегда считал дзюдо какой-то глупой игрой, и оно не ассоциировалось у него с дракой. Но когда он увидел, как я комбинирую дзюдо с каратэ и тайским боксом, то чуть не помер и сказал, что не хочет иметь ничего общего с этой системой. Но когда я попросил у него разрешения тренировать тех, кто захочет

учиться моей системе, в мое распоряжение была предоставлена небольшая площадь в малом додзё на первом этаже. В числе моих учеников были Билл Бахус, Питер Маклин и японский парень по имени Асихара Хидэюки. Асихара был не особо сильным бойцом, но он был умный парень и позднее создал собственную систему каратэ, которая несколько напоминает мою.

Первым, кто пришел ко мне на занятие и оглядел нас таким взглядом, в котором читалось «Что за чушь?», был Фудзихира Акио, который в те дни был одним из лучших бойцов в Кёкусинкае (в 1971-м году он стал первым чемпионом Японии по кикбоксингу в легчайшем весе). Поскольку я никогда не отскакивал в тылу, то подошел прямо к Фудзихира и попросил, чтобы он честно сказал, думает ли он, что его каратэ может устоять против моей комплексной системы. Фудзихира кивнул. Выглядел он глуповато, но он должен был попробовать. Когда я шагнул к нему, он принял защитную стойку каратэ. Я подпрыгнул к нему и бросил его на татами. Потом я стянул с него пояс и обмотал его ему вокруг рук и шеи и завязал узлом. Ну, сделать это было не так уж трудно, в конце концов, я весил 102 килограмма, а он, на-

Идея универсальной системы боя родилась у меня уже в 1965—1966 гг. Бой в доспехах для кэндо ведут Ринус Шульц и Ян Воормей

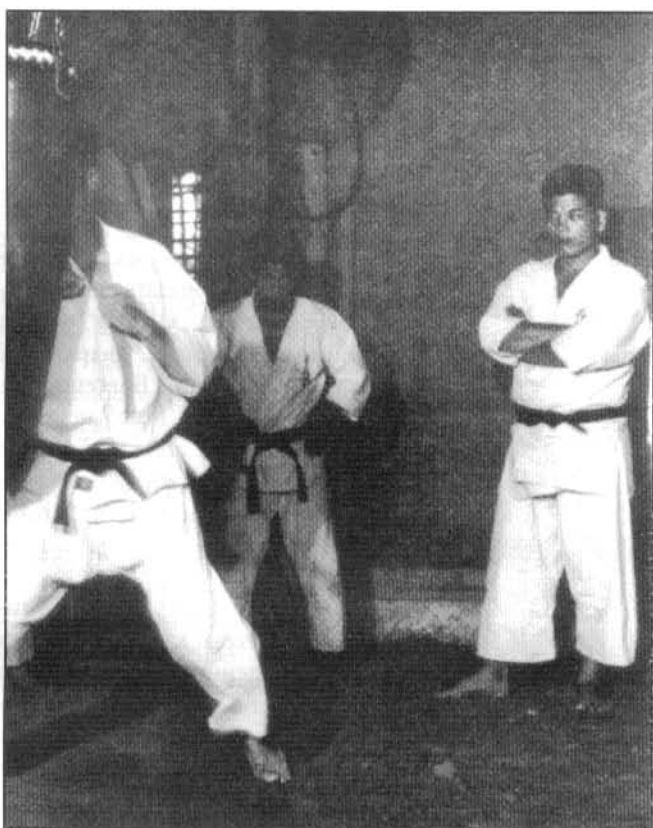

Хомбү Курасаки. За столом — Курасаки (слева) и Фудзихира (справа). 1977 г.

верное, около шестидесяти. Тут в зал вошел Ояма. Он чуть не задохнулся от гнева. Сэнсэй сказал, чтобы я больше никогда не выделял ничего подобного, но, с другой стороны, он и не потребовал, чтобы я прекратил свои поиски более эффективной системы боя.

Фудзихира мне потом отплатил. Когда он учил меня ибуки, южношаолиньскому дыхательному упражнению, сочетаемому с напряжением мышц, которому обучают в Кёкусинкай каратэ, но однажды ударил меня кулаком в солнечное сплетение так сильно, что я потерял сознание. Но это произошло, потому что я просто спокойно стоял и позволил ему ударить себя. Может быть, мой желудок расположен слишком близко к поверхности, но мне никогда не нравилось напряжение мускулов живота как способ защиты. Мне всегда больше помогали перемещения и блоки.

И еще. Что касается ибуки, то имейте в виду, что многие пишут о том, что тот способ выполнения

Знаменитый кикбоксер Фудзивара на тренировке в зале «Мэдзиро джим». Справа — Курасаки в его типичной позе

этого упражнения, которому обучают в Кёкусинкай, не особенно хорош для здоровья. Если они правы, то прилежная практика ибуки может привести к гипертонии и гипертоническому кризу, а посему я более никому не рекомендую это упражнение. Но если все-таки ибуки вам нравится, то обратите вни-

После завоевания титула чемпиона мира по кикбоксингу Фудзихира поднимает тост за своего сэнсэя Курасаки

*Открытие моего додзё в Бильте.
Лето 1968 г.*

мание, что в издании книги Оямы «Что такое каратэ» 1966-го года это упражнение демонстрирует именно Фудзихира.

И что касается ударов в живот—берегитесь их! Именно от удара в живот умер Гарри Гудини. Ну, конечно, в то время у него было воспаление аппендикса, но мы ведь никогда не можем знать наверняка, нет ли какой проблемы у нас.

Ян де Бруйн помог мне открыть небольшое новое додзё, которое я в память о своем первом клубе, открытом в 1963-м году, назвал «Будо-кай». А через несколько лет ко мне присоединился мой старый ученик Крис Дольман, и дело пошло.

Крис имеет рост 189 сантиметров и вес 125 килограммов. Он начал заниматься каратэ и дзюдо еще в 1961-м году и к шестнадцати годам стал чемпионом Европы по дзюдо среди юниоров. Когда он повзрослел, то даже Геесинку приходилось с ним нелегко, а когда Крис через несколько лет перешел в самбо—своеобразную русскую разновидность борьбы в куртках на пересечении дзюдо и турецкой борьбы на поясах, то стал трехкратным чемпионом мира, хотя до его прихода в самбо никто не мог победить в этой борьбе русских.

Драться с Крисом все равно что драться с большой волной в море: волна подхватывает тебя, переворачивает вверх ногами, грубо протаскивает по морскому дну и потом выбрасывает на берег совершенно обессиленным. Я всегда хотел, чтобы мой боевой стиль был именно таким, и именно так дерется Крис. Он лучший ученик из всех, кого я когда-либо готовил к свободным боям, в которых разрешено почти все, и думаю, что даже сегодня его никто не сможет побить.

Когда Крис пришел ко мне и я подумал о том, чтобы снова начать

*Тренировка с Крисом
Дольманом.
Токио, 1989 г.*

его тренировать, я вдруг понял, что все эти годы скучал по преподаванию, и счастливый снова начал учить боевому искусству. Жена тоже была не против—дети с нами не живут, она работает туристическим гидом, и ее часто не бывает дома.

Крис Дольман, Маэда Акира и «свободные бои»

В 1989-м году Крис Дольман получил приглашение на профессиональный бой с Маэда Акира, который организовывала Японская федерация наивысшей борьбы (Japanese Ultimate Wrestling Federation). Он должен был пройти в Токио по правилам так называемых «свободных боев» (free fight).

Маэда Акира родился в Осаке в 1958-м году с 1978-го он начал выступать как борец-профессионал на турнирах Новой японской ассоциации профессиональной борьбы (New Japan Pro Wrestling). Его холили как преемника Антонио Иноки, который хотел стать промоутером. В 1982-м Маэда совершил поездку в Англию, а в 1984-м—в США. Однако политика американских промоутеров раздражала его, и в результате в 1985-м году он начал публично выражать недовольство организацией турниров по профессиональной борьбе. В результате на свет появилась новая форма профессиональной борьбы, получившая название «наивысшая борьба» (Ultimate Wrestling), при которой борцы все-таки хоть как-то боролись, а не просто выделывали разные акробатические прыжки и падения.

Во время одного из матчей в Японии в ноябре 1987-го Маэда ударил другого японского борца ногой в голову. По сообщению газет, он даже сломал своему товарищу затылочную кость, что вынудило Новую японскую ассоциацию профессиональной борьбы вышвырнуть Маэду за чрезмерную грубость в борьбе. Впрочем, скорее это был предлог, нежели настоящая причи-

Маэда Акира, экс-чемпион и хозяин турнира «Rings»

на для этой акции, потому что сразу после этого мне позвонил агент Маэды, который предложил Крису Дольману, трехкратному чемпиону мира по самбо, принять участие в борцовском поединке с Маэдой в Токио.

Правила «свободных боев» вполне соответствовали нашим представлениям о реальном бое, и Крис согласился. В конце концов, Маэда был приятным парнем, но вряд ли он был Крису ровня как борец. Но потом Крис узнал, что Маэда непременно должен был победить. Он был взбешен и заявил, что не станет участвовать в этом поединке. Но Ян Плас, мой друг и лучший мой ученик по каратэ за все время моей преподавательской деятельности, позвонил ему и сказал:

—Да ладно! Это же просто показуха! Ты же можешь делать все что хочешь, главное—не нокаутируй его. Пусть он выиграет бой, но так, чтобы все видели, что ты мог бы победить, если бы хотел.

Крис на это ответил:

—Нет!

Тогда Ян сказал:

—Подумай о деньгах. Сколько ты хочешь за поражение?

Крис сказал:

—Ну, если он хочет выиграть, пусть платит 100 тысяч долларов!—и повесил трубку.

Потом Крис повернулся ко мне и сказал:

— Они никогда такие деньги не заплатят!

Однако уже через пять минут ему снова набрал Ян:

— Японцы говорят: «О'кей!»

— Черт! — сказал Крис. — Я не хочу проигрывать!

Так он жаловался до самого начала матча. «Да я ему голову раздаю! Я его придушу! На куски порву!» — рычал он.

— Подумай о деньгах! — сказал ему я.

В то время 1 доллар шел по цене 2,8 гульденов. Это значит, Крис должен был получить 280 тысяч гульденов. Даже с учетом налогов, деньги были большие.

Крис попросил, чтобы я поехал вместе с ним в качестве его тренера. Так я снова оказался в Токио в самом водовороте бойцовского бизнеса.

Сначала Крис избивал Маэду, и это было жалкое зрелище. Все могли увидеть, что Крис вертит Маэду, как ребенка. Но потом, в конце схватки и в середине ковра, Крис подумал о деньгах и позволил Маэде выиграть с помощью одного из приемов профессиональной борьбы. Он, конечно же, мог уйти от

него, но тогда он потерял бы все деньги, а ведь жизнь гораздо больше, чем просто победа на ковре.

Потом, правда, все качали головами, и мы решили, что в будущем уже никогда не будем участвовать в показухах. «Отныне только реальные бои!» — так решили мы для себя. А Маэда вплоть до недавнего времени продолжал организовывать матчи с Хиксоном Грэйси и другими профессиональными «наивысшими борцами».

Ну, ладно, что было, то было. В течение нескольких лет в бизнес Ultimate Fighting включились русские, болгары и американцы. Но нас это не пугает. Мы уже не ищем мира.

В январе 1993-го года я снова поехал с командой Кёкусин Будокэй в Токио на чемпионат мира по «свободным боям». Дик Врий, ученик Криса, дрался в дивизионе «В», а сам Крис — в дивизионе «А». В итоге они встретились в финале.

— Вот черт! — сказал тогда Дик. — Ну, гляньте на него — как мне с ним справиться? Это же зверь, я никогда не смогу побить его!

— Ну, слушай, ты сильный боец, — сказал я ему. — Крис выглядит сильным, но ты тоже сильный. Работай на максимум! Не думай,

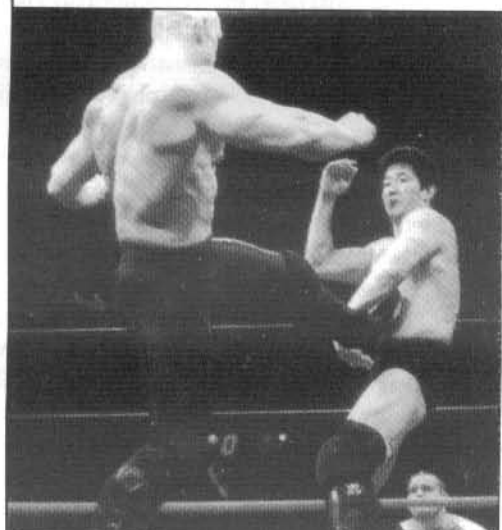
Первый турнир Криса Дольмана в Токио. 1990 г.

*Я снова тренер. Турнир
«Rings», Токио, 1993 г.*

*Крис Дольман против Зуева. Крис
легко победил во всех поединках*

Дольман против Волк-Хана

*Дик Врий ведет бой с
Маздой. Токио, 1993 г.*

*Финал турнира «Rings»:
Крис Дольман против
Дика Врия*

*Крис Дольман
побеждает боевым
приемом на ногу*

Я — тренер голландской сборной по боям без правил.

Крис Дольман — победитель первого турнира по боям без правил «Rings»

Я присваиваю Маэде 7-й дан

что дерешься с Крисом, просто выйди и попытайся победить его. Японцы могут казаться смешными, но они разбираются в своих единоборствах, и если ты просто сдашь бой, они это увидят, и в будущем ты уже никогда не сможешь зарабатывать денег своими выступлениями. Помни только, что с Крисом нельзя идти в партер. На земле с Крисом Дольманом у тебя нет ни единого шанса. На самом деле, там шанса нет ни у кого.

И Дик дрался как сумасшедший. Он простоял два раунда, но в третьем Крис поднял Дика, грохнул об мат и прикончил болевым приемом на ногу. Потом Крис говорил: «Боже правый, да ведь он пытался нокаутировать меня!»

Как бы то ни было, в результате Крис стал первым чемпионом мира по «свободным боям», а его ученик — серебряным призером. Японцы были ошеломлены этим, они не могут избавиться от своего удивления по сей день.

Встречи со старыми друзьями

После турнира я задержался в Японии на недельку, просто чтобы навестить своих старых друзей, в том числе Инокуму Исао, который теперь стал известным бизнесменом и профессором единственного университета боевых искусств в Японии, сэнсэя Курода и Кодокан.

Особенно эмоциональным получился мой визит к сэнсэю Курода. После жуткой езды по крошечным узеньким дорожкам за пределами

Токио я, в конце концов, отыскал его новую маленькую квартирку. Постучался в дверь. Ее открыла жена сэнсэя. Я приложил палец к губам, показав, чтобы она помолчала, и проскользнул мимо нее в маленькую гостиную. Сэнсэй уже подошел к двери и спросил, кто пришел. Потом он увидел меня и вдруг весь густо покраснел, потянувшись ко мне и, глядя мне в лицо, заплакал. Я тоже не удержался, и у меня по лицу заструились слезы.

В последний раз я видел сэнсэя Курода 27 лет назад. За это время он пережил апоплексический удар, положивший конец его занятиям будо, и теперь он преподает только каллиграфию. Кстати, сэнсэй Курода—один из величайших учителей каллиграфии в Японии, он обладатель 10-го дана и профессор. От имени императора Японии Курода награжден высшей медалью за свою службу.

Мы провели несколько прекрасных часов в разговорах о прошлом. Сэнсэй, как и прежде, сидел за своим маленьким столиком. Он написал для меня несколько великолепных каллиграфических свитков, причем некоторые—тем стилем, какой использовался около тысячи лет назад.

Я еще навещу сэнсэя. Ему сейчас (в 2000 г.—перев.) 88 лет. Я его очень люблю.

Адзума Такаси и Дайдодзюку

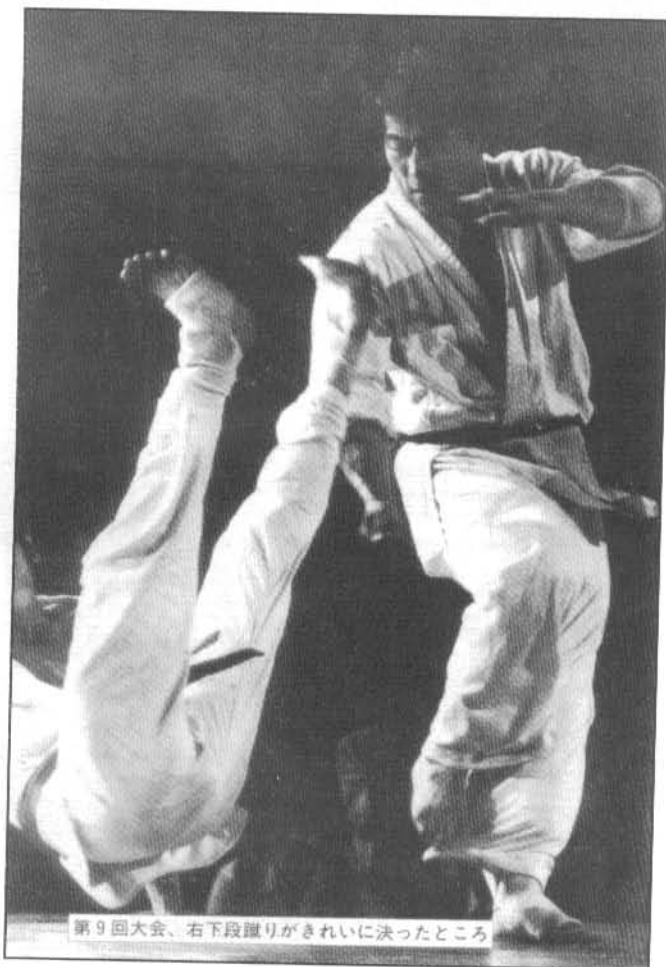
В 1993-м году я также узнал, что старый чемпион Кёкусинкай Адзума Такаси тоже ушел из хомбу и основал собственный стиль. Мне захотелось повидаться с ним, потому что в мою бытность в Кёкусинкай-кане он был еще мальчишкой.

Я отыскал его додзё в пригороде Токио, вошел в него и присел на стул, стоявший у татами. Занятие проводил парень с коричневым поясом. Он изо всех сил старался сделать вид, что не замечает меня,

Адзума Такаси побеждает на 9-м чемпионате Японии по Кёкусинкай

а я стал ждать, когда же появится сэнсэй. Когда прошло уже довольно много времени, я спросил коричневого пояса, в додзё ли сэнсэй и не пожелает ли он повидаться со мной. Я передал парню свою визитку, он взглянул на нее и едва не выпрыгнул из своего тренировочного костюма. Он крикнул, чтобы каратисты, работавшие на татами, остановились, и скомандовал: «Рэй!» Ученики вежливо поклонились мне. Потом он снова и снова извинялся, что не обратил на меня внимания. Принесли горячий чай и полотенца. Мне сказали, что сэнсэю позвонили, и он просил подождать, потому что вскоре прибудет в додзё.

Адзума был очень удивлен, увидев меня в своем зале, и пригласил журналистов, которые сделали несколько фотографий. Потом мы отправились на ужин и побеседовали.

第9回大会、右下段蹴りがきれいに決ったところ

JON BLUMING

伝説の巨人
ジョン・ブルミン
がやって来た!!

Публикация в японском журнале о моем визите в Дайдодзюку. Заголовок гласит: «Йон Блуминг наконец-то посетил школу Дайдодзюку!! Отец боевых искусств Голландии. Человека, которого покойный сосай Ояма Масутацу называл «сильнейшим иностранцем в истории Кёкусина»».

オランダ格闘技界の父。
故・大山倍達総裁をして
「極真史上最強の外国人」と
言わしめた男。

ジョン・ブルミンが大道塾
にやって来た!!

Японская публикация
о приезде Блуминга
в Японию. Заголовок
гласит: «Легендарный
игиант. Наконец-то
приехал Йон Блуминг!!»

Я даю урок в додзё
Дайдодзюку. 1994 г.

伝説の巨人
ジョン・ブルミンがやって来た!!

「人はいっつ死ぬか分かりません。でも、死ぬ前にもう一度センセイに会いにくる」

「人はいっつ死ぬか分かりません。でも、死ぬ前にもう一度センセイに会いにくる」

JON BLUMING

Адзума сказал мне, что хотел изменить стиль ведения боя Кёкусинкай, чтобы наша школа шла в ногу с тенденциями развития каратэ в мире. Но Ояма отказался, и Адзума покинул хомбу Кёкусинкай и основал собственный стиль, который оказался очень похож на наш, особенно в его принципах. Поскольку Адзума имеет первый дан по дзюдо Кодокан, он привнес в него некоторые броски и приемы борьбы в партере. Он ввел использование шлемов, чтобы разрешить любые удары в голову и одновременно гарантировать, что единственным последствием от использования действительно сильных ударов будет головная боль, но, во всяком случае, они не изменят лицо бойца слишком сильно.

У нас с Адзумой сложились отличные отношения, и на следующий день я провел тренировку в его додзё при включенных телекамерах и продемонстрировал свою идею боевого стиля.

Адзума пригласил меня в Японию вместе с кем-нибудь из учеников, чтобы он принял участие в ежегодном турнире по его стилю Дайдодзюку (в настоящее время переименован в «Кудо» — «Путь пустоты»), который называется «Хокутоки». И я отправился туда с одним каратистом из додзё Дэйва Йонкерса, моего сихандай, по имени Сэм Схиат.

Дебют у Сэма получился тяжелый. Он не привык к шлему, слабо владел бросками и практически не знал борьбы в партере, поэтому противодействовать броскам ему было сложно. Нет ничего удивительного, что он проиграл, хотя и имел рост 210 сантиметров, вес 110 килограммов и возраст 20 лет. До этого он завоевал много разных титулов по кикбоксингу и фуллконтакт-каратэ, но турнир по Дайдзюку был совсем другой игрой.

После этого я почти год тренировал Сэма по моей системе. В тот год я также постоянно вел курсы

В атаке Сэм Схиат

Сэм (слева) атакует

для инструкторов, в которых принимали участие около 70 черных поясов из разных стилей. Так стиль Кёкусин будокай в конце концов совершил прорыв.

Мы снова поехали в Японию в ноябре 1995-го года, и Сэм пробился в финал, но ему почему-то дали только третье место, объяснив, что он нарушил правила, ударив слишком поздно (?). Кстати, его противник после этого «слишком позднего» удара валялся в нокауте на матах минут двадцать. Правила устанавливали японцы, и мы были вынуждены подчиняться им.

Слева направо: Дэйв Йонкерс, Тоон Штеллинг, Блюминг, Сэм Схилт. 1996 г.

Забавным окончанием турнира стало то, что финальный бой не состоялся, потому что Сэм так отдела финалистов в предыдущих кругах, что они едва могли стоять на ногах и не могли даже пожать друг другу руки. Впрочем, мы таким исходом были удовлетворены не полностью.

В 1996-м году мы снова поехали в Токио на турнир «Хокутоки», и на этот раз Сэм разметал всех японцев, как ураган—впервые за девятнадцатилетнюю историю Дайдодзюку победителем этого турни-

ра стал иностранец. Причем это произошло под бдительным оком моего старого сэнсэя Куросаки Кэндзи.

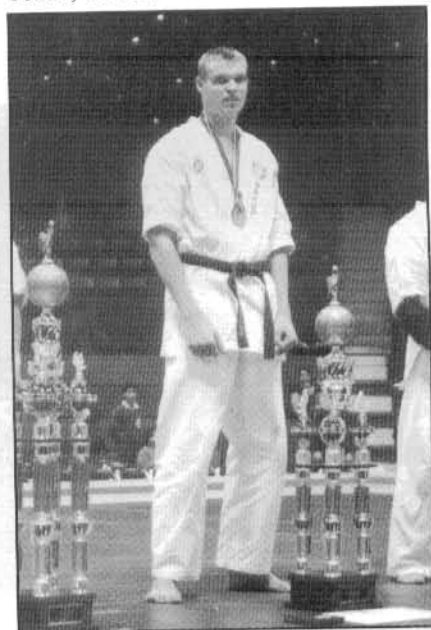
То же самое произошло в 1997-м году, после чего меня попросили больше не привозить на турнир бойцов.

Вот одна вещь, которую я познал на собственном горьком опыте. Так называемых «признанных» сэнсэев каратэ во всем мире, а особенно в

Сэм Схилт—победитель открытого чемпионата Японии по Дайдодзюку. Токио, 1996 г.

Открытый турнир по Дайдодзюку 1997 г. Справа налево: Асо, 8-й дан, Блюминг, Адзума, 8-й дан

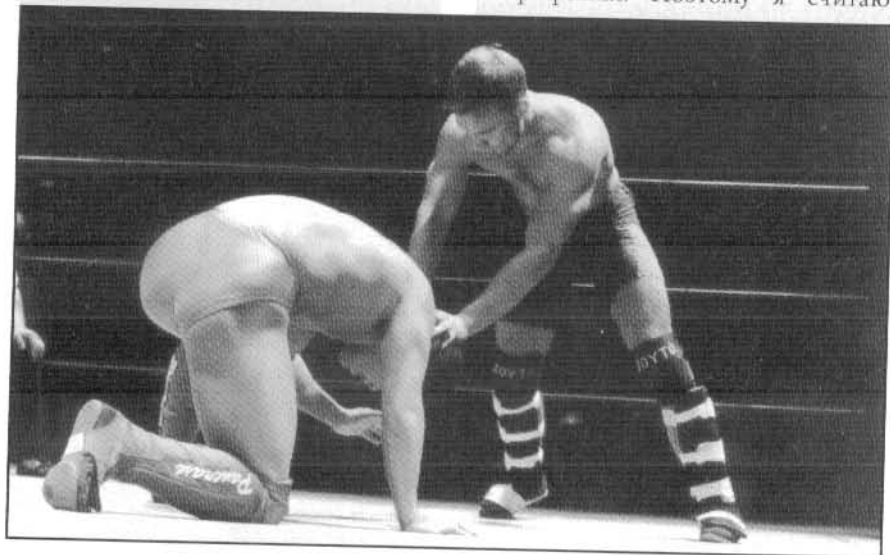
Японии, трудно убедить принять новый и популярный стиль. Причем вне зависимости от того, дрались ли они когда-либо в каком-нибудь пидерском стиле, или нет. «Сэнсэй» не желает, чтобы кто-нибудь увидел, что он не знает, как ему поступать в новой ситуации, что он не может набрать выносливость, чтобы совершить прорыв и стать лучше, чтобы после небольшого периода обучения стать настоящим сэнсэем. Большинство таких «сэнсэев» похожи на маленьких царьков, правящих в своих додзё, как им хочется, и зарабатывающих деньги самым легким для них способом, не требующим от них проливать пот или напрягаться. Именно поэтому они оказываются не в состоянии защитить себя в реальной драке даже с сильной женщиной, потому что их каратэ по большей части фарс. То же верно и в отношении сэнсэев дзюдо, которые тоже должны учиться—каратэ и кикбоксингу.

Сэм не был против учиться и доказал, что на этом пути вполне реально достичь успеха. То же самое сделал Дэйв Йонкерс, сегодня это отличный учитель и боец, 6-й дан дзюдо и 8-й—универсального каратэ, а все потому, что он твердо стоит на грешной земле и стремится достичь вершины мастерства. Точно так же поступали многие другие сэнсэи в прежние дни.

В настоящее время Сэм Схилт выступает как профессиональный боец группы «Панкрас» и после двух лет боев занимает сейчас высокое место в их рейтинг-листе. На счету Сэма—победы над чемпионом по панкрасу Судзуки (нокаутирован ударом колена—хидза-гэри) и над чемпионом мира 1998-го года, «королем Панкраса» Ги Метцгером (нокаут на 13-й минуте).

Прочь из мира иллюзий!

Для меня ничто не может сравниться с тем, чтобы найти умного, мечтающего овладеть будо сосунка и сделать из него боевую машину. Мои парни побеждают, потому что я учу настоящему боевому каратэ. Некоторые говорят, что я жесток со своими учениками, потому что в спаррингах я бью их жестко, но имейте в виду: жестокость—штука относительная. В 1970-м и 1971-м годах Ояма посылал двух своих парней в Голландию преподавать в летнем лагере Кёкусинкай. Они с такой силой лупили занимающихся своими бамбуковыми синаями и пинали их, что в конце концов власти отказали им во въезде в страну. Что же касается меня, то я бью своих учеников не палками, а сорока годами опыта. Копы ко мне не пристаю, а ученики возвращаются с соревнований домой с трофеями. Поэтому я считаю,

*Тоон Штеллинг
(справа)
выигрывает
турнир по
панкратиону.
1995 г.*

*Поединок в
Дайдодзюку*

что здесь должен быть нормальный компромисс между чертовским «слишком мало» и бездонным черным морем «слишком много».

Наш способ проведения боя — разумный полный контакт. Побеждает только лучший, и бой отделяет настоящих бойцов от болтунов. Теперь мы уже не деремся в клетках. Ну и, наконец, все мы — друзья, и всем нам завтра нужно идти на работу. На тренировках мы используем защитные шлемы и щитки, чтобы после всего наши матери были в состоянии узнавать нас. Наши правила таковы: запрещены атаки в глаза, горло и гениталии; запрещены удары кулаком без перчаток в голову; запрещено кусаться, хотя у нас и есть пример Майка Тайсона. Почти все остальное разрешено.

Если вы судите об успехе по наградам, — а это, по моему мнению (если, конечно, оно вас интересует), — довольно глупый подход — то эта программа работает. Так, в период с 1994-го по 1997-й год наши команды побеждали на разных чемпионатах по свободным боям и контактному каратэ.

То, чему я учу, человеку, выросшему на фильмах Брюса Ли, может показаться старомодным, но, в отличие от фильмов Брюса Ли, я учу тому, что работает. Например, в октябре 1998-го мои парни

и я находились в Токио, где проходил один турнир. В первом бою мой ученик встречался с чемпионом США по тхэквондо. Поединок продлился 90 секунд. И причина, почему он продолжался так долго, заключается в том, что мой парень был очень осторожен и опасался нарваться на неожиданный удар ногой. Поэтому, вместо того, чтобы бежать на противника, он удовлетворился парой ударов по ногам и неожиданным ударом кулаком в голову. При третьем повторе лоу-кика «Мистер Тхэквондо» сделал ошибку — наклонился вперед и схлопотал удар коленом по ребрам. А потом, пока он осмыслял свой неприятный опыт, апперкот сломал ему нос. В отличие от профессиональных боксеров, которые приходят от этого в бешенство, «Мистер Тхэквондо» начал верещать. И тогда мой ученик успокоил его ударом колена по бедру такой силы, что его слышала вся арена. В общем, это был очень удачный старт для нас, потому что это был первый бой в Токио, устроенный новой организацией Курасаки.

В одном из следующих боев другой мой ученик, Орландо Вит, встречался с борцом из США. Орландо весит 78 килограммов и является экс-чемпионом по тайскому боксу. Он надавал борцу столь жестких ударов по ногам, что ко второму раунду тот уже просто не мог ходить, и тут ему пришел конец.

Причины, по которым «Мистер Тхэквондо» и подобные ему совершенно не подготовленные люди выходят на такие матчи, находятся за пределами моего понимания. Но явно это не деньги. Мой лучший ученик Сэм Схилт зарабатывает, наверное, 10 тысяч долларов за матч. Все остальные получают где-то 2 тысячи. И это, включая долю промоутера (мои услуги стоят дешево — я получаю 10-15 процентов — совсем не как в боксе или в профессиональной борьбе), налоги и т.д. и т.п.

Если судить с промоутерской точки зрения, достаточно приличные любительские бои организует Дайдодзюку. На профессиональной арене хорошо работает группа «Панкрас» (Pancrase). У них поединки длятся по 40 минут и более и продолжаются до нокаута или до сдачи от болевого приема. При таких правилах проверяются и техника, и физическая кондиция, и вы ясно видите, кто действительно побеждает. Наконец, ряд хороших матчей провели Исии и «Рингс». С января 1999-го начала проводить бои на Хоккайдо группа Курасаки.

Что же касается той борьбы, которую показывают по телевидению, то помните, что это откровенная чушь, типичный борцовский театр, рассчитанный на вкусы широкой публики. Эти борцы — хорошие атлеты, но вряд ли кто-то из них настоящий боец или драчун, а промоутеры... Чем меньше о них говоришь, тем лучше!

Пробуждение Оямы

В 1993-м году сэнсэй Ояма тоже проснулся и организовал встречу с Маэдой Акирой из организации «Rings» (в настоящее время у него 8-й дан IBK). Они обсуждали возможность участия бойцов из Кёкусинкай в турнирах по «свободным боям».

Осенью Ояма послал Маэду ко мне в Голландию на переговоры. Мне позвонил Крис Дольман и сказал, что Маэда хочет поговорить со мной и что его действительно послал ко мне Ояма. Во время встречи у меня дома Маэда сказал, что Ояма по прошествии всех этих лет, наконец, понял, что большинство иностранцев обманывали его, что они только хотели заработать на Кёкусинкай деньги и имя. Мой старый сэнсэй также сказал Маэде, что только Йон Блюминг всегда давал ему хорошие советы и никогда его не обманывал. Кёкусинкай зачех, и теперь Ояма хотел, чтобы я вернулся, занял место почетного

президента всемирной организации Кёкусинкай и, конечно же, начал упорно трудиться для вытягивания Кёкусинкай из той глубокой ямы, в которую он свалился.

Я сказал, что у меня есть два условия, которые должны быть выполнены, прежде чем мы начнем обсуждать это предложение. Во-первых, вы должны изменить стиль Кёкусинкай, чтобы мы могли идти вперед, а не топтаться на месте. Во-вторых, вы должны вышвырнуть Люка Холландера.

Оказалось, что Маэда готов обсуждать со мной мое первое условие. Хотя я не был в этом уверен, я понял так, что Маэда и Ояма уже имели разговор по поводу возможных изменений стиля Кёку-

Незадолго до кончины Ояма встретился с Маэдой, хозяином турнира «Rings». Маэда хотел пригласить Мацуи, помощника Оямы, выступить на его турнире

Последнее летнее фото сэнсэя Ояма

*Последнее показательное выступление
Оямы. 1993 г.*

*Ояма незадолго до своей кончины в
возрасте семидесяти лет*

синкай. Второе условие вообще не было проблемой, потому что Ояма уже хорошо понял, что Холландер делал все эти годы. Я был просто счастлив, что, в конце концов, после всех этих растраченных впустую лет мы снова можем стремительно пойти вперед. Весной 1994-го года я должен был прибыть в Японию, чтобы обсудить последние детали. Но...

28 апреля Крис Дольман прислал мне факс, который он сам получил от организации «Rings», и я узнал, что сэнсэй Мас Ояма после непродолжительной болезни скончался от рака легких. Прочитав эти строки, я весь похолодел, меня охватило чувство огромного горя, бессилия и ярости, из глаз хлынули слезы, я рыдал и не мог успокоиться. Я часами просто сидел и плакал в течение нескольких недель, и в моей голове проносились картины прошлого. Жизнь зачастую бывает несправедлива к человеку, и это был тот случай, когда жизнь ударила меня прямо в зубы и уложила в нокаут.

Прощальное фото. Портрет
Оямы установлен в камидза

Похороны Оямы

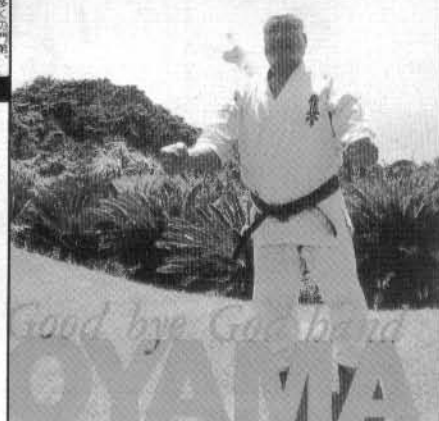
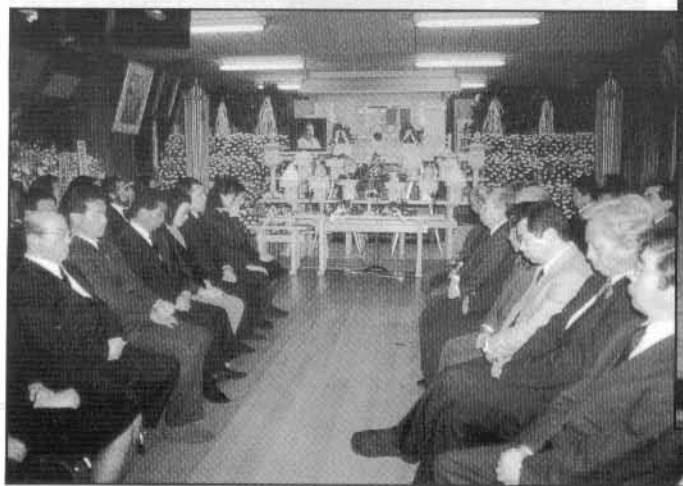

Фото Оямы, опубликованное
в связи с его кончиной

Прощальная служба в додзё

Слева направо: дочь Оямы, его
вдова, сихан Ивamura (держит
урну с прахом мастера)

Основание Международного союза Будокай-кан

9-го января 1994-го года исполнилась моя мечта—был основан Международный союз Будокай-кан (International Budo Kaikan, IBK). Прошло почти 30 лет с того времени, когда я впервые продемонстрировал Ояме в хомбу свою идею универсального каратэ. Она его не заинтересовала, и посмотрите, что произошло с Кёкусинкаем—с этой мировой державой? Он рухнул, как много столетий назад рухнула Римская империя. Сегодня кёкусинкаевцы дерутся друг с другом, Кёкусинкай треснул, как мягкий пирог, а его последователи исповедуют дурацкую разновидность кикбоксинга и даже умудряются проигрывать матчевые встречи с очень слабой командой шутбоксинга!

И вот 9-го января 1994-го года Дэйв Кук, 8-й дан, и Дэйв Йонкерс, 8-й дан, собрались на встречу в моем доме, и мы приняли решение объединить наши силы и работать совместно в рамках Международного союза Будокай-кан для развития и распространения спортивных единоборств:

универсального каратэ (all round karate), представляющего собой амаль-

гаму из одной трети каратэ и кикбоксинга, одной трети—бросков с захватами за тело и одной трети—техники борьбы на земле, использующей болевые приемы на руки и на ноги и удушающие приемы;

полноконтakтного каратэ, близкого по стилю к старому Кёкусинкаю, но с добавлением ударов основанием ладони—сётэй—в лоб и в боковые части головы (но не в нос и не в губы);

стиля каратэ Асихара, который приобрел огромную популярность усилиями сихана Дэйва Кука, сихана Дэйва Йонкерса и ряда других специалистов.

Президентом Международного союза Будокай-кан был назначен Йон Блюминг, 10-й дан, председателем—конечно же, Дэйв Кук, 8-й дан, техническим директором—Дэйв Йонкерс, 8-й дан.

Хочу представить вам этих двух людей, которых знаю уже 30 лет. Сихан Дэйв Кук занимается спортивными единоборствами более 30 лет, 29 лет—каратэ. Он один из немногих, кто в прошлом дрался в хомбу с 50 каратистами, а как организатор—настоящее чудо света. Он участвовал в организации в ряде стран Европы Кёкусин каратэ и Асихара каратэ и показал себя первоклассным и честнейшим будока. Сейчас (в 2000-м году—перев.) Дэйву 54 года, он все еще сохраняет настолько отменную форму, что с ним приходится считаться сильнейшим бойцам наших дней. Я видел, как он снова в прошлом году во время летней школы дрался с 54 каратистами—по одному на каждый год его возраста. Я очень рад возможности лично встречаться с ним, потому что без него не смогла бы осуществиться мечта моей жизни—создание Международного союза Будокай-кан—организации, с помощью которой я могу передать все то, чему научился, ученикам, чтобы оставить что-то после себя

Слева направо: Блюминг, Дэвид Кук, Дэйв Йонкерс

новым поколениям. А после меня эту работу продолжат, разумеется, Дэйв Кук, Дэйв Йонкерс и другие сэнсэи, которые примкнут к нашей группе. Благодаря этому наша работа, тренировки, эксперименты с самыми разными направлениями будо не пройдут бесследно и тщетно, не будут утрачены после того, как мы перейдем тренироваться в какое-то иное место—ведь должен же быть где-то за горизонтом особый Рай Будо!

Что касается сихана Дэйва Йонкерса, то я скажу о нем так. Когда несколько лет назад я встретил его впервые, меня сразу же охватила грусть. Почему? Да потому что мне было жаль, что я не встретил его на двадцать лет ранее. Ведь тогда бы я раньше встретил Дэйва Кука, и мы уже тогда создали бы наш Международный союз Будокэй-кан, который был бы уже крупнейшей и лучшей организацией единоборств в мире. А я при этом был бы еще молод!!! Но не волнуйтесь, лучше поздно, чем никогда, потому что сейчас еще ничего не потеряно, и потому что мы возродимся в наших учениках, которые пойдут дальше нас, и так будет всегда!

Работать с Дэйвом Йонкерсом—одно удовольствие, потому что он отличный дзюдоист, каратист и мастер свободного боя и еще потому что он—отличный учитель, который может все, чему научился и что видел, передать своим ученикам тяжелым, но приносящим удовлетворение способом, который умеет удерживать учеников вокруг себя, а при необходимости—бить их.

Если бы не Дэйв Йонкерс, то мы не добились бы столь блестящего и устрашающего—для японцев—успеха в Токио в соревнованиях по каратэ Дайдодзюку, где победителем на глазах у всех зрителей стал Сэм Схилт, 3-й дан. И снова именно Дэйв был на татами рядом с Сэмом и превратил его в настоящего бойца и, что очень важно, достойного человека.

Мой новый сихандай, вице-председатель и технический директор Международной ассоциации Будокэй-кан Дэйв Йонкерс, 8-й дан универсального каратэ, 6-й дан дзюдо

Иногда очень трудно выполнять свою работу изо дня в день, особенно когда чувствуешь себя не очень хорошо или когда беспокоят старые травмы. Но, несмотря ни на что, Дэйв всегда готов прийти на помощь мне, своим ученикам и вам. Не забывайте, что вы всегда можете позвонить нам, потому что мы все—единая большая, немного грубоватая, но прекрасная семья, о которой мир уже в ближайшем будущем узнает гораздо больше.

10-й дан Кёкусинкай

День 4-го сентября 1994-го года помнится как один из самых ярких дней в моей бурной жизни. В этот день мой факс выпустил из себя сообщение из Токио, в котором говорилось, что Куросаки Кэндзи, мой старый сэнсэй и друг, вместе с лидерами четырех других круп-

Мой сертификат 10-го дана по универсальному каратэ

Certificate

We the undersigned :

the highest ranking dan instructors of the "Budo Kai Jon Blaming", hereby declare the following unprecedented decision of the supreme council :

In recognition of his deep knowledge of all round karate-fighting, as well as his remarkable achievements in budo over a period of 41 years including the various Dutch, European, World and Olympic titles his students have won in a number of budo disciplines. Also for his conception of all round karate fighting in 1990 which has rapidly spread throughout the world as "Kokusin Budo Kai Jon Blaming", it has been unanimously decided to honour him with the grade of

10th dan, effective September 4th 1994

Kris Dolman 9th dan, effective September 4th 1994
 Masami Osaki 10th dan, effective September 4th 1994
 Kenji Kurosaki 10th dan, effective September 4th 1994
 Hidetaka Aso 10th dan, effective September 4th 1994
 Kenji Kurosaki 10th dan, effective September 4th 1994
 Takashi Ayuma 10th dan, effective September 4th 1994
 T. Takashi 10th dan, effective September 4th 1994

Кёкусин будо кай
Универсальный бой

Сертификат

Мы, нижеподписавшиеся,

инструкторы высших рангов организации «Будокэй Иона Блюминга» настоящим документом объявляют следующее беспристрастное решение высшего совета:

В знак признания его глубоких знаний универсального боевого каратэ, а также его выдающихся достижений в будо за период в 41 год, в том числе с учетом всех тех национальных голландских, европейских, мировых и олимпийских титулов, которые его ученики завоевали в ряде дисциплин будо, а также в знак благодарности за разработку в 1990-м году концепции универсального боевого каратэ, которое быстро получило широкое распространение в мире под названием «Кёкусин будокэй Блюминга», мы единогласно решили почтить его честь присвоением степени

10-й дан.

Решение вступает в силу с 4-го сентября 1994 г.

Подписали:

Кэндзи Курасаки, 10-й дан
 Крис Дольман, 9-й дан
 Гарри Серие, 8-й дан
 Ринус Шульц, 8-й дан
 Ян Плас, 8-й дан
 Р. Ливен, 8-й дан

Тон Хоймэн, 7-й дан
 Акира Маэда, 7-й дан
 Масами Осаки
 Хидэтакэ Асо
 Такаси Адзума

ных японских организаций боевых искусств, принял решение передать мне 10-й дан Маса Оямы, который ушел из жизни 28 апреля того же года.

Это стало возможным, потому что Крис Дольман победил на чемпионате мира по «свободным боям» в 1993-м году. Все японцы хотели узнать, кто был его учитель, и Крис сказал: «Йон Блюминг».

Тогда эти старики спросили: «Йон Блюминг? Тот, что из Кодокана и Кёкусинкай? А что, он еще преподает?»

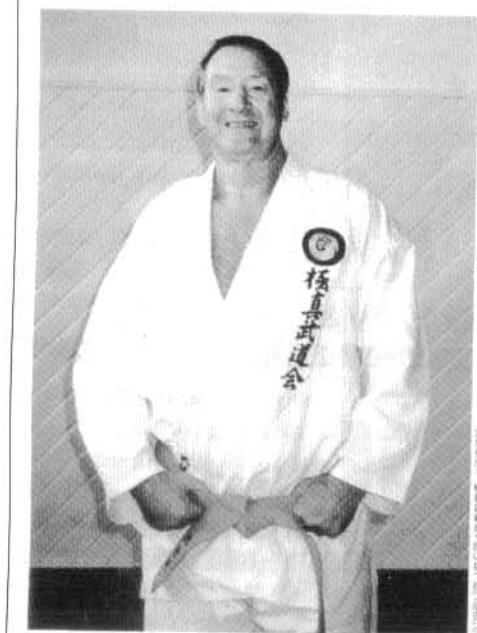
«Тот самый!» — ответил Крис. — Он не только по-прежнему учит, но и разработал ту систему, которая позволила мне победить».

Тогда все они собрались, чтобы обсудить это, и в результате приняли решение о присвоении мне 10-го дана.

Моя мальчишеская мечта стала явью. Я был очень горд тем доверием, которое они выказали мне, и буду драться до самого последнего дня, чтобы быть более чем достойным этой чести, тем более что во всем мире, насколько я знаю, только три человека в каратэ имеют эту высокую степень: Курасаки, Мацуура Ёцуки и я.

Я настоял на том, чтобы мой сертификат был напечатан на английском, а не на японском языке, потому что за пределами Японии никто не умеет читать по-японски. Этот сертификат, хранящийся ныне в моей берлоге, подписан Адзумой Такаси из Кёкусинкай, Маэдой Акирой из организации «Rings», Осаки из организации «Панкрас» (Pancrase) и Асо Хидэтакэ из организации «Submission Wrestling». Но больше всего я горжусь подписями на нем Криса Дольмана и Курасаки Кэндзи.

Я не позволил этой награде ударить мне в голову. Когда я был моложе, то верил, что основатель

NEWS
2

「極真」の精神を
「ブルミン」が
「十段」に
「昇格」

「極真」の精神を
「ブルミン」が
「十段」に
「昇格」

ジョーン・ブルミンが 極真武道会十段に!

Публикация в японском журнале о присвоении мне 10-го дана боевого искусства. Токио, октябрь 1994 г. Заголовок гласит: «Йону Блюмингу присвоен 10-й дан Кёкусин будокай!» Текст публикации:

«Йону Блюмингу, «отцу голландских боевых искусств», присвоен 10-й дан по его школе «Кёкусин будокай». Поскольку сам Блюминг является главой школы, то, вполне естественно, что сертификат о присвоении ему 10-го дана подписали Крис Дольман, Курасаки Кэндзи-сихан, глава школы Дайдзюку Адзума Такаси, директор компании «Панкрас» Осаки и Маэда Акира.

Блюминг, которому исполнилось 62 года, и сейчас продолжает тренироваться. Владея японским языком, он говорит: «Я уже дедушка, ведь мне 62 года. Но я не прекращаю тренировок. Мои кулаки и сейчас как каменные!»

Выдающиеся заслуги Блюминга, организовавшего боевые искусства в суровой Голландии и, оставаясь в тени, поддерживающего их и в настоящее время, безусловно, заслужили это признание. Автор статьи также от всего сердца поздравляет сэнсэя Блюминга с присвоением ему 10-го дана».

Курасаки пошучивает при подписании сертификата о присвоении мне 10-го дана.

Курасаки Кэндзи, 10-й дан, подписывает мой сертификат

школы, 10-й дан, должен быть кем-то совершенно особым. Он должен знать все, иметь на все ответы, быть практически волшебником. Но теперь я лучше понимаю, что такое 10-й дан. К тому времени, как ты достигаешь степени 10-й дан, ты уже так стар и так переломан, что на самом деле уже ничего не стоишь.

Это напоминает мне анекдот, который мне рассказали в Корее. Генерал Макартур и адмирал Нимитц плывут в одной лодке по озеру. Лодка опрокидывается, и оба попадают в воду. Адмирал хватается за один борт и говорит: «О, как хорошо, что мои солдаты не видят, что я не умею плавать!» «Это точно,—отвечает Макартур, висящий на другом борту,—хорошо, что они не могут видеть, что я не умею ходить по воде!»

Визит в хомбу и встреча с Мацуи

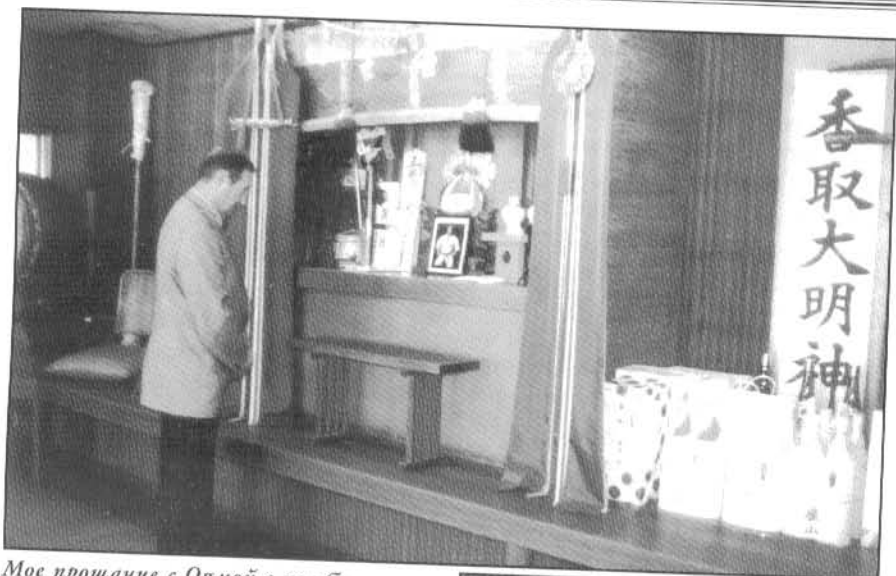
Когда я снова приехал в Японию в ноябре 1994-го года с Крисом Дольманом, который готовился к очередному матчу, я позвонил новому президенту Международной организации каратэ Кёкусинкай Мацуи и попросил его, если это возможно, встретиться со мной, чтобы я выразил ему свое почтение и сказал «Саёнара!»—«Прощай!»—сэнсэю, урна с останками которого все еще стояла в хомбу.

Во время нашей встречи Мацуи сказал мне, что после всего того, что я совершил, я—настоящая легенда в хомбу, что он был всего лишь мальчишкой, когда я уже стал первым обладателем 6-го дана и т.д. и т.п. «Но,—сказал он,—я одного не могу понять: почему вы грабили банки с револьвером в руке? Как случилось, что вас арестовали и что вы много лет провели в тюрьме?»

Этот вопрос явился для меня полной неожиданностью, и я в шоке переспросил, не шутит ли он. Мацуи ответил: «Нет! Обо всем этом есть информация в архиве хомбу». И тут я понял, почему вдруг Ояма, пригласив меня во время нашей встречи в Сеуле в 1983-м году, затем послал мне письмо, что Кёкусинкай-кан не желает моего возвращения. Все это подстроил Люк Холландер. Это он все время старался перерезать мне глотку и похоронить меня.

Хорошо! Я сидел в тюрьме в 1978-1979-м годах, но был отпущен и получил денежную компенсацию от правительства за то, что был посажен в тюрьму по ложному обвинению, потому что, в конце концов, смог доказать, что не совершал никакого преступления. Так что же толочь воду в ступе? Если я действительно никогда не грабил никаких банков!? Значит, все это ложь!?

Ояма незадолго до кончины со своим ассистентом Мацуи

Мое прощание с Оямой в хомбу. Тогда в этой маленькой комнатке в верхнем этаже все прошлое пронеслось в моей голове, как кинофильм, и я разрыдался. Как стыдно мне, что все пошло не так, как надо...

Я в свою очередь спросил Мацуи, читал ли он бумаги, которые много лет назад отправил Ояме Пит Полдер. Мацуи их не видел, но он справился у секретарши, поступали ли такие документы. Она подтвердила, что читала их, и что Холландер действительно характеризовался в них весьма нелицеприятным образом.

После этого меня проводили наверх в мансарду в маленькую комнатку, которая была превращена в некое подобие храма. Там под большим портретом Оямы стояла урна с его останками. Атмосфера траура окутала меня, и я весь затрясся от горя. Я посмотрел в глаза портрету—в эти глаза, которые всегда при разговоре пронзали насквозь, положил руки на урну и вдруг, как ни странно, почувствовал потребность поговорить с сэнсэем.

По моим щекам снова побежали слезы, и я поблагодарил Ояму от всего своего сердца за все то, что он для меня сделал. Я извинился перед ним за те неправильные поступки, которые, возможно, когда-то совершил, и поклялся, что никогда не хотел причинить ему

боли. Я чувствовал, что по моему телу словно пробегают электрические разряды.

И вдруг Ояма сказал мне в ответ: «Мы всегда относились друг к другу со взаимным уважением, мы действительно были отличные друзья, мы любили друг друга, хотя и не всегда имели возможность смотреть друг другу в глаза, по крайней мере, мы всегда были честными друг с другом. Я знал, старый тупица, что ты придешь ко мне».

Каким-то образом это помогло мне успокоиться, и я вышел с гораздо более легким сердцем, нежели вошел в комнату. Я прошел в

старое додзё и ощутил запах тяжелого труда и преданности каратэ, и слезы снова хлынули из моих глаз, и в голове пронеслись восхитительные картины чудесного прошлого.

В тот день я чувствовал себя скверно, я — не старуха и, конечно же, после Кореи — человек не особо верующий. Я верую в Ветхий Завет: глаз за глаз, зуб за зуб... Но смерть сэнсэя действительно вывела меня из душевного равновесия.

Через несколько дней Маэда прислал мне в отель факс, которым предложил мне встретиться с Мацуи вечером в моем отеле. Оказалось, мне предлагают вернуться в хомбу. Правда, я не смогу занять никакого поста, по крайней мере в течение года, а потом будет видно... Кроме того, Мацуи не желал расстаться с Холландером, потому что тот все еще представлял для него определенную ценность.

Прочитав это письмо, я подумал, что Мацуи следовало бы повидаться с его психиатром, потому что он явно не соображает, что происходит. Он, похоже, не знал,

что некоторое время назад я получил письмо от дочери Оямы Грэйс, в котором она и ее мать уверяли меня, что Мацуи захватил хомбу в чисто бандитском стиле и что завещание ее отца было подделано (гораздо позже Мацуи проиграл это дело в суде)!!! Я не хотел вмешиваться во все это, потому что это была Япония и потому что если мать Грэйс хотела поговорить со мной, то ей следовало бы просто со мной связаться.

Я встретился с вдовой Оямы в сентябре 1994-го года, заключил ее в свои объятия и сказал ей, что она всегда может рассчитывать на меня. Так что она знает, что я по поводу всего этого думаю. Но до сего дня она со мной больше не связывалась...

Маэда сказал Мацуи, что он не может поступить так с Блюмингом, потому что он самый старший и потому что у него 10-й дан. Но Мацуи ответил ему, что 10-й дан присвоен мне не хомбу Кёкусинкай-кана. Лично мне это заявление кажется очень высокомерным, глу-

Я — единственный иностранец, написать о котором в книге воспоминаний об Ояме было разрешено журналистам. Подпись на фото внизу: «Самый любимый ученик-иностранец, Маса Оямы».

пым и смешным, потому что оно исходит от 4-го дана (к настоящему времени он сам себе уже присвоил 8-й), на которого папаша еще не успел накопить спермы в то время, как у меня уже был 6-й дан, присвоенный хомбу Кёкусинкай.

Давайте тут кое-что проясним. Все высокие ранги являются почетными, а не присваиваются за бойцовские заслуги. Приблизительно до 5-го дана, по японской традиции, вас повышают в ранге, главным образом исходя из вашего боевого умения. Поэтому все первые ранги можно получить довольно быстро, конечно, если вы выигрываете соревнования и успешно сдаете экзамены. Когда вы закончите соревноваться и станете учителем (а не каждый спортсмен в состоянии обучать, Виллем Рюска, например, был отвратительным учителем), вас повысят до 6-го дана. После этого получения каждой следующей степени вы должны ждать многие годы. И все эти годы вы должны вести активную преподавательскую и организационную работу и внести существенный вклад в развитие организации.

Во время встречи с Мацуи этот мелкий сосунок имел дерзость сказать мне, что я также должен согласиться с тем, что никогда и никому не буду рассказывать правду о прошлом. Ояма был мне отцом, а хомбу было моим домом, а мне предложили смириться со всем этим дерьмом, которым японцы любят кормить невинные души, которые просто не знают правды... Это была последняя капля, и я вышел из себя и сказал Мацуи в лицо:

—Да кто ты, на хер, такой? У меня уже был 6-й дан, когда ты еще в папашинном члене сидел! Хочешь поцеловать меня в жопу?! Нет?! Так заткни свою пасть и покажи сначала, что умешь драться и учить!

Я давным-давно показал это. И мне не нужно рассказывать басни о том, сколько я убил быков! Вместо этого я могу показать тебе

вырезки из газет, в которых говорится о тех, кого я победил. В мое время не было ни одного японца, за исключением, может быть, Курасаки Кэндзи, который смог бы побить меня в драке. И уж совершенно ясно, как день божий, что никто в японском Кёкусинкае не сможет победить меня без помощи какого-нибудь из тех японских рефери, которые отказываются давать очки гайдзинам.

Я тебе вот что скажу. Собери команду из десяти человек, и я соберу команду из десяти бойцов. Я буду капитаном своей команды—ведь мне всего 61 год, а ты—своей. Потом наши команды будут драться в Токио. Но только в ринге, чтобы твои парни не могли удирать. Ну и, конечно же, коль они такие крутые, то они могут драться в своем дурацком стиле, а мы будем драться так, как умеем. И вот тогда мы узнаем раз и навсегда, кто из нас настоящие бойцы. В моей команде будут Крис Дольман и Дик Врий. Если вы выиграете матч, тогда мы сделаем все, что вы захотите. Только я не соглашусь на дурацкие правила вашего Кёкусинкай: удары в голову и броски запрещены!..

А что касается преподавания, то давай-ка посмотрим, кто кого подготовил. Ты учил кучку неудачников. А я обучил Виллема Рюску, Криса Дольмана и Дика Врийя, а то, что Рюска показал себя плохим тренером и плохим человеком, в этом моей вины нет. Я пытался помочь ему.

Я продолжал в таком же духе еще довольно долгое время. Выслушав меня, Мацуи имел такой вид, словно его усадили задницей на костер, и спросил Маэду, говорю ли я серьезно. Маэда кивнул—он ведь знал моих парней, того же Криса Дольмана, моего 9-го дана, который был бы счастлив выступить вторым номером в моей команде. Я тоже подтвердил: «Черт возьми! Конечно же, я говорю всерьез!»

Потом я еще сказал Мацуи, что знаю, что его кёкусинкаевцы уже проиграли матч команде шутбоксинга—очень слабенькой в свободных боях. Когда Маэда спросил Мацуи, действительно ли это так, тот только печально кивнул в знак подтверждения.

На этом я решил закончить этот дурацкий разговор и сказал Мацуи то, что уже не раз говорил другим так называемым «великим» японским сэнсэям—что я никогда не буду снова работать на японского сэнсэя или на японскую организацию (за исключением Куросаки Кэндзи), хотя готов работать с ними на равных. Что ни один японец больше не пойдет в банк с деньгами, заработанными мной. По крайней мере, до тех пор, пока его ученики не побьют моих—ха-ха! И что я убежден, что лишь немногие зарубежные додзё будут отсылать в хомбу деньги, как в прежнее время, потому что оно слишком мало работает, потому что его счастливое время миновало и потому что никто не станет слушать 4-го дана, который был всего лишь мальчишкой в то время, когда большинство из старых сэнсэев в Европе уже были обладателями 6-х и 7-х данов.

Как и следовало ожидать, больше меня не просили вернуться в Кёкусинкай-кан...

9-й дан дзюдо

В октябре 1998-го года мне позвонил сэнсэй Куросаки Кэндзи. Он попросил меня немедленно прибыть в Токио в связи с одним важным делом. Поскольку «немедленно» я не мог, то вылетел через два дня. В конце концов, перелет даже бизнес-классом из Амстердама в Токио все еще занимает 28 часов—от момента закрытия дверей собственного дома до входа в мой любимый отель в Синдзюку.

При встрече с Куросаки мы, как обычно, засиделись до поздней ночи в его домике в 40 ки-

лометрах от Токио. Оказалось, что создается новая организация будо и меня приглашают в совет директоров в качестве представителя Европы и, в частности, Голландии, где сосредоточены мои лучшие бойцы. Эта новая организация получила название «Toko Foundation International Martial Arts Promotion of Japan»—«Международный фонд содействия развитию боевых искусств Японии ТОКО». В состав его совета директоров вошел и знаменитый Куросаки Кэндзи, 10-й дан.

Месяцем позднее—снова Токио, снова встреча и... К моему удивлению, через 45 лет учебы, борьбы и преподавания мне—единственному голландцу в истории, проучившемуся в Кодокане три с половиной года и тренировавшемуся в группе кэнсюсэй, вручают сертификат 9-го дана дзюдо!

Японцы вообще неохотно присваивают высшие даны иностранцам, и особенно дурную репутацию в этом отношении имеет Кодокан. Самая высокая степень, которую японцы присвоили гайдзину—это 7-й дан англичанина Тревора П. Леггетта из Лондона, который получил 6-й дан от Кодокана еще до Второй мировой войны. 6-й дан получил и его друг тех дней американец О'Нил.

Третьим иностранцем, получившим 6-й дан, стал Антон Гессинк после его победы на чемпионате мира в Париже в декабре 1961-го года. И это была последняя степень, которую он когда-либо получил от Кодокана, потому что после своего знаменитого визита в штаб-квартиру дзюдо он заявил обладателям 9-х данов и Мифунэ с его 10-м даном, что он гораздо лучше их всех и что он заслуживает их 10-го дана. Видимо, эти слова голландца японцы не приняли за веселую шутку...

Наконец, 6-й дан был присвоен специалисту по нэ-вадза Крису де Корту, который учился в университете Тэнри.

Это все обладатели высших степеней в дзюдо, присвоенных японцами, которых я знаю.

Самым большим унижением со стороны японцев в отношении гай-dziнов было их обращение с моим учителем и другом Донном Ф. Дрэгером, который был единственным иностранцем—сэнсэем в Кодокане, который мог вить веревки из большинства 8-х и более высоких данов Кодокана, имел магистерский диплом университета «София», являлся специалистом по истории всех дисциплин будо и непревзойденным, на моей памяти, мастером в ката дзюдо и технике нэ-вадза, человеком, сделавшим и меня, и Инокуму, и ряд других мастеров дзюдо, но так и не удостоенным Кодоканом более высокой степени, чем 5-й дан, хотя будь он японцем, то, несомненно, был бы удостоен 8-го, а может быть, и более высокого дана. Это была ужасная ошибка Кодокана, ее следствием стало то, что Донн покинул Кодокан в конце 1960-х или начале 1970-х годов и перешел в Федерацию кэндо, которая присвоила ему 8-й дан.

Свой 6-й дан я получил в 1966-м году от сэнсэя Сигэмацу, и от него же в 1976-м—7-й. Кстати, в свое время мой старый друг Чой Ин До из Кореи написал мне в письме, что Корейская ассоциация юдо готова присвоить мне 7-й дан, но я отказался, потому что у меня не было 1000 долларов, чтобы заплатить за сертификат.

8-й дан мне присвоили сэнсэи Международного союза Будокэй.

Это было забавное чувство—стать обладателем самого высокого на данный момент 9-го дана дзюдо.

Тем более что несколько лет назад представители Кодокана сказали мне, что 10-й дан больше никому не будет присвоен, уж не знаю, почему. Последним 10-м даном в дзюдо был Котани—старый сэнсэй, тренировавший меня в группе кэнсюсэй. Когда он умер в 1991-м году, Кодокан и принял

решение более не присваивать степень 10-й дан.

Японцы из Кодокана также решительно отвергли утверждение о том, что они дали свое согласие или как-то поддержали присвоение Голландским союзом дзюдо 10-го дана Антону Геесинку, состоявшееся в 1997-м году. Для них он по-прежнему 6-й дан.

Насколько мне известно, и в катэ есть всего лишь три обладателя 10-го дана, присвоенного японцами: Мацуура Ёцуки, Курасаки Кэндзи и я.

Сэнсэй Кодокана Таката (который в мою бытность в Кодокане носил прозвище «Мистер Ханэ-госи») сказал нам—мне, Геерту Боду, 6-й дан, Йоопу ван дер Линден, 6-й дан, и Франсу ван Вийнгаарден, 6-й дан,—во время нашего визита в замечательный музей Кодокана, что Геесинка и Рюску запрещено туда пускать! В общем, этих двоих совсем не любят в Кодокане!

Тут, наверное, нужно кое-что пояснить. Согласно традиции Кодокана, 6-й дан присваивается дзюдоисту после окончания успешной борцовской карьеры или же вручается за многолетнее обучение дзюдо и работу для его процветания. Как бы то ни было, 6-й дан—это предельно высокая награда за успехи на соревнованиях. Если после окончания карьеры борца вы становитесь преподавателем, помогаете дзюдо в целом и периодически выходите на татами для тренировок, то со временем вам присвоят более высокие степени. Все это означает, что если вы только эпизодически посещаете соревнования, чтобы просто на них поприсутствовать, то вам никогда не присвоят дан выше 6-го. Это не сделают ни японцы, ни корейцы.

Особая группа обладателей высших данов оценивает обладателя 6-го дана на предмет возможности присвоения ему 7-го. То же самое—в случае с 8-м даном, но теперь претендент должен достичь возраста по меньшей мере в 40 лет.

Так, практически все парни из нашей группы кэнсюсэй в настоящее время имеют 8-й дан. Та же процедура и в случае с присвоением 9-го дана. Лучшему из лучших обладателей 9-го дана, в конце кон-

цов, может быть присвоен столь вожделенный 10-й. Но, как видно из приведенной здесь таблички, за сто двадцать лет существования Кодокана обладателей 10-х данов было совсем немного.

Обладатели 10-го дана дзюдо Кодокан (по состоянию на май 1996 г.)

Имя и даты жизни	Дата присвоения	Возраст
Ямасита Ёсиаки (16.02.1865–26.10.1935)	1935 г., 24 октября	около 70 лет
Нагаока Сюити (17.09.1876–22.11.1952)	1937 г., 22 декабря	около 61 года
Исогай Хадзимэ (26.10.1871–1947)	1939 г., 22 декабря	около 68 лет
Мифунэ Кюдзо (21.04.1883–27.01.1965)	1945 г., 25 мая	около 62 лет
Иидзука Кунисабуро (13.02.1875–25.07.1958)	1946 г., 4 мая	около 71 года
Самура Кантиро (13.11.1880–6.11.1964)	1948 г., 4 апреля	около 68 лет
Тобата Сётаро (6.04.1884–25.05.1950)	1948 г., 4 мая	около 64 лет
Окано Котаро (24.04.1885–2.06.1967)	1967 г., 2 июня	около 82 лет
Сёрики Мацутаро (11.04.1884–9.10.1969)	1969 г., 9 октября	около 85 лет
Накано Сёдзо (6.01.1888–22.12.1977)	1977 г., 21 декабря	около 89 лет
Курихара Тамио (21.05.1896–8.10.1979)	1979 г., 7 октября	около 83 лет
Котани Сумиюки (3.08.1903–9.10.1991)	1984 г., 27 апреля	около 81 года

С учетом всего этого становится понятно, почему японцы не признают 10-й дан Геесинка и по-прежнему считают его только 6-м даном. Ведь он на протяжении последних двадцати пяти лет не выходил на татами и прямо-таки достал многих представителей Голландского союза дзюдо и Олимпийского комитета Нидерландов.

Еще хуже положение у Рюски. В январе 1988-го года Союз дзюдо Нидерландов присвоил ему 8-й дан, но в Японии у него нет даже 1-го кю. Он не практикует дзюдо уже двадцать лет, отвратительно показал себя как тренер, развалив два собственных додзё и провалив подготовку голландской сборной.

После того, как он ударил секретаря Союза дзюдо за то, что тот не был в состоянии вовремя выдать ему аванс, Союз исключил его и вздохнул с облегчением. Так за что же ему присвоен 8-й дан? Виллем честно заработал 6-й, завершив спортивные выступления в 1970-е, но за что он получил 8-й?

Таким образом, в Голландии в настоящее время, как всегда, самым наглым и беззастенчивым образом попираются традиции и принципы дзюдо, и, как всегда, голландские чиновники от дзюдо присваивают ранги, исходя из своих собственных критериев и ставродавних спортивных достижений претендентов.

Обладатели мастерских степеней по универсальному каратэ Кёкусин будокай, присвоенных IBK и признаваемых Японией (данные на 1999 год)

Донн Ф. Дрэгер	10-й дан
Куросаки Кэндзи	10-й дан
Йон Блюминг	10-й дан
Раффи Ливен	9-й дан (Дания)
Крис Дольман	9-й дан
Харри Сериесе	8-й дан
Ринус Шуальц	8-й дан
Ян Плас	8-й дан
Тон де Вит	8-й дан
Билл Бахус	8-й дан (Германия, Франкфурт)
Адзума Такаси	8-й дан (Токио)
Асо Хидэтакэ	8-й дан (Токио)
Дэвид Кук	8-й дан (Швеция)
Маэда Акира	8-й дан (Токио)
Г. Лемменс	8-й дан (Германия)
Дэйв Йонкерс	8-й дан, сихандай IBK
Тон ван Хоймен	7-й дан
А. Рейлман	7-й дан (покойный)
В. Смит	7-й дан (США)
Д. Айшойер	7-й дан (Германия, Мюнхен)
Г. Гордо	7-й дан
Т. Эйкман	7-й дан
Ф. ван Вийнгаарден	7-й дан
А. Войнеску	7-й дан (Германия, сихандай)
Й. Рейлман	6-й дан
Й. Вос	6-й дан
Ф. ван Дийк	6-й дан
Й. ван дер Линден	6-й дан
Я. де Бруйн	6-й дан
Н. Гордо	6-й дан
Л. Гарбин	6-й дан
Дж. Свинт	6-й дан (США)
Тоон Штеллинг	6-й дан
Х. Ватсон	6-й дан (Германия)
Х. Нийман	5-й дан
М. Гугметцес	5-й дан
В. Брегонье	5-й дан
П. Драхман	5-й дан
Б. Руттен	5-й дан

Основные инструкторы универсального каратэ Будокай

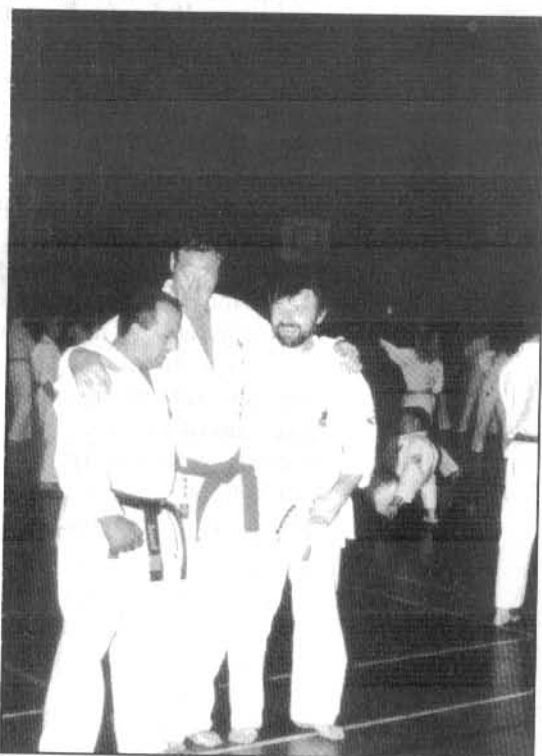
Пит Полдер	7-й дан
Харри Кузийн	7-й дан
В. де Моой	7-й дан
Г. ван Морик	6-й дан
П. Артс	6-й дан
Ф. Ясперс	6-й дан
Х. Лобман	6-й дан
Й. Рииберг	6-й дан
Х. Руберг	6-й дан
Р. Вильдебор	6-й дан
Х. Свейрс	5-й дан
М. Годегебуур	5-й дан

Основные инструкторы дзюдо Будокай

Йон Блюминг	9-й дан
Крис Дольман	8-й дан
П. Аделаар	7-й дан
В. Паулетта	7-й дан (покойный)
Ф. ван Дийк	7-й дан
Жак Бракель	6-й дан (покойный)
Г. Гроос	6-й дан
Р. Ноордберг	6-й дан
М. Схутте	6-й дан
Х. Калле	6-й дан
Ф. Кирхоф	6-й дан
Д. Йонкерс	6-й дан
С. Хайман	6-й дан

Обладатели почетных степеней IBK

Дик Шильдер	6-й дан универсального каратэ
Том Харинк	6-й дан универсального каратэ
Кор'т Харт	5-й дан универсального каратэ

*С. Р. Ливеном, 9-й дан,
и Герртом Эмменсом,
8-й дан. 1992 г.*

СЕГОДНЯ И ЗАВТРА... ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

На волосок от смерти

Вскоре после возвращения из поездки в Японию в ноябре 1998-го года я лежал в постели и вдруг услышал забавный звук в моей голове—словно кровь хлынула по кровеносным сосудам, как по пожарным шлангам. Позвонил доктору, рассказал. Ему это тоже показалось забавным. В результате я поехал в госпиталь и прошел основательное обследование сердца, после которого врачи захотели тут же отправить меня в палату, но я был вынужден отказаться—как раз в это время жена находилась в Китае с туристической группой.

Врачи выписали мне очень сильные лекарства, потому что оказалось, что моя синусоида на энцефалограмме прямо-таки взбесилась. Положение усугублялось еще мерцанием в груди и тем, что пульс у меня подскочил с обычных 65 ударов в минуту до 140. В результате кровеносное давление поднялось до 190 на 130. Я был напуган до чертиков. По дороге домой я все думал: «Ну, парень, пришел твой черед».

Через несколько недель мне сделали кардиостимуляцию электрошоком. После нее показания выглядели вполне нормальными, но всего через два дня на встрече ветеранов корейской войны в Амстердаме я снова почувствовал учащение пульса, и мне опять стало плохо.

Несколько следующих месяцев врачи пичкали меня сильнодействующими лекарствами, и я чувствовал себя, словно зомби. Поэтому я сказал докторам, что собираюсь прекратить лечение и готов принять все последствия такого решения. Они не знали, что делать со мной дальше, и отправили меня в знаменитый госпиталь в Утрехте к профессору Хауеру, прозванному «Волшебником».

Он записал меня на очередь на операцию, чтобы повысить проходимость и лазером сделать что-то вроде холмика в сердце и прекратить мерцание. По словам врачей, это была новейшая технология, дававшая замечательные результаты, но приходилось ждать очереди.

Пока суть да дело, я вылетел в Нью-Йорк для интервью и съемок документального фильма о моей карьере в будо, который пожелала подготовить телекомпания «Pacific Street Films», и под действием нью-йоркской горячей волны, во время которой мне «посчастливилось» туда прибыть, мой пульс подскочил до 147 ударов.

Когда я вернулся в Голландию, мне позвонил профессор. Он сообщил, что операция может быть проведена немедленно и что мне нужно ложиться в госпиталь.

И не зря его прозвали «Волшебником»! 17 августа я лег в госпиталь, 18-го мне сделали операцию, 19-го наблюдали на мониторе, 20-го выписали и отправили домой, а 21-го, в субботу, я уже играл в гольф, словно ничего со мной и не было! Я словно заново родился.

Сама по себе операция проходила, как сцена в сюрреалистическом фильме ужасов. В маленькой комнате я лежал на белом операционном столе, вокруг стояли большие лампы, рентгены, всяческие мониторы. Я ожидал, что мне введут обезболивающее, но врачи сказали, что для успеха операции нельзя использовать никаких обезболивающих препаратов, разве что отрезать кое-что между ног. Врачи ввели мне 4 длинных тонких трубочки в левую часть груди и одну—в правую. Вся операция заняла четыре часа с копейками. Потом мне сказали, что сейчас будут жечь лазером. Это отнюдь не добавило мне оптимизма, и я окрасился в брон-

зовый цвет, словно меня посадили на кол и пробили гвоздями ладони. И не зря: как только профессор подал какую-то команду, что-то вроде «Дайте ему 150!», машина зажужжала, и я ощутил сильную боль, которая продолжалась несколько секунд. Потом перерыв, и снова—боль. Я вспотел, как больной малярией. Потом я должен был перенести новую команду: «Мало! Надо еще! Дайте 500!» Ныне даже любой деревенский дурак в состоянии сосчитать, что 500 более чем в три раза больше 150, я немного запаниковал, и не зря. Потому что, когда машина снова зажужжала, я почувствовал, что моя грудь сейчас взорвется, боль охватила все мое тело—и пах, и глотку, ощущение было такое, словно мою грудь разорвали ручной гранатой. После второго воздействия я уже был готов заорать, что с меня достаточно. Но тут ко мне подошел профессор и спросил, как у меня дела. Я ответил, что за весельем время летит незаметно. На это он сказал мне, что теперь все в порядке, только у меня снова началась аритмия в работе сердца, и поэтому им придется еще раз провести кардиостимуляцию электрошоком, чтобы запустить мои «часы» правильным образом.

Когда я проснулся, меня отвезли в палату и сказали, что все со мной теперь в полном порядке. Мое давление вернулось к норме—135 на 78, пульс стал обычным—65 ударов в минуту. Я думаю, что был тогда на волосок от гибели, и теперь я—самый счастливый будока на свете!

Справедливость торжествует?

Из Японии я получил сообщение, что Мацуи, самопровозглашенный лидер хомбу Кёкусинкай, в конце концов, по решению Верховного суда Японии был изгнан из хомбу. На одной из фотографий в журнале по каратэ Мацуи запечатлен покидающим додзё с картонной коробкой в руках и с

выражением лица, как у выпоротой псины. Так что все права теперь в руках вдовы Оямы, как и должно было быть с самого начала.

Правда, для начала ей придется решить кое-какие проблемы. Согласно японскому законодательству, при переходе предприятия из одних рук в другие новый владелец обязан оставить на работе всех, кто работал на предприятии до смены владельца. Так вот, Мацуи, узнав о решении Верховного суда где-то за неделю до его официального объявления, взял на работу 12 новых сотрудников—естественно, своих закадычных дружков, и теперь вдова сэнсэя вынуждена еженедельно платить этим никчемным бездельникам их неотработанные зарплаты. Такие методы давным-давно использовали японские якудза. Так что теперь вдове придется снова обращаться в суд и с его помощью разделяться с подарком Мацуи. Надеюсь, после всего иностранцы перестанут посылать деньги за бессмысленные членские карточки такому, с позволения сказать, «сэ-нсэю». Не лучше ли потратить их на автомобильные прогулки и на ужин в хорошем ресторане?

Забавная штука! 1 октября 1999-го года у нас проходила встреча старых учеников Кёкусинкай каратэ. Выяснилось, что многие сэнсэи, уже отошедшие от Люка Холландера, не располагают информацией о том, что происходит в Японии, и все еще платят несусветные деньги за пшик!

47 лет активных занятий будо сыграли со мной забавную штуку. Мой мозг призывает: «Ну, давай! Схватись с ним! Покажи ему свой знаменитый бросок и фирменную технику на земле!» Но тело тут же и недвусмысленно отвечает на это: «Да пошел ты к черту, Тарзан!»

Старость сделала меня сентиментальным, и я на многие вещи смотрю совсем не так, как в молодости. И одна вещь для меня после всех лет, проведенных в будо,

совершенно очевидна: невозможно объединить все направления боевых искусств в одной большой организации с единым хорошим советом директоров и единым честным аттестационным комитетом. Я сам пытался достичь этого вместе с Оямой в прошлом, но уже тогда было чересчур много смешных «будока»: не имея ни малейших прав на те титулы, которыми они щеголяли, они все хотели сделать на свой забавный лад. Так что эта идея потерпела крах.

Все возможно в безумном мире...

Есть такая поговорка: все возможно в этом безумном мире. С другой стороны, в старушке-Японии никогда и ни в чем нельзя быть уверенным до конца...

С 20-го февраля по 1-е марта 2000-го года я снова находился в Токио по приглашению бывшего чемпиона Японии по свободным боям Маэды Акиры из организации «Rings». Кёкусин Будокай присвоил ему 8-й дан, и торжественное вручение этого сертификата было приурочено к большому турниру по свободным боям в Токио.

Во время пребывания в Японии я узнал, что Мацуи, этот самопровозглашенный «сосай» хомбу Кёкусинкай-кан, снова сотрудничает с вдовой сэнсэя Ояма и что, проиграв ожесточенные баталии на всех уровнях судебной системы, включая Верховный суд, этот самый Мацуи, который, имея 4-й дан, сам себе присвоил 8-й, покинул хомбу с кислой миной, но теперь, заключив с вдовой Оямы соглашение, согласно которому он обязуется платить ей по 10 тысяч долларов ежемесячно, снова вернулся туда.

Ну, не стоит обвинять вдову в потакательстве Мацуи, она уже старая и совершенно разбита. Но что касается Сампэя, который был рядом с вдовой последние пять лет, то, наверное, это была для него хорошая пощечина—достойная на-

града за верность. Впрочем, судя по ходу дел в последние годы, все это можно было предвидеть.

А Мацуи по-прежнему держит у себя под крылышком Люка Холландера и даже присвоил ему 8-й дан (это человеку-то, который почти 30 лет не занимался каратэ!), даже несмотря на то, что тот разрушил всю Европейскую организацию Кёкусинкай.

Лично я не собираюсь иметь ничего общего с этими людьми, потому что я еще помню ту могучую организацию, которая существовала 35 лет назад, когда знаменитый Куросаки Кэндзи держал поводья в своих руках, помогая такой сильной личности и замечательному пиарщику, каким был сэнсэй Мас Ояма. А сейчас та же самая организация напоминает мне отвратительную постановку устаревшей пьесы. Я думаю, что ни сэнсэй Ояма, ни сэнсэй Куросаки, ни я не заслужили такого финала нашего начинания. И конечно же, я сейчас не могу винить всех тех замечательных учителей и бойцов в Японии и за ее пределами, которые покинули идущее ко дну хомбу. Мне очень жаль!

Мацуура Ёцуки

Об этом не принято говорить, но сэнсэй Мацуура—вовсе не обычный человек, а один из подлинных тайкунов Японии, поднявшихся после того, как война 1941—45-го годов оставила прежнюю Японию в руинах. Он разработал особый способ заморозки различных продуктов, в первую очередь рыбы, и создал небольшое предприятие, которое стало очень быстро расти и достигло огромных размеров, потому что весь мир покупал у него патенты на использование изобретения, а Ёцуки вкладывал заработанные деньги в другие сферы бизнеса. Мацуура еще не было тридцати, а он уже имел свыше 20 компаний и был одним из богатейших людей в Японии.

Мацуура Ёцуки, 10-й дан каратэ Сидокан, член комитета «Каратэ — в программу Олимпийских игр», президент Объединенной всемирной ассоциации каратэ (United World Karate Association)

Сам Мацуура всегда придерживался крайне правых взглядов, гордился своим японским происхождением и отказывался одеваться в западную одежду. Он ходит по Токио, неизменно одетый в старые самурайские одеяния, которые прекрасно на нем сидят.

Моя первая встреча с этим любезным господином произвела на меня огромное впечатление, я

словно встретился с даймё из прошлого, и Мацуура — действительно настоящий даймё, но только не из прошлого, а из настоящего. Его офис представляет собой прекрасный музей, в котором представлено более пятидесяти комплектов доспехов, некоторые из них считаются национальными сокровищами. Двадцать лет назад Мацуура решил, что пришло время ему войти в мир политики, и, конечно же, стал президентом новой крайне правой партии. Этот пост он занимает и сегодня, в ряде случаев он назначал премьеров Японии. В политике он до сих пор остается одним из самых влиятельных самураев Японии, и если вы хотите узнать, кто такой самурай, понаблюдайте за Мацуура.

Мацуура Ёцуки также является президентом ассоциации каратэ, которая имеет додзё по всему миру. Их пока нет в Голландии, но эта

Мацуура-сэнсэй в повседневном японском костюме в своем напоминающем музей офисе, в котором хранится 51 комплект доспехов, некоторые, принадлежавшие князьям-даймё, считаются национальными сокровищами

проблема сейчас решается, потому что я пообещал сэнсэю работать с ним и для него, как прежде работал для сэнсэя Ояма и хомбу Кёкусинкай-кан.

Стиль, который культивирует организация Мацуура, похож на старое каратэ, то есть в нем не применяются лоу-кики. Но он усовершенствован тем, что ученики на тренировках и чемпионатах надевают перчатки, а правила разрешают бить в голову. И это очень здорово, потому что зрителю сразу становится ясно, кто действительно победил в поединке. Чемпионаты по каратэ Сидокан Мацуура ежегодно проходят в Чикаго в США.

Сэнсэю сейчас шестьдесят, но выглядит он всего на сорок. Он ежедневно тренируется, специализируясь в старых окинавских ката, в которых является настоящим знатоком.

Прошлое бывшем поросло...

Сейчас все прошлое уже, что называется, бывшем поросло. И доказательством тому моя случайная встреча с Антоном Геесинком в апреле 1998-го года на улице Утрехта. Он был искренне счастлив увидеть меня и заключил меня в свои объятия. И я, всегда восхищавшийся им как дзюдоистом, был от души рад нашей встрече, тем более что я считаю, что было бы гораздо лучше, если бы два старых сэнсэя уважали друг друга, а не поливали грязью.

Время, безусловно, меня изменило, хотя иногда у меня и болит сердце, когда я о чем-то вспоминаю. Но время сделало меня выдержаннее, и сегодня я могу ясно видеть, что совершал много ошибок в жизни. Но одно я знаю наверняка: я всегда предпочитал иметь друзей или быть другом, нежели враждовать с кем-либо.

С другой стороны, невозможно дружить со всеми, потому что многие зачастую хотят дружить с тобой не просто так. Я всегда говорю, что

Старик задремал

враги были даже у Христа, Господа нашего, и поскольку он им доверился, это стоило ему жизни. Точно так же был убит Ганди, а ведь он был само воплощение доброты. В свете всего этого я предпочитаю быть честным самураем.

В последние годы я много играю в гольф и имею гандикап в районе 24-х. Почему я играю в гольф? Потому что «для этой игры требуются мячики» (здесь игра слов: английское «balls» имеет значения «мужество, отвага, решимость, смелость, храбрость» и — на сленге — «(мужские) лички, яйца» — перев.), и это имеет ко мне прямое отношение. У меня есть также лицензия на плавание с аквалангом, а для отдохновения — один из самых красивых японских садов во всей Голландии.

Разбивка моего сада была завершена 16 лет назад, когда я скупил всю поставку японского садового инвентаря на Всемирную ярмарку. Его особым украшением являются два трехсотлетних больших садовых фонаря, которые я несколько лет назад купил на аукционе. Их привезли в Голландию на старинных кораблях, которые совершали рейсы в голландскую факторию в Японии на острове Дэсима.

Мой дом

*A thousand sad thoughts arise in me,
When I behold the harvest moon,
Although to all men autumn comes, and
Not to me alone.*

*Тысяча печальных дум рождается во мне,
Когда я вглядываюсь в осеннюю луну,
Осень приходит ко всем,
Но только не ко мне...*

Мой садик зимой

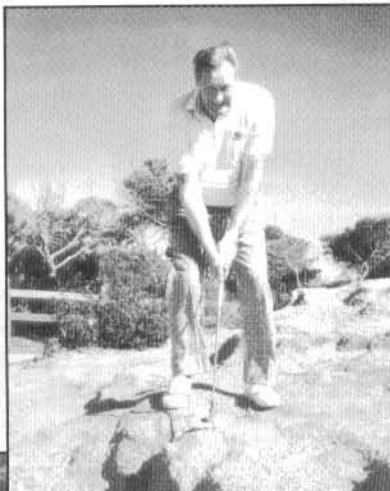

Мой японский садик

*Мое хобби и ночной кошмар...
Гольф! Мой первый турнир в Де
Билте. 1989 г.*

*На небольшом
турнире по гольфу
в Португалии.
1994 г.*

*В поисках мячика...
Гольф-клуб «Sabie».
ЮАР, 1992 г.*

*Занятия гольфом в Гонконге.
С моим верным другом Биллом.
1990 г.*

*Занятия гольфом в
Кейптауне. ЮАР, 1992 г.*

Вспоминаю, как в день 75-летия моего учителя дзюдо по группе кэн-сюсэй Мифунэ Кюдзо, 10-й дан, я увидел его в садике подрезающим веточки на деревьях и сказал своему другу Биллу: «Наверное, это очень херово—стать таким стариком и заниматься только подрезанием веточек». И вот некоторое время назад я как-то работал в своем садике погожим летним днем, восхищаясь пейзажем и подрезал веточки. И тут в голове у меня всплыл тот день в Токио и сэнсэй Мифунэ в его садике, и я рассмеялся, потому что вдруг понял, сколь прекрасной может быть жизнь и каким глупцом я был когда-то. Это было просто здорово.

Недавно я получил письмо от одного мудака, который пожелал включить меня в некий Зал славы Всемирного союза каратэ. В обмен на не подлежащий возврату денежный перевод на сумму в 250 долларов США с моей стороны, он обещал мне привилегию—возможность пообедать в каком-то местечке под названием «Уинд Ривер» в Пенсильвании. Причем если бы пожелал, чтобы меня сопровождали моя жена, дети или друзья, то я должен был бы доплатить по 100 долларов на каждого человека. Перелет, размещение и аренда автомобиля—разумеется, за мой счет.

А посему, хотя в письме и утверждалось, что это «одна из наивысших почестей, которых я могу удостоиться в воинских искусствах, в итоге я решил от нее отказаться, посчитав, что лучше вложу свои деньги в свой маленький японский садик...

Как-то я прочитал в газете заметку о травме, которую получил один профессиональный игрок в футбол. Эта публикация меня буквально взбесила: эти парни зарабатывают миллионы и при этом жалуются на какие-то смешные травмочки, вроде травмы колена! Если бы они получали все те травмы, которые я

Празднование дня рождения Мифунэ. Слева от мастера—М. Грюзль, за ним—мой друг Б. Бахус. В тот день мастер вручил лучшим иностранным дзюдоистам кубки. 1960 г.

Я получаю кубок из рук Мифунэ Кюдзо, 10-й дан

Мифунэ Кюдзо во время празднования его 75-летия со сборной Франции по дзюдо и другими иностранными дзюдоистами. По правую руку от мастера—блестящий дзюдоист Морис Грюзль, в то время—5-й дан. 1960 г.

получал все эти годы тренировок, они моментально бросили бы свои игры, даже если бы им подняли зарплату вдвое.

Практически все пальцы на ногах у меня вывихнуты, а четыре пальца—сломаны. На левой руке—два перелома мизинца, на правой—тоже два, плюс три перелома указательного пальца. Перелом правой локтевой кости. Левое плечо вырвано полностью, а правое—почти. Два сломанных шейных позвонка и разорванный хрящ между ними. Аналогичная травма—в области поясницы: на протяжении ряда лет я едва передвигал ноги, но потом поправился благодаря гомеопатическому лечению. Два сотрясения головного мозга. Три перелома носа. Разрывы медиальных менисков на обоих коленях, правое колено прооперировано в 1957-м году. Два сломанных ребра с левой стороны. Бесчисленные синие и черные пятнышки—не в счет, это страшилка только для пидеров. Плюс еще осколочные и пулевые ранения, полученные на Корейской войне, хотя их тоже не следует считать, ведь я получил их по собственной глупости, и они никак не связаны с занятиями будо, но все-таки...

Зато я научился жить со всем этим и до сих пор люблю потягаться со своими учениками и показать им то, чему научился за прошлые 45 прекрасных лет, и сделать так, чтобы они тоже получили столь же много радости от занятий будо, как я.

Единственное, что беспокоит меня всерьез,—это жалобы моего тела, когда я его прилично нагружаю, хотя бы даже игрой в гольф, потому что из-за всех моих старых травм мне приходится разогреваться очень медленно, а я это ненавижу. Мой разум жаждет броситься в карьер, нокаутировать всех противников, но тело говорит ему: «Какого хера?!»

Но я все-таки еще справляюсь со своими проблемами, и только мысль о том, что когда-нибудь мне вдруг придется сказать будо, которое я так любил и которым жил,

«Саёнара!»—«Прощай!», заставляет меня трепетать от ужаса.

Завтра...

Встреча с ветеранами Кёкусин-кая, на которую я был приглашен в качестве почетного гостя, сделала меня счастливым. Особенно радостно было слышать, как один старик сказал: «Наверное, это прекрасное чувство—смотреть вокруг и всюду видеть своих детей и внуков в будо, знать, что они уже подготовили из своих учеников новых чемпионов, что они сами выросли в знаменитых сэнсэев». Он был прав! Это чувство огромного удовлетворения. Я теперь знаю, что сделал очень много хорошего, о чем другие могут только мечтать.

И я надеюсь, что за те годы зимы жизни, которые еще мне отведены, я вместе с сэнсэем Куро-саки успею достичь еще чего-то, еще чему-то научить тех, кто хочет учиться, и помочь зрелым сэнсэям своими советами.

В конце встречи ветеранов Кёкусин-кая меня объявили почетным членом Голландской ассоциации каратэ—той самой организации, которую я вместе с Харри Сериезе и Ринусом Шульцом основал 2 января 1962-го года в Амстердаме.

В конце концов, теперь, когда я снова здоров, я не хочу переживать и мучиться бессонницей от того, что когда-то все пошло не так, как мне того хотелось. Нет! Не надо этого! Назад! На татами! Учить боевому искусству! Передать другим то, чему я научился за долгие годы! Играть в гольф и наслаждаться японским садиком с тремя десятками роскошных карпов, замечательной коллекцией произведений искусства и, конечно же, в первую очередь, моей женой—самой лучшей женой в мире!

Посвящаю эту книгу всем верным мне ученикам. Спасибо за все эти годы. Я всех вас люблю!

Сэнсэй, да пребудет с тобою Господь!

*Единственный способ победить быка...
Новая Зеландия, 1990 г.*

Куракао, 1993 г.

*Не все, о чем вы думаете, так и
есть на самом деле...
В гольф-клубе в Аннахайме. 1989 г.*

*Ab, when I count the years still left,
I find them quickly told;
In all the world is nought so sad,
As growing OLD!*

*Люблю путешествовать
стильно. Гонконг, 1993 г.*

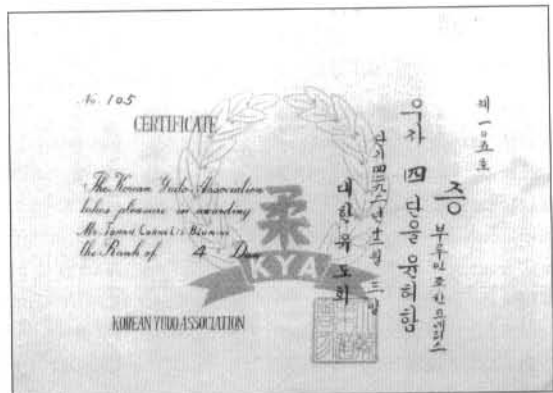
*Ох, когда считаю я года, что мне еще осталось,
Мне кажется, что их совсем немного;
Нет ничего печальнее на свете
Прихода СТАРОСТИ!*

*На свадьбе дочери. Моя
тётя, Масуко, Тиё,
моя нынешняя жена
Альбертина. Впереди — мой
сын Йон Блуминг-младший*

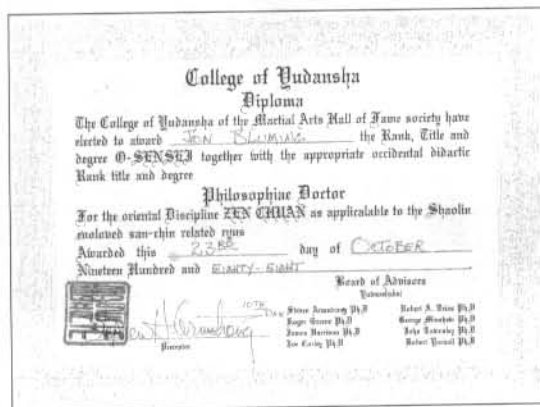

Удостоверение первого голландца — члена Кодокана и обладателя 2-го дана. 1956 г.

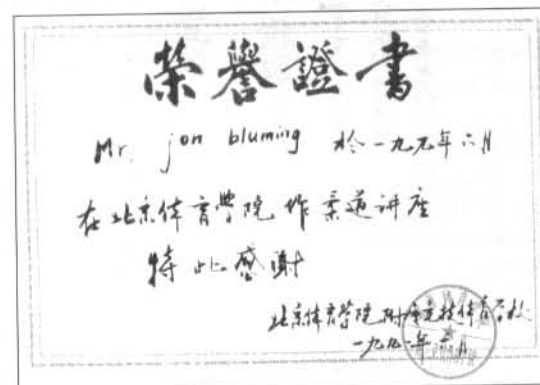
Диплом Корейской ассоциации юдо о присвоении мне 4-го дана дзюдо. 1959 г.

Мой диплом почетного доктора Зала славы каратэ (Уж что есть, то есть... Каким бы ни был этот зал...)

Мой сертификат брэнч-чифа. 1962 г.

Птица в полете всегда что-нибудь схватит... Сертификат о присвоении мне почетного звания помощника профессора Пекинского университета. Неплохое звание, не так ли?!

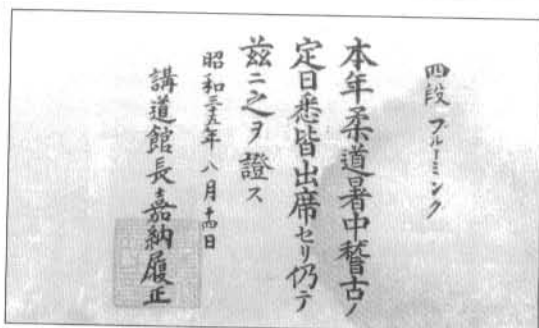
Диплом о присвоении мне 5-го дана Кёкусинкай. 1963 г.

Диплом о присвоении мне 6-го дана Кёкусинкай. 1965 г. Я стал первым в истории хомбу каратистом и первым иностранцем — обладателем степени 6-й дан

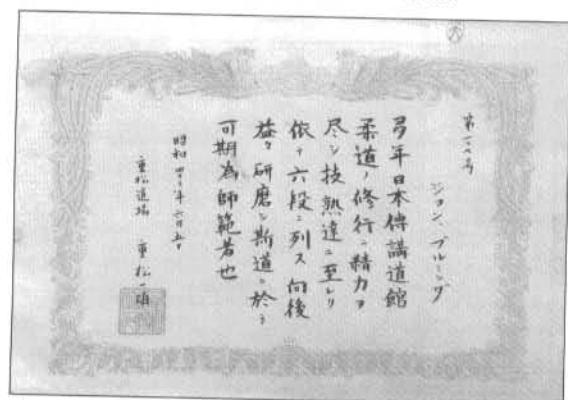
Диплом о присвоении мне 2-го дана дзюдо Кодоканом. Сентябрь 1956 г. Я был первым голландцем, удостоившимся этой чести

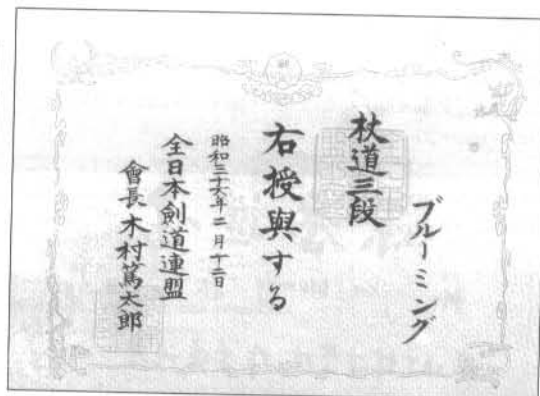
Диплом о прохождении летнего тренинга в Кодокане в составе группы кэнсюсэй. 1960 г.

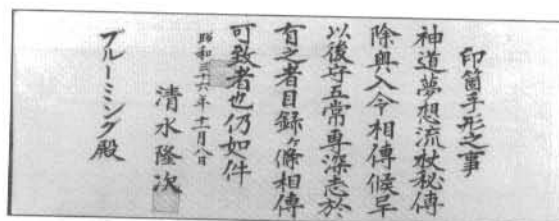
Диплом о присвоении мне 3-го дана иайдо. Осень 1961 г.

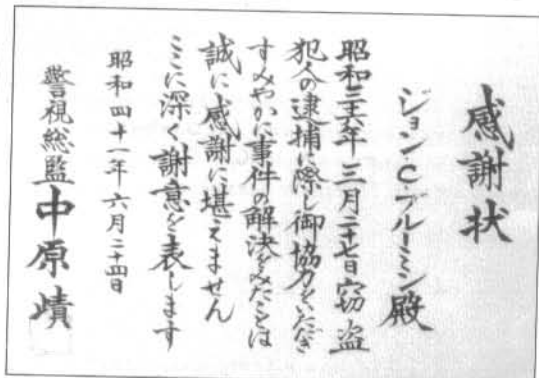
Диплом о присвоении мне 6-го дана дзюдо. Август 1966 г.

Диплом о присвоении мне 3-го дана дзёдо. Осень 1961 г.

Лицензия преподавателя Синто мусо-рю дзёдзюцу, выданная мне Всеяпонской федерацией кэндо. 1961 г.

Письмо от начальника японской полиции Накахара с выражением благодарности за помощь в задержании воров

ЛЕГЕНДЫ: «ВСЕ ЛУЧШЕ И ЛУЧШЕ С КАЖДЫМ РАЗОМ»

История Оямы зародилась очень давно и на протяжении уже многих лет живет своей собственной жизнью, с каждым годом становясь все лучше и все смешнее. Но сэнсэй Ояма был отличным учителем и организатором и отцом для своих учеников, в особенности в давние дни 1959—1970 гг., и я не думаю, что он должен выглядеть смешным из-за всяких козлов, которые распространяют о нем разные басни, чтобы заработать денег.

Японцы—великие сказочники, они могут с самым серьезным видом говорить о чем-то как об абсолютной истине даже тогда, когда вы с помощью старых писем, публикаций и свидетелей докажете, что это—совершенная чепуха.

Во время моей встречи в 1994-м году с Мацуи, который утверждал, что Ояма избрал его преемником, но проиграл первое слушание в суде, где его оппоненты доказали, что он—мошенник, он спросил меня, не я ли написал статью, которая привлекла его внимание. Эту статью ему подсунул, разумеется, Люк Холландер, и речь в ней шла о прошлых днях и о разных историях обо мне и об Ояме, которые лживы, о чем знают многие будока прошлого. В этой статье я написал чистую правду, но Мацуи, к моему великому удивлению, она расстроилась. Он сказал, что мне не следовало рассказывать о делах минувших дней и, конечно же, не нужно было доказывать, что большинство подобных историй—неправда. Я спросил его: «Почему?» И он ответил: «Ояма был моим сэнсэем, а хомбу—это мой родной дом, и потому я должен поддерживать все эти истории и хранить легенды».

Тогда я сказал Мацуи, что, если речь в какой-нибудь истории пойдет обо мне и если это будет ложь, я непременно выведу ее на чистую воду. Я сказал ему

также, что мне не нужны басни, делающие из меня легенду, я сделал в будо достаточно, чтобы показать, кто я есть на самом деле, и еще—что я никогда не встречал японца (за исключением, может быть, Курасаки Кэндзи, обладателя 10-го дана и человека, который реально учил меня бою), который мог бы побить меня в те дни, и что я уверен, что и сегодня никто из них не сможет побить меня, если я задействую все свои боевые навыки против их маленькой глупой игры со всеми ее ограничениями вроде того, что нельзя делать захваты, бить в лицо, нельзя то и нельзя это, и к тому же все это должно происходить непременно под контролем японского рефери... Ха, ха, ха! Короче, я не увидел для себя ничего интересного в их игре и отказался участвовать в ней и работать на Мацуи с его 4-м даном, который еще бегал в коротких штанишках в то время, как я был уже 6-м даном—первым в истории всего Кёкусинкай-кан и первым гайдзином в мире, получившим такое звание.

Мацуи также сказал мне, что он обещал умирающему Ояме, что он никогда не изменит их стиль и сохранит его в исконном виде. И вот теперь этот лицемер работает вместе с бывшим бойцом из Кёкусинкай-кана сэнсэем Исии, который организует соревнования по жесткому варианту кикбоксинга K-1 с участием профессионалов, с большими денежными призами для победителей, в которых постоянно побеждают бойцы из Голландии. Так вот, Мацуи теперь примкнул к организации Сэйдокай-кан, созданной Исии, который ранее считался бунтовщиком, вроде Адзумы и десятков других очень хороших бойцов и чемпионов старой системы, каждый из которых пошел своим путем.

Когда я в сентябре 1994-го года встречался с Мацуи (и тому свидетель Маэда Акира, 8-й дан Будокай-кан и чемпион мира 1994-го года по боям без правил по версии «Rings»), у того был 4-й дан, а теперь он уже сам себе присвоил 8-й, а многим из тех, кто имели 1-й кю, — по 2-му или 3-му дану, чтобы они могли открыть новые отделения, потому что Мацуи до сих пор пребывает в отчаянном положении и ищет новых членов организации, поскольку многие иностранцы просто не хотят посылать деньги в новое хомбу какому-то сэнсэю, которого они знают как хорошего бойца, но который, тем не менее, намного моложе и имеет степень на 3 дана ниже, чем большинство старых европейских или американских сэнсэев и бойцов. Очень смешно, что никто не жалуется на этот, как бы сказал Ояма в прошлые дни, «обезьяний бизнес». И это происходит только потому, что Мацуи — японец, «сэнсэй», тогда как любой гайдзин, который вышибал из японцев дух в прежние дни, — это всего лишь член организации, даже несмотря на то, что у него — 7-й дан или даже выше, и что он доказал свои способности самыми разными способами. И не забывайте, что в большинстве случаев японцы выигрывали чемпионаты мира по Кёкусинкай, потому что рефери тоже были японцы, а когда они осмеливались своим решением отдать победу какому-нибудь гайдзину, Ояма взрывался, вызывал их к столу главного судьи, устраивал им выволочку, и они были вынуждены с красными лицами изменять собственные решения.

Почитайте книгу Накамуры Тадаси, который испытал на себе подобное обращение и, в конце концов, не выдержав подобных оскорблений, несправедливых и нечестных решений, покинул хомбу, хотя и являлся одним из самых приверженных каратистов Кёкусинкай. То, что произошло после этого, — история темная, но через

некоторое время его подстрелили в колено. Его собственный стиль, который он возглавляет ныне, называется Сэйдокан-кан США, его главный центр находится в Нью-Йорке, и он процветает. Между прочим, Накамура был одним из лучших молодых бойцов в те дни, когда у меня был уже 6-й дан, сам он в то время был обладателем степени сё-дан (1-й дан).

Иногда я задумываюсь: почему ведущие сэнсэи каратэ и даже шире — будо (потому что в дзюдо тоже случались весьма странные решения) так презирают гайдзинов, в то время как японская публика, особенно интересующаяся боями без правил или кикбоксингом, относится к ним совсем иначе? На самом деле японские зрители обожают настоящих бойцов из Европы и Америки.

И вот еще о чем подумайте: разве не странно, что теперь, когда Оямы уже нет с нами, именно гайдзин — бразилец Филио — побеждает на чемпионате мира? Но при этом на так называемом чемпионате мира по версии Кёкусинкай-кан Мацуи (да-да, теперь существует штук пять или даже больше разных Кёкусинкаев в одной только Японии) рефери снова были японцы, и когда японец трижды наносил жесткие удары в лицо своего оппонента — гайдзина, японский рефери не сделал ему замечания, но как только гайдзин сделал ошибку, тут же наказал его тьюи, что повлекло за собой поражение в схватке, и все это могли видеть в прямой трансляции. Японцы никогда не учатся, никогда не признают ошибок и всегда проявляют высокомерие — даже при поражении.

Японская традиция признает присвоение мастерских степеней за успехи в овладении боевыми навыками только до степени 5-й дан, которую можно получить довольно быстро, даже в дзюдо, — нужно только выигрывать все соревнования, в

которых участвуешь. Потом, когда вы перестанете участвовать в соревнованиях, вам могут присвоить 6-й дан—как учителю. Но после этого вам придется многие годы ждать каждой новой степени, и в течение всех этих лет вы должны будете активно трудиться на почве преподавания и организации и оказывать помощь хомбу. Следовательно, подняться за три года с 4-го дана до 8-го—это оскорбление для будо и для всех честных будока, которые соблюдают правила. А делать отдельных обладателей 1-го кю, которые сами едва ли могут поспать, 3-ми данами и вручать им инструкторские лицензии, необходимые для открытия додзё, чтобы увеличить число членов организации,—самый грязный бизнес, который не имеет ничего общего с настоящим будо. Нет, благодарение моим счастливым звездам, что я не принял бесчестного предложения Мацуи о сотрудничестве в 1994-м году.

Теперь еще хочу сказать о бразильце Филио, который произвел на меня хорошее впечатление и который является сильным, жестким бойцом, нокаутировавшим Анди Хуга. Он—действующий чемпион мира по версии хомбу Кёкусинкай-кан (во время публикации книги—перев.). Но в то же время он не смог устоять перед парнями моих прежних учеников, которые уже на протяжении ряда лет выступают в соревнованиях К-1, такими, как Ян Плас, Йохан Вос, Торн Харинк и др. А в боях без правил Филио был побежден учениками моего лучшего ученика Криса Дольмана и представителем Международного союза будокай-кан Сэмом Схилтом.

Я так устал от всех этих бессмысленных историй! Закройте пасти и выходите на татами, покажите, что можете драться! Докажите, что вы хороший учитель! Если это так, то—о'кей, это чудесно. Но все-таки держите рты закрытыми и не сочиняйте историй о том, какие

вы классные бойцы и как много быков победили. И еще, помните, что быть хорошим учителем почти всегда важнее, чем быть хорошим бойцом, потому что приходит время—рано или поздно, когда с соревнованиями приходится заканчивать, и тогда встает вопрос: а что делать дальше? Мой бывший ученик по дзюдо Виллем Рюска—хороший пример того, что может произойти, когда с борьбой покончено, а как тренер ты потерпел полное фиаско: теперь ему остается только курить сигары и пить.

И вот мы дошли до так называемого «кумитэ с сотней противников». Именно я подал идею этого теста в 1960-м году на встрече, на которой обсуждалось будущее Кёкусинкай не только в Японии, но и, прежде всего, в Европе, где в 1959-м году о каратэ еще и не слыхивали. Мы, то есть я, Ояма, Курасаки и Билл Бахус, обсуждали набор требований для получения степени сёдан (1-й дан) в Кёкусинкай-кан. Я предложил, что претендент должен провести бои, по крайней мере, с 30 противниками. Ояма сказал, что этого недостаточно, тогда я предложил увеличить численность противников до 50 человек. Но старина Ояма, который всегда был хорошим пиарщиком и любил устраивать публичные шоу, тогда сказал: «Нет, претендент должен драться с сотней противников!» Ну, я согласился, что это будет хороший тест, по крайней мере, с точки зрения выносливости, и поскольку претендент не обязан выиграть какое-то определенное количество схваток, то все о'кей. Насколько я знаю—и у меня есть много свидетелей,—никто никогда не прошел этого теста, по крайней мере, до 1975-го года, и я почти уверен, что это не удалось никому и впоследствии. Утверждают, что это сделали Филио, Мацуи и Рояма. Ну, что же, я спросил об этом Ояму в 1983-м году в Сеуле. Он просто улыбнулся и дал свой знаменитый «обезьяний» дежурный

ответ. При этом присутствовал генерал Чи, представитель Корейской ассоциации ветеранов армии, и корейский тренер по дзюдо Чой Ин До, 8-й дан.

И уж конечно, этого теста не прошел брехун Люк Холландер, хотя, благодаря тому, что он кое-что подзабыл, Ояма сказал ему, что он прошел тест успешно. Люк дошел до 29 противника, а потом поехал в госпиталь, потому что к тому времени его бы уже и мама родная не узнала—с порванными губой и ухом, расплюснутым носом и черными и синими синяками по всему телу, а между тем большинство его противников были белые пояса. При этом присутствовало много людей, и они еще живы сегодня.

А вот эта история дошла до меня на этой неделе.

Блюминг, который уже показал себя зверем в Кодокане, где он отлупил практически всех, захотел заняться каратэ и отправился в додзё Сётокан, вломил там всем напуганным каратэкидам (karate-kid) и преисполнился к сётокановцам чувством отвращения. Потом он отправился в додзё Оямы Кёкусинкай-кан и так вломил там всем, что все аж обоссались. В отчаянии они призвали Ояму, который помчался в додзё, потому что там здоровенный гайдзин уже практически всех поубивал. Когда Ояма явился в додзё, он сказал: «Так ты хочешь драться? Тогда дерись со мной!» И потом Ояма продемонстрировал свое подавляющее превосходство в технике и тактике и нокаутировал меня, нанеся последний удар по яйцам. При этом он произвел на меня такое офигенное впечатление, что я тут же стал его учеником.

Все это было бы очень здорово, если бы... было правдой!!! На самом деле все было совсем не так!

Повторюсь еще раз: единственный, кому удалось побить меня в первые недели пребывания в додзё Кёкусинкай-кан, был сэнсэй, который произвел на меня чертовски

большое впечатление и учил меня каратэ с самых азов, кто позднее стал моим лучшим другом и советчиком и даже в течение почти целого года преподавал в моем додзё в 1966-м году. И это был Куросаки Кэндзи, 10-й дан Будокай-кан, которому, по моему мнению, Мацуи не достоин даже чистить ботинки.

Правда состоит в том, что на следующий вечер после того, как я ушел из додзё школы Сётокан в Суйдобаси, преисполнившись чувством омерзения по отношению к ее членам, потому что они были просто высокомерными, но трусливыми детишками, я вместе с Донном Дрэгером и Биллом Бахусом отправился в додзё Кёкусинкай-кан, которое в те дни находилось на задворках университета Рикю и было не больше стандартной европейской гостиной, располагаясь на первом этаже многоквартирного жилого дома с открытым туалетом прямо у входа в додзё. Билл и я были первыми гайдзинами, появившимися в додзё Оямы, и он был очень польщен, когда услышал, что голландский чемпион по дзюдо хочет учиться у него каратэ. Прошло не более часа, как мы уже облачились в каратэги, и... Я не знаю, откуда все они взялись, но уже через 10 минут додзё было забито газетчиками и фотографами. Вот и все!!!

И прошло еще несколько недель, прежде чем я действительно вломил там всем, заставив их обоссаться, но я никогда не сходилась в кумитэ с сэнсэем Оямой. Я любил Ояму за то, как он учил меня жить с каратэ. За то, как он терпеливо учил меня всем этим ката (я любил драться и ненавидел эти бабьи танцы). За то, что он был мне как отец и всегда помогал в трудных ситуациях. Сэнсэй был лучшим учителем каратэ и тренером чемпионов, какого я когда-либо встречал. Он мог запугать тебя до ужаса, а мог вселить в тебя дикую энергию. В те дни его нельзя было не любить, и я был готов пройти с ним

сквозь огонь. Но я никогда не видел, чтобы он дрался хоть с кем-нибудь. В те дни дрались Куросаки и Фудзихира, Фудзивара и я. А сэнсэй был великим сосаем—президентом-основателем, стоящим над всем этим, он был духом, но не бойцом Кёкусина. Я никогда не занимался кумитэ в каком-либо виде с сэнсэем. И было бы большой глупостью болтать о том, что могло бы произойти, если бы мы сошлись в бою. Не забывайте, что сэнсэй совершенно не знал техники борьбы на земле или боя вплотную, каких-либо бросков и иных приемов, в которых я был настоящим экспертом, и единственный, кто рискнул испытать меня в бою, был Фудзихира. Было это в 1966-м году, но он весил всего около 65 килограммов, а я—102 килограмма, так что мне не приходится гордиться этой победой.

Короче, вы можете засунуть эти истории туда, куда не достигают лучи солнца. А я перейду теперь к следующему пункту.

Во время одного мероприятия, которое устроил новый Кёкусинкайкан в Париже, какой-то низкопробный англичанин, который даже еще не родился, когда я уже имел 8-й дан по каратэ и 7-й дан по дзюдо, рассказал на весь набитый зрителями зал, что Ояма в свое время убил 47 быков. Я чуть не захлебнулся своим коньяком и расстроил свою супругу. Забудьте эту туфту, послушайте, как все было на самом деле.

Ояма в свое время был сильным человеком, и он действительно думал, что может сразиться с быком. Ну, может быть, только с небольшой помощью. И вот в 1952-м году в городе Татэяма он устроил шоу.

Во-первых, бык на самом деле был волком, а это—большая разница. Он был жирный и ленивый из-за своего преклонного возраста и любил людей, потому что они многие

годы кормили его и заботились о нем. Этот вол и не собирался драться, в нем не было злобы. И когда Ояма атаковал это животное, оно просто испугалось и не знало, что ему делать, и, уж во всяком случае, не собиралось драться. Все, что вы можете увидеть в фильме, который был тогда снят,—совсем немного борьбы, абсолютно глупой и бессмысленной, если Ояма действительно собирался убить животное. Потом Ояма остановил вола, чтобы нанести удар по рогу. Он рассчитал свои движения так, чтобы схватить только один рог, потому что другой, как рассказал мне в 1995-м году Куросаки во время его визита в Голландию, он лично расшатал молотком ранним утром, чтобы гарантировать сэнсэя от всяких неприятных сюрпризов. Поэтому рог обломился, и на этом все закончилось. На самом деле Ояма не убил животное, его убили позже на живодерне. Кроме того, это был первый и последний раз¹, когда он сражался с так называемым «быком».

Когда Ояма показал Биллу и мне этот фильм в 1959-м году, я был просто поражен, потому что он выглядел в нем так идиотски, что я сказал ему, чтобы он никогда никому из иностранцев не показывал этот фильм, потому что из-за их смеха ему придется покинуть свое додзё. Я никогда не слышал, чтобы он когда-нибудь еще показывал этот фильм целиком после этого случая, но, тем не менее, вы можете увидеть его крохотные кусочки на кассетах, посвященных биографии Оямы.

Но все, что вы там увидите,—немного борьбы и удар по рогу. Найдется ли кто-нибудь, кто хоть на секунду усомнится, что если бы Ояма действительно дрался еще с 46-ю настоящими быками, то эти фильмы были бы во всех фирмах, продающих видеокассеты, и у каждого любителя каратэ, а его бабушка доставала бы всех с этими фильма-

¹ Тут Блуминг не прав, потому что имеющиеся фотографии, запечатлевшие бой Оямы с быками, явно сделаны не в одном месте и в разное время—прим. переводчика.

ми до самого второго пришествия, тогда как все ученики превозносили бы их до небес, потому что им очень хочется нагреть руки на наследии Оямы?

Я сказал Ояме, что если бы он действительно хотел сделать себе имя, убивая быков, то ему следовало бы поехать в Испанию и сразиться с каким-нибудь из тех бычков, которые весят вполровину меньше этого вола, но обладают гораздо большей энергией. А Ояма мне ответил, что он — не полный шизик, чтобы пробовать это, и что устраивать подобные шоу возможно только в Японии, где любят легенды, где все принимают за чистую монету и никогда не пытаются доискаться до истины.

Но так обстоит дело не только в Японии. Как-то раз, просматривая журналы о китайском виде будо, который называется «ушу», я обнаружил статейку о том, что мастер такой-то и такой-то умер в возрасте 95 лет, что он был известен своей силой и мастерством в ушу, что в дни юности он столкнулся с тигром за деревней в горах на песчаной дорожке и был вынужден сразиться с этим животным и с легкостью убил его голыми руками.

В другом журнале говорилось о знаменитом мастере ушу, которому теперь тоже за девяносто, что он в молодости убил горного медведя, от которого не мог убежать.

Такие идиотские истории вы встретите только в Азии, потому что европейцы слишком умны, чтобы в них верить, и именно поэтому японцам постоянно надирают задницы, особенно в каратэ и в боях без правил, и отняли у них большинство титулов в дзюдо в наши дни. Я люблю японцев, но не могу проходить мимо подобных поступков, из-за которых они выглядят смешными.

И еще. Ояма мог собрать большое количество белых поясов, новичков, и за определенное время сделать из них бойцов или людей, способных постоять за себя, пото-

му что они, благодаря старому сэнсэю, обрели уверенность в себе. И мне больно слышать все эти истории, потому что все знают, что это — чушь, и что, рассказывая их, мы выставаем сэнсэя полным болваном, а он таким, конечно же, не был! Он много чудачил, особенно в последние годы, но это происходило отчасти и потому, что его иностранные ученики, которые хотели за его спиной сделать имя для самих себя, поили его допьяна и возили в качестве живого аттракциона. Лучшими примерами в этом смысле были Люк Холландер и Бобби Лоуи.

Ояма начинал учиться каратэ у Ямагути, получил в его додзё чёрный пояс, а потом решил основать свой собственный стиль и назвал его Кёкусин — «Абсолютная истина». Целью его было создать большую организацию и еще — заработать много денег, и он, безусловно, смог достичь этого, главным образом благодаря помощи Курасаки Кэнзи, потому что без Курасаки Ояма никогда бы не достиг успеха.

И все это значит, что он никак не мог учиться целых 20 лет у самых знаменитых мастеров, чтобы приобрести свои знания. Ояма был на 10 лет старше меня, он служил в японской армии с 1940-го (с 17 лет) по 1945-й год, причем с ним обращались очень сурово, потому что он был корейцем. Он начал заниматься каратэ в 1947-м году, когда ему было 24 года, а свое додзё открыл около 1952-го года, т.е. всего через 5 лет после начала занятий, и эти 5 лет он провел в додзё Ямагути.

Его так называемые «схватки с быками» были просто трюком для привлечения внимания к новому стилю.

Утверждают, что он выиграл полноконтактный чемпионат Японии по каратэ в 1947-м году в Киото. Но это совершенно невозможно, потому что во время оккупации Японии при генерале Макартуре было категорически запрещено заниматься каким бы то ни было ви-

дом будо, особенно каратэ². А когда японцы возобновили занятия, они походили на любовные игры, потому что никому не разрешалось бить в контакт на тренировках, а позднее, около 1950-го года, — и на соревнованиях. В марте 1959-го года у меня были проблемы с сётокановской Японской ассоциацией каратэ (ЖКА) в Суйдобаси. Тогда это была компания пидеров, которые не особо изменились к лучшему с тех пор, состязаясь с европейцами, они даже ни разу не смогли выиграть чемпионат мира по собственному стилю!

Так откуда же все эти истории? Тот, кто им верит, поступает очень глупо, потому что любой с нормальными мозгами поймет, что все это — неправда!

Рассказывали, что Ояма и я вычистили все бары, где выпивали якудза, и японцы даже выпустили целую серию комиксов об этой истории, в которой они именуют меня «зверем из Амстердама». Вы можете посмотреть эти книжки. Вы увидите там всех этих гангстеров с коротенькими мечиками и пистолетами и меня, укладывающего их десятками... Да даже если бы я действительно сделал что-нибудь подобное, то меня арестовали бы и через пару дней или, скорее, неделю посадили на самолет, летящий на родину, и я бы уже никогда не смог вернуться в Японию!

На самом деле, эту историю стали рассказывать после того, как я задержал двух гангстеров с маленькими ножичками, которые они вытащили, когда я нагнал их после погони. Выглядели они при этом (когда я — двухметровый гайдзин с весом в 102 кг — зарычал на них) страшно напуганными. А все произошло по недоразумению: мы с моим другом Биллом решили, что у них что-то случилось с автомобилем, и просто хотели им помочь, но оказалось, что машину они ук-

рали с одной из американских военных баз и потому пустились наутек. К несчастью для них, в те дни я мог перегнуть практически любого, и именно поэтому им пришлось вытащить свои детские ножички, а мне — вогнать им зубы в пасти. Билл и я получили по золотой полицейской медали за мужество, проявленное при недоразумении...

Когда через много лет я узнал о том, что у Оямы был 10-й дан, то спросил Люка Холландера и Стива Арнейла, которые оба имели по 7-му дану, присвоенному хомбу, подписывали ли они какие-нибудь бумаги на этот счет и информировал ли их кто-нибудь по поводу присвоения 10-го дана сэнсёю. Они выразили такое же удивление, как и я, потому что ничего об этом не слышали. Это типично для японцев. И поймите меня правильно! Сэнсэй, конечно, давным-давно должен был бы получить 10-й дан. Но зачем нужно было так подло и высокомерно поступать с европейцами и американцами, не пригласив их на большую церемонию, не соблюдая правил, которые... сэнсэй, Куросаки и я разработали в 1960-1961-м годах?

Нечего удивляться, что Куросаки Кэндзи, как он рассказал мне в 1995-м году, в начале семидесятых, так же, как это сделали очень многие действительно хорошие будока в последующие годы, разочарованный ушел из хомбу. Когда я рассказывал эту историю Биллу, он сказал: «Я был там и знаю, что в кумитэ с сотней противников ты бы просто поубивал этих несчастных ублюдков, потому что все они были как дети. И я знаю, что там в один вечер не было больше 35 каратистов». И нет ничего удивительного в том, что во время моего экзамена (хотя я на этом настаивал) Ояма не захотел и слышать о кумитэ с сотней противников, точно так же, как он

² Здесь Блюминг также не прав, потому что официального запрета на занятия каратэ не было — были запрещены дзюдо и кэндо, а о каратэ оккупационная администрация, видимо, вообще просто ничего не знала — прим. переводчика.

не захотел слышать об этом и тогда, когда с сотней противников пожелал сразиться Ян Калленбах—мой лучший ученик по каратэ в те дни, который просто устроил бы там живодерню.

И нет никакого знака небес в том, что вы никогда не слышали подобных бредовых историй о таких бойцах, как Анди Хуг, Эрнесто Хуст, Петер Артс, Ян Плас, Крис Дольман, Роб Каман, или даже о нынешнем чемпионе Филио. Разумеется, им такие истории просто не нужны, потому что они—действительно легенды, благодаря своему замечательному будо, которое они практиковали все эти годы.

Берегитесь баек! Инструктор Японской ассоциации каратэ (ЖА) Эгами Сигэру написал в своей книге, что он однажды ударил кулаком самому здоровому и сильному каратэка-иностранцу в живот, после чего этот иностранец сказал, что готов поверить чему угодно, что ему скажет Эгами. Мне передавали, что многие впоследствии считали, что этот каратэка-иностранец—я. Но это не так. В действительности, Эгами был одним из тех, кто побоялись драться со мной в Сётокане в 1959-м, а это было до того, как я начал изучать каратэ³.

Писали также, что я обменивался ударами в живот с тайваньским мастером ушу по имени Ван И-сян. Но это не совсем так. В 1960-м году Донн Дрэггер узнал, что Ван, друг Боба Смита, приехал в Японию, и мы вместе отправились познакомиться с ним. На меня Ван И-сян большого впечатления не произвел: обычный общительный китаец с большим животом. Потом, когда он и Донн немного поболтали, Ван предложил мне ударить его кулаком в живот. Я ударил как только мог,

но это не произвело на китайца никакого действия—вспомните, что тогда я только начал изучать каратэ, и он не сдвинулся ни на миллиметр (что само по себе не представляет ничего особенного—это доступно многим толстякам). Потом он продемонстрировал мне несколько приемов, в том числе винтовой удар кулаком, которым он владел. Этот удар был достаточно сильным, чтобы отбросить меня к стене. Но все-таки обменяться парой ударов—не значит подражаться по-настоящему, так невозможно реально оценить, кто что умеет.

Есть еще одна история, но правдивая—о том, как Донн водил меня в додзё каратэ Годзюкай Ямагути Гогэна в Токио. Ко времени этого визита я уже прозанимался каратэ пару лет и, будучи вполне уверен в своих силах, сразу после представления вызвал сына Ямагути, того, что был реальным старшим инструктором, на поединок. Но старик оглядел меня, улыбнулся и сказал: «Да ты слишком сильный и слишком здоровый». Он даже не знал, кто я такой, но, оглядев меня, посмотрев, как я стою и двигаюсь, сразу все понял. Потом Донн рассказал ему о моих занятиях с Оямой. Выслушав его, Ямагути предложил мне работать на него—распространять Годзюкай каратэ за границей. В ответ я напомнил ему историю 47 ронинов и спросил, как бы он себя чувствовал, если бы он был моим учителем, а я перешел к Ояме, потому что Ояма пообещал мне присвоить новый дан. Я спросил его, может ли честный человек поступить таким образом. Ямагути снова улыбнулся и сказал, что я—настоящий будока. С этого момента я полюбил старика, и мы оставались друзьями до самой его смерти.

³ Эгами Сигэру не был инструктором Японской ассоциации каратэ (ЖА), а являлся одним из лидеров конкурирующей с ней организации—Сётокай. Блюминг, очевидно, путает.

АКАДЕМИЯ ТРАДИЦИОННОГО ДЖИУ-ДЖИТСУ КЁДЗИЦУ ДЗИССЭН БУДО 虚実実戦武道

Центральное представительство Ассоциации джиу-джитсу
Объединенного королевства Англии и Шотландии (UKJJA) в России
Сертифицированное додзё Ассоциации воинской доблести Великой Японии
(Дай Ниппон бутoku кай)

Академия традиционного джиу-джитсу Кёдзицу дзиссэн будо—официальное сертифицированное додзё Дай Ниппон бутoku кай (штаб-квартира в Киото, Япония)—организации, имеющей долгую историю выдающегося мастерства, хранительницы наследия боевых искусств Японии.

Академия стремится к реализации идеала бумбу рёдо—пути кисти и меча, совершенства в культурном развитии и боевом мастерстве. В бесконечном стремлении к совершенству особое внимание уделяется сохранению традиций, наследия, знаний и ценностей, ассоциируемых с классическими боевыми искусствами Японии, постижению добродетели через глубокое познание будо и напряженные тренировки, получение должного знания и развитие необходимых навыков, а также воспитанию правильной системы ценностей.

Для членов Академии, изучающих боевые искусства, жизненно важным и абсолютно критичным является бескорыстное и безустанное посвящение себя этим благородным устремлениям. Мы рассчитываем, что каждый член Академии будет стремиться к тому, чтобы стать эталоном совершенства не только боевой доблести, но и добродетели.

Президентом Академии традиционного джиу-джитсу Кёдзицу Дзиссэн будо является Арабаджиев Александр Дмитриевич, 6-й дан джиу-джитсу и кобудо, кёси Дай Ниппон бутoku кай, официальный координатор деятельности международного отделения Дай Ниппон бутoku кай в России, официальный представитель UKJJA в России.

Додзё Академии:

Москва, ул. Литвина-Седого, стр. 3 а, «Московский Будокан»

web: <http://www.budocenter.ru>

e-mail: arabadjiev@mail.ru

ФЕДЕРАЦИЯ НОКДАУН КАРАТЭ

www.knock-down.narod.ru

E-mail: YanovAV@rambler.ru

Факс: 8 (095) 373-42-29 Тел. 8-916-654-88-22

Ярким явлением в мире каратэ послевоенной Японии стало рождение, благодаря таланту и незаурядным организаторским способностям великого корейца Ояма Масутацу (27.07.1923—24.04.1994), нового стиля—Кёкусинкай. Ошеломляющее шествие Кёкусинкай по планете произвело переворот в мире будо и послужило толчком для создания многих стилей единоборств, располагающих своими системами духовного воспитания, большую часть которых можно объединить под емким названием «нокдаун каратэ».

Двумя наиболее популярными в Европе стилями нокдаун каратэ являются Кёкусин будокай-кан и Асихара каратэ.

Организация Кёкусин будокай-кан (Kyokushin Budo Kai Kan, BKK) была организована в 1980-м году старым соратником Ояма Масутацу сэнсэем Йоном Блюмингом. Она культивирует «универсальное каратэ»—комбинацию Кёкусин каратэ, кикбоксинга и дзюдо.

Неоценимый вклад в развитие мирового каратэ внес великий мастер боевых искусств Японии Асихара Хидэюки (1944—1995), создавший в 1980-м году новую международную организацию каратэ — Асихара кайкан.

В 1985-м году сихан Дэвид Кук, до того связанный с Международной организацией Кёкусинкай, заинтересовался системой Асихара и с 1987-го года начал развивать ее в Европе. В феврале 1991-го года сихан Кук был приглашен в Россию, в Иркутск, где продемонстрировал технику Европейского Асихара-каратэ. Это явилось началом деятельности Европейской организации Асихара-каратэ в России.

9 января 1996-го года в результате слияния организации кантё Йона Блюминга «Кёкусин будокай-кан» и организации сихана Дэвида Кука и сихана Дэйва Йонкерса «Асихара Интернешнл

Каратэ» образовалась новая мощная международная организация—INTERNATIONAL BUDO KAIKAN (IBK, Международная организация будокай-кан). Идеей IBK стала подготовка универсального бойца, способного успешно выступать по любым правилам соревнований и на любых турнирах любых контактных единоборств. Так, воспитанник IBK, обладатель 4-го дана Сэм Схиат стал 3-кратным чемпионом мира по Дайдодзюку, 9-кратным чемпионом по панкратиону, неоднократным победителем турниров K-1 и т. д.

В 2002-м году в результате разногласий между кантё Блюмингом и сиханом Куком, связанных с организационной работой в IBK, Дэвид Кук и часть его последователей вышли из состава организации. В этой ситуации руководство российской Федерации нокдаун каратэ (А. Янов, Ю. Хренов, С. Семенов, А. Зайцев, А. Башлыков, А. Зыкин, Э. Виноградов, С. Безруков, М. Прядин, Г. Астафьев) приняли решение остаться в международной организации IBK.

25 апреля 2004-го года на конференции в Москве Йон Блюминг официально объявил об открытии представительства стиля Асихара Будокай в России, входящего в организацию IBK. Движение Асихара, выступающее под знаменами IBK, получило название «Ashihara Budo Kai». В основу этой системы легло учение наставника Асихара Хидэюки, а также система боевой подготовки Кёкусин Будокай-кан.

В настоящее время организация IBK объединяет несколько направлений (Кёкусин каратэ, Кёкусин Будокай, Асихара Будокай и т. д.), 150 додзё в Японии, России, Дании, Англии, Германии, Нидерландах, Эфиопии, Израиле, Молдавии, Испании, Шри-Ланке, Беларуси, Польше, Швеции и Украине. Часть входящих в нее школ развивает исклю-

極真空手道 武道心会

КЁКУСИН КАРАТЭ
Клуб «Будосин кай»

Обучение по традиционным, современным
спортивным и прикладным аспектам Кёкусин
каратэ. Аттестации, семинары и тренировочные
лагеря в России и за рубежом. Группы для разных
возрастных категорий и уровней подготовки.

Москва, ул. Днепропетровская, д. 25, корпус «А». Школа № 861
(метро «Чертановская», «Южная», «Пражская»)

Тел.: 922-59-20

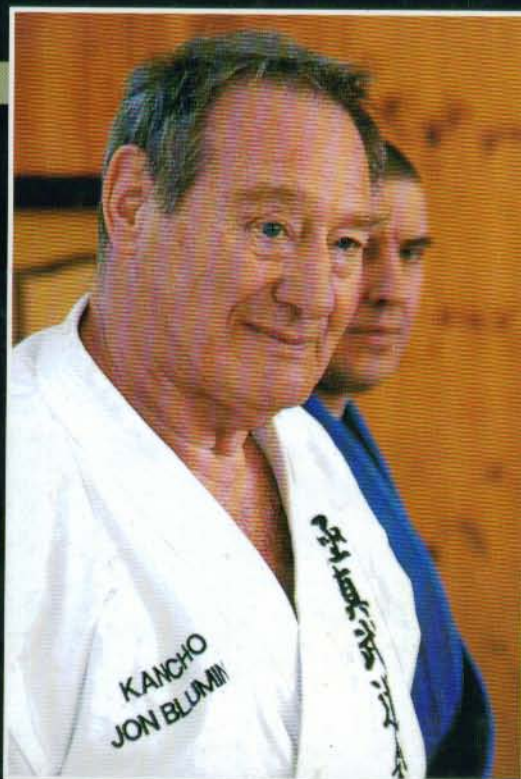
e-mail: kokin1@comtv.ru

www.budoshinkai.ru

極真會

Оглавление

Предисловие президента ассоциации «Московский будокан» С. А. Косоротова.....	3
От переводчика	8
Посвящение.....	9
Слова благодарности	10
Краткая история каратэ Кёкусинкай в Нидерландах.....	13
Глава 1. Детство.....	19
Глава 2. В морской пехоте.....	24
Глава 3. На войне в Корее.....	28
Глава 4. Снова в бой	40
Глава 5. Дзюдо—моя первая любовь	49
Глава 6. Через Канаду—в Японию	59
Глава 7. На родине будо.....	68
Глава 8. Преподавание будо в Голландии.....	147
Глава 9. Я ухожу в сторону	203
Глава 10. IBK—Международный союз Будокай-кан	218
Сегодня и завтра... Вместо заключения	247
Легенды: «все лучше и лучше с каждым разом».....	259

На протяжении полувека обладатель 10-го дана каратэ Кёкусинкай и 9-го дана дзюдо, тренер многих чемпионов по самым разным единоборствам Йон Блюминг был в самой гуще событий мирового движения будо, и сегодня его свидетельства представляют огромную историческую ценность. Тем более что автор мемуаров стремился рассказать обо всех эпизодах, имевших зачастую судьбоносное значение для самых крупных и уважаемых международных организаций и школ, максимально честно и подробно, не боясь поколебать чей-то авторитет.

Книга «От уличного хулигана до десятого дана» не имеет никаких аналогов, стоит особняком среди всяческих «автобиографий» чисто пропагандистского толка. Она показывает не только красивую обертку будо, какую видит непосвященный, но реальную, обычно скрытую жизнь этого интереснейшего, но очень сложного мира.

чительно ударную технику, другая—смешанную ударно-бросковую. Результаты различных сборов и международных лагерей доказывают жизнеспособность такого подхода и демонстрируют возможность существования нескольких школ в рамках одной большой организации.

Ежегодная международная летняя школа IBK, проходящая в Венгрии, позволяет осуществлять обмен знаниями и опытом между ведущими мастерами будо как в техническом аспекте (кихон, ката и т. д.), так и в области подготовки спортсменов. Школа проходит под руководством кантё Бюминга (10-й дан), братьев Гордо (оба 9-е дан), Иштвана Адами (8-й дан) по таким направлениям, как Кёкусин будокай-кан, Асихара будокай, джиу-джитсу, микс файт и т. д. Регулярные турниры в рамках IBK предоставляют спортсменам возможность проверить свое техническое мастерство и боевой дух.

Федерация нокдаун каратэ (ФНК) является официальным представителем IBK в России. Федерация развивает и координирует работу в России официальных стилей IBK: Кёкусин каратэ, Кёкусин будокай и Асихара будокай. Руководит Федерацией президиум.

Официальным представителем Асихара будокай в России является сэмпай Александр Янов (2-й дан Асихара будокай, президент ФНК г. Москвы). Техническим директором Асихара будокай ФНК по России—сэнсэй Сергей Семенов (4-й дан Асихара будокай, победитель Кубка мира, призер международных соревнований, чемпион России). Техническим директором Асихара будокай ФНК по Поволжью является сэнсэй Эдуард Виноградов (3-й дан Асихара будокай, призер междуна-

родных соревнований, неоднократный чемпион России).

Официальным представителем Кёкусин будокай в России является сихан Юрий Хренов (5-й дан Кёкусин будокай). Техническим директором Кёкусин будокай в России—сэмпай Михаил Прядин (2-й дан Кёкусин будокай). Главным тренером сборной Кёкусин будокай России является сэмпай Кирилл Грабко (2-й дан Кёкусин будокай). Ответственный за проведение соревнований Кёкусин будокай в России—сэнсэй Вадим Резников (3-й дан Кёкусин будокай). Начальником информационного отдела Кёкусин будокай в России является сэмпай Степан Иванов (1-й дан Кёкусин будокай).

Спортсмены Федерации имеют возможность ежегодно участвовать в международных чемпионатах, турнирах и кубках как по нокдаун каратэ, так и по боям без правил, панкратиону и микс файту, выезжать в летнюю школу в Венгрию. Помимо этого, в России проводятся регулярные открытые чемпионаты страны по нокдаун каратэ как среди взрослых, так и среди детей. Два раза в год Федерация нокдаун каратэ организывает летние и зимние школы, где все члены Федерации могут пройти тест от белого пояса (10-й кю) до черного (до 1-го дана).

Количество клубов Федерации нокдаун каратэ и численность занимающихся постоянно увеличивается. Нокдаун каратэ привлекает к себе своей разнообразной техникой и универсальностью в боевой подготовке спортсменов. Об этом свидетельствуют регулярные публикации в прессе и телевизионные трансляции с чемпионатов и турниров, проводимых Федерацией нокдаун каратэ.

С уважением, депутат муниципального собрания «Вешняки», президент Федерации нокдаун каратэ Москвы

А. В. Янов

Федерация нокдаун каратэ выражает благодарность муниципалитету района «ВЕШНЯКИ» за помощь в издании книги.

*Я во второй раз
выполняю обя-
занности тело-
хранителя нашего
возлюбленного
принца Бернарда в
день его рождения.
Июль 1991 г.*

*Фото на память
с моим бывшим
главнокомандующим.*

